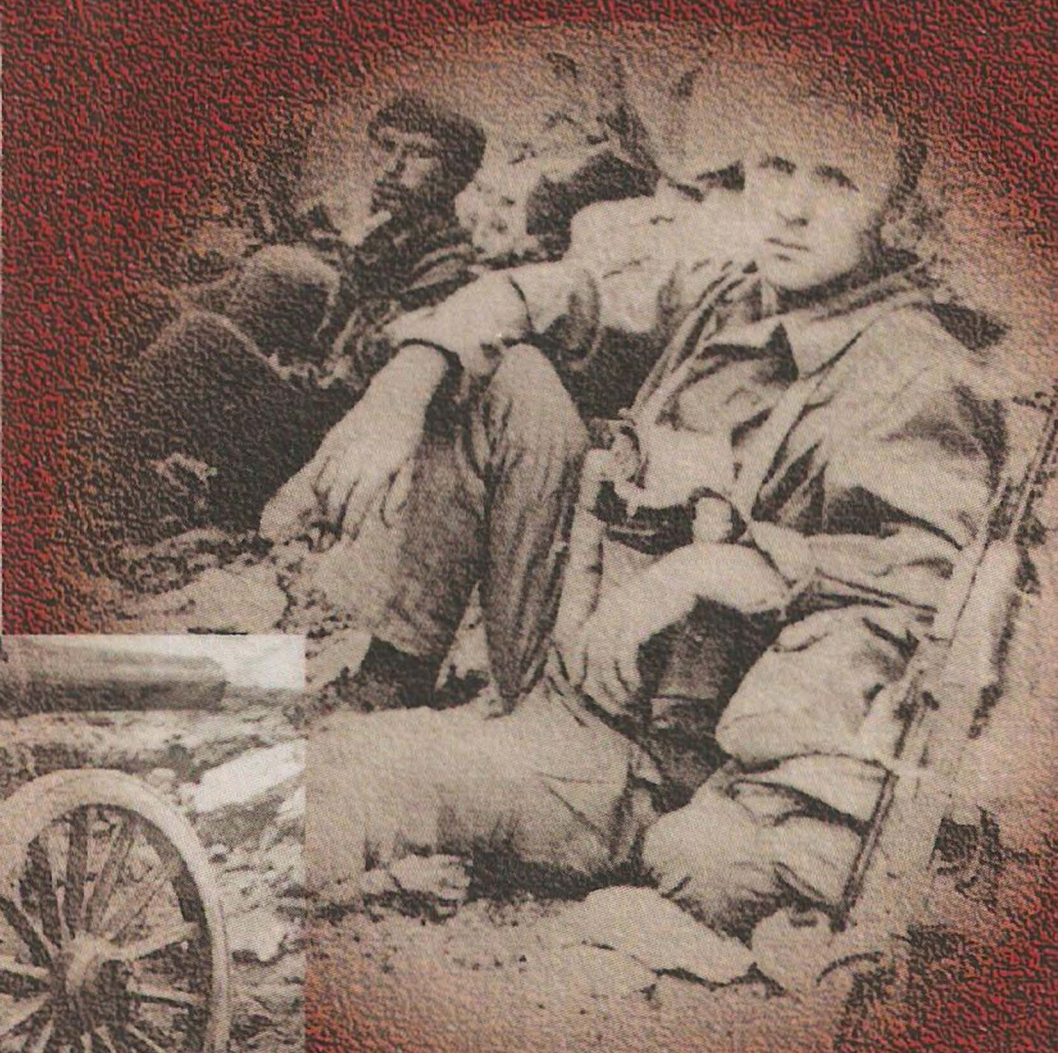

Historia
Russica

Е.С. Сенявская
А.С. Сенявский
Л.В. Жукова

Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века

Historia Russica

Институт российской истории
Российской академии наук

Е.С. Сенявская
А.С. Сенявский
Л.В. Жукова

Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века

Очерки по военной антропологии

Центр гуманитарных
инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2017

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

С31

Серия «Historia Russica» основана в 2015 г.

Редакционная коллегия серии:

Ю.А. Петров (председатель), Н.Е. Быстрова, С.В. Журавлев,
В.Н. Захаров, В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин,
В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

Серийное оформление: Ю.В. Балабанов

Книга подготовлена при финансовой поддержке

Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН

«Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

Рецензенты:

доктор исторических наук **В.Н. Земсков**,

доктор философских наук А.П. Назаретян

Сенявская, Е.С., Сенявский, А.С., **Жукова, Л.В.**

С31 Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века [Текст] : очерки по военной антропологии / Е.С. Сенявская, А.С. Сенявский, **Л.В. Жукова** ; под общ. ред. Е.С. Сенявской ; Институт российской истории Российской академии наук. — М. : Институт российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 422, [2] с. — (Historia Russica).

ISBN 978-5-8055-0318-5

Книга посвящена фронтовой повседневности отечественной армии в основных внешних войнах России и СССР в XX веке — Русско-японской, Первой мировой, Великой Отечественной, Афганской. В ней затрагиваются такие сюжеты, как психология боя и особенности военного быта, восприятие пространства и времени на войне, солдатские приметы и суеверия, фронтовая мораль и многие другие. Основанная на архивных документах и источниках личного происхождения — письмах, дневниках, воспоминаниях участников боевых действий, а также материалах глубокого интервью с ветеранами Афганистана, книга раскрывает «человеческий ракурс» новейшей военной истории.

Это издание будет интересно не только специалистам — историкам, психологам, культурологам, но и самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-8055-0318-5

© Сенявская Е.С., 2017

© Сенявский А.С., 2017

© **Жукова Л.В.**, 2017

© Институт российской истории РАН, 2017

® Центр гуманитарных инициатив, 2017

Оглавление

Вместо введения. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы (А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская)	7
Повседневность как одно из измерений истории общества	7
Предмет истории повседневности	9
Как изучать повседневность: методологический аспект	11
Фронтальная повседневность в современной историографии	14
Специфика изучения военной повседневности в целом и ее части — фронтальной повседневности	18
Военная антропология в изучении человека на войне	20
Категории, структура фронтальной повседневности войн XX века и источники для ее исследования	25
Глава 1. Русско-японская война 1904—1905 гг. (Л.В. Жукова)	53
Мобилизация	55
«Фронтальные дороги»	66
Бой	74
Болезни войны	80
Будни и праздники	87
Плен	105
Глава 2. Первая мировая война 1914—1918 гг. (Е.С. Сенявская)	161
Война как опасность	164
Солдатский быт	173
Фронтальная мораль	199
Тяготы плена	215

Глава 3. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. <i>(Е.С. Сенявская)</i>	253
Долгие версты войны	255
Психология боя	266
Фронтовой быт	277
Война у каждого своя	296
Женщина на войне	310
Глава 4. Афганская война 1979—1989 гг. <i>(Е.С. Сенявская)</i>	343
Восточная «экзотика»	345
Солдатские страхи и суеверия	358
Быт ограниченного контингента	372
Вместо заключения <i>(А.С. Сенявский)</i>	401
Приложение	413
Вопросы для интервью с участниками вооруженных конфликтов XX века	413
Материалы глубокого интервью с участниками Великой Отечественной и Афганской войн из личного архива Е.С. Сенявской	415
Список архивных и музейных фондов	418
Памяти Л.В. Жуковой	420

Вместо введения

Военная повседневность

как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы

Повседневность как одно из измерений истории общества

Общество — многомерно, тем более если его рассматривать в динамике, во временном измерении, то есть так, как это и призвана делать историческая наука. Общество существует в пространстве и во времени, причем и время, и пространство социально структурированы. Если брать только один «вертикальный» срез, то здесь присутствуют по крайней мере три уровня: макро-, мета- и микро-. В действительности их гораздо больше, потому что категориальное мышление, как правило, предельно упрощает рассматриваемые объекты исторического анализа. Если брать «горизонтальные», содержательные измерения, то их великое множество: экономика, социальные отношения, политика, этнические и конфессиональные компоненты, социокультурные явления, и т.д. Все это взаимосвязано и переплетено. Вырывать какую-либо тему и рассматривать ее как самостоятельный предмет исторического исследования можно лишь предельно условно: нужно всегда иметь в виду, что это лишь часть большого целого, хотя и в разной степени автономная, но преимущественно определяемая системными связями, в которые эта часть как элемент целого включена.

Кроме того, следует иметь в виду, что общество — «голографично». Это значит, что любой элемент общества как системы в любом его измерении всегда отражает — в конкретных отношениях и проявлениях — общество как целое и особенно те его подсистемы, в которые он непосредственно интегрирован.

После таких общих замечаний перейдем к анализу ключевых исходных понятий темы. Дело в том, что «повседневность» — это, во-первых, преимущественно область «микроуровня» истории, хотя им не ограничивается, а во-вторых, даже в единичных проявлениях повседневности как в голограмме проявляется вся совокупность существующих в данном обществе в данное время общественных отношений, включая мета- и макро-уровни¹.

Повседневность как специальная область исследований была выделена в гуманитарных и социальных науках и стала популярной относительно недавно. В российской исторической науке ее становление как относительно самостоятельной сферы знания началось лишь в начале 1990-х гг. и происходит на наших глазах². В действительности, многие ее основные аспекты рассмотрения, пусть и обозначаемые иными терминами (история труда, быта, отдыха и досуга, обычаев, различных срезов культуры и т.д.), чаще всего — в отдельных фрагментах — изучались давно и традиционно. Такой поворот в историографии в принципе соответствует логике развития науки, где «хорошо забытое старое» нередко подается как новое, к этой области привлекается повышенное внимание научного сообщества и она становится весьма популярной.

И здесь для конкретной отрасли науки, в данном случае для истории, есть как свои плюсы, так и минусы. Плюсы состоят в том, что в этой «старой-новой» области совершается немалый рывок в количественном накоплении знаний, а нередко и теоретико-методологические прорывы, происходит формирование новых концепций, вплоть до смены парадигмы отраслевого знания. Этот скачок может влиять на целую конкретно-научную область или даже на всю науку. Плохо, если всё сводится лишь к новой упаковке давно известного старого, то есть преимущественно к научному пиару и лоббированию модного направления. Минусы состоят также в том, что увлеченные своим предметом исследователи обычно забывают его ограниченность, рассматривая как самодостаточный, вне связи и общенаучного контекста. Исследователям повседневности стоит поостеречься излишней переоценки значимости их предмета при изучении истории общества. Конечно, повседневность «самоценна» как предмет массового читательского интереса, обычно имеющего склонность к бытовым подробностям жизни. Но нужно всегда отдавать себе отчет, что «повседневность» — всего лишь один «ракурс» рассмотрения общества, не способный дать решающей информации для понимания его исторической динамики, а лишь дополняющий, конкретизирующий научные подходы, вскрывающие его сущность.

Позитивность выведения категории «повседневность» на один из первых планов в современной мировой историографии заключается, прежде всего, в перенесении акцента с институциональной и макро-событийной истории на ее богатую конкретику, то есть переход от доминирования умозрительных схем и построений

к «истории подробностей жизни», а также к построению истории «снизу». Второй положительный момент — объединение в общий предмет широкой области отдельных сюжетов и тем исследований (быт, отдых, труд, гендерная история и т.д.). Таким образом, можно говорить о новой парадигме исторического знания, при которой факт реальной жизни приобретает качественно иное научное значение. В контексте этой парадигмы вместо «аналитичности» доминирует «описательность» (которая правомерно существует в данной области, но при том условии, что она не «абсолютизируется»).

Вместе с тем, излишнее увлечение повседневностью, гипертрофия значимости этой темы таит угрозу «расщепления исторической реальности», «размазывания», бесконечного фрагментирования истории, не избавляет от опасности схематизма, потому что повседневность тоже должна быть структурирована, а здесь возможны как действительно научный подход, так и субъективный произвол при выборе тем и ракурсов.

Предмет истории повседневности

Вычленение предмета исследования истории повседневности не является формальным актом: собственно, это — неперемное (и самое первое) условие, позволяющее констатировать, имеет ли область изучения основание претендовать на какую-либо продуктивность для всей науки или просто является бесплодным «умножением смыслов». Действительно, если такое вычленение не привносит чего-то качественно нового (например, по сравнению с традиционными историями труда, быта, досуга и т.д.), то «незачем и огород городить». Нет смысла выделять повседневность как отдельную область исследований и в том случае, если сводить ее к индивидуальным судьбам и биографиям, уникальным событиям и явлениям на микро-уровне, тем более — к «казусам». Речь ни в коем случае не о том, чтобы отказываться от подобных исследований, а о том, чтобы четко отдавать себе отчет: какое место они занимают в ряду «уникальное — распространенное — типическое». «Казусы» не делают историю, они ее украшают...

Вряд ли возможно ограничиться указанием на то, что повседневность — «сумма судеб» в прошлом и настоящем³, тем более свести изучение повседневности к области «нормативное — ненормативное (отклоняющееся, девиантное) поведение»⁴. Здесь встает

важная проблема: кто такой «простой» (массовый) человек — пассивный объект или субъект истории? Односторонний ответ будет неверен: с одной стороны, человек всегда включен в целый комплекс многоуровневых общественных отношений, является объектом воздействия «объективных» (для него!) условий, включая доминирующую, регулируемую, нормативную и т.д. роль государства. С другой стороны, повседневная деятельность людей приводит к количественному накоплению определенных изменений в обществе, которые (возможно, через века, иногда — через годы) приводят к качественным сдвигам, в том числе общественных и государственных норм.

Очень важно отличать повседневность «стабильного» общества, общества трансформирующегося и общества, находящегося в экстремальной ситуации (внутренних и внешних потрясений). Это будет разная повседневность: рутинная, меняющаяся (адаптирующаяся, приспособливающаяся) и «выживающая».

Повседневность не бывает абстрактной: крайне важен вопрос — чья повседневность, «кого», в какой стране, в какое время, какой этнической и социальной группы (или конкретного человека, входящего во все эти уровни и «срезы» исторической реальности).

Одним из главных признаков отнесения явлений к повседневности нередко называют будничность, обыденность, то есть повторяемость, как правило, изо дня в день (а нарушающее ритм — относят к «антиповседневности»)⁵, но вряд ли с этим можно согласиться: экстраординарность может рассматриваться как частное проявление «обыденного», отрицающее его, но находящееся с ним в одном уровне и «поле» реальности.

Одним из лучших определений истории повседневности, на наш взгляд, является определение Н.Л. Пушкаревой, по мнению которой предмет изучения включает сферу «человеческой деятельности во множестве историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстов»⁶. Но и оно требует некоторых важных уточнений.

К существенным признакам «повседневности» можно отнести «непосредственность» жизни, сочетание объективных ее проявлений и субъективных переживаний (осмыслений и т.д.), связанных с ценностной значимостью повседневного для индивидуума (социальной группы), включенность «повседневного» в многоуровневые и многозначные контексты. Таким образом, понятие «повседневность» можно определить, как «низовой» уровень непосредствен-

ной жизни людей в многообразии ее объективных и субъективных проявлений, вписанной в территориальный и исторический контекст конкретного социума, независимо от того, уникальным, повторяемым или даже типичным является описываемое явление (хотя типичное для изучения повседневности социальных категорий, и особенно «простых» людей, представляет для историка наибольший интерес).

Предметом исследования исторической повседневности являются мысли и чувства, ценности и нормативы, деятельность и поведение (включая их мотивы и стимулы), отношения и общение людей на микроуровне, но в широком социальном контексте общественных отношений, процессов и событий, этно-конфессиональных связей. При таком подходе повседневность действительно предстает как самостоятельная область исследований, выделение которой является научно целесообразным, поскольку дает качественно новый ракурс изучения истории в «человеческом измерении», охватывающем все сферы и проявления реального бытия людей в «непосредственном виде», в конкретных проявлениях.

Структура жизни конкретной личности (или социальной группы) является своеобразной «матрицей» структуры повседневности (профессиональная, общественная, личная, семейная и т.п. жизнь).

Как изучать повседневность: методологический аспект

Основные подходы к изучению истории повседневности были выработаны в зарубежной историографии. Первый из них, рассматривавший повседневность как часть макро-исторического контекста, получил развитие во Франции в трудах М. Блока, Л. Февра и особенно Ф. Броделя, который противопоставил макро-структурам «структуры повседневности»⁷. Вторым подходом, разрабатывавшимся преимущественно историками Германии и Италии, сосредоточил усилия ученых на изучении «малых жизненных миров» и микро-истории⁸. При всех различиях, оба подхода объединены одним принципом — изучением «истории снизу», причем со временем происходило их взаимное дополнение, а в той степени, в какой они совместимы — взаимопроникновение и обогащение. Обозначим методологические позиции авторов данной книги по этим проблемам.

Казалось бы, тот срез исторической реальности, который отражается понятием «повседневность», всецело принадлежит «микро-истории», является прерогативой «фактографии» и предельной конкретики, поскольку речь идет — в ряду прочих аспектов — о мельчайших проявлениях жизни людей. Однако, если придерживаться действительно научного подхода, это далеко не так.

Создать полную историю — значит, воссоздать всю совокупность каждодневной жизни всех членов общества. Но это абсолютно ирреальная (да и не нужная) задача. Историческая наука в принципе не может воссоздать реальность жизни во всей ее полноте, причем не только всех и каждого, но даже и одного человека. Причем, если жизнь отдельных конкретных людей (крупных деятелей: политиков, полководцев, ученых и т.д.) может быть в принципе интересна многим, то жизнь «маленького человека» сама по себе — почти никому. Вместе с тем, она представляет интерес для историка в своих типических проявлениях как иллюстрация жизни тысяч или даже миллионов таких же «маленьких людей» в конкретной стране в конкретно-исторической ситуации. Но в таком случае речь идет уже о массовых проявлениях повседневности, к изучению которых применимы, например, количественные методы, методы статистики. Здесь микро-история смыкается с макро-историей — историей широких социальных явлений.

Проблемы «макро-уровня» (изменение социально-экономических, политических, духовных условий жизни общества, и др.) имеют множество «выходов» на проблемы повседневности. Например, изменения структуры собственности, материальных условий жизни, распространение технических средств разного порядка (транспорта, связи, бытовых приборов и т.п.) радикально меняют те или иные стороны повседневности. В военной истории за последние пару столетий существенно изменялась повседневность и фронта, и тыла, что было связано и с техническим прогрессом (появление новых массовых военных профессий — артиллеристы, танкисты, летчики, на флоте — подводники, и т.д.; приближение «фронта и тыла» из-за превращения тыла в арену боевых действий вследствие появления новых средств поражения — авиационных, ракетных и др.).

Хотя, конечно же, и образ повседневной жизни, и ее структура во многом определяются уникальностью каждого человека, но социальные, материальные параметры жизни объективно задают определенную «матрицу» повседневности (крестьянин привязан к циклам природы, тогда как рабочий у станка — к режиму рабо-

ты фабрики; житель крупного городского центра имеет широкий выбор для проведения свободного времени, а житель села в этом предельно ограничен, и т.д.). В сущности, в каждую историческую эпоху, в любой стране, для человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни. Различия в структуре повседневности внутри каждой из социальных категорий определяются индивидуальной реализацией возможностей, существующих в достаточно жестких рамках «свободы выбора», характерных для каждой из социальных групп. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов макро- и микро-уровней исторического исследования. Здесь открывается широкое поле для исторического анализа. Возможно изучение «структуры повседневности» конкретного общества, которая явно будет коррелировать с состоянием его стратификации. При этом в полноте и объективности отражения социальной реальности качество «матрицы» повседневности может играть решающую роль. Использование разнообразных «матриц» как инструмента исследования повседневности представляется весьма перспективным. Интересна, как одна из ключевых тем, динамика структуры повседневности всего общества и отдельных категорий, в частности. Значительную роль в ее исследовании могут сыграть наработки социологов, например, по проблеме бюджетов времени различных социальных категорий: сколько времени человек затрачивает на конкретные виды труда, на быт, отдых, образование и т.д.

Таким образом, при изучении повседневности необходим объемный, голографический взгляд — от максимально общих данных, характеризующих структуру социума в конкретный момент, до живых конкретных описаний индивидуальной жизни. Категорически нельзя ограничиваться методологией и инструментарием микро-истории. Нередко макро-история может сказать о сущности повседневной жизни намного больше и объективнее, чем самые наглядные и «живые» бытовые зарисовки, потому что последние являются иллюстрацией, могут представить и отразить единичное, часто — уникальное, но не общее.

При изучении любого исторического явления всегда возникают вопросы достоверности отражения, точности и полноты описания. Достоверность зависит от качества используемых источников, полнота описания — от масштабов использования источников и вовлечения исторического материала, точность, адекватность отражения — от методологии и методики исследования.

Источниковедение «повседневности» требует отдельного анализа. Здесь же затронем еще один методологический вопрос. Когда речь идет о повседневности, особую важность приобретает вопрос о «формальной» и «живой» истории. Взятые в отрыве одна от другой, они представляют относительную ценность: первая — как абстракция, отражающая общие закономерности, дающая пищу уму, не воображению, не чувствам; вторая — как забавная уникальность, приближающаяся по форме отражения к искусству, но отдаляющаяся от науки. В действительности, обе истории не противоречат друг другу, а могут взаимно дополняться. Особенно плодотворен в тематике повседневности синтез макро- и микро-истории.

История может быть статичной и динамичной. Повседневность в статике — отражение структуры повседневности, взятой на какой-либо исторический момент. Повседневность в динамике — это как можно более полная совокупность статических структур, рассмотренная во времени. На практике повседневность какого-либо общества не может быть изучена во всей полноте из-за масштабности предмета изучения, огромной трудоемкости, несоответствия объема сохраняющихся источников объему возникающих проблем и т.д. Речь может идти лишь о типологии (при опоре на массовые источники) и об «образах» повседневности, которые являются иллюстрациями конкретных элементов типологии, возникают на основе «живых» картин, создаваемых авторами источников личного происхождения, литераторами и историками, пытающимися воспроизвести «живую ткань» человека и общества во времени.

Как правило, историк имеет дело с фрагментами повседневности, взятыми по какому-либо принципу: повседневность социальной категории, повседневность конкретного общества в конкретный момент или ограниченный период, какие-либо занятия в конкретном социуме и т.п. Попытка «глобальных» исследований весьма интересна, но, как правило, оборачивается предельной краткостью, упрощениями и иллюстративностью.

Фронтальная повседневность в современной историографии

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной сравнительно недавно⁹, особенно в отечественной историографии¹⁰. При этом военная повседневность хотя и подчиняется общим закономерностям исто-

рических исследований повседневности в целом, но имеет свои особенности в качестве предмета изучения, определяемые экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн¹¹. Еще большей спецификой отличается ее наиболее «экстремальная» часть — фронтовая повседневность¹².

При этом зарубежная историография, в целом имеющая больший опыт анализа повседневности, в том числе военной, в силу ряда причин не может оказать существенную помощь при рассмотрении войн с участием России и СССР, особенно в изучении Русской и Советской армии. Во-первых, даже наиболее «современное направление» военной истории, представленное работами О. Бартова, М. Дина, Б. Шеферда, Дж. Мегарджи, растворяет «повседневность» в более широком предмете, причем без ясно очерченных границ. Аморфность предмета приводит к такой же аморфности используемых подходов и размытости результатов. Западные авторы сами отмечают концептуальную и методологическую слабость своих историко-военных исследований, в том числе в ракурсе истории повседневности. Во-вторых, даже в англо-американских исследованиях по истории Второй мировой войны повседневность Восточного фронта отражена глазами немецких солдат и офицеров, завоевателей, и авторы в своих оценках фактически солидаризируются с ними, опираясь на недостоверные и явно тенденциозные источники. Это видно на примере широко известных в научном сообществе книг англичан О. Бартова «Восточный фронт, 1941—1945: германские войска и варваризация ведения войны»¹³ и Б. Шеферда «Война на диком Востоке: германская армия и советские партизаны»¹⁴, американцев М. Дина «Сотрудничество в Холокосте. Преступления местной полиции в Беларуси и на Украине, 1941—44»¹⁵ и Дж. Мегарджи «Война на уничтожение: битвы и геноцид на Восточном фронте, 1941»¹⁶. О явной тенденциозности свидетельствуют попытки уравнивать нацистский геноцид и партизанское сопротивление населения оккупированных территорий, ведущего освободительную борьбу с захватчиками. При этом, обращаясь к «мнению местного населения», авторы привлекают лишь свидетельства оказавшихся в эмиграции и избежавших справедливого возмездия коллаборационистов, сотрудничавших с оккупантами полицаев и карателей, чей взгляд на проблему трудно назвать типичным для народа, ненавидевшего как самих оккупантов, так и их пособников. В-третьих, имеет место незнание реалий

военного времени на восточном фронте. Исследователи из США и Англии игнорируют не только советские источники, но и архивные материалы, открытые и опубликованные уже после распада СССР, и многочисленные работы своих коллег из других стран, в том числе из России. Белорусский историк Я.П. Безлепкин справедливо отмечает слабые стороны в работах англоязычных авторов, пытающихся освещать «повседневную историю» различных территорий СССР в период Второй мировой войны:

1) история повседневности в опубликованных в США и Великобритании работах предстает преимущественно с германоцентрических позиций;

2) «история глазами отдельных людей имеет очень размытый характер», «отсутствует моральный аспект, потому что убийцы тоже люди» — то есть «повседневная история» пишется с точки зрения палача, а не жертвы;

3) сомнительная информация не проверяется по другим, «перекрестным источникам», существование которых просто игнорируется;

4) в работах демонстрируется полное отсутствие критики источников, чрезмерное доверие к субъективным мемуарным свидетельствам и их идеализация ввиду незнания реалий того времени;

5) проявляется полное незнание и непонимание англоязычными авторами менталитета народов СССР, их патриотических и духовных традиций, психологии и образа жизни, что применительно к истории повседневности неизбежно искажает историческую реальность;

6) происходит и целенаправленное искажение действительности, активное использование мифологизированных клише времен «холодной войны»¹⁷.

Таким образом, трудно ожидать адекватных академических исследований от явно идеологически (и цивилизационно) ангажированных авторов, для которых Восток (восточно-славянские земли) априори «дикий» и «варварский», а основу источниковой базы составляют исключительно субъективные источники нацистских оккупантов и их пособников.

Исключение составляет впервые опубликованная в 2005 г., с тех пор выдержавшая ряд переизданий и переведенная на несколько языков книга английского профессора Кэтрин Мерридэйл «Война Ивана: Красная Армия, 1939—1945»¹⁸, основанная на материалах «устной истории», в том числе на интервью автора с советскими ветеранами войны. Однако и эта книга изобилует как многочисленными фактологическими ошибками, так и идеологическими

клише типа: «леденящая душу логика сталинизма», «плохо организованное скопище людей в портянках», «тысячи изнасилованных немок», «кремлёвская пропаганда» и др. По утверждению автора, Иван (как собирательный образ советского солдата) «совершал зверства» и «безнаказанно насиловал женщин», «спас родину, но поработил самого себя», «сражался за свою страну, но не за свободу» и т.д. И хотя в конце концов она признает, что «именно самопожертвование Ивана не только спасло Советский Союз, ... но и сыграло решающую роль в исходе всей мировой войны», этот вполне справедливый вывод нивелируется оговорками о том, что «советские люди, сражавшиеся и погибавшие, защищая сталинский режим, сохранили тирану власть», а «нынешнему поколению россиян рано или поздно придется задуматься над вопросом об индивидуальной ответственности в условиях тоталитарного режима»¹⁹. Респонденты автора книги «Война Ивана» — советские фронтовики и фронтовички — были бы глубоко оскорблены, узнав, какие умозаключения сделала английская исследовательница на основе их воспоминаний. И никакие бытовые подробности и детали повседневной жизни красноармейцев, введенные в научный оборот г-жой К. Мерридейл, не могут этого оправдать.

В нашей стране начало исследованиям фронтовой повседневности положили работы одного из авторов этой книги, Е.С. Сенявской²⁰, «первой в современной историографии с новых позиций осмыслившей духовный облик фронтовиков как особого типа личности — комбатанта («человека воюющего»)»²¹, рассматривающей эти сюжеты в более широком проблемно-хронологическом ракурсе в рамках нового научного направления военно-исторической антропологии и психологии²². В своих трудах она разработала методику работы с источниками²³, наметила основной круг исследовательских проблем фронтовой повседневности и заложила основы их изучения²⁴.

Хотя активное изучение фронтовой повседневности в России началось относительно недавно, с середины 1990-х гг. появилось немало исследований, посвященных различным ее аспектам в Русско-японской²⁵, Первой мировой²⁶, Советско-финляндской²⁷ и Афганской²⁸ войнах. Однако наиболее изученной в этом проблемном ракурсе стала Великая Отечественная война. Различным аспектам фронтовой повседневности в период 1941—1945 гг. уже посвящено значительное число научных публикаций, как в теоретико-методологическом²⁹, методико-источниковедческом³⁰, так и в кон-

кретно-историческом ракурсах³¹. Особенно плодотворно в русле изучения повседневности и частной жизни в период Великой Отечественной войны работают авторы из Южного научного центра РАН — Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, И.Г. Тажидинова³², которые рассматривают такие проблемы, как потенциал источников личного происхождения в изучении военной повседневности³³; феномен фронтовой дружбы³⁴; роль переписки в духовной жизни фронтовиков³⁵; семейные и любовные отношения в военное время³⁶; участие в войне женщин³⁷; вера и суеверия на войне³⁸; отношение к смерти и похороны товарищей³⁹; специфика восприятия пространства и времени в период войны⁴⁰; отношение к награждениям⁴¹; практики питания⁴²; отношение к вещам⁴³; жилищные условия в годы войны⁴⁴; досуговые практики на фронте⁴⁵; распространение слухов⁴⁶; формирование образа врага⁴⁷; повседневная жизнь партизан⁴⁸, остовцев⁴⁹, гражданского населения в тылу⁵⁰ и на оккупированных территориях⁵¹; различные аспекты военного детства⁵²; и др.

В 2003 г. в издательстве «РОССПЭН» в серии «Документы советской истории» вышел специальный сборник документов «Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945 гг.»⁵³.

Учитывая постоянно возрастающий интерес историков к проблемам повседневности российских войн XX в., масштабное освоение этой обширной исследовательской области, по сути, только начинается.

Специфика изучения военной повседневности в целом и ее части — фронтовой повседневности

При изучении военной повседневности так же, как и в других областях «повседневья», необходимо сочетание широкого общественно-исторического контекста с подробностями жизни, причем определенным образом типологизированными. Динамическая событийная канва развертывания военного конфликта должна сопрягаться с социальными категориями, живущими и действующими в экстремальных военных обстоятельствах. При этом, конечно, принципиальное значение имеет масштаб военного конфликта (от малых войн до мировых), от которого зависит степень вовлеченности общества, которое либо только «наслышано» о ходе военных операций (в случае малых масштабов войны), либо полностью подчинено, в том числе и в повседневной жизни, войне, от которой зависит сама

судьба общества, страны, народа и государства, как, например, это происходило в период Великой Отечественной войны.

В 1941—1945 гг. все советское общество, вовлеченное во Вторую мировую войну, оказалось в прямом смысле этого слова «на грани жизни и смерти», и все существование советских людей было подчинено общей задаче — противостоянию фашистскому агрессору и достижению победы. Конечно, повседневная жизнь каждого человека в этих условиях была уникальной. Однако люди, оказывавшиеся в похожих обстоятельствах, в целом проживали и похожие жизни. А значит, изучение и фронтовой повседневности предполагает типологизацию разной степени детализации. Прежде всего, это касается разделения общества на фронт и тыл, а внутри этих двух важнейших подразделений — на множество социальных, поло-возрастных, профессиональных, географических и т.д. категорий. Многочисленные «матрицы», накладываемые друг на друга, дают более многомерную специализированную картину. Повседневность также подразделяется на различные фрагменты и их блоки — труд, быт, отдых и т.п. для гражданских людей; служба, участие в боевых действиях, быт, отдых и т.д. — для армии на фронте.

Понятно, что фронтовая повседневность принципиально отличалась от повседневности тыловой жизни, хотя и на фронте как служба, так и быт и отдых различных родов войск, профессиональных групп, а также командного и рядового состава армии, флота, авиации существенно отличались. Огромными отличиями характеризовались и периоды отступления, обороны и позиционной войны, наступления, и т.д. Поэтому невозможно создать универсальную картину фронтовой повседневности, но возможно описать некий набор типичных ситуаций для основных категорий военнослужащих с основными показателями и проявлениями повседневности для каждой из категорий. Это не исключает уникальности индивидуального опыта, например, создателей многочисленных мемуаров, подчас оказывавшихся в неповторимых ситуациях.

Перспективность использования разнообразных «матриц» как инструмента исследования повседневности как таковой и фронтовой повседневности в частности, представляется вполне очевидной. Например, для изучения фронтовой повседневности целесообразно типологизировать войны, фронтовые ситуации, военные профессии с их спецификой деятельности, специфику природно-климатических условий фронтов, этнокультурные регионы и т.д. В любом случае потребуется наложение друг на друга несколь-

ких матриц: матрицы ценностей, структуры материальной среды, социальной стратификации, матрицы культуры, матрицы занятий и т.д. Очень важный аспект — то, что социологи называют «бюджеты времени»: на что и как тратится время, которым располагает человек в течение дня, сезона, года, жизни (индивидуальная судьба, биография, судьба поколения), как соотносятся индивидуальные и социальные ритмы.

Но «усреднение» дает нам лишь общую тенденцию истории фронтовой повседневности. Это важно, но ведет к чрезмерному упрощению, не позволяет видеть всю палитру разнообразия. Гораздо более плодотворным представляется типологизирующий подход, при котором повседневность может изучаться именно по категориям фронтовых ситуаций и профессионально-статусным группам военных. Естественно, при этом возникает ряд методологических и технологических проблем, в том числе проблема выбора «репрезентативных» категорий, проблема структурирования повседневности на сферы и уровни и ряд других. Однако всё это — вполне решаемые задачи, многие из которых уже успешно реализуются в рамках новой отрасли исторической науки — военно-исторической антропологии⁵⁴.

Военная антропология в изучении человека на войне

Военная антропология — новая междисциплинарная отрасль науки, интегрирующая достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, изучающих человека в условиях военной деятельности. Применяемый ею *комплексный подход* позволяет выйти на новый уровень знаний о человеке в единстве его разнообразных проявлений, биопсихосоциальных параметров, областей и форм деятельности в экстремальных военных ситуациях, в условиях подготовки к ним и преодоления их последствий.

Особенно интересна и перспективна такая ее область, как *военно-историческая антропология*, обращающаяся к историческому опыту как основному и важнейшему источнику знаний о человеке на войне, накопленным обществом за тысячелетия своего развития. Другая важнейшая составная часть военной антропологии — *военно-историческая психология*, ибо «человек воюющий» — особое, не только социальное, но и психологическое явление.

Каково же соотношение двух этих отраслей знания? У них общий объект исследования — «человек на войне», но различные ракурсы, предметные области и, соответственно, основной исследовательский инструментарий. Вместе с тем, речь может идти о взаимодополняющих и частично пересекающихся научных сферах, которые должны развиваться в тесном сотрудничестве. *Историко-психологический подход* к проблематике позволяет раскрыть мысли, чувства, механизмы поведения людей в экстремальных военных условиях, *историко-антропологический* — комплексно изучать «человеческий ракурс» войны, включая ценностный и социокультурный аспекты, а их сочетание представляет собой *системный анализ войны в «человеческом измерении»*. Оба подхода следует рассматривать в их единстве и специфике, с учетом особенностей источниковой базы, методического инструментария, категориального аппарата, комплекса теоретико-методологических вопросов, а также в соотношении и взаимодействии с рядом смежных общественных и гуманитарных дисциплин, в том числе с различными отраслями собственно исторической науки, включая историческую психологию, этнологию, историческую демографию и др.

Становление и развитие таких взаимосвязанных и пересекающихся друг с другом направлений в исторической науке, как «психология войны» и «человек на войне», несомненно, может как расширить горизонты военного знания, качественно дополнив его психологический и социологический ракурсы, так и раздвинуть границы знания собственно исторического.

Актуальность военно-исторической антропологии в нашей стране определяется той значимостью, которую имели войны для истории России в XX в. Без учета «человеческого измерения» войн и вооруженных конфликтов невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории в целом, а также применение исторического опыта в современных условиях.

Почему так важно военно-историческое знание в области наук о человеке? Реальное знание о нем содержится именно в прошлом, в естественных условиях жизни общества. На осмысленный, освоенный и теоретически переработанный наукой исторический опыт решения аналогичных проблем в прошлом может опираться сегодня и военная практика, причем нередко с бóльшим основанием и успехом, нежели на абстрактно-теоретические разработки, оторванные от социальных реалий. Поэтому военно-историческая антропология может иметь и важное практическое значение. Она многократно рас-

ширяет возможности отдельных военных отраслей знания о человеке, в частности, интегрируя исторический опыт. Например, многое из того, что военные психологи сегодня открывают заново или даже еще не способны понять и выявить экспериментальными методами, нередко содержится в исторических источниках, в памяти народов и культур. Задача науки — взять и освоить эту информацию, адаптировать ее к современным условиям, использовать для формирования психологической устойчивости общества в экстремальных ситуациях военных конфликтов и решения многих других задач.

Принципиальная новизна военно-исторической антропологии — в целостном, системном изучении человека в контексте военной истории, «человеческого измерения» войны. Она специализируется не только и не столько на исследовании войн, сколько на интеграции знания о них, получаемого различными гуманитарными и общественными науками. Научное значение военно-исторической антропологии состоит в разработке новых, весьма значимых пластов исторической проблематики, которые раньше игнорировались историографией. Она требует, наряду с традиционными, применения новых подходов и особого инструментария.

Объектом изучения военно-исторической антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни «гражданского», мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям и отражают их последствия. Историческим фоном данной проблематики является подготовка общества и человека к войне, «вхождение» в нее, ход военных действий и «выход из войны». Центральным объектом изучения является армия, прежде всего, в военное, но также и в мирное время, но не менее значимо изучение «человеческого измерения» всего общества, особенно в ситуации войны.

На сегодняшний день среди основных направлений и ключевых задач военно-исторической антропологии наметились следующие:

- определение во всех войнах общих принципов, влияющих на психологию социума в целом и армии в частности, и особенностей, определяемых специфическими параметрами конкретной войны (масштабы войны, ее оборонительный или наступательный характер, значение для государства, идеологическое обоснование целей, социально-политический контекст, включая общественное мнение и отношение к данному конфликту внутри страны, и т.д.);

- анализ ценностей, представлений, верований, традиций и обычаев всех социальных категорий в контексте назревания войны, ее хода, завершения и последствий;
- изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, в том числе идеологического оформления войны, механизмов формирования героических символов, их роли и места в мифологизации массового сознания;
- изучение диалектики соотношения образа войны в массовом общественном сознании и сознании ее непосредственных участников;
- изучение эволюции понятий «свой-чужой» и формирования образа врага в различных вооруженных конфликтах, в том числе в сравнительно-историческом анализе мировых и локальных войн;
- анализ проявлений религиозности и атеизма в боевой обстановке, включая солдатские суеверия как одну из форм бытовой религиозности;
- реконструкция совокупности факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии комбатантов, на их поведение в экстремальных ситуациях;
- изучение психологических явлений и феноменов на войне: психологии боя и солдатского фатализма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке, героического порыва и паники, психологии фронтового быта;
- выявление особенностей психологии рядового и командного состава армии, а также военнослужащих отдельных родов войск и военных профессий в зависимости от форм их участия в боевых действиях;
- изучение влияния вневойсковых социальных и социально-демографических факторов и параметров на психологию военнослужащих: возрастных характеристик, социального происхождения и жизненного опыта, образовательного уровня и др.;
- рассмотрение основных социально-психологических и социально-демографических феноменов мировых и локальных войн, в том числе массового участия женщин в войнах XX столетия;
- изучение повседневных практик, психологических особенностей и последствий пребывания в плену;
- анализ психологической специфики деятельности в тылу противника (участие в партизанском движении, работа в

подполье, в агентурной разведке, в составе диверсионно-разведывательных групп);

- исследование военного опыта гражданского населения в глубоком тылу, в прифронтовой полосе, на оккупированных территориях, включая особенности детской памяти о войне;
- изучение влияния условий конкретной войны на дальнейшее существование комбатантов: проявление посттравматического синдрома, проблемы выхода из войны, механизмы и способы адаптации к послевоенной мирной жизни и т.д.;
- изучение механизмов формирования и эволюции исторической памяти общества о военном прошлом, ее значения как опорной точки и ценностного ядра национального самосознания народа, проблемы сохранения памяти о важнейших событиях отечественной военной истории при смене поколений.

Естественно, данный перечень не является исчерпывающим и будет постоянно расширяться. На сегодняшний день военно-антропологический подход внес наибольший вклад в разработку такой проблематики, как психология войны, история военной повседневности, война и идеология, война и общественное сознание, война и религия и др.

Наряду с традиционным историческим инструментарием, военно-историческая антропология активно применяет методы психологической реконструкции и моделирования, сравнительно-исторического исследования психологических феноменов войн и вооруженных конфликтов, использует историко-социологический подход, привлекая (применительно к недавнему прошлому, современники которого живы) материалы «устной истории», которые позволяют увидеть не «официальную войну», а войну из окопа, танка, самолета, войну глазами участников боевых действий и гражданского населения, отразить особую солдатскую, женскую, детскую историю, и т.д. Все эти новые ракурсы значительно дополняют прежнее видение истории, способствуют более глубокому ее осмыслению.

Специфика «человека в войне» как предмета изучения определяется «экстремальным режимом» существования общества в военных условиях, особым бытием индивидуума на грани жизни и смерти. Именно здесь кроется источник понимания не только ряда ключевых причин военных поражений и побед стран, государств и народов, но и их истории в мирное — предвоенное и послевоенное время. Кроме

того, военно-историческая антропология является важным ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования.

Особую значимость военно-антропологические подходы приобретают при изучении военной и фронтовой повседневности (в самом широком их понимании) применительно к событиям новейшего времени.

Категории, структура фронтовой повседневности войн XX века и источники для ее исследования

На войне существуют и тесно переплетаются опасность боя и повседневность быта, совокупность которых во всем многообразии типичных и уникальных проявлений можно определить, как *фронтовую повседневность*.

Психологи знают, как мгновенно преобразуется человек, получивший в руки оружие: меняется мироощущение, самооценка, отношение к окружающим. Война формирует особый тип личности, особый тип психологии — *психологию комбатанта*⁵⁵, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду *пограничных ситуаций*, бытие на грани жизни и смерти. «Современный бой — это суровое испытание физических и духовных сил воина, его способности активно противостоять действию экстремальных, крайне неблагоприятных для жизни факторов, сохранять волю и решимость, до конца выполнить поставленную ему боевую задачу. Одновременно он представляет собой ожесточенную борьбу целей, мотивов, убеждений, настроений, воли, мыслей военнослужащих противоборствующих сторон»⁵⁶.

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора, что, в свою очередь, оказывает воздействие на всю жизнь общества в данный период, решительным образом влияет на психологию людей, особенно участников боевых действий. При этом для психологии рядового и командного состава характерны особенности, связанные с разной степенью ответственности и риска. Имеет свою специфику и восприятие действительности представителями разных родов войск и военных профессий. Она определяется конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою, наиболее вероятным для него

видом опасности, характером физических и нервных нагрузок, способом контакта с противником (ближний или дальний), взаимодействием с техникой (видом оружия), особенностями военного быта. Однако главный элемент “психологии войны” является общим для всех: экстремальные условия обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий, необходимых как для выживания, так и для выполнения боевой задачи.

Доминирующие психологические характеристики *комбатанта* универсальны: они мало меняются со сменой эпох, стран, народов, армий, так как определяются, в первую очередь, самим явлением войны и местом в ней человека. Хотя, безусловно, в этой психологии присутствует значительная историческая, национальная, религиозная и социо-культурная специфика. Так, обстановка смертельной опасности, неизбежной на войне, пробуждает в человеке инстинкт самосохранения и естественное чувство страха. Однако страх христианина, мусульманина, буддиста и тем более атеиста — это разные “страхи”. Их чувства и решения, принимаемые в схожих обстоятельствах, могут оказаться не только различными, но даже противоположными.

Наряду с экстремальной боевой обстановкой, важнейшее влияние на психологию комбатантов оказывали специфические условия *фронтového быта*. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства, — подчеркивал военный психолог Г.Д. Луков. — Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала. Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т.д.»⁵⁷ Все эти особенности военного быта неизбежно влияли на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в условиях боя.

Что же представляет собой фронтовой быт, какое место занимает он на войне и какова его структура?

В понятие фронтového быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входит *выполнение служебных обязанностей* (не-

сение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также *отдых и досуг*, в том числе и организованный, т.е. всё то, что составляет *распорядок дня*. Кроме того, основными составляющими фронтового быта являются *боевое снабжение и техническое обеспечение войск* (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), *жилье, бытовое снабжение* (продуктами питания и обмундированием), *санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие*, а также *связь с тылом* (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска).

Исследование фронтовой повседневности в периоды войн и военных конфликтов требует привлечения целого комплекса разнообразных *источников*, как архивных, так и опубликованных. Для изучения различных сторон фронтовой жизни и быта, массового сознания и настроений в армии, межличностных отношений в экстремальных военных условиях, могут служить как *официальные документы* (приказы командования, интендантские сводки по снабжению войск, политсводки и политдонесения, материалы военной цензуры, листовки и периодическая печать и т.п.), так и *источники личного происхождения* (письма, дневники, мемуары, устные воспоминания участников войны). При этом сфера индивидуальных переживаний, безусловно, наиболее полно отражена именно в эпистолярных и мемуарных источниках, освещающих психологию личности «изнутри». Они позволяют показать войну не только с «командных высот», но и «из окопа» глазами непосредственных участников боевых действий, представителей всех родов войск и различных военных профессий со свойственными им особенностями психологии и восприятия военной действительности. С той же целью используются *материалы «устной истории»*, записи воспоминаний-интервью с участниками войны.

Среди официальных источников в первую очередь следует выделить аналитические документы. *Политсводки и политдонесения* (применительно к советскому периоду, или их более ранние аналоги имперского времени, происходящие из других структур, но выполняющие те же задачи), как и *материалы военной цензуры*, регулярно, со строгой периодичностью фиксируют и анализируют настроения в действующей армии. При этом, если цензура строит свои выводы на анализе перлюстрированных писем военнослужащих, то донесения политических органов опираются как на офи-

циальные отчеты о проведенных в войсках мероприятиях «партийно-политической работы», так и на доклады информаторов о разговорах и настроениях в армейской среде.

Наградные материалы (представления к наградам, в том числе в форме наградных листов, переписка различных инстанций по вопросу о награждениях и т.п.) содержат описание подвигов, помогают проследить, каким героическим поступкам отдавалось предпочтение для поощрения наградами, каковы были критерии присвоения наград разного статуса.

В сочетании с другими видами документов весьма полезны пропагандистские материалы: *листовки, военная печать и публицистика*, не столько отражающие реальную атмосферу в обществе и среди военнослужащих, с разной степенью объективности фиксирующие деятельность и поступки людей, через которые проявляется их характер, мировоззрение и мировосприятие, сколько выполняющие задачу формирования стереотипов массового сознания и определенных моделей поведения.

С другой стороны, важны не только источники, фиксирующие те или иные события, явления или их оценки конкретными лицами, но и в обобщенной форме отражающие универсалии и стереотипы массового сознания — *поэтические и фольклорные произведения*.

Наконец, при изучении военной повседневности полезны *статистические материалы*, которые содержат обобщенные показатели развития частной сферы и отражают определенные закономерности ее развития⁵⁸.

Человек — творец истории. И не только потому, что она есть продукт человеческой деятельности и складывается из человеческих судеб. Независимо от стремления к объективности познания, каждый исследователь, изучающий прошлое, неизбежно привносит в представление о нем что-то свое, в соответствии с собственным жизненным опытом и психологией своей эпохи. Поэтому, быть может, самое главное для историка — попытаться понять своих предшественников, почувствовать то, что чувствовал творец источника в момент его создания. Особенно это важно для исследования духовной сферы, психологических явлений и феноменов прошлого. Внутренний мир человека — не что иное, как субъективная реальность, а изучение субъективной реальности возможно преимущественно на основе *субъективных источников*, которые позволяют непосредственно проникать в духовный мир человека, выявлять побудительные мотивы его поведения. Следует подчеркнуть, что из 4-х избран-

ных нами для анализа войн России XX века существенные массивы таких документов имеются лишь по периоду Великой Отечественной войны. Например, сохранилось очень мало писем и дневников времен Русско-японской, Первой мировой войн — в силу не только удаленности от наших дней, но и отсутствия интереса к ним в обществе, пережившем многочисленные катаклизмы, включая революционные трансформации и нигилистическое отрицание прошлых эпох. Афганская война вообще очень долго официально не признавалась таковой, заменяясь эвфемизмом «выполнение интернационального долга», а в период «перестройки» получила негативную оценку власти и общества, из-за чего и отношение к ее участникам, и соответственно к сохранению документов, к ней относящихся, было далеко не благоприятным. Увы, получило распространение и такое явление, как сжигание своих писем «из-за речки» самими воинами-«афганцами» после возвращения на Родину⁵⁹. К Великой Отечественной и созданным в тот период источникам отношение было иным. Так, уже в ходе самой войны в пропагандистских целях, естественно, очень избирательно, под жесткой цензурой публиковались сборники писем с фронта, затем целый ряд десятилетий выходили воспоминания фронтовиков — сначала преимущественно высшего командного состава и генералитета, но затем дошли до уровня лейтенантов и даже рядовых бойцов. Свой художественный вклад в осмысление войны и формирование ее образов внесла «лейтенантская проза», которую тоже можно рассматривать как специфический, требующий особых подходов, но значимый исторический источник.

Для изучения субъективной реальности важнейшее значение приобретает совокупность *источников личного происхождения* (как синхронные — фронтовые письма, дневники, активно публиковавшиеся начиная с первых военных лет⁶⁰, так и ретроспективные — воспоминания, мемуары⁶¹), освещающие психологию личности «изнутри». Значительные коллекции писем Великой Отечественной отложились в центральных (ГАРФе, РГАЛИ, РГАСПИ и др.), ведомственных (ЦАМО РФ) и региональных архивах, военно-исторических и краеведческих музеях. Особенно ценны (и одновременно крайне редки) такие коллекции, которые включают письма одного и того же бойца на протяжении длительного времени, тем более несколькими адресатам, поскольку позволяют увидеть в динамике широкий комплекс повседневных проблем, волновавших фронтовиков.

Уже есть немало исследований, посвященных источниковедческому анализу конкретных видов источников⁶², а также рекон-

струкции на их основе тех или иных аспектов фронтовой повседневности⁶³. Немалое значение имеют источники, «художественно» и в обобщенной форме отражающие универсалии и стереотипы массового сознания, например, поэтические и фольклорные произведения⁶⁴. При этом в источниках, относящихся к продуктам индивидуальной духовной деятельности, часто можно увидеть отражение типичных взглядов и настроений.

Конечно, при анализе данных категорий источников следует принимать во внимание и обстоятельства их формирования (например, для писем — действие жесткой военной цензуры и самоцензуры одновременно; для немногочисленных дневников — характер деятельности их авторов, как правило, военных корреспондентов, писателей, который позволял им вести синхронные записи вопреки жестким запретам, действовавшим в армии), и специфику каждого вида (например, ретроспективные источники неизбежно подвержены ошибкам памяти, влиянию личностных изменений самих мемуаристов, в том числе и взглядов на прошлое, влиянию текущей политической конъюнктуры и т.д.).

В работе над книгой использовались также материалы устной истории, собранные целенаправленно, по определенной авторской программе и с использованием социологического инструментария воспоминания-интервью участников войн (Великой Отечественной, Афганской), по специально составленному опроснику (см. приложение).

Прежде всего задавались вопросы, связанные с восприятием экстремальных военных условий:

— Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке?

— Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными? Что было самым страшным для вас на войне? Что запомнилось больше всего?

Целый блок вопросов имел непосредственное отношение к фронтовому быту:

— Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Были ли аналоги «наркомовским 100 граммам», офицерским допайкам и т.п.?

— Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.

— Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?

— Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?

— Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?

Отдельно обсуждалась такая сторона фронтовой повседневности, как взаимоотношение полов в экстремальных военных условиях:

— Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?

Следует отметить, что интервью как вид историко-социологического источника в данном случае использовалось для получения не столько фактической, сколько психологической информации. Метод свободного интервью позволил определить круг вопросов, лично значимых для респондентов, выявить их отношение к проблемам опасности и быта на войне, а значит, высветить психологические аспекты фронтовой повседневности.

Нередко документы личного происхождения и результаты интервьюирования не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки. Это еще один важный феномен войны: различия во взгляде с командных высот и из окопа.

Важно подчеркнуть, что существует множество факторов, влияющих на специфику фронтового быта, причем их взаимосвязь в конкретной войне, в конкретных боевых условиях всегда уникальна, хотя набор этих факторов в принципе универсален. Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются *общими, социальными и ситуационными факторами*. К первым относятся тип и масштаб войны, ее длительность, мобильный или позиционный, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет театр военных действий, например, с точки зрения климатических условий и времени года. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности, а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов — ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на основном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края и т.п.

С точки зрения совокупности факторов, влияющих на специфику быта, каждая из войн уникальна, прежде всего, из-за различий в историческом времени, в масштабе и длительности конфликта, в используемом вооружении, в степени мобильности и т.д., хотя можно найти и немало совпадений. Например, можно найти много общего в бытовых условиях участников столь разных

войн, как Русско-японская начала XX в., конфликт на Халхин-Голе в 1939 г. и дальневосточная кампания Советской Армии в конце Второй мировой войны, что объясняется сопоставимым театром военных действий и тем же противником. Но если в 1904—1905 гг. водоснабжение на большинстве участков боевых действий не являлось острой проблемой (бои велись во “влажных” районах), то на Халхин-Голе водоснабжение (да и снабжение вообще) приобрело чрезвычайную важность. Не случайно, военные действия начались весьма удачно для японской стороны, заранее подготовившей позиции, обеспечившей систему коммуникаций, вовремя доставившей к театру военных действий значительные запасы вооружения, боеприпасов, топлива, снаряжения, продовольствия и т.д., тогда как ближайшая советская железнодорожная станция Борзя находилась в 750 км от места боев. Советским войскам даже дрова приходилось возить за 500 км по полному бездорожью, тогда как у японцев, помимо двух грунтовых дорог, в 60 км была железная дорога, а в 125 — еще одна. Не было в районе Халхин-Гола и питьевой воды, за исключением самой реки, которая оказалась в тылу противника. К тому же местность для наших войск была абсолютно незнакомой, в отличие от японцев, которые досконально ее изучили, нанеся на топографические карты, а накануне нападения даже провели тактические игры⁶⁵.

С подобными непривычными климатическими условиями советским солдатам пришлось столкнуться и в августе 1945 г. во время маньчжурской наступательной операции при переходе через пустыню Гоби, где одной из главных проблем оказалась нехватка воды. К сожалению, ранее приобретенный на Халхин-Голе опыт не был в достаточной мере учтен. При этом организация водоснабжения наших войск по-разному оценивается в мемуарах военачальников и в воспоминаниях рядовых участников событий.

Первые утверждают, что к началу наступления наши войска имели все необходимое для организации бесперебойного обеспечения водой, и «хотя затруднения в водоснабжении в ходе операции и имелись, они не повлияли на развитие наступления», поскольку части и соединения ударной группировки фронта в основном снабжались водой своевременно. При этом были установлены следующие суточные нормы расхода воды: на человека — 5 литров, на автомашину — 25 литров, на танк — 100 литров, и т.д. «Исходя из этих норм и производились расчеты необходимого количества водоисточников»⁶⁶.

Однако участник операции бывший артиллерист А.М. Кривель утверждает, что о снабжении наступающих войск в невыносимой августовской жаре никто толком не подумал: «Вероятно, эта проблема вообще была упущена из виду. В ходе подготовки к наступлению о ней и не упоминалось. Даже предупредить солдат, чтобы они набрали с собой максимальное количество воды из той же Аргуни, никто не удосужился. Бурильных установок в боевых порядках никто из солдат, а я многих спрашивал об этом, не видел...»⁶⁷ Результатом явился резкий рост людских потерь в пехотных частях, наступавших через пустынные участки территории Маньчжурии, особенно через Гоби. По некоторым свидетельствам участников этого перехода, в иных частях число потерявших боеспособность от солнечного удара достигало двух третей списочного состава. А воды на человека приходилось лишь по 200 граммов в день, то есть по граненому стакану, что вряд ли можно поставить в заслугу снабженцам и командирам.

Далее ветеран рассказывает о своих ощущениях во время маршевого броска 9—11 августа 1945 г. под палящим солнцем Маньчжурии, по солончаковой степи, а затем по песчаной пустыне. «Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать во фляжки воды, считал себя счастливым. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодцев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но на нем висела табличка: “Отравлено”. Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары. Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий... Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной запас батареи. Делили как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана. Степь казалась раскаленной сковородкой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за пятнадцать минут. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только тогда я понял по-настоящему, что такое пустыня. Жажда перебивала все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать, только одна неотвязная мысль билась в голове: “Пить, пить, пить...” Разведчики пытались найти источники воды. Мотоциклисты взбирались на сопки, чтобы разглядеть издали колодец или озеро. Но видели только миражи... Впереди было еще два безводных дня»⁶⁸.

Можно провести немало параллелей между бытовыми условиями фронтовиков во время двух мировых войн на европейском те-

атре военных действий, где основным противником и Российской империи, и СССР выступала Германия, хотя масштабы, степень жесточенности войны, ее характер (первая — преимущественно позиционная, вторая — мобильная), существенная разница в вооружении и техническом обеспечении порождали весьма существенные различия. Здесь главными природно-климатическими факторами были весенняя и осенняя распутица, а также зимние морозы. В одних и тех же природно-климатических условиях приходилось воевать русской армии на Кавказском фронте в Первую мировую войну и в Великую Отечественную, испытывая одни и те же «жизненные неудобства», хотя противник на этом участке был разный — сначала турки, затем немцы.

Весьма удобным объектом для сопоставления является фронтовой быт участников Советско-финляндской «зимней» войны 1939—1940 гг. и тех участников Великой Отечественной, которым приходилось сражаться в той же местности с тем же противником — финнами — на некоторых участках Карельского фронта, хотя и продолжительность этих войн (а значит, и ведение боевых действий в разные времена года с особыми погодными условиями), и их масштабы, и общий военно-политический контекст были принципиально различными. Именно здесь было учтено множество факторов и боевого, и бытового порядка, вызвавших неудачный ход и неоправданно большие потери в «зимней войне», так что Карельский фронт в Великую Отечественную оказался наиболее стабильным.

Солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и поражения. От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам нередко чрезвычайно негативно сказывается на ходе боевых действий или приводит к неоправданно большим потерям.

Так, в «зимней» Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Красной Армии пришлось в полную меру испытать на себе природный фактор: из-за нехватки теплой одежды замерзали и теряли боеспособность по причине обморожения целые части. Этот печальный опыт был учтен советским командованием, поэтому к Великой Отечественной войне армия пришла с отличным зимним обмундированием, и на всем ее протяжении сравнение нашего и немецкого обмундирования было не в пользу противника.

Именно быт наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии. Людей на передовой, как правило,

волновали одни и те же житейские вопросы, о чем свидетельствуют их письма домой. Так, во всех письмах участников разных войн, независимо от того, в какой армии, на чьей стороне они воевали, преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении. Определенное место занимали также рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «больше писать не о чем», хотя это вовсе не отрицало искренности самих патриотических чувств. И, наконец, в письмах давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались и высказывания в адрес противника, как правило, ироничные или ругательные. И все же «героический» аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью люди пытались просто жить. И, кроме того, старались успокоить своих близких, показать им, что живут неплохо и что на войне «не так уж страшно».

В письмах участников разных войн прослеживается единый дух, общий психологический настрой, те же мысли, чувства, желания. Оружие совершенствуется, а человеческая природа не претерпевает существенных изменений. Однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чем, собственно, и проявляется единство законов психологии. Хотя, безусловно, в этой психологии есть и историческая, и национальная специфика. Время и место действия вносят свои коррективы, накладывают характерный отпечаток на восприятие вопросов, которые волнуют солдат на передовой, но сами эти вопросы в основном сохраняются. И именно проблемы повседневной жизни приобретают в их ряду первостепенное значение.

Изучение фронтовой повседневности во всем ее многообразии и противоречивости позволяет глубже понять «человеческий ракурс» новейшей военной истории, тот трудноуловимый субъективный фактор, который в экстремальных условиях войны мог неожиданно перевесить все факторы материальные и оказаться «последней каплей», склоняющей чашу весов в сторону побед или поражений.

Предлагаемая вниманию читателей книга, написанная в жанре военно-антропологических очерков, посвящена фронтовой повседневности русской и советской армии в основных внешних войнах нашей страны в XX столетии — Русско-японской 1904—1905 гг., Первой мировой 1914—1918 гг., Великой Отечественной 1941—1945 гг., Афганской 1979—1989 гг. Применительно к этим событиям в ней затрагиваются такие сюжеты, как психология боя и особенности военного быта, восприятие пространства и времени на войне, солдатские приметы и суеверия, фронтовая мораль и многие другие. В этой работе авторы постарались систематизировать и обобщить результаты своих многолетних исследований по истории «человеческого измерения» войны⁶⁹. Основанная на архивных документах (в работе использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Центрального государственного архива Москвы (ЦИАМ), Центрального московского архива-музея личных собраний (ЦМАМЛС), Центра Документации Народный Архив, переданного в Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ. ЦДНА), документальных фондов Центрального Музея Вооруженных Сил Российской Федерации (ЦМ ВС РФ), Белорусского Государственного Музея Истории Великой Отечественной войны (БГМИ ВОВ), Музея боевой славы Исторического факультета Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова (МБС ИФ МГУ)) и источниках личного происхождения — письмах, дневниках, воспоминаниях участников боевых действий, а также материалах глубокого интервью с ветеранами Афганистана, она, мы надеемся, будет интересна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

Авторы выражают признательность доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН Сергею Алексеевичу Козлову, обнаружившему в Центральном архиве документальных коллекций г. Москвы (ныне — Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС)) комплекс писем участника Первой мировой войны М.М. Исеева и любезно предоставившему возможность использовать их в нашей работе.

Примечания

- ¹ Подробнее о теоретико-методологических проблемах исследования повседневности см.: *Сенявский А.С.* : 1) Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Человек в российской повседневности. Сб. науч. статей. М., 2001 ; 2) Повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. Ростов-на-Дону, 2009.
- ² О становлении этого направления исследований в исторической науке см.: *Пушкарева Н.Л.* : 1) «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. С. 93—113 ; 2) История повседневности: предмет и методы // Социальная история. 2007. С. 9—55; *Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия) // История повседневности. Сб. научн. работ. СПб., 2010. С. 7—14; История повседневности: потребность в концептуализации // *Кром М.М.* Историческая антропология. Учебное пособие. 3-е изд., испр. и перераб. СПб., 2010. С. 170—179; *Журавлев С.В.* История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 3—27; *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд-во ВШЭ, 2010.
- ³ См.: *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125.
- ⁴ См.: *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб., 1999. К какому «казусу» может привести подобный подход см.: *Сенявский А.С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 29.
- ⁵ См.: *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М., 2004. С. 106.
- ⁶ *Пушкарева Н.Л.* История повседневности ... С. 9.
- ⁷ См.: *Бродель Ф.* Структуры повседневности: Возможное и невозможное // *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. В 3 т. М., 1986. Т.1.
- ⁸ См.: *Людтке А.* : 1) Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77—100 ; 2) История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010.
- ⁹ О теоретико-методологических проблемах изучения повседневности см.: *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности ... С. 125—127; *Пушкарева Н.Л.* : 1) «История повседневности» и «история частной жизни» ... С. 93—113 ; 2) История повседневности ... С. 9—55; *Сенявский А.С.* : 1) Российская повседневность в XX веке ... ; 2) Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований ; 3) Повседневность как предмет исторического исследования ... ; *Кринко Е.Ф.* : 1) Повседневность как научная категория и ее возможности в осмыслении советской истории // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. V. Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д., 2009. С. 193—210 ; 2) История советской повседневности: методология и результаты исследований // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 2 — 6 октября 2010 г. (XVIII Адлерские чтения). Краснодар, 2010. С. 208—211 ; 3) Советская повседневность 1920—1940-х гг. в зеркале современной историографии // Гу-

- манитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы VIII Всерос. науч.-метод. конф., г. Сочи, 19—20 февр. 2010 г. Сочи, 2010. С. 31—37 ; 4) Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. как предмет изучения в современной историографии // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7. Минск, 2012. С. 268—274; и др.
- ¹⁰ Среди исследований этого направления применительно к советскому периоду истории см.: *Козлова Н.Н.* : 1) Социология повседневности: переоценка ценностей // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3 ; 2) Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996; *Зубкова Е.Ю.* : 1) Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // *Россия: XX век: Другая война*. М., 1996. С. 421—439 ; 2) Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999 ; 3) Частная жизнь в советскую эпоху. Историографическая реабилитация и перспективы изучения // *Российская история*. 2011. № 3. С. 157—167; *Рожков А.Ю.* : 1) В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2 т. Краснодар, 2002 ; 2) Повседневная жизнь красноармейцев в 1920-е годы: формы протеста // *Эпоха. Культуры. Люди: история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920—50-е гг.: сб. ст.* Харьков, 2004. С. 248—267 ; 3) «Казарма хуже тюрьмы»: Жизненный мир красноармейца 1920-х годов // *Военно-историческая антропология: Актуальные проблемы изучения: Ежегодник. 2005/2006*. М., 2007. С. 257—284; *Попов Ю.Л.* Развитие воинских традиций накануне и в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011; *Машнина Е.В.* Потребности человека в контексте культуры повседневности военного времени. Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011; и др.
- ¹¹ См.: *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // *65 лет Великой Победы: В 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. Победа*. С. 197—211; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* : 1) Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. ... ; 2) Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941—1945 гг.). Ростов н/Д., 2013; и др.
- ¹² См.: *Сенявская Е.С.* : 1) Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // *Человек в российской повседневности: сб. стат.* М., 2001 ; 2) Повседневность фронтового быта русской армии в войнах XX в. // *Военный фактор в российской истории в XVIII—XX веках: сб. статей Междунар. науч. конф.* Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 11—17; *Сенявский А.С.* Фронтовая повседневность в XX в.: теоретико-методологические проблемы // Там же. С. 3—7; и др.
- ¹³ *Bartov O.* The Eastern Front, 1941—1945, German Troops and the Barbarisation of Warfare. London: The Macmillan Press, 1985.
- ¹⁴ *Shepherd B.* War in the Wild East: the German Army and Soviet Partisans. Cambridge, 2004.
- ¹⁵ *Dean M.* Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941—44. N.Y.: St. Martin's Press, 2000.
- ¹⁶ *Megargee G.* War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006.
- ¹⁷ См. анализ в статье: *Безлепкин Я.П.* Методологические основы истории повседневности в историографии США и Великобритании (на примере истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны) // *История повседневности в изучении истории стран СНГ. Материалы IV Междунар. летней школы*, 15—21 июня 2009 г. Ереван, 2009. С. 117—123.

- ¹⁸ *Merridale C. Ivan's War: The Red Army, 1939—1945.* London: Faber and Faber, 2005; New York: Metropolitan, 2006; London: Faber and Faber Ltd., 2010. Also translated into Italian, German, Spanish, Dutch, Greek, Estonian, Finnish, Polish, Hebrew, Swedish, Japanese, Czech and Norwegian. См.: URL: <http://www.history.qmul.ac.uk/staff/profile/4555-professor-catherine-merridale>
- ¹⁹ См.: Смертный бой Ивана. Кэтрин Мерридэйл рассказывает о том, что пришлось пережить сталинским солдатам в мясорубке Второй мировой войны. Рецензия на книгу Кэтрин Мерридэйл «Война глазами Ивана» в газете «The Guardian», Великобритания. 18.10.2005 // inoСМИ.Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20051018/223093.html> (дата обращения 25.04.2014.).
- ²⁰ *Сенявская Е.С.* : 1) 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995 ; 2) Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997 ; 3) Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; 4) Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006; 5) История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии. Курс лекций. М.: РГГУ, 2012; и др.
- ²¹ *Krinko E.F. Private Life of Soviet Man during Wartime: Historiography and Problem Origin* // European researcher. 2012. № 11—1. P. 1859.
- ²² *Сенявская Е.С.* : 1) Теоретические проблемы военной антропологии: историко-психологический аспект // Homo belli — «человек войны» в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII—XX веков. Материалы. Рос. науч. конф., 19—20 апреля 2000 г. Н. Новгород, 2000. С. 10—27 ; 2) Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. С. 5—22 ; 3) Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135—145 ; 4) «Человек и война» как область исторических и междисциплинарных исследований (теоретические и прикладные проблемы) // Человек и война. XX век: Проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14—15 мая 2002 г., г. Омск. Омск, 2002 ; 5) Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века). Петрозаводск: ПетрГУ, 2012; и др.
- ²³ *Сенявская Е.С.* : 1) Фронтовой фольклор как источник по социально-исторической психологии // Источниковедение XX столетия. М., 1993 ; 2) Психология Великой Отечественной войны: источниковедческие проблемы // История. 2001. № 40—41 ; 3) Военная проза в аспекте источниковедения // История России XIX—XX веков: новые источники понимания. М., 2001 ; 4) Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1 ; 5) Источниковедение военно-исторической антропологии и психологии (на примере Великой Отечественной войны) // Проблемы российской истории. Сб. ст. Вып. 2. Магнитогорск: МаГУ, 2003 ; 6) «Летопись боя», «Хроника чувств»... (Фронтовые письма и песенный фольклор военных лет как историко-психологический источник) // Вклад Тамбовской области в победу в Великой Отечественной войне. Тамбов, 2005. С. 13—17 ; 7) Сталинградские письма советских и немецких солдат: компаративный анализ ментальностей // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 311—321 ; 8) Письма и песенный фольклор в повседневной и духовной жизни на фронтах Великой Отечественной войны // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Труды Междунар. науч. конф. Самара, 28—29 апреля 2009 г. Самара, 2010. С. 40—51; *Senyavskaya E.S. Letters From Battle-Fields and Solder Folclore as a Phenomenon of Spiritual and Everyday Life During the Years of Great Patriotic War* // European researcher. 2011. № 9. P. 1289—1296; и др.

- ²⁴ *Сенявская Е.С.* : 1) Повседневность фронтового быта российской армии в войнах XX века (понятие, структура, психология) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. Материалы Междунар. интернет-конф. М., 2001 ; 2) Психология фронтового быта // Психология и ее приложения. Ежегодник Российского психологического общества. Т. 9. Вып. 1. Психология в системе наук (междисциплинарные исследования). М., 2002 ; 3) Психология боя и фронтового быта // Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 210—222, 228—229 ; 4) Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в истории. Россия — XX век. М., 2003. См. также: *Сенявская Е.С.* : 1) Духовный облик защитника Родины в Великой Отечественной войне: вопросы методологии и периодизации // Материалы Всесоюз. конф. по педагогическим наукам. МГПИ, март—апрель 1989 г. М., 1989 ; 2) Историко-педагогические аспекты изучения духовного облика социального субъекта // Материалы V Всесоюз. конф. «Перестройка в исторической науке и проблемы историкопедagogии и специальных исторических дисциплин». Киев, 1990 ; 3) Духовный облик защитников Родины в период Великой Отечественной войны. Социально-политические аспекты проблемы // VI Всесоюз. совещание «Комплексные методы в исторических исследованиях». Февраль 1991 г. Донецк, 1991 ; 4) Духовный облик фронтового поколения: историко-психологический очерк // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 4 ; 5) Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7—15 ; 6) Человек на войне: психология комбатантов XX столетия // История. 1996. № 34 ; 7) Бытовая религиозность на войне (на примере двух мировых и советско-афганской войн) // Менталитет и политическое развитие России. М.: ИРИ РАН, 1996 ; 8) Фронтовое поколение 1941—1945 гг. Историко-психологический очерк // История. 1997. № 18 ; 9) Вера и суеверия на войне (по материалам двух мировых и советско-афганской войн) // История. 1998. № 31 ; 10) Человек в условиях войны // История. 1999. № 42 ; 11) Фронтовой быт глазами солдат и офицеров // История. 1999. № 42 ; 12) Проблема выхода из войны // История. 1999. № 43 ; 13) Рядовой и командный состав армии: особенности психологии // История. 1999. № 47 ; 14) Люди разных военных профессий: психологический очерк // История. 1999. № 47 ; 15) Социально-демографические характеристики и психология военнослужащих // История. 1999. № 47 ; 16) Психология военного быта как историческая проблема // Военно-исторический архив. Вып. 8. М., 2000 ; 17) Психология войны в XX веке. Военные будни и фронтовой быт // Преподавание истории в школе. 2000. № 6 ; 18) Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 4—17 ; 19) Вера, суеверия и атеизм на войне как социально-психологическая проблема (на материале российских войн XX века) // Церковь в истории России. Вып. 7. М., 2007. С. 380—409 ; 20) Фронтовые письма и солдатский фольклор как феномен повседневной и духовной жизни в годы Великой Отечественной войны // European research. 2011. № 9. P. 1289—1296 ; 21) Женщина на фронте: проблемы психологической адаптации к «мужскому быту войны» // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г. Ростов-н/Д., 2013. С. 252—259; и др.
- ²⁵ *Лысев А.В.* : 1) Быт чинов Морского ведомства при Порт-Артуре в 1904 году. Очерк истории военной повседневности // Вестник молодых ученых. 1999. № 3 ; 2) Униформа и снаряжение порт-артурского гарнизона в повседневном употреблении при обороне крепости в 1904 году // Герценовские чтения. 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1999 ; 3) Русский Порт Артур в 1904 году, история военной

повседневности: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; Жукова Л.В. : 1) Профессора и преподаватели Московского университета в начале Русско-японской войны // Материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М., 2004. С. 308—336 ; 2) Формирование «образа врага» в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 259—275 ; 3) Путь на войну (проблема трансформации сознательного восприятия пространства и времени участниками Русско-японской войны 1904—1905 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. М., 2007. С. 162—171 ; 4) Боксерское восстание в Китае 1901 г. в восприятии русских очевидцев и в исторической памяти россиян // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. М., 2008 ; 5) Западные христианские миссионеры и русские военнопленные в Японии в 1904—1905 гг. // Россия и Запад: диалог культур. Сб. ст. XII междунар. конф. Вып. 14. Ч. II. М., 2008. С. 78—88 ; 6) Революционизация русской армии в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств. Материалы XXIII Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 13—14 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 115—119 ; 7) Организация досуга русских военнопленных в русско-японскую войну 1904—1905 гг. // Военный фактор в российской истории в XVIII—XX веках: сб. ст. междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 81—84 ; 8) Повседневность японского военного плена // Обозреватель—Observer. Научно-аналитический журнал. 2010. № 1 (240). С. 106—119; Ковалев А.В. Значение медицинской службы в обеспечении боеспособности действующей русской армии в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Сорокина М.А. Моральное состояние флота Тихого океана в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Новичков А.В. : 1) Санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание боевых частей и подразделений русской армии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., ФГУ ВНИИЛМ. М., 2008 ; 2) Питание и обмундирование строевых частей русской армии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Проблемы отечественной истории: сборник аспирантов и докторантов. М., 2009 ; 3) Фронтной быт боевых частей и подразделений Русской Армии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. (по материалам личного происхождения). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Гейфнер О.В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009. № 3; Чернов Л.А. : 1) Питание офицеров русской армии в Маньчжурии в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1 (17). С. 49—51 ; 2) Жилищные условия офицеров русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3 (19). С. 58—61 ; 3) Медицинское обеспечение офицерского корпуса маньчжурской армии в Русско-японской войне 1904—1905 гг. // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15. Вып. 3—4 (79—80). С. 220—224 ; 4) Повседневная жизнь офицерского корпуса Русской армии в Маньчжурии в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2014; и др.

²⁶ Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65—78; Шубин Н.А. Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой мировой войны: опыт взаимодействия государства и общественных организаций. 1914—1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Поршьева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914—1918 гг.). Екатеринбург, 2000; Аранович А.В. : 1) Интендантство Русской армии накануне и в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000 ; 2) Интендантское снабжение Русской армии во второй половине XIX — начале XX века.

Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2006; *Асташов А.Б.* : 1) Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002 ; 2) Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007; *Нарский И.В.* Фронтной опыт русских солдат. 1914—1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. №1; *Козлов С.* Звуки войны (по материалам фронтовых свидетельств 1914—1918 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 171—196; *Валяев Я.В.* : 1) Фронтная жизнь солдат российской императорской армии в годы Первой мировой войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История, политология, экономика». Белгород, 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 159—164 ; 2) К вопросу об обмундировании военнослужащих российской императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны (до февральской революции 1917 года) // В мире научных открытий. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Красноярск, 2011. № 4 (16). С. 112—119 ; 3) Обмундирование русского солдата накануне и в годы Первой мировой войны // Казанская наука. Казань: Изд-во Казанский издательский дом, 2011. № 10. С. 28—33 ; 4) Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10). В 3 ч. Ч. III. С. 28—31 ; 5) Бытовые условия солдат российской империи в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 гг.) // Дни науки исторического факультета: Материалы III Междунар. науч. конф. молодых ученых к 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Вып. III: В 4 ч. Киев, 2010. Ч. 3. С. 74—76 ; 6) Оценка морально-психологического состояния сухопутных войск российской армии на юго-западном фронте в годы Первой мировой войны (1914—1916 гг.) // Кубанские исторические чтения: Материалы Первой межвузовской науч.-практ. конф. (Краснодар, 14 мая 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 60—63 ; 7) Повседневный быт офицеров армейских соединений российской императорской армии в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы исторической науки. Вып. 7: Сб. научн. тр. Пенза; Кострома, 2010. С. 56—61 ; 8) Солдат российской императорской армии в Первой мировой войне: его быт на фронте // Белгородский диалог—2010. Проблемы российской и всеобщей истории: Сб. науч. трудов Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов (г. Белгород 15—16 апреля 2010 г.). Белгород, 2010. С. 238—243 ; 9) Российская армия в годы Первой мировой войны // Каразинские чтения (исторической науки): Тезисы 63-й междунар. науч. конф. (г. Харьков, 23 апреля 2010 г.). Харьков, 2010. С. 54—55 ; 10) Фронтной быт военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2012; *Рейнгольд А.С.* Восприятие Первой мировой войны в военных дневниках. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011; *Сенявская Е.С.* : 1) Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтной повседневности // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25). С. 30—41 ; 2) Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Серия «История». 2013. № 1. С. 64—83 ; 3) «Без бабы и без вина и война не нужна»: Проблемы фронтной морали в период Первой мировой войны // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 1. С. 32—48; *Суржикова Н.В.* Копорский чай, сыр из картофеля и «вегетарианская» обувь: к характеристике культуры потребления в годы Первой мировой войны //

Повседневность российской провинции XIX—XX вв.: материалы Всерос. науч. конф.: в 2 ч. Пермь: ПГГПУ, 2013. Ч. II. С. 193—199; и др.

- ²⁷ *Левашко В.О.* Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Журавлев Д.А.* : 1) Военный госпиталь в период Советско-финляндской войны (1939—1940): взгляд изнутри // История повседневности: сб. науч. работ. СПб., 2003. С. 63—88 ; 2) Фронтовик в тылу. Контроль за настроениями военнослужащих в ленинградских госпиталях во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. (по материалам Военно-медицинского музея МО РФ) // Нестор. 2003. № 6. С. 402—411 ; 3) Мир военного госпиталя в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 411—418 ; 4) Использование опыта Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. по эвакуации раненых и больных в условиях Великой Отечественной войны // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939—1944 гг. СПб., 2006. С. 289—294 ; 5) История болезни как важный источник по истории войн XX века (на примере документов советско-финляндской войны 1939—1940 гг.) // Человек и война в XX веке. Материалы межвузовской науч.-практ. конф. г. Тольятти, 2 июня 2007 г. М., 2007. С. 164—169 ; 6) Настроения военнослужащих и гражданского населения в период Советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. (по материалам Политуправления Краснознаменного Балтийского флота) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной междунар. науч. конф. (10—11 апреля 2007 г.). СПб., 2008. С. 125—139 ; 7) «В Ленинграде сейчас по вечерам темнота жуткая...» Город на Неве в дни финской войны // Родина. 2009. № 12. С. 144—147 ; 8) Советско-финляндская война глазами военнослужащих и гражданского населения // История Петербурга. 2009. № 3 (49). С. 72—76; *Никулина Т.В., Киселёва О.А.* : 1) Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 316—328 ; 2) О «той войне незначимой»: память гражданского населения Карелии о зимней войне // Ученые записки ПетрГУ. 2009. № 10(104). С. 27—43; *Жуков С.А.* : 1) Организация подвоза материальных средств автомобильным транспортом в Советско-финляндской войне 1939—1940 годов // Сборник трудов ВАТТ (Военная академия тыла и транспорта). СПб., 2008. № 49 (61). С. 446—452 ; 2) Деятельность руководства Ленинграда и области по организации снабжения войск в ходе Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы X междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2009. С. 130—139; и др.
- ²⁸ *Сенявская Е.С.* : 1) Бытовая религиозность на войне ... ; 2) Исламское общество Афганистана глазами воинов-«афганцев» // Россия и внешний мир. Диалог культур. Сб. ст. М., 1997 ; 3) Вера и суеверия на войне ... ; 4) «Что с богами, то и со мной» // Родина. 1999. № 2 ; 5) Афганистан как зона военного и социокультурного противостояния: исламская страна в восприятии «ограниченного контингента советских войск» (1979—1989 гг.) // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 2. С. 105—123; *Данилова Н.Ю.* : 1) Военнослужащие, воины-интернационалисты, ветераны: динамика правового статуса // Социологические исследования. 2001. №10. С. 77—85 ; 2) Коллективные действия участников войны в Афганистане в контексте социальной политики. Дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003; *Дубовой А.А.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий советских войск на территории Афганистана. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Литвиненко В.А.* Афганистан и афганцы в исторической памяти российского общества: эхо войны 1979—1989 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 6 (II). М., 2012. С. 390—398; и др.

- ²⁹ *Сенявская Е.С.* : 1) Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны: опыт конкретно-исторического исследования // Повседневный мир советского человека 1920-х — 1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов н/Д., 2009 ; 2) Повседневная жизнь на фронте в годы второй мировой войны // Культурологические исследования в Сибири. 2010. № 1 (31). С. 25—32 ; 3) Психология фронтового быта: на грани жизни и смерти // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы междунар. науч. конф. (28—29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону — Таганрог) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 343—346; и др.
- ³⁰ *Гридина И.Н.* «Народные новости»: роль слухов в изучении истории Великой Отечественной войны // Народы юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6—7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 270—277; *Зеленская Т.В., Шилова Т.В.* Фрагменты повседневности Великой Отечественной войны в источниках личного происхождения // Там же. С. 339—343; *Нальчикова Е.А.* Фронтальные письма в женском военном быту // Там же. С. 392—395; *Смеюха В.В.* Женские письма Великой Отечественной войны в прессе (на примере «Комсомольской правды») // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 266—274; *Есин И.М.* Женские образы в народном самодеятельном творчестве в годы Великой Отечественной войны (на материалах Донбасса) // Там же. С. 274—283; *Киселева О.А.* Моральный облик общества и устная история по воспоминаниям и фронтовым письмам // Изборск в истории России. Материалы Российской научной конференции. Псковский государственный университет, 2013. С. 214—219; и др.
- ³¹ *Юсупова Л.Н.* : 1) Мир крестьянского детства в период Великой Отечественной войны (по устным воспоминаниям детей войны) // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. Vol. 30. № 2. P. 171—184 ; 2) Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 345—351; *Киселева О.А., Никулина Т.В.* «Мы были рядом с войной»: Устные свидетельства жителей Олонецкого района о событиях 1941—1944 года // Через прошлое в будущее: Олонец XX век. Петрозаводск, 2009. С. 89—104; *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011; *Искакова К.И.* Портрет фронтовика Великой Отечественной войны // Народы юга России в отечественных войнах: материалы междунар. науч. конф. (6—7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2012. С. 356—358; *Скорик А.П.* Фронтальная повседневность донских казаков // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 283—289; и др.
- ³² См.: *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* : 1) Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. ... ; 2) Частная жизнь советского человека в условиях военного времени ... ; *Кринко Е.Ф.* : 1) Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1943 — 1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 1. С. 43—55 ; 2) Повседневная жизнь кубанских партизан (1942—1943 гг.) // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе. Материалы 7-й Всерос. науч.-методич. конф. Сочи, 20—21 февраля 2009 г. Сочи, 2009. С. 155—159 ; 3) Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство и границы // Народы юга России в отечественных войнах: материалы междунар. науч. конф. (6—7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону:

- Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 264—270 ; 4) Частная жизнь советского человека военного времени (1941—1945 гг.) как предмет изучения // *Нові сторінки історії Донбасу*: Зб. ст. Донецьк, 2012. Вип. 21. С. 55—62 ; 5) Частная жизнь советского человека военного времени: историография и источники проблемы // *European Researcher*. 2012. № 11 (33). P. 1858—1863; *Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени как исследовательский проект // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2012. № 3. С. 98—105.
- ³³ *Кринко Е.Ф.* : 1) Устная история: рассказы о войне // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Исторические, социально-экономические и политические науки*. Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. №4. С. 49—54 ; 2) Устная история, ее проблемы и возможности // *Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов*. Вып. 3. Майкоп, 2001. С. 37—48 ; 3) История Великой Отечественной войны в источниках личного происхождения // *Великая Отечественная война в контексте истории XX века. Материалы междунар. науч.-практ. конф.* (г. Адлер, 27—31 мая 2005 г.). Краснодар, 2005. С. 108—111; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г.* : 1) Письма военного времени в архивном фонде Российской Федерации // *Отечественные архивы*. 2011. № 2. С. 87—96 ; 2) Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности // *Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. ст.* Краснодар, 2011. С. 131—153; *Тажидинова И.Г.* : 1) Дневники участников Великой Отечественной войны: потенциал источника // *Культурная жизнь Юга России*. Краснодар, 2012. № 2. С. 39—43 ; 2) Дневники Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: история повседневности // *Вестник архивиста*. 2012. № 2. С. 114—127 ; 3) Повседневность военного времени в письмах и воспоминаниях фронтовиков // *Социальная история: ежегодник*. 2011. СПб., 2012. С. 358—387 ; 4) Повседневность Великой Отечественной войны в дневнике сочинца А.З. Дьякова // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2010. № 4. С. 79—95; 2011. № 1. С. 85—101; № 2. С. 96—109; *Хлынина Т.П.* : 1) «Этот поразительный человеческий документ публиковался два раза»: письма и дневники военного времени как исторический источник // *Народы юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции* (6—7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2012. С. 385—392 ; 2) Частная жизнь советского человека военного времени в документальных свидетельствах регионального архивохранилища // *European Researcher*. 2012. Vol. 33. № 11—1. P. 1852—1858 ; 3) Частная жизнь советского человека в двух дневниках периода Великой Отечественной войны // *Отечественные архивы*. 2013. № 1. С. 66—72; и др.
- ³⁴ *Тажидинова И.Г.* : 1) Феномен фронтовой дружбы // *Народы юга России в отечественных войнах: материалы междунар. науч. конф.* (6—7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 277—301 ; 2) Фронтовая дружба в свидетельствах комбатантов Великой Отечественной войны // *Диалог со временем*. 2013. № 44. С. 328—347.
- ³⁵ *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г.* «Сердце выслать не могу», или о повседневности чувств военного времени // *Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 168—187; *Тажидинова И.Г.* : 1) «Подыми тост за нашу нечаянную дружбу и за быстрееший конец войны!»: Опыт переписки с заочными знакомыми в период Великой Отечественной войны // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. № 4. С. 44—50 ; 2) Из частной жизни фронтовиков: переписка с женами в годы Великой Отечественной войны // *History and Historians in the Context of the Time*. 2012. № 9 (9). P. 24—29 ; 3) Переписка советских фронтовиков с заочно знакомыми женщинами как явление военного времени (1941—1945 гг.) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2012. № 3. С. 66—84.

- ³⁶ *Тажидинова И.Г.* : 1) Любовь военного времени: опыт историко-социологического анализа лирической поэзии периода Великой Отечественной войны // *Личность. Культура. Общество*. 2009. Т. 11. № 3. С. 439—449 ; 2) Стратегии совладания с ревностью в условиях Великой Отечественной войны (на материале лирической поэзии) // *Мужское и мужественное в современной культуре*. СПб., 2009. С. 128—131 ; 3) Проблема отцовства фронтовиков Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Исследование приватной культуры советского человека в военные годы по эпистолярным источникам // *Вестник архивиста*. 2012. № 4 (120). С. 71—83 ; 4) Жены фронтовиков: штрихи к портрету // *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всерос. науч.-просвет. конф., 5—9 октября 2012 г. (XXII Адлерские чтения)*. Краснодар, 2012. С. 265—269 ; 5) Взаимоотношения фронтовиков с родителями: из опыта Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // *Семья в традиционном и современном обществе: этнокультурный и социально-исторический опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. КубГАУ. Краснодар, 2013. С. 115—123 ; 6) Специфика внутрисемейных отношений в условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // *Voennyi Sbornik*. Сочи, 2013. № 2. С. 151—162; *Кринко Е.Ф.* Эволюция брачно-семейных отношений в СССР и их государственное регулирование накануне и во время Великой Отечественной войны // *Семья в традиционном и современном обществе: этнокультурный и социально-исторический опыт. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 106—114; Хлынина Т.П.* Семья и семейные отношения в устных воспоминаниях участников Великой Отечественной войны // *European Researcher*. 2013. № 3. P. 549—554.*
- ³⁷ *Кринко Е.Ф., Реброва И.В., Тажидинова И.Г.* Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в годы Великой Отечественной войны // *Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сб. научн. статей. Ростов-на-Дону, 2008. С. 257—265; Тажидинова И.Г.* Женщины в армии: свидетельства мужчин-комбатантов (1941—1945 гг.) // *Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.)*. Ростов-на-Дону, 2013. С. 259—266; *Марс и Эрос: мир чувств и чувственных отношений в 1941—1945 гг. // Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941—1945 гг.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 133—182.
- ³⁸ *Кринко Е.Ф.* : 1) Вера и суеверия фронтовиков в годы Великой Отечественной войны // *Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.)*. Ростов-на-Дону, 2013. С. 237—245 ; 2) Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях военного времени (1941—1945) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2013. № 3. С. 53—61.
- ³⁹ *Кринко Е.Ф.* В последний путь: советские похоронные практики в 1917—1945 гг. // *Сумський історико-архівний журнал*. 2011. № XIV—XV. С. 147—153; *Тажидинова И.Г.* : 1) «А что касается смерти...»: фаталистические настроения и похоронные практики на фронте (1941—1945 гг.) // *Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей, ДонНУ. Донецьк, 2012. Вип. 21. С. 80—90 ; 2) Ценность жизни: позиция комбатантов Великой Отечественной // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 70-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. XXIII Адлерские чтения. Материалы междунар. науч.-просвет. конф. 24—28 мая 2013 г. Краснодар, 2013. С. 270—273.*
- ⁴⁰ *Кринко Е.Ф.* : 1) Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // *Проблемы российской истории*. М.; Маг-

- никогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2010. Вып. X. С. 466—480 ; 2) Проблемы восприятия и освоения пространства участниками Великой Отечественной войны // *Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез. Тезисы всерос. науч. конф. (28—29 сентября 2010 г.)*. Ростов-на-Дону, 2010. С. 159—162; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г.* Время войны: особенности восприятия и переживания (на материалах писем и воспоминаний фронтовиков) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2010. № 2. С. 38—48; *Тажидинова И.Г.* : 1) «Теперь мы знаем, что такое за границей...»: Источники личного происхождения о походе советского солдата в Европу // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 8—2. С. 200—203 ; 2) «Я никогда и во сне не видел тех мест, откуда пишу...»: Свидетельства о «заграничном походе» советских военнослужащих (из фондов российских архивов) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2011. № 4. С. 59—67.
- ⁴¹ *Тажидинова И.Г.* «Не гляди, что на груди...»: Фронтовики Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. о наградах и награждениях // *Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-просвет. конф. 26—30 сентября 2013 г.* Краснодар: Традиция, 2013. С. 279—283.
- ⁴² *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г.* : 1) Питание военнослужащих в 1941—1945 гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 5. С. 39—54 ; 2) Карточная система и регламентация потребления советских граждан в 1941—1945 гг. // *Сумский историко-архивный журнал*. 2012. № XVI—XVII. С. 149—155.
- ⁴³ *Тажидинова И.Г.* : 1) Ценность вещей сквозь призму фронтовой повседневности // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2010. № 5. С. 82—88 ; 2) Ценность вещей и повседневные практики взаимодействия с ними в условиях военного времени // *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 02. С. 407—416.
- ⁴⁴ *Хлынина Т.П.* : 1) Жизнь в эпоху перемен, или о том, как в 1920-е—1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2013. № 3. С. 54—61 ; 2) Жилищная политика советского государства накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.)*. Ростов-на-Дону, 2013. С. 245—252 ; 3) Жилое пространство и особенности его организации в условиях военного времени // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2013. № 1 (27). С. 61—70; №3 (29). С. 62—68 ; 4) «Дом был не просто местом, где мы жили»: Опыт освоения жилого пространства участниками Великой Отечественной войны // *Voennyi Sbornik*. 2013. № 1 (1). С. 48—60.
- ⁴⁵ *Тажидинова И.Г.* : 1) Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем) // *Наука и школа*. 2010. № 2. С. 142—145 ; 2) «Книжный голод хуже хлебного»: повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны // *Культурная жизнь Юга России*. 2010. № 2. С. 5—9 ; 3) «Поём, шутим и тем мы держимся»: Досуговые практики фронтовиков Великой Отечественной войны // *Клио*. 2011. № 8. С. 84—87 ; 4) Фронтовые концерты в 1941—1945 гг. в свидетельствах артистов и зрителей // *History and Historians in the Context of the Time*. 2013. № 11—2. P. 108—116.
- ⁴⁶ *Кринко Е.Ф.* : 1) Слухи Второй мировой войны // *Диалоги с прошлым. Исторический журнал*. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. № 2. С. 58—63 ; 2) Слухи военных лет (1941 — 1945 гг.) как исторический источник // *Человек в экстремальных условиях военного времени: историко-психологические исследования. Материалы XVIII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 12—13 декабря 2005 г.: В 2 ч.* СПб., 2005. Ч. 1. С. 273—277 ; 3) История Второй мировой войны в слу-

- хах // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Научный журнал. 2008. Вып. 1—2 (3—4). Март—июнь. С. 194—203 ; 4) Неформальная коммуникация в закрытом обществе: слухи военного времени (1941—1945 гг.) // Новое лит. обозрение. 2009. № 12 (100). С. 494—508; *Кринко Е.Ф., Потемкина М.Н.* Шепотом о главном: мир слухов военного времени // Слухи в России XIX—XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: сб. ст. Челябинск, 2011. С. 104—126.
- ⁴⁷ *Кринко Е.Ф.* : 1) «Поначалу мы немцев очень боялись...»: образы врага в воспоминаниях жителей Кубани о Великой Отечественной войне // Итоги фольклорно-этнографических исследований культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10). Краснодар, 2004. С. 100—107 ; 2) Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 329—344 ; 3) Эволюция образа врага: немцы в воспоминаниях детей оккупированных советских областей // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов Всерос. науч. конф. Москва, 25—26 ноября 2008 года. М., 2008. С.187—191 ; 4) Образы противника в массовом сознании советского общества в 1941—1945 годах // Российская история. 2010. № 5. С. 74—89; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г.* Образы противника в письмах участников Великой Отечественной войны // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всерос. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 195—197.
- ⁴⁸ *Кринко Е.Ф.* : 1) Повседневная жизнь кубанских партизан (1942 — 1943 гг.) // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе. Материалы 7-й Всерос. науч.-методич. конф., г. Сочи, 20 — 21 февраля 2009 г. Сочи, 2009. С.155—159 ; 2) Жизнь в тылу врага: будни кубанских партизан (1942—1943 гг.) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа—II. Материалы региональной науч. конф. Пятигорск, 20—22 ноября 2009 г. Пятигорск, 2009. С. 170—178.
- ⁴⁹ *Кринко Е.Ф.* : 1) Опросные листы несовершеннолетних «остовцев» Кубани как исторический источник // Вестник архивиста Кубани: историко-архивный альманах. Краснодар, 2008. № 3. С. 99—102 ; 2) Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. ст. Краснодар, 2009. С. 42—60; и др.
- ⁵⁰ *Кринко Е.Ф.* Социальное обеспечение семей военнослужащих на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы социальной политики в регионе. Армавир, 2006. С. 150—159.
- ⁵¹ *Кринко Е.Ф.* : 1) Оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: проблемы языкового пространства // Речевое воздействие в разных формах речи. Материалы Всерос. науч. конф. «Проблемы речевого воздействия» (Лиманчик-96). Ростов-на-Дону: РГУ, 1996. Вып. 4. С. 17 — 19 ; 2) Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1943 — 1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 1. С. 43—55 ; 3) Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000; и др.
- ⁵² *Кринко Е.Ф.* 1) Дети и война (1941 — 1945 гг.) // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы Всерос. науч.-методич. конф., г. Сочи, 13—14 мая 2005 г. Сочи, 2005. С. 124—127 ; 2) Военное детство (1941 — 1945 гг.): основные направления исследований // Материнство и детство в России (XVIII — XXI вв.): сб. науч. ст. В 2 ч. М., 2006. Ч. II. С. 155—169 ; 3) Детство военных лет (1941—1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Мир материнства и детства этносов и этнических групп ЮФО и Кубани: материалы науч.-практ. конф. (2—3 ноября 2007 г., г. Краснодар). Краснодар, 2007. С. 51—59 ;

- 4) Помнить, чтобы забыть: меморатные практики детей и подростков — участников Великой Отечественной войны // Российское общество: историческая память и социальные реалии: материалы межрегиональной науч.-практ. конф. XIV Адлерские чтения-2008. Краснодар, 2008. С. 130—132 ; 5) Травмы памяти и практики преодоления прошлого: воспоминания несовершеннолетних участников Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941—1945 годов в судьбах народов России: уроки, выводы, оценки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 15—16 апреля 2010 года. Кострома, 2010. С. 230—233; *Кринко Е.Ф., Рожков А.Ю.* Память versus забвение: Великая Отечественная война в детских воспоминаниях // Bulletin. Deutsches Historisches Institut Moskau. № 3. Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Voronez. 11—13. März 2008 / Дети войны. Материалы круглого стола, Воронеж. 11—13 марта 2008. М., 2009. С. 37—47; *Кринко Е.Ф., Юрчук И.В.* : 1) Школы и детские дома Кубани в период немецкой оккупации (1942—1943 гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Пятой междунар. Кубанско-Терской науч.-просвет. конф. Краснодар; Армавир, 2006. С. 102—106 ; 2) Эвакуация детских учреждений с территории Краснодарского края (1941—1942 гг.) и ее итоги // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: материалы Четвертой Всерос. науч.-методич. конф., г. Сочи, 19—20 мая 2006 г. Сочи, 2006. С. 119—123; *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В.* На грани выживания: детские дома Кубани в 1941—1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985. М., 2008. С. 35—59; и др.
- ⁵³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945 гг. / Сост. А.Я. Лившиц, И.Б. Орлов. М., 2003.
- ⁵⁴ См.: *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135—145; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления / Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения / Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2007. Среди рубрик Ежегодника: «Теоретические и междисциплинарные проблемы военной антропологии»; «Психологическая подготовка, сознание и поведение воинов как предмет изучения военно-исторической антропологии»; «Военная элита России: культурологический и исторический аспекты»; «Мировые войны и их воздействие на сознание участников и современников»; «Система воинских ценностей и традиций разных эпох»; «Социально-психологические аспекты военной иерархии»; «Психология боевых действий»; «Психология взаимовосприятия и взаимодействия военных противников»; «Вторая мировая война в восприятии гражданского населения»; «Проблема выхода из войны: социально-психологические аспекты»; «Психология подготовки к войне: этнокультурные и исторические традиции»; «Представления о войне и ее восприятие современниками»; «Отражение войны в ощущениях, образах и психических состояниях»; «Отношение к войне: социально-психологические и ценностные аспекты»; «Психология внутриармейских отношений и военного быта»; «Психология военно-политического руководства, военного искусства и командования»; «Гендерные проблемы военной антропологии»; и др.
- ⁵⁵ *Комбатант (combattant)* в переводе с французского означает *воин, боец, сражающийся*. Это термин международного права, обозначающий лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, — при условии, что их

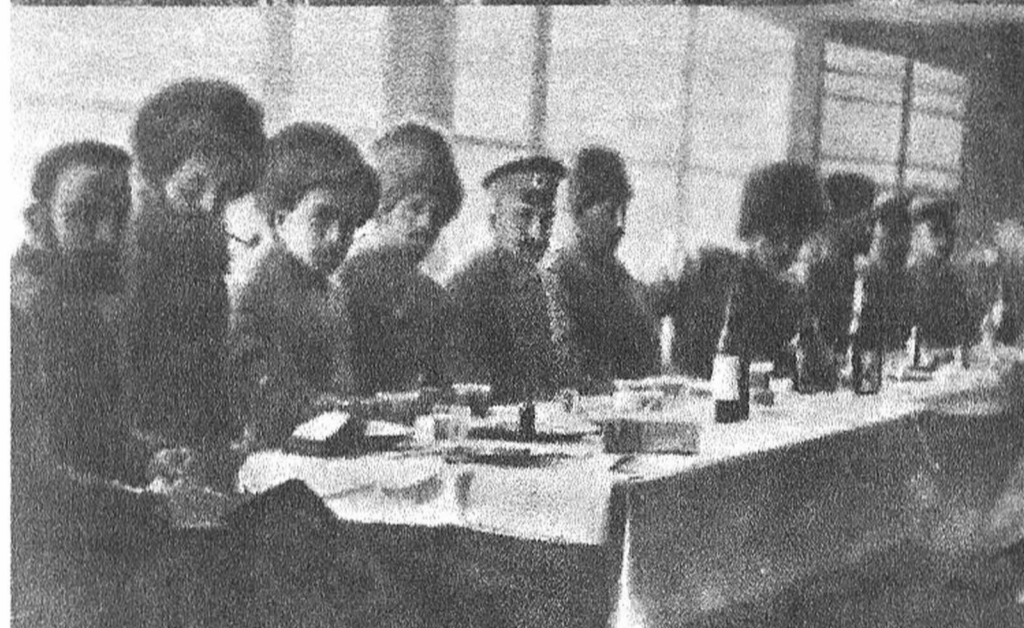
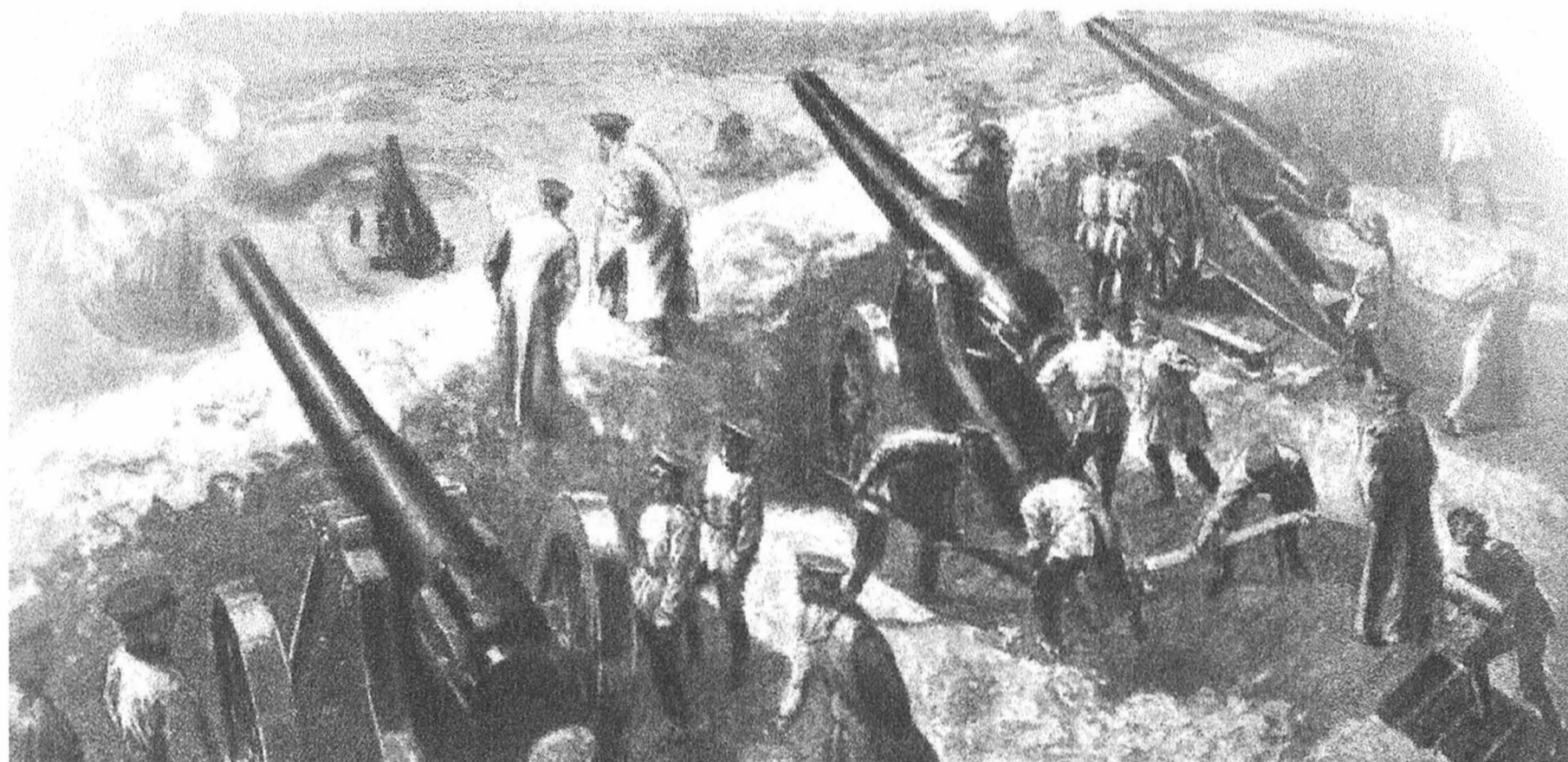
- возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны. См.: Советская военная энциклопедия. В 8 т. М., 1977. Т. 4. С. 261; Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 4. С. 120. Следовательно, психология комбатантов — это психология человека на войне, вооруженного человека, принимающего непосредственное участие в боевых действиях.
- ⁵⁶ Военная психология: методология, теория, практика. М., 1996.
- ⁵⁷ *Луков Г.Д.* Психология. (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43—44.
- ⁵⁸ *Кринко Е.Ф.* Частная жизнь советского человека военного времени: историография и источники проблемы // *European Researcher*. 2012. № 11 (33). Р. 1861.
- ⁵⁹ См.: *Дорогие мои... Письма из Афгана*. М.: Профиздат, 1991.
- ⁶⁰ См.: *Письма гнева и ненависти*. М., 1942; *Письма с фронта*. Тамбов, 1943; *Письма с фронта*. Алма-Ата, 1944; *Письма с фронта*. Ташкент, 1949; *Солдатские письма*. М., 1965; *Великая Отечественная война в письмах*. М., 1980; *Письма с фронта. 1941—1945*. Сб. документов. Краснодар, 1983; *Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.)*. 8-е, доп. изд-е. М., 1983; *Великая Отечественная в письмах*. 2-е изд. М., 1983; *Огненные строки. Письма с фронта и на фронт 1941—1945 гг.* Ставрополь, 1985; *Последние письма с фронта*. Сб. В 5 т. М.: Воениздат, 1991—1995; *Письма Великой Отечественной войны (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): сб. документов*. Тамбов, 2005; *Я это видел... Новые письма о войне*. М., 2005; «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...» *Фронтовые письма 1941—1945 годов*. М., 2005; «Много писать мне мешали бои...»: *Фронтовые записи 1941—1945 годов*. М., 2005; *Письма из войны: сб. документов*. Саранск, 2010; *Солдатские письма: сб. документов*. Саранск, 2010; *Письма с фронта. 1941—1945*. Сб. документов. Казань, 2010; *Фронтовые письма из калужских архивов: сб. документов*. Калуга, 2010; и др.
- ⁶¹ Нам дороги эти позабыть нельзя: *Воспоминания фронтовиков Великой Отечественной*. Киев, 1980; *За нашу Советскую Родину! Воспоминания ветеранов — участников Великой Отечественной войны*. Майкоп, 1995; *Летописи войны. Воспоминания, дневники, письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны*. М., 2012; и др.
- ⁶² См.: *Жучков В.Н., Кондратьев В.А.* Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // *История СССР*. 1961. № 4; *Ермолина Л.Г.* Фронтовые письма в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // *Известия ОГИК музея*. 2002. № 9; *Булыгина Т.А.* Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // *Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях*. Ставрополь, 2005; *Кондратьев В.А.* О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // *История СССР*. 1986. № 6; *Моисеева И.Ю.* Фронтовые письма 1941—1945 гг. как источник по изучению темы «Человек и война» (на материалах Коми АССР) // *Коми АССР в годы Великой Отечественной войны*. Сыктывкар, 2004. № 9; *Человеческие документы войны. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи*. Курск, 1998.
- ⁶³ *Момотова Н.В., Петров В.Н.* Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // *Социология*. 2005. № 2; *Пушкарев Л.Н.* Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // *Военно-историческая антропология. Ежегодник*. 2002. М., 2002; *Ракова А.П., Шанев А.А.* Фронтовой быт Советской Армии в годы Великой Отечественной войны по воспоминаниям участников // *Известия ОГИК музея*. 2002.
- ⁶⁴ *Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне*. Ростов н/Д., 1947; *Стихи остаются в строю*, М., 1958; *Советские поэты, пав-*

- шие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005.
- ⁶⁵ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 31.
- ⁶⁶ Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. 2-е изд. М., 1969. С. 141—142.
- ⁶⁷ *Кривель А.М.* Указ. соч. С. 139.
- ⁶⁸ Там же. С. 137—138.
- ⁶⁹ См.: *Сенявская Е.С.* : 1) 1941—1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995 ; 2) Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997 ; 3) Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999 ; 4) Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* : 1) Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века) // Вестник РУДН. 2006. № 6. С. 54—73 ; 2) Идеология войны и психология народа // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2010. С. 122—235 ; 3) Поле боя — историческая память: военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 106—125; *Сенявский А.С.* : 1) Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этнокультурных условиях // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 50—65 ; 2) Кодекс самурая: ценности и психология японского военного сословия (X—XIX вв.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2004. С. 73—90 ; 3) Морально-психологическая подготовка японских воинов-самураев // Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения. Ежегодник. 2005/2006. М., 2007. С. 6—27 ; 4) Поляки в Красной Армии в 1944 г.: социально-психологические проблемы // Военно-исторический архив. 2002. № 1. С. 97—112 ; 5) Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: элементы трансформации // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Адлер, 26—30 мая 2005 г.) Краснодар, 2005 ; 6) Большая стратегическая «игра» накануне Второй мировой войны: политические реалии и историческая память // Труды Института российской истории. Вып. 9. М.; Тула, 2010; *Жукова Л.В.*: 1) Военное духовенство в период русско-японской войны 1904—1905 гг. // Мое Отечество. 2001. № 1. С. 29—33 ; 2) Военное духовенство в Порт-Артуре в период русско-японской войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2003. № 2. С. 33—43 ; 3) Психологический фактор как одна из причин поражения России в Русско-японской войне // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. Материалы XVIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12—13 декабря 2005 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2005. С. 143—147 ; 4) Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 259—275 ; 5) Обеспечение отправления религиозных обрядов русскими военнопленными в Японии в 1904-1905 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2006. № 3 (7) Спец. выпуск. С. 79—89 ; 6) Русские военнопленные в русско-японской войне 1904—1905 гг.: проблемы статистических исследований // Человек и война в XX веке. Материалы межвузовской научно-практической конференции 2 июня 2007 в г. Тольятти. М., 2007. С. 44—50 ; 7) Путь на войну. (Проблема трансформации сознательного восприятия пространства и времени участниками русско-японской войны 1904—1905 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. М., 2007. С. 162—171 ; 8) Боксерское восстание в Китае 1901 г.

в восприятии русских очевидцев и в исторической памяти россиян // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. М., 2008 ; 9) Западные христианские миссионеры и русские военнопленные в Японии в 1904—1905 гг. // Россия и Запад: диалог культур: сб. ст. XII Междунар. конф. Вып. 14. М., 2008. Ч. II. С. 78—88 ; 10) Революционизация русской армии в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств: материалы XIII Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 13—14 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 115—119 ; 11) Организация досуга русских военнопленных в Русско-японскую войну 1904—1905 гг. // Военный фактор в российской истории в XVIII — XX веках: сб. ст. Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 81—84 ; 12) Появление в России мифа о «желтой опасности» // Обозреватель—Observer. Научно-аналитический журнал. 2009. № 12 (239). С. 120—127 ; 12) Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...»: героические образы русско-японской войны в исторической памяти россиян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2009. № 1. С. 68—81 ; 13) Частные и общественные благотворительные инициативы г. Москвы, связанные с началом русско-японской войны 1904-1905 гг. // XX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2010. Т. 2. С. 102—104 ; 14) Повседневность японского военного плена // Обозреватель—Observer. Научно-аналитический журнал. 2010. № 1 (240). С. 106—119 ; 15) Иконы в русско-японской войне // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2012. Т. 2. С. 109—111 ; 16) Порт-Артурская икона «Торжество Пресвятой Богородицы»: история и современность // Сборник научных трудов SWorld. Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития. 2013. Вып. 3. Серия «История». Одесса, 2013. Т. 41. С. 77—88 ; 17) «Вера и Церковь. Русская Православная Церковь в годы Первой мировой войны» // Мультимедийный каталог выставки «Взгляни в глаза войны России в Первой мировой войне в кинохронике, фотографиях, документах» 29 августа — 28 сентября 2014 года. Диск 1. Второй зал «Война». М., 2014 ; 18) Фронтной быт в годы Первой мировой войны // Мультимедийный каталог выставки «Взгляни в глаза войны России в Первой мировой войне в кинохронике, фотографиях, документах» 29 августа — 28 сентября 2014 года. Диск 1. Второй зал «Война». М., 2014 ; 19) Православная церковь на фронтах Первой мировой войны // Первая мировая война — пролог XX века. Матер. междунар. науч. конф. Москва, 8—10 сентября 2014 г. Ч. I. М., 2014. С. 224—227 ; 20) К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5. С. 584—591 ; 21) Икона на войне (по материалам Русско-японской и Первой мировой войн) // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 6. С. 693—710 ; 22) Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны // XXV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2015. С. 203—207 ; 23) Война открыток // Российская история. 2015. № 6. С. 211—213 ; 23) Праздники на фронте (по материалам Русско-японской войны) // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 52—74 ; 24) Церковные праздники в русской армии в начале XX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 197—214 ; 25) Участие военного духовенства в делах против китайцев (1898-1901) // Клио. 2016. № 6 (114). С. 59—70 ; 26) Военные церкви на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, 16—18 мая 2016 г.). Благовещенск, 2016. Т. 6. С. 170—188 ; и др.

Глава 1

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Мобилизация

В конце декабря 1903 г. неизбежность войны с Японией не вызвала уже никаких сомнений. Даже дата ее начала была, фактически, известна¹, однако никаких экстренных мер принято не было. Лишь на следующий день после нападения японцев на порт-артурскую эскадру, 28 января 1904 г. была объявлена мобилизация.

К этому моменту на Дальнем Востоке уже были сосредоточены 8 Восточно-Сибирских стрелковых бригад (7 — по 4 полка двухбатальонного состава², и одна — 4 полка трехбатальонного состава). «Таким образом, 68 стр. батальонов были сведены в 32 стр. полка, а эти в свою очередь в 8 стр. бригад. К ним в первые месяцы 1904 г. должны были прибавиться еще 32 третьих батальона, которые вместе с прежними 68 и восемью батальонами 9-й бригады сводились уже в 36 стр. полков или в 9 стр. бригад»³.

Конница состояла из одного регулярного полка — Приморского драгунского, который вместе с 1-м Нерчинским полком Забайкальской казачьей дивизии и Уссурийским казачьим дивизионом составлял Уссурийскую конную бригаду. Полевая артиллерия состояла из 1-й (8 батарей) и 2-й (4 батареи) Восточно-Сибирских стрелковых бригад, Восточно-Сибирского (3 батареи) и Забайкальского (2 батареи) дивизионов.

Мобилизацию предполагалось провести в три этапа: сначала одновременно мобилизуются войска Приамурского, Сибирского военных округов и Квантунской области, затем — 1-й корпус в Киевском и 27-й корпус в Московском военных округах и в завершение — резервные дивизии в Казанском военном округе⁴.

Стремясь избежать всеобщей мобилизации, правительство прибегало к частичным мобилизациям по военным округам, поэтому в некоторых местностях в армию были взяты «все мужики» до 45 лет без всякой жеребьевки. Быстрее всего на призывные участки явились «запасники»: «...в строй попали запасные преимущественно старших сроков, 39—43 лет <...> Воинским начальникам было предписано отправлять в части первых явившихся. Таковыми оказались исполнительные и степенные “бородачи”, явившиеся в при-

сутствия сразу по получении повестки»⁵. Эти люди, обремененные семьями, вовсе не рвались на войну, а проехав семь тысяч верст на Дальний Восток «...после первого же перехода сваливались. Они заполняли госпитали, этапы, слабосильные команды, через один-два месяца, сами никуда уже не годные, не принесшие никакой пользы и дорого обошедшиеся казне — эвакуировались обратно в Россию»⁶. Лишь в сентябре 1904 г. во время одного из смотров Николай II лично освободил от службы запасных с 1880 до 1885 г.⁷

Устав о воинской повинности⁸ освобождал от нее по причинам телесных недостатков или болезненного расстройств, из-за роста, по семейному положению (три разряда льгот), по званию и роду занятий; по имущественному положению и по образованию полагалась отсрочка.

Спешность мобилизации породила множество небрежностей и даже злоупотреблений, хотя учреждениям, составляющим частные призывные списки, предписывалось обращать особенное внимание на права новобранцев, на сокращенный срок службы в войсках⁹ и другие возможные льготы. Некоторые призывники не проходили достаточного медицинского освидетельствования, поэтому в армию попали не только возрастные, но и больные, в том числе душевными заболеваниями, алкоголизмом, хроническими инфекционными заболеваниями и даже сифилисом. Вместе с тем, многие из подлежащих призыву предоставляли документы, освобождавшие от службы именно по причине различных заболеваний. Так, во время весеннего призыва 1905 г. в Москве удалось собрать менее трети призывников — остальные получили различные льготы.

Довольно большое количество явившихся на призывные участки оказались действительно физически не годными по состоянию здоровья. Еще 1 февраля (19 января) 1904 г. Московский листок опубликовал заметку о «физическом вырождении населения»: «Оно в значительной степени мельчает и слабеет; молодые люди с хорошим ростом и здоровьем представляют в настоящее время исключение». Опасения оказались вполне оправданы. При осмотре 50 призванных из запаса «1 найден вполне здоровым, 11 признаны негодными к военной службе, двое получили отсрочки и 36 отправлены в госпиталь для испытания»¹⁰.

Слабое состояние здоровья — самый верный способ уклониться от службы. Доказывая свою немощь, прибегали к невероятным ухищрениям¹¹. Например, тенор Л.В. Собинов при призыве из запаса на действительную службу в качестве прапорщика запаса зая-

вил, что страдает сильным нервным расстройством, и получил отсрочку на год.

В связи с с большим количеством льгот, 3 сентября открыла «свои действия специальная комиссия по переосвидетельствованию лиц, получивших льготы по призыву в московском городском по воинским делам присутствии»¹², однако результаты ее деятельности на исход войны повлиять уже не смогли. Всего «исключенных за физической негодностью», по данным А.А. Керсновского, было 52 340 человек¹³.

Среди тех, кто отправлялся на фронт, особенно в первые месяцы войны, были и добровольцы. Всего их было зачислено на службу 9376 человек¹⁴.

Много добровольцев было среди военных священников. Первые обращения к Протопресвитеру А.А. Желобовскому с просьбой о назначении в действующую армию стали поступать еще до начала военных действий (8 января — Молотков Арсений¹⁵, 22 января — Девидзе Александр, 26 января — Грифцов Василий). С большой помпой отправился добровольцем на Дальний Восток Георгий Шавельский. На всякий случай, из числа подавших прошения, было отобрано в качестве кандидатов 14 человек: Тышко Архип, Васильманов Рафаил, Никифоровский Михаил, Быстряков Иван, Успенский Владимир, Стефановский Леонид, Любомудров Александр, Омелюстый Михаил, Архангельский Николай, Иваницкий Александр, Стратановский Василий, Орлов Федор, Коротаев Иван, Макаревский Николай.

В принципе, к середине февраля необходимости в срочных новых назначениях военных священников не было, однако именно в это время количество желавших добровольно попасть на Дальний Восток заметно возрастает. Только за период с 29 января по 30 мая 1904 г. о. Протопресвитер получил около 329 обращений, в том числе и повторных¹⁶, от желающих отправиться в действующую армию на Дальний Восток (66 — телеграммы, остальные — прошения, написанные от руки¹⁷). В большинстве своем попасть на Дальний Восток стремились сельские священники (свыше 70%); городские (около 20%), военных и полковых церквей, монашествующие — гораздо реже. Среди добровольцев было мало диаконов (1,5%), псаломщиков (менее 1%), и иеромонахов (менее 1%), семинаристов (менее 1%).

Образовательный уровень большинства доброхотов был невысок — духовная семинария, хотя на фронт рвались и не окончившие курс (1%), и даже малограмотные. Трое из обратившихся были

студентами Духовной Академии, один — кандидат богословия, один студент-медик¹⁸.

Возраст добровольцев тоже был далеко не всегда подходящий. В нескольких случаях обращались священники старше 60-ти лет, но они имели опыт военно-походной (3 чел.), медицинской (1 чел.) или миссионерской (2 чел.) деятельности. Так, например, 4 февраля рассматривалось прошение иеромонаха Платона из Вологодского Святодухова монастыря, участвовавшего в турецкой компании¹⁹. Относительно немного обратившихся были моложе 25 лет, в том числе и не достигшие 18 лет. Хотя и то и другое — исключение. Большинству желающих пойти в действующую армию было от 30 до 45 лет, причем преимущественно — от 35 до 40.

Были попытки попасть на войну и «по знакомству». Например, священник Владивостокской епархии Каллист Лапинский обратился с ходатайством о назначении в Николаевск-на-Амуре на должность священника крепостного пехотного полка к Великому князю Сергею Михайловичу, с которым познакомился во время отбывания воинской повинности в 1897 г., состоя телеграфистом военного телеграфа станции в лагерном соборе²⁰.

«Я, как человек знакомый с местностью театра войны и отлично знающий психологию русского солдата, чувствую, что могу быть полезным, и горю непреодолимым желанием послужить святой родной земле на поле брани», — писал о. Лапинский своему высокому покровителю²¹, не побоявшись ради этого желания оставить на попечении престарелого отца свою больную жену и троих детей — двух малолетних и новорожденного.

11 марта 1904 г. о. Желобовский получил ходатайство о. Лапинского с просьбой Великого князя «оказать ему, Лапинскому, милостивое содействие в поступлении в армию, ныне действующую на Дальнем Востоке»²².

Желаемое назначение о. Лапинский получил 10 мая 1904 г.

В апреле 1904 г., используя покровительство генерала Г.Ф. Чернозубова, получил назначение в 30-й Восточно-Сибирский стрелковый полк священник Донской епархии Петр Введенский²³.

А вот попытка генерала Глинского добиться назначения в военный госпиталь священника Попова успехом не увенчалась²⁴.

Но из тех, на чьих прошениях стояла резолюция «иметь в виду», не все попали на театр военных действий. Например, Константин Датадзе обращался к о. Протопресвитеру четыре раза, однако назначения так и не получил.

Едут на фронт художники и скульпторы: «шестидесятидвухлетний В.В. Верещагин и более молодые — <...> Н.И. Кравченко (корреспондент газеты “Новое время”), Н.С. Самокиш (корреспондент “Огонька”) и др. Призванными окажутся скульптор Б.М. Микешин, живописец Г.Б. Якулов»²⁵. Добровольцем отправился на войну художник-баталист Иван Алексеевич Владимиров. «Во мне со всей силой проснулось, очевидно, природное влечение к баталистической живописи, и я, во что бы то ни стало, решил отправиться в действующую армию, чтобы лично видеть и испытать ужасы кровавой трагедии и, по возможности, зарисовать главнейшие ее эпизоды, которые пройдут перед моими глазами, занести в альбом главнейшие военные типы в их боевой обстановке», — писал Владимиров в своих воспоминаниях «С пером и кистью среди штыков и пушек»²⁶. Еще один художник русско-японской войны — Михаил Дмитриевич Езурчевский. На войну он попадает как корреспондент, делает большое количество зарисовок для «Летописи войны с Японией», его эскизы тиражируются как открытки. Один из художников, чье творчество оказалось связано с морской темой — Евгений Иванович Столица. В 1904 г. он отправился в Порт-Артур по приглашению адмирала Макарова «для запечатления на холстах боевых эпизодов обороны крепости».

Были среди добровольцев и писатели (В.В. Вересаев, Н. Ггарин и др.). Ехали на войну певцы и музыканты (например, певица А.Д. Вяльцева). Правда, они ехали с концертами.

Не остались в стороне от патриотической кампании и учебные заведения. На заседании Совета Московского университета 31 января 1904 г. «...выразил готовность, в случае необходимости, лично отправиться на Дальний Восток для помощи раненым» заслуженный ординарный профессор Л.Л. Левшин²⁷. В составе Первого санитарного отряда в феврале 1904 г. добровольцем отправился на фронт приват-доцент Московского университета А.П. Прокунин²⁸. Много добровольцев оказалось среди студентов университета, учащихся Лазаревского училища и т.д. Самую большую группу «несостоявшихся» добровольцев составляли школьники и гимназисты. Чаще всего, далеко добратся они не успевали — их перехватывали и возвращали домой, но они «бегали» иногда по несколько раз.

Желали попасть на фронт и такие добровольцы, как принц Хаиме Бурбонский, потомок Бурбонов, уже сражавшийся в русских войсках при усмирении восстания боксеров, и князь Арсений Карагеоргиевич, родной брат Петра I, короля Сербии. «Принц Бур-

бонский состоит поручиком лейб-гвардии гродненского гусарского полка, князь Арсений Карагеоргиевич зачислен есаулом в казачью сотню»²⁹.

Случались и курьезы. Как сообщал, например, «Русский листок» 22 (09) июня 1904 г.: «В киевское уездное по воинской повинности присутствие каждый день является крестьянка Казанской губ. Чистопольского уезда, Анисья Евдокимова, 17 лет, и просит зачислить ее добровольцем в действующую армию». Оренбургская казачка Анна Кожанова тоже пожелала отправиться на войну, подала прошение о зачислении ее казаком в полк и обязалась отправиться на собственном коне. На сборах под Верхнеуральском Кожанова старательно училась и выглядела в строю не хуже казаков.

Желание попасть на фронт далеко не всегда объяснялось патристическими чувствами, хотя почти в каждом прошении, особенно в рукописных, имелись пространные рассуждения о желании оказать духовную поддержку солдатам и «положить свой живот за веру и отечество на поле брани»³⁰.

Например, законоучитель Владикавказской мужской гимназии Стефан Стефанов Тер-Арутюнов свое намерение отправиться на фронт объяснял тем, что жизнь приходского духовенства не согласовывалась с его внутренним убеждением³¹. Однако текст письма свидетельствовал, скорее, о том, что Тер-Арутюнов — человек неуживчивый и скандальный.

Были и более житейские стремления — например, желание оказаться поближе к сыну, или просьбы диаконов определить их на место священников.

Чаще всего в основе обращения прослеживаются те или иные *корыстные* мотивы: от просьб оказать вспомоществование для проезда на Дальний Восток, указать содержание и льготы, до конкретных жалоб на имущественную несостоятельность.

Дело в том, что содержание полкового и госпитального священника было довольно значительным. «Согласно приказам по Военному Ведомству 1898 г. № 272 и 1900 г. №№ 132 и 247, указанные в сих приказах священнослужители духовных причтов на Квантунском полуострове имели право получать содержание в размере 1567 руб. 8 коп. в год за вычетами»³². Собственно жалование при этом составляло около 1080 руб., а разница в содержании возникала из-за квартирных, прогонных, фуражных и других дополнительных выплат. «Содержание священникам в полевых госпиталях в год [составляло — Л.Ж.] а) жалованья по усиленному окладу (при-

каз по Военному ведомству 1901 № 45) — 1080 руб. и б) полевые порции (приказ по Военному ведомству 1895 № 306 по VI разряду) — 1080 руб. Итого 2160 руб.»³³. В случае выхода на пенсию, священник получал бы право на особую, так называемую «Амурскую» пенсию, рассчитывавшуюся «из суммы окладов, получаемых в день выслуги сих пенсий: 1) жалованья и 2) столовых денег»³⁴. Если же по окончании военных действий священник не выходил на пенсию, но и не находил вакансии, то пользовался правом на прежнее жалование (1080 руб.) в течение года со дня оставления службы.

Кроме того, получив назначение на Дальний Восток, священник получал и «довольствие в 1214 руб. 9 коп. Основание для расчета: Приказы по Военному Ведомству 1895 № 306, 1899 № 141, 1900 № 418, 1903 № 324, ст. 337 кн. III Свода Воен. Пост. Уст. Хоз. изд. 1888 г. и циркуляр Гл. Штаба 1896 № 107: прогоны 719 руб. 9 коп.; военно-походные деньги 150 руб., походные порции, по 1 р. 50 коп. в сутки за 1 месяц вперед 45 р.; 4-х месячный оклад содержания по 75 р. в месяц — 300 руб. и 6% в эмеритальную кассу — 18 руб., всего 318 руб., из коих выдаче на руки подлежит 300 руб. Всего 1214 руб. 9 коп.»³⁵.

Не бескорыстно отправлялись на войну и студенты — уходя добровольцами (и попадая чаще всего в Красный Крест), они должны были служить всего один год и т.д.

Довольно откровенно объясняет мотивацию офицеров-добровольцев М. Грулев: «Уж я себе георгиевский крест добуду. Весь полк свой уложу, а беленький крестик у меня непременно будет на месте вот этого Владимира с мечами <...> мне бы в подполковники как-нибудь попасть. Мне ведь в штабе дивизии до смерти сидеть капитаном, если теперь война не поможет <...> генеральские эполеты само собою, а белый крестик заработаю, хоть весь полк уложу»³⁶.

В целом, мобилизация 1904 г. прошла успешно. В СВО, например, «не явилось на призывные участки только 0,94 % призываемых, при этом большинство не явившихся имели льготу — они либо проживали в пределах округа менее двух лет (переселенцы из европейской части страны), либо работали по специальностям, которые или совсем, или временно были освобождены от призыва в действующую армию»³⁷.

В Тверской, Новгородской, Вологодской, Тамбовской, Псковской, Смоленской, Владимирской и Минской губерниях *недобора вовсе не было*. В губерниях Курской, Воронежской, Орловской и Калужской недобор был ничтожный. В губерниях с фабричным

населением — Московской и Ярославской — недобор составлял 2,2 % и 1,9 % соответственно³⁸. В некоторых местах мобилизация проходила трудно. Не все полки удалось «собрать» вовремя — так, не «собрался» в феврале 1904 г., например 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк³⁹. В.В. Вересаев вспоминал, что во время мобилизации в конце апреля 1904 г. «...в деревнях людей брали прямо с поля, от сохи. В городе полиция глухою ночью звонилась в квартиры, вручала призываемым билеты и приказывала *немедленно* явиться в участок»⁴⁰. В октябре—ноябре 1904 г. в ряде округов мобилизация вообще оказалась под угрозой срыва. 10 ноября 1904 г. А.В. Богданович записала в своем дневнике: «Батьянов сказал, что войска, с которыми он ездил прощаться в Витебск, неохотно идут на войну. Привез он известие, что в Варшаве Люблинский полк отказался идти на войну, что 8 человек из полка решено повесить»⁴¹. Волнения были зафиксированы на 45 призывных участках.

Всего в течение всей кампании, как в европейской, так и в азиатской России, было принято на службу 1 млн 174 тыс. 913 чел. (70% явившихся к призыву)⁴².

Одной из проблем начала войны стала недостаточная комплектация полков офицерами. Штаты двухбатальонных Восточно-Сибирских стрелковых полков должны были включать 39 офицеров⁴³. Однако к концу февраля 1904 г. в трехбатальонных полках насчитывалось от 21 до 31 офицера. «...Особенно значительный некомплект офицеров был в пехоте, что объясняется: 1) отсутствием в 1903 г. выпуска из юнкерских училищ, вследствие перехода в них от двухлетнего курса к трехлетнему; <...> 3) переходом офицеров из строя в корпус жандармов и в пограничную стражу»⁴⁴. К апрелю 1904 г. ситуация начинает меняться в обратную сторону — количество офицеров при каждом полку увеличивается от 44 до 58, а к 1 мая в отдельных полках оказывается до 80 офицеров при 3,5 тысячах нижних чинов и нестроевых.

Времени на сборы и проводы всем отводилось немного — около двух недель, или чуть больше для тех, кому предстояло вначале добраться в Москву, поскольку нужно было успеть оформить все документы, получить деньги, собрать необходимое имущество и собраться самому.

Из документов полагалось иметь при себе предписание из штаба, аттестаты и паспортную книжку. В суете и поспешности сборов вещи вначале собирали кое-как, но вскоре пришлось обратить на это серьезное внимание.

Проще всего, очевидно, было нижним чинам. Как вспоминал один из участников войны, «мобилизация нас на войну была сделана так спешно, что нам не дали пожить для подготовки и трех дней, которые полагались по закону. Приехали в город Шадринск на крестьянских подводах, снаряженных для отправки мобилизованных, и сразу на разбивку, на плац. Интересно, что никто даже не знал сначала, с кем воевать. Отправили на подводах партиями до станции Курган —сто пятьдесят верст. Мы дорогой только узнали, что едем на доформирование полка в Томск, оттуда отправят на Дальний Восток, и что война с Японией уже идет, и мы будем воевать с япошками. Наш 8-й Томский Сибирский полк формировался основательно. Я попал во 2-ю роту и назначен взводным командиром. Расселил свой взвод в пятьдесят человек по квартирам, и началась подготовка — получка обмундирования, снаряжения и оружия — оборудовались в полное походное снаряжение. Начались занятия. Солдаты были разных сроков службы и многие давно забыли военную службу. Некоторым солдатам было уже сорок пять лет. Три недели, кажется, не больше, шли занятия и, наконец, выехали на фронт в апреле месяце 1904 года»⁴⁵.

На сборных пунктах к приему призывников были приспособлены помещения, заготовлено продовольствие и запасы теплой одежды. «Некоторый недостаток оказался местами лишь в теплых вещах, но он был вызван недобросовестностью отдельных чинов запаса, которые, узнав, что воинские начальники неимущим выдают казенную одежду, продавали свою собственную, хотя за каждый принесенный полушубок люди получали по четыре рубля вознаграждения от казны»⁴⁶. Сами мобилизованные, особенно из деревни, запасались сухарями.

Гораздо сложнее оказалось офицерам — «ни один из предметов военного обмундирования и снаряжения мирного времени не был приспособлен к войне. Даже шашки не были отпущены. Мундиры и кителя — узкие, без карманов, пальто — холодное, сапоги — на тонкой, мягкой подошве»⁴⁷. Так что всем пришлось собираться по своему разумению. А.А. Игнатьев, например, вспоминает, что «командир 1-го эскадрона, сидящий ротмистр Марков» советовал ему взять «прежде всего серебряный пояс-шарф на муаре»⁴⁸. Некоторые набирали с собой столько вещей, что вынуждены были помещать их в багажный вагон. «От Москвы до Иркутска перевозка багажа стоила пять рублей за пуд, и несмотря на то, что в купе поместилось довольно много вещей, пришлось доплатить свыше ста

рублей»⁴⁹, — вспоминал один из офицеров. Он взял с собой палатку с двойным верхом, железную складную кровать, походное кресло, полог от москитов, походную кухню — «в жестяном ведре вмещалось все, что было нужно для приготовления обеда, столовые приборы и складной фонарь»⁵⁰ и крахмальную рубаху на случай представления генералам.

Наибольшие трудности при сборах на войну испытывали военные священники. Оказалось, что мало кто из них имеет реальное представление о том, что нужно брать с собой в поход. 31 марта 1904 г. в Духовное Правление обратился Благочинный 9-й пехотной дивизии священник Евгений Шереметев, прося разъяснить, надо ли брать в поход Антиминс и складной престол. Запрос оказался кстати, потому что в это самое время в 8-м отделе Главного интендантского управления рассматривались два образца складного престола. Один представлял собой 4 доски, соединенные складными рамами: верхняя доска — 1 квадратный аршин и высота 1 аршин 1½ вершка. «В сложенном виде она занимает в ширину ½ аршина и 1 аршин в длину»⁵¹. Другой вид престола — 8 соединенных попарно железными петлями рам. «Каждая пара, раскрытая совершенно в одной плоскости, представляет сторону престола, стороны соединяются между собою в углах шипами и крючками. Является четырехугольник, на который и накладывается складная доска... Этот вид престола остойчивее, но за то сложнее и тяжелее»⁵². Заслушав вопрос, 27—30 апреля 1904 г. Духовное Правление выбрало нужную модель престола. Он должен был состоять «из двух связанных между собою железными петлями рам, раскрывающихся в квадратную (17½×17½ вершков) доску с четырьмя по углам доски винтовыми железными гнездами для 4-х деревянных ножек, укрепленных в гнездах вделанными в ножки железными винтами и соединенных с верхнею доскою престола железными крючками; длина ножек (без доски) 20½ вершков»⁵³. Кроме того, был определен список вещей, необходимых для похода⁵⁴.

Все эти вещи, включая сундук, изготавливались в мастерской Ивана Алексеевича Жевержеева в Гостином дворе на Перинной линии. Изготавливал он для пеших полков — по уставу — один ящик «28 вершков длины, 12 вершков ширины и 8 вершков высоты»⁵⁵, а для драгунских и казачьих полков — по два ящика. Но из-за новой конструкции престола пришлось ему отступить от привычных образцов — походный сундук полкового священника стал выше на 1 вершок.

Кроме необходимых для богослужения предметов, нужно было собрать какие-то личные вещи. Предельный вес для них был установлен в 3½ пуда.

Но все нужно было покупать за свои деньги и очень спешно, и неизвестно было, что может понадобиться: «край новый, незнакомый... каждая вещь казалась предметом первой необходимости»⁵⁶.

Частичная мобилизация сама по себе создала целый ряд проблем, которые окажут существенное влияние на ход событий. Во-первых, несмотря на существовавшие планы и порядок мобилизации, комплектование полков происходило в обстановке спешки и неразберихи. Нарушались права призывников, не хватало времени на выявление уклонистов, нездоровых, непригодных, имеющих права на отсрочки и т.д. — «хватали» всех. В результате, в армию попали и больные, и возрастные солдаты. Во-вторых, мобилизация происходила с одновременным реформированием уже существовавших полностью укомплектованных полков. В результате, сложившиеся накануне войны связи разрывались — офицеры, врачи, священники переводились в новые полки, большое количество новобранцев разбивало уже сложившуюся «солдатскую семью». В силу возраста и стремительности попадания в строй, эти новобранцы не только не знали традиций полка, но и не имели возможности их узнать. Их обучение и строевая подготовка длились несколько недель, а то и несколько дней, иногда превращаясь не в учения, а в лекции, и, таким образом, по меткому замечанию М. Грулева, на войне окажутся теоретические артиллеристы. Кроме того, на уровне комплектования полков в некоторых случаях солдаты оказались, фактически, предоставлены сами себе — они не знали ни офицеров своего полка, ни священника, словом, никого из тех, кто обязан был, во-первых, производить строевую подготовку в очень ограниченный промежуток времени, во-вторых, объяснять хоть как-то особенности, цели и задачи войны, и, наконец, оказывать нравственно-психологическую помощь в период адаптации.

Одна из проблем начала войны — добровольцы. Значительное количество тех, кто выразил желание отправиться на фронт, были слишком молоды, не имели вообще никакого военного опыта и представления о походной жизни. Кроме того, в большинстве своем эти добровольцы (офицеры, священники, художники, писатели, артисты) и не мыслили об активном участии в боевых действиях. Война им представлялась приключением, способом изменить рутинный уклад жизни, источником доходов, путем к славе, возможностью для

карьерного роста и т.д. При этом себя — убивающим или убитым — большинство из них не мыслило. Им представлялось, и, кстати, не без оснований, что во время боя они останутся в стороне, наблюдая за ходом битвы. Эти дамы и студенты, накануне боя беседующие о творчестве А.П. Чехова, истерично воспринимающие отсутствие ванны и утреннего кофе, поспособствовали в дальнейшем той удивительной атмосфере всеобщего недовольства и уныния, разочарования и разболтанности, которые так пагубно отразились на моральном состоянии войска уже в Манчжурии.

Еще одна важная проблема — сбор и обмундирование мобилизованных. Суетность и поспешность мобилизации проявилась и в этом. Выяснилось, что экипировка нижних чинов не соответствует ни климату местности, ни нуждам войны. Полного обмундирования на всех не хватало. Что же касается офицеров, то большинство из них, даже те, кто имел опыт военных действий, оказались не в состоянии самостоятельно отобрать в поход действительно необходимые вещи. Наиболее ярко отсутствие понимания нужд военного времени отразилось на ведомстве Протопресвитера — на фронте окажутся священники, не имеющие предметов первой необходимости (Антиминсов, метрических книг), но обремененные довольно объемистыми сундуками с совершенно не нужными, как показала практика, предметами.

Но важнее всего в этот момент было отсутствие идеи войны. Трудно было ожидать бодрости от солдат, которые не имели представления о том, с кем им, собственно, предстоит воевать.

«Фронтовые дороги»

После коротких учений мобилизованные отправлялись к месту назначения. Поначалу проводы отъезжающих на войну обставлялись торжественно, на них собирались толпы зевак. Прощались красиво, с напутственными речами Высочайших особ, с музыкой и угощением. «Когда началась война, то его величество весь 1904 г. все время ездил напутствовать войска, отправляемые на Дальний Восток. Так, в начале мая государь с этой целью ездил в Белград, Полтаву, Тулу, Москву, затем в июне — в Коломну, Пензу, Сызрань и другие города; в сентябре — в Одессу, Ромны и другие места на западе; в сентябре — ездил также в Ревель для осмотра наших некоторых судов; затем в октябре — в Сувалки, Витебск и другие города; наконец, в декабре — в Бирзулу, Жмеринку и другие южные

города»⁵⁷. Государь вдвоем с императрицей тщательно выбирает иконы и образа для войск, идущих на Дальний Восток, отмечает в своем дневнике подробности смотров полков, торжественно провожает едущих на фронт сестер милосердия. Появляются фотографии августейшей четы (не только в газетах, но и отдельными листами), провожающей солдат на фронт. По воспоминанию А.А. Мосолова, «...речи царя к частям были весьма удачны и особенно — говорившиеся экспромтом, производили сильное впечатление»⁵⁸. Смысл речей сводился к тому, что «Государь Император напутствовал... милостивыми словами, выразив при этом убеждение, что они послужат со славой Отечеству, и пожелав им вернуться здоровыми после победоносной войны»⁵⁹. После смотра Николай II «объявляет монаршее благоволение начальствующим лицам, нижним чинам, находившимся в строю, объявляет Свое Царское спасибо и жалует, как строевым, так и нестроевым: имеющим знаки отличия Военного ордена — по 5 руб., имеющим шевроны — по 3 руб.; а всем прочим — по 50 коп. на каждого»⁶⁰.

Принимают участие в проходах и напутствиях заслуженные генералы и только что назначаемые командующие. Вот как «Новое Время» изображает героя китайской кампании генерала Рененкампа в момент обращения к мобилизованным: «Широким галопом, на прекрасном гнедом коне подскакал он к своим сотням. <...> Громким голосом, проникавшим прямо в сердце, генерал произнес несколько слов, обращенных к чутко насторожившимся солдатам: “Помни, ребята, придется рубить, руби крепко, придется стрелять, стреляй метко, береги патрон. Придется идти в атаку, иди лихо, лавой пойдете, так, чтобы это была настоящая лава”». Крайне характерна и речь, которую произнес М.И. Драгомиров, прощаясь с войсками, отправляющимися на войну. Сцены прощания обставлялись с необычайной торжественностью, чтобы произвести «благоприятное впечатление на настроение солдатиков, с тяжелым сердцем уходивших на смерть... Генерала Драгомирова несли на носилках, знамена развевались, генерал плакал, обнимал, говорил солдатикам: «...Щадите патроны, щадите патроны, щадите патроны, стреляйте метко, колите крепко»⁶¹.

Старалось внести свою лепту в прощальную церемонию и духовенство. Солдатам выдавались конверты с книгами — на каждого солдата по 6—7 разных книг⁶² с надписями: «В благословение от Отца Протопресвитера военного и морского духовенства А.А. Желобовского рядовому команды ...»⁶³.

Вторая часть проводов солдат на войну — «угощение» от города: мобилизованным раздавали конфеты, сигареты, вино, для офицеров устраивали обеды с присутствием городского начальства.

Правда, нередко именно эта часть прощания проходила не гладко. Напившиеся солдатики дебоширили, да и обыватели вскоре несколько подустали от прощаний. Поэтому обеденная часть постепенно сокращалась, а затем к прибытию в город мобилизованных закрывались лавки, и наконец вся церемония проводов свелась к выстраиванию мобилизованных на платформе.

Перед посадкой в вагоны служили молебны, причем с напутствием выступал кто-нибудь из высших церковных иерархов.

Путешествовали по-разному. Нижние чины ехали в товарных вагонах. «В вагонах устраивались скамейки, превращаемые на ночь в нары, и полки под вещевые мешки; пол и стены вагонов покрывались войлоком и обшивались досками, в оконные люки вставлялись рамы, а посередине вагонов устанавливались железные печи. В приспособленных таким образом вагонах было несколько тесно [из-за печи — Л.Ж.], но тепло»⁶⁴. Правда, с дровами дело обстояло плохо. Солдаты были вынуждены красть железнодорожные дрова, или жечь деревянные приспособления теплушек⁶⁵. Были и другие неудобства. Как сообщала газета «Новости дня», в некоторых вагонах «отсутствуют уборные или, выражаясь точнее, ретирады. Новобранцы, имеющие надобность в отправлении естественных потребностей, принуждены, стоя на ступеньках, на полном ходу поезда, придерживаясь руками за перила вагона и принимать замысловатые акробатические позы»⁶⁶.

В вагонах ехали «человек по 20—30, не более, все в валенках и полушубках»⁶⁷. Теплые вещи — полушубки, валенки, папахи, рукавицы, наушники, набрюшники, башлыки — выдавались и по дороге — с Казанского вещевого склада, в Челябинске, и на берегу Байкала⁶⁸.

Для продовольственного снабжения войск на линии Москва-Иркутск был устроен 21 пункт с расчетом, «чтобы люди получали горячую пищу по крайней мере раз в сутки. На некоторых пунктах войска снабжаются также и хлебом. Кормовой оклад определен в 21 коп. в сутки на человека. Обед состоит из щей или супа с $\frac{3}{4}$ фунта мяса, хлеба и каши. Стоимость такого обеда от Самары до Байкала 13 коп.; остальная часть кормового оклада идет на ужин и на чай. Кипяток выдается на станциях бесплатно. Эшелоны штатных частей получают горячую пищу и из походных кухонь, следующих в составе обоза этих частей. Кухни устанавливаются в вагонах,

так что в них пища может приготавливаться во время хода поезда»⁶⁹. Таким образом, довольствие в пути составляло $\frac{3}{4}$ фунта мяса, 3 фунта хлеба, 32 золотника крупы, 0,96 золотника чаю и 2,88 золотника сахару⁷⁰, однако солдатам часто приходилось питаться сухарями, захваченными из дома. Главная причина заключалась в том, что в полном объеме заготовить необходимое продовольствие не удалось.

Кроме того, между Москвой и Иркутском «устроено для войск шесть “остановочных пунктов”, чтобы войска могли почиститься, помыться и вымыть белье. Некоторые из пунктов выстроены заново и располагают всеми необходимыми помещениями, так что с избытком удовлетворяют требованиям солдатского комфорта»⁷¹. Иногда на станциях удавалось помыться и в казенной бане, при которой имелась прачечная⁷².

Офицеры ехали отдельно от солдат. До Иркутска, по крайней мере, они ехали в относительном комфорте, с вагоном-рестораном. «Пассажиры были <...> почти все знакомые между собой. После приходилось пересаживаться в другой поезд, но он уже не имел ничего общего с сибирским экспрессом. <...> сидели в грязном не топленном вагоне, набитом до отказа людьми всякого рода, среди которых появлялись уже и многочисленные герои тыла. Вагона-ресторана, конечно, уже и в помине не было <...> Продвигаясь по Забайкалью, поезд постепенно пустел, так как офицеры и солдаты высаживались для дальнейшего следования уже на подводах»⁷³.

В пути офицеры общались между собой, но особого удовольствия это вынужденное общение не доставляло. «Ехали без всякой охоты, не вникая в то, что Россия переживает важный момент, что теперь каждый офицер должен дать отчет в том, что он сделал, чему обучил своих солдат. <...> Из бесед со спутниками я вынес впечатление, что многие из офицеров — это не рыцари без страха и упрека, а обыкновенные серенькие люди. Где тут могла зародиться мысль о геройском поступке, когда никто в мирное время не развивал в себе *величия духа*, некто не воспитывал в себе *силу воли*»⁷⁴. Раздражение иногда достигало такой степени, что путники «держались в стороне от этой публики [остальных офицеров — Л.Ж.], да и она редко с нами разговаривала»⁷⁵. Стремясь сохранить некое «личное пространство», после завтрака «каждый уходил к себе читать, писать, а может быть поспать»⁷⁶.

Держались в стороне офицеры и от солдат. «Отбывая дневальства в теплушках моего взвода, я наблюдал за настроением наших солдат и видел, как они “рвались в бой”. Три четверти из них были

крестьянами Седлецкой, Ломжинской и Люблинской губерний и плохо говорили по-русски. Будучи отцами семейств (некоторые имели даже женатых сыновей), они тосковали по оставленным хозяйствам и целыми днями мрачно молчали, покуривая трубки и греясь у печки. Ни смеха, ни песен никогда не доносилось из их теплушек. Но «курлябчики» оказались, однако, более дисциплинированными, чем наши кадровые солдаты. Последние, люди молодые и в большинстве неженатые, ехали на войну с легким сердцем, все время горланили песни, играли на гармониях, шутили и смеялись, но одновременно — жестоко пьянствовали и почти на каждой большой станции устраивали дебоши»⁷⁷. В этих условиях любая попытка проведения «беседы» с солдатами могла окончиться скандалом. «Сглупил! — писал один из офицеров с Дальнего Востока. — По настоянию своего начальника выступил недавно перед солдатами с речью. Едва начал я говорить о необходимости постоять за Царя и Отечество, как посыпались свист, ругань, угрозы... Я принужден был уйти куда-нибудь подальше от разъяренной толпы»⁷⁸. Впрочем, это случалось редко. В основном дорога проходила в разговорах и стремлении хоть чем-то себя занять. «В вагонах водворилась точно подавленная тишина... Кой-где струится робкая, заунывная песня, никем не поддерживаемая; иной лежа лениво перебирает пальцами на гармошке, устремив глаза в тесную даль вагона... Предписанные приказом по полку занятия и чтения как-то не клеятся»⁷⁹. Настроение у нижних чинов становилось все более мрачным.

В купейных вагонах, отдельно от солдат, ехали на войну и священники. «Прогонные», которые они получали, не включали собственно билет — его приходилось покупать на свой счет⁸⁰. Но, хотя цены на билет были высоки, священники все же старались устроиться в купе, предпочитая хотя бы в пути держаться подальше от паствы. И не напрасно. «Среди пьяных самый способный священник может быть очень плохим миссионером; а если он к тому же плохо знаком с народным духом, то ему очень легко можно натолкнуться даже на какую-нибудь совершенно незаслуженную дерзость»⁸¹. Питались священники тем, что удавалось купить на станциях, и провизией, запасенной в дорогу. Иногда на станциях вместе с офицерами принимали приглашения на обеды, устраиваемые для проезжающих местным «обществом» и помещиками⁸².

Долгая дорога была скучной — от станции до станции — только вид из окна да беседы с попутчиками. Ехали медленно, подолгу

стояли на станциях. На более продолжительных стоянках совершали богослужения, гуляли, обедали. В Европейской России к проезжающим относились с интересом. «...На станциях масса народу, кричат нам “ура”, просят сыграть “Коль славен”, дают солдатам молоко, яйца, солому, папиросы»⁸³. Солдаты пользовались любой возможностью выйти из вагонов, рвали цветы, траву, выводили лошадей⁸⁴.

В Азии дорога стала значительно хуже, поезда подолгу простаивали на станциях, дожидаясь своей очереди. Мучили резкие перепады температуры, в вагонах — мухи⁸⁵. Все заметнее становится, что это «и физическая мука: каждую минуту движется тело, прыгает, да еще этот ужасный угольный дым...»⁸⁶.

Особенно плохо приходилось мобилизованным старших возрастов. «...Совсем не воинственный вид у этих только что вновь оторванных у деревни защитников Отечества»⁸⁷ — писал военный корреспондент Немирович-Данченко. Местное население еще выходило на станции, но уже не с таким энтузиазмом. Сначала угощения от городских обывателей и начальства сменяются «подарками» отдельных лиц, затем к поездам подходят уже продавать провизию, а в конце концов и вовсе перестают подходить. Начался падеж скота, а затем — и заболевания пассажиров. «...В одном из наших полков, еще не участвовавшем ни в одном бою, — писал В. Вересаев, — выбыло “по болезни” двадцать процентов офицерского состава... волна офицеров, стремившихся в госпитали, сильно увеличилась... У одного охрипло горло, у другого покалывало в боку, третий жаловался на “боли в голове, и в плече, и в заднем проходе”»⁸⁸.

Упадку духа способствовали и истерическая сутолока на станциях, и уже попадающиеся навстречу поезда с ранеными и душевнобольными⁸⁹. До фронта доедут не все — некоторые умерли в пути, там же, на станциях их и хоронили⁹⁰. Настроение, и без того подавленное всей обстановкой дороги, замкнутым помещением, вынужденной компанией и бездельем, проволочками в пути, усугублялось невероятными слухами, а больше всего — газетами, покупаемыми на остановках.

Однако путешествовать по железной дороге осталось уже не долго — последние переходы будут пешими.

Дорога на войну после высадки из вагона, на самом деле, только начиналась.

Выйдя из вагонов на станции Харбин, войска попадали в странную атмосферу. С одной стороны, было ощущение какой-то спешки: «Везли спешно. Говорили, что мы должны ехать на помощь Порт-Артуру»⁹¹, от станции отправлялись без дневки, вообще без отдыха⁹². С другой стороны, прибывшие попадали в атмосферу чудовищной неразберихи и сумятицы⁹³.

С большей частью багажа пришлось сразу же распрощаться. Причиной стали не только очевидная ненужность некоторых вещей, но и отсутствие подвод для перевозки багажа, часть которого приходилось оставить в Харбине на хранение, причем за это следовало заплатить⁹⁴. Между прочим, некоторые офицеры даже шинели оставили в Харбине⁹⁵. Некоторые вещи терялись в сутолоке — на имя Протопресвитера А.А. Желобовского, например, поступали рапорты священников, утративших не только книги, но и Антиминсы.

Офицеры, которые могли себе позволить, покупали у местного населения мулов и лошадей, чтобы ехать самим и везти свой багаж. Солдаты тоже перебирали свой багаж, что-то бросали, остальное тащили на себе⁹⁶. «Неуклюжий и тяжелый мешок оттягивал плечо, скверный полушубок, поверх которого надета шинель, стеснял и давил грудь и плечи»⁹⁷.

Переходы были мучительны — уехав вперед, всадники вынуждены были останавливаться, дожидаясь обоза. Промедление и отсутствие дисциплины было на каждом шагу: собираясь тронуться в путь в восемь часов, выходили только в одиннадцать, так и не дождавшись транспорта; отойдя пять верст, останавливались дожидаться остальных⁹⁸. «Люди только что высадились из вагонов; после 5 недельной «высидки» <...> не только не втянулись, но отвыкли от всякой ходьбы; утомились, конечно, после первой же версты, растянулись и разбрелись во все стороны»⁹⁹. Шли очень медленно. «После 5—6 верст марша замечаются уже отсталые, есть случаи солнечных ударов, доктора подбирают больных и отсталых в лазаретные двуколки, которые быстро наполняются»¹⁰⁰.

В среднем, за день проходили верст около двадцати, к вечеру останавливались для отдыха. Иногда солдат заставляли идти по тридцать верст. Лагерь разбивали где придется — в китайских фанзах, на кладбищах и под открытым небом, причем уставали до такой степени, что засыпали у костра не раздеваясь. Несколько дней переходов — и усталость овладевала людьми до такой степени, что даже близость японцев уже не пугала: «До того мы раскисли и устали, что хотя опасность близка, но мы лежим»¹⁰¹.

Конечно, этих усталых, измученных людей с растерянными улыбками¹⁰² трудно было представить храбрыми воинами, но их «вели в этот бой, унылых и изможденных до крайности, вели голодных и холодных, не спавших целую ночь; и казалось, что нарочно постарались <...> убить все нравственные и физические силы перед этим первым кровавым крещением»¹⁰³.

Транспортировка мобилизованных на фронт при удаленности театра военных действий — одна из самых сложных задач любой войны. В Русско-японской войне эта задача оказалась почти невыполнимой. Во-первых, мобилизация распространилась на удаленные округа, транспортировка из которых занимала больше месяца. Это приводило к большим финансовым затратам и человеческим потерям уже на уровне транспортировки. Разъединенность солдат от офицеров и священников во время дороги в значительной степени способствовала деморализации нижних чинов, пьянствовавших и бездельничавших во время долгих перевозок и остававшихся безнадзорными во время остановок. Попытки разъяснить цели войны со стороны офицерства не имели успеха в первую очередь потому, что они не знали солдат своего полка. В ходе мобилизации сам полк комплектовался за счет новобранцев, и, нередко, офицеров переводили с места на место как раз при формировании новых полков. Многие из них сами не имели опыта боевых действий, а представление о солдатах было совершенно умозрительным. Солдаты казались офицерам «серыми мыслью и убогими»¹⁰⁴. Кроме того, во время непродолжительных остановок сами офицеры стремились отдохнуть и развлечься, как только возможно. По пути следования поезда возникает даже некая светская жизнь — с флиртом, посещениями и визитами.

Оказавшись вне поезда, многие офицеры не присоединяются к полку, продолжая путь самостоятельно — на покупных лошадях. Многие впервые видят командиров собственных полков.

Непонимание целей войны, незнание неприятеля усугубляется отсутствием поставленной боевой задачи. Все должны куда-то идти, однако карты не соответствуют местности, и нередко переходы превращаются в блуждание. Куда идти и зачем — тоже не совсем понятно. Нередко ставится задача: преодолеть за короткий срок большое расстояние; тяжело нагруженные люди двигаются рывками, идут до изнеможения, не всегда успевая отдохнуть во время коротких привалов. Потом выясняется, что приходится ждать то ли очереди двигаться, то ли подхода других полков. Эти вынужденные

остановки поначалу предполагаются короткими, и никто не заботится об устройстве ночлега. Когда выясняется, что ожидание затянулось — начинаются захваты китайских фанз, мародерство.

Долгие переходы и тяжелые ожидания сближали солдат и офицеров. Ночевки под открытым небом, питание «из солдатского котла» должны были сплотить их. Однако на самом деле этого не произошло. Гораздо ближе к солдатам оказались священники — менее образованные, менее честолюбивые и менее материально обеспеченные. Кроме того, многие из них видели задачу своего служения в утешении страждущих и стремились быть вместе с солдатами. Вот только объяснить смысл происходящего они не могли.

Бой

С точки зрения современной военной психологии выделяются два «вида» боя — наступление и оборона. Наступление должно осуществляться в высоком темпе, безостановочно днем и ночью, в любую погоду с полным напряжением сил, при тесном взаимодействии частей и подразделений всех родов войск.

Наступление вызывает боевое возбуждение, душевный подъем, подавляет в человеке страх, колебания, обостренные реакции на угнетающие факторы боевой обстановки, мобилизует все возможности воинов, их волю, усиливает чувство ненависти к врагу, сопровождается заметным усилением и активизацией социально-психологических связей между военнослужащими, сплочением воинских подразделений, повышением их «управляемости», дисциплины.

Оборонительные боевые действия направлены на отражение наступления превосходящих сил противника, нанесение ему максимальных потерь и удержание важных территорий. Оборона может носить позиционный и маневренный характер, осуществляться преднамеренно и вынужденно, готовиться заблаговременно и в ходе боя, в условиях соприкосновения с противником и в условиях его отсутствия. При этом оборонительные боевые действия оцениваются участниками как момент потери боевой инициативы, достижения противником боевого превосходства. Чем дольше длится оборона, тем более возрастает неуверенность обороняющихся войск в своих боевых возможностях, развивается ощущение собственного бессилия, безысходности.

Это сопровождается снижением авторитета военных руководителей, которых винят в неудачах. Военская дисциплина и сплоченность воинских подразделений заметно снижаются, особенно при отступлении, которое действует деморализующее и смещает нравственные акценты.

Для солдат Русско-японской войны такого разделения, фактически, не существовало. Преодолев бесконечные версты пути на позиции, большинство так и не успевало узнать — наступать их отправляют или обороняться. Некоторое представление о целях присутствует в воспоминаниях М.С. Кубасова и ряда других участников: вначале шли очень спешно «на помощь», но потом узнавали, что помощь эта уже не нужна. В результате, достигнув какого-то места, останавливались, ожидая боя, причем это ожидание было основано лишь на слухах — никто ничего определенного не знал, в том числе и офицеры. Иногда ожидание не оправдывалось, и начинается новый переход. Иногда остановка затягивалась, новые полки подходили медленно и беспорядочно, пытаясь вытеснить друг друга из уже занятых фанз и буквально «идя по головам спящих»¹⁰⁵

Бой начинался со звуков выстрелов. Вначале они производили сильное впечатление, к ним прислушивались, воображая «страшные события впереди»¹⁰⁶. «А внезапный залп производит, вследствие неожиданности, ужасное впечатление, и ни одна самая лучшая в мире армия не в состоянии устоять перед ужасным действием залпов на близком расстоянии»¹⁰⁷.

Непрерывная канонада производила «угнетающее впечатление на нижних чинов. Замечается кроме того, большое утомление тяжелым походом в трудных условиях. Вид людей крайне утомленный и болезненный, что надо приписать еще дизентерии и другим болезням»¹⁰⁸. Вообще, многие участники событий отмечали, что солдаты накануне боя испытывают усталость, изможденность, пытаются объяснить это долгими переходами, «блужданиями», болезнями, отсутствием горячей еды, возможности надеть чистое белье и т.д.

На самом деле чувство усталости объяснялось тем, что *в ожидании* боя все испытывали величайшее душевное напряжение. Солдаты обращались к священнику за утешением, некоторые просили об отпущении грехов, говорили о своих страхах и сомнениях. Священники по-разному относились к этим внезапным исповедям. Священник Митрофан Сребрянский, например, очень сочувствовал солдатам, утешал, как мог, молился вместе с ними. Шавельский, напротив, осуждал малодушие и открыто порицал «трусость»¹⁰⁹.

Доктор Шумков, анализируя собственное душевное состояние накануне боя, особенно отмечал суетливость и растерянность, чувство одиночества, желание «иметь друга, поделиться с ним, рассказать ему свое горе и в этом утешиться»¹¹⁰. Он пытается написать письмо домой, идет к товарищам. И в этот момент ему кажется, что «лучших людей, чем они, нигде нет»¹¹¹.

Некоторые респонденты Шумкова отмечали, что, «умеренно выпив» перед началом боя, не чувствуют волнения, напротив, «спокойствие и самообладание полное»¹¹². Такое же «ужасное, ужасное спокойствие в первом деле» отмечал, например, И.Е. Иванов¹¹³.

Однако те, кто храбрился, при первом боевом крещении теряли всякое присутствие духа. «Это было первое наше боевое крещение. При обстреле все вначале перепугались, и заметно было, что нервничали при ружейной стрельбе. Потом даже выяснилось, что у всех заболел живот, а некоторых даже пронесло. Один солдат 3-го взвода, который всегда для смеха изображал пьяного, при первых разрывах побежал в ров со скинутыми брюками и по дороге не вытерпел, начал гадить»¹¹⁴.

Перед боем служили молебны, и перед солдатами выступали полковые командиры. «Командир полка напомнил нам в кратких словах о том, на какое важное дело теперь каждый из нас идет; говорил о товарищеской выручке и о святости долга воина. Лица солдат были серьезны; каждый осознавал, что настает самая важная минута в его жизни, — минута, когда придется лицом к лицу к смерти и вместе с сим выполнить свой долг»¹¹⁵ — вспоминает Л.Н. Белькович. Однако пафос минуты сменяется долгим ожиданием начала боя, «блужданием» с непонятной целью, и торжественное настроение сменяется чувством тоскливой обреченности и непонимания. Как отмечает Л.Н. Белькович¹¹⁶, как раз в этот момент особенную важность приобретает понимание солдатом боевой задачи и боевой обстановки в целом. Не видя, где неприятель, не понимая, где «свои» и что будет дальше, мучаясь от обострившихся физиологических проблем, солдаты ожидают боя.

Сам бой запоминается на удивление мало. Первые раненые и убитые производят большое впечатление в основном из-за шума и грохота стрельбы: «Люди, увидев в первый раз результаты неприятельской стрельбы, слегка растерялись и, кажется, начали трусить. Многие крестились, и лица были растеряны и беспомощны. Человек, попавший первый раз в огонь, чувствует, что его охватила со всех сторон какая-то ужасная сила»¹¹⁷, при виде убитого товарища

охватывает «какое-то мерзкое равнодушие» к собственной судьбе и к исходу боя¹¹⁸. Больше всего запоминается звук. Многие участники событий, вспоминая пережитый бой, или отражая впечатления непосредственно после него, отмечали: «*Наступил ад. Пушечная пальба вдруг смолкла, и слышалась беспорядочная ружейная трескотня и методичное щелканье пулеметов... Прибывшие с позиции носильщики и раненые были в состоянии полной растерянности и паники. Последняя быстро передалась <...> лазаретной команде. Солдаты осатанели от страха*»¹¹⁹.

Раненые и убитые мало впечатляли, не вызывая ни особой жалости, ни сострадания: все «вперед ломались», не замечая потерь¹²⁰, «продолжали идти молча, как будто ничего не случилось»¹²¹, «шли и шли вперед, невзирая на стоны и страдания, невзирая на крики о помощи, шли безучастно, не смотря по сторонам»¹²².

Во время отступления не всегда удавалось организовать транспортировку раненых с поля боя. Охваченные желанием спастись, «солдаты спешили уйти, офицеров не было, врачей никто не слушал, и некому было нести перевязанных раненых»¹²³. Это невнимание к раненым приводило к тому, что их оставляли на поле боя без помощи и вспоминали об этом только тогда, когда бой прекращался¹²⁴. Между тем, «у всех раненых подмечается интересная психологическая черта: это — страшное, безудержное стремление скорее и дальше уйти с поля битвы»¹²⁵. И дело не только в страхе — многие раненые, не имея возможности самостоятельно выбраться, оставались на поле боя и умирали, не дождавшись помощи.

Проблема эвакуации раненых с поля боя — действительно серьезная — была осознана на опыте предшествующих войн. 16 февраля 1904 г. на заседании медицинского факультета Московского университета была образована специальная комиссия под председательством ординар-профессора П.И. Дьяконова, которая 1 марта представила свои соображения по устройству и ведению санитарных курсов. Одновременно проф. Л.Л. Левшин выходит в Совет университета «с устным предложением об учреждении курсов для подготовки “интеллигентных носильщиков”, в обязанности которых входила бы возможно скорая и целесообразная помощь в деле унесения раненных с поля сражения»¹²⁶. Была организована Исполнительная Комиссия¹²⁷, которая занялась устройством таких курсов. Они открылись 1 марта 1904 г., и к 7 марта на них уже записалось свыше 450 человек. 27 апреля по инициативе доктора В.Н. Штурма в Гусятниковом переулке открылись шестинедель-

ные курсы для подготовки братьев милосердия¹²⁸. Университетские преподаватели читали лекции не только на университетских, но и на остальных курсах. Несмотря на ускоренную подготовку, «интеллигентных носильщиков», т.е. тех, кто мог бы во время боя не только правильно переместить раненого к ближайшему лазарету, но и оказать первую помощь — наложить повязку, жгут, зафиксировать перелом и т.д., не хватало. Иначе отнеслись к делу в Петербурге. Например, лейб-хирург Е. Павлов¹²⁹ отмечал, что «подготовительного санитарного курса не проходили. Им было сказано при отправлении из Петербурга, что не потребуются специальных санитарных знаний... Из 4-х остальных санитаров, собственно людей простого класса, двое сильно выпивали, причем один становился во хмелю даже буйным»¹³⁰. Новшеством этой войны стала идея использования собак для обнаружения раненых на поле боя. В Петербург были доставлены три собаки породы колли, обученные за границей. Однако практического применения эта идея не получила. Раненые нередко оставались на поле боя без всякой помощи и умирали. Иногда, впрочем, желающих унести раненых оказывалось больше, чем необходимо — солдаты пытались таким образом хотя бы ненадолго покинуть поле боя. Для раненых транспортировка нередко превращалась в настоящую пытку и приводила к дополнительным травмам, из-за невозможности быстрого оказания медицинской помощи развивались столбняк и гангрена, зимой к этому добавлялись обморожения.

Не хватало не только квалифицированных санитаров, но и носилок (их на полк полагалось 32 шт.). Они лопались, терялись, оставались при отступлении на поле боя. Их приходилось заменять подручными средствами — ружьями, на которые натягивались шинели, досками и палками, если их удавалось найти или отломать. В Порт-Артуре использовали «велосипедистов» — соединяя два велосипеда между собой обыкновенными носилками, получали повозку на шинах для перевозки раненых¹³¹.

Согласно действовавшему тогда «Положению...», «для оказания дальнейшей медицинской помощи раненые с поля боя доставлялись на передовой или полковой перевязочный пункт, располагавшийся, в зависимости от обстановки, в 0,5—1,5 версте от линии огня»¹³². На перевязочном пункте работают два доктора и три фельдшера. Носилки с ранеными ставятся на землю, с поврежденных тел срезается ножницами одежда «которая не снималась целые месяцы»¹³³, рана обрабатывается и накладывается повязка.

Нередко на перевязочном пункте не хватало рук, *медикаментов и перевязочного материала*, несмотря на то, что «все строевые воинские чины, согласно приказа по военному ведомству №76 (1904), были обеспечены индивидуальными перевязочными пакетами — ИПП»¹³⁴. Перевязка затягивалась — раненый истекал кровью, грязь и куски ткани инфицировали рану, начиналось заражение. В случае крайней необходимости на перевязочном пункте могла быть произведена операция, но никакого наркоза не имелось — один из очевидцев отмечает ужасные крики из «операционной»¹³⁵.

После боя солдаты о раненых товарищах будут говорить мало и со своеобразным, черным, юмором. Иногда, особенно на первых порах, вид мертвого тела расстраивает и пугает: «Всем стало тяжело на душе, и некоторые офицеры даже начали выражать протест против того, что напрасно мертвецов носят на глазах у войск, что это может дурно повлиять на людей»¹³⁶.

В какой-то момент ощущения обостряются: «Перед нами как бы разверзся ад... Врага не видно, только огонь тысяч винтовок, пулеметов и орудий. Части быстро редуют. Целыми рядами уже лежат убитые. Стоны и крики раздаются по всему полю. Своя артиллерия запаздывает с открытием огня, из пехотных частей посылаются настойчивые просьбы о скорейшем выезде артиллерии на позиции. Некоторые батареи ввиду недостатка снарядов выезжают на открытые позиции на высотах, но почти немедленно мы видим, как над орудиями и между ними рвутся снаряды, зарядные ящики уносятся во все стороны, по полю скачут обезумевшие лошади»¹³⁷.

В этот момент участники боя оценивают собственные чувства и переживания несколько отстраненно. «Я не боялся, хотя внимание отмечало каждую пролетевшую мимо или падавшую у ног лошади пулю... ощущения от звуков пролетающих и щелкающих пуль не сопровождалось какими-либо чувствованиями; душевное состояние было, можно сказать, свободным от всякого чувства: все во мне как бы замерло... безучастно смотрел я на своих людей... мозг пронизывает мысль, — куда, в затылок, в спину ударит? <...> штабс-капитан Каукин... сдерживая, видимо, волновавшие его чувства, был в состоянии сильного напряжения... На нем, как говорится, лица не было, а он не принадлежал к трусливому десятку <...> думаю, что на многих из нас лица не было»¹³⁸.

Часто бой затягивался на несколько часов и даже дней. К выстрелам постепенно привыкали и даже старались как-то отвлечься. «Перестрелка тянулась уже несколько часов; лежа на солнцепеке

тесными рядами, люди изнывали от скуки <...> По очереди, небольшими командами ходили стрелки в близлежащую деревню, крадучись, «доставать» гаолян и потом на дне промоины «варили» чай в полное свое удовольствие <...> солдатик так увлекся, что не обращал ни малейшего внимания на шум боя»¹³⁹. Кстати, один из респондентов д-р Шумкова отмечал, что во время боя голод чувствуется меньше, чем жажда¹⁴⁰.

На самом деле этот чай был не только способом успокоиться, но и средством заглушить голод¹⁴¹. Как вспоминает М.С. Кубасов, за время шестидневного боя горячую пищу солдаты получали всего три раза, а во время отступления питались «чем Бог послал».

Стрельба уже не производила такого рокового впечатления, некоторые даже ухитрялись спать под огнем¹⁴². Правда до конца «привыкнуть к стычке и чувствовать себя совершенно спокойным по время перестрелки», по мнению доктора Шумкова, все же нельзя¹⁴³.

Постепенно война становится окопной — весь фронт превратился в одну сплошную линию окопов, прикрытую с флангов резервами и подвижными отрядами. Вместе с наступающей зимой это привело к застыванию фронта на достигнутых рубежах. Солдаты покидают окопы неохотно — «залегли, и никакие усилия наших офицеров не могут заставить их снова подняться в атаку»¹⁴⁴. Именно в этот момент «во рву» в голову лезут мысли «об отсутствии разумных оснований для войны, о бесцельности войны, о жене и детях»¹⁴⁵.

Болезненное состояние усиливается. «Полки... заняты теперь земляными работами по части укрепления позиций. Много случаев кровавого поноса... Тотчас по высадке из вагонов людям пришлось сделать четыре больших тяжелых перехода без дневок, без хлеба и без регулярного употребления горячей пищи»¹⁴⁶.

Болезни войны

Следует отметить, что среди пациентов лазаретов и госпиталей больше всего было не раненых, а больных. На первом месте в количественном отношении были страдающие венерическими заболеваниями. Доктор Харбинского сводного госпиталя № 4 В.Ф. Демич приводит следующую статистику: за все время деятельности 4-го сводного госпиталя через него прошло 2396 офицеров и 25 758 нижних чинов, всего 28154 человека¹⁴⁷. Из них: раненых — 225, тифозных — 616, венериков — 26 316, кожных — 202, прочих больных — 795. Та-

кое соотношение В.Ф. Демич объяснял образом жизни в Харбине, в котором располагалось огромное количество публичных домов. По его утверждению, около 90% офицеров заболели именно в Харбине, около 4% заразились по дороге, а остальные 6% — хрониками¹⁴⁸.

Действительно, на театр военных действий нередко попадали люди, страдающие венерическими заболеваниями в хронической форме. «У запасных встречались гуммозные деструктивные процессы (разрушение носа и мягкого неба). Подобно деревенскому люду, многие солдаты не сознают, что это результат давнишней, заразной болезни, а считают себя больными “простудой”, причем иногда отказываются от лечения»¹⁴⁹

Некоторые, в том числе и нижние чины заражались еще в дороге, находя самые разнообразные возможности вступления в половые контакты. Например, по словам коменданта станции Смоленск подполковника Ефимовича, «не проходило ни одного поезда с войсками и новобранцами, чтобы “не было учинено вследствие близости [домов терпимости] беспорядка, зачастую оканчивающихся увечьем нижних чинов”»¹⁵⁰.

По данным Л. Бернштейн, в 1904 г. в министерство внутренних дел поступила жалоба от военного коменданта Иркутска, в которой говорилось, что передвижение войск в связи с Русско-японской войной вызвало рост проституции, увеличение цен на сексуальные услуги и распространение венерических болезней в районах, расположенных вдоль Транссибирской магистрали. Обследование, проведенное медико-полицейским комитетом Красноярска, показало, что проститутки «часто бывали пьяны, производя крайне неприятное впечатление на прохожих»¹⁵¹. Среди девушек было значительное количество несовершеннолетних, в том числе 7 и 10 лет, причем не только китаянок. А.А. Панов описывает случаи продажи дочерей в публичные дома русскими поселенцами¹⁵². Некоторые девочки, как выяснялось при осмотре, были больны венерическими заболеваниями. Доктор Д.А. Дриль, например, свидетельствует, что «в Александровском лазарете лечилась зараженная сифилисом девятилетняя девочка»¹⁵³. При этом цены на русских девушек и женщин были не слишком высоки. А.А. Панов упоминает о трех-, пяти- и семикопеечных «визитах»¹⁵⁴, правда речь идет о возрастных дамах.

Никакой чистоты или элементарных правил гигиены в домах терпимости, разумеется, не было. «Из полуотворенных дверей серо-грязных фанз с окнами, завешенными белыми занавесками, выглядывают полураздетые молодые женщины. Лица у них утомлен-

ные, под глазами синяки... еврейский язычок их хрустит. Поздравляя гг. офицеров с прибытием, они просят не забывать их...»¹⁵⁵. С омерзением описывает Харбин как «город кафешантанов, публичных домов и игорных притонов»¹⁵⁶ относительно молодой участник событий Н. Воронович. То же происходило и в других городах. «На улицах Мукдена китайские ребята зазывали офицеров к “китайска мадама”, которые, как уверяли дети, “шибко шанго”. И кандидаты на дворе фанзы часами ждали своей очереди, чтоб лечь на лежанку с грязной и покрашенной четырнадцатилетней китайкой»¹⁵⁷. Дивизионный врач В.П. Кравков в Ляояне «на пригорочке перед убогими деревянными балаганами <...> впервые увидел разряженных китайок из класса “фур-фур” (по-нашему — девиц из института без древних языков); около них группировалось много военных фигур»¹⁵⁸.

Вообще, надо отметить, что упоминания о публичных домах и проститутках очень редко встречаются и отмечены стыдливостью и стремлением к «самоиндульгированию»: «...Да простят им те, кто не испытал тяжести пребывания месяцами на бивуаках и позициях передовых отрядов, лишенных часто самых необходимых удобств»¹⁵⁹. Но даже при этой застенчивости, авторы признают, что в «вертепах» царит «бесшабашный разгул»¹⁶⁰.

Кроме обращения к продажной любви, на фронте случались и романтические истории — ухаживали за сестрами Красного Креста, дамами, так или иначе оказавшимися в прифронтовой полосе. В своих ухаживаниях некоторые заходили достаточно далеко. Интересно, что внебрачные связи на войне самими участниками воспринимались как грех. Священники неоднократно сообщают о наложении епитимии за прелюбодеяние¹⁶¹, были также случаи расторжения брака по этой причине. Иногда любовные романы на войне оканчивались заключением брака, правда, в силу военного времени, «без соблюдения брачных предосторожностей»¹⁶².

Помимо романтических, случались, конечно, и трагические истории. В.В. Вересаев, например, упоминает о случае, когда солдаты из лагеря напали на пятьдесят возвращавшихся с кирпичного завода баб и изнасиловали их. Видимо, по пути следования войск, такие случаи не были редкостью¹⁶³.

Таким образом, заразиться разного рода венерическими заболеваниями и у солдат, и у офицеров во время войны возможностей было предостаточно, и совсем не обязательно в Харбине. Заболеваемость в армии в 1904 г. была 9,76%, а в 1905 г. — уже 14,74%¹⁶⁴.

Другие болезни войны — тиф и дизентерия.

Уже во время транспортировки солдат, например, в Челябинске, обнаружилась опасность эпидемии брюшного и сыпного тифа. Еще по пути следования в армии появилось много инфекционных больных из-за погодных условий (от солнечного удара до простуды), питания сухарями («сухарный понос») и употребления в качестве заварки гаоляна, общей антисанитарии. «То разгоряченными, то вспотевшими набрасываются [солдаты — Л.Ж.] в походе на грязную гнилую воду, то на прескверные, совершенно незнакомые овощи, которые поедают, не зная толком, как даже есть их надо»¹⁶⁵. Никакими силами удержать их от этого не удастся. Тот же Грулев отмечает, что солдаты совершенно не имели представления о санитарии и гигиене. И это несмотря на то, что еще с 1887 г. в состав полевых формирований, приданных дивизиям, был включен дезинфекционный отряд (один на соединение), была введена штатная должность армейского врача-гигиениста, врача для поручений при нем, а также походной лаборатории. В первые три месяца войны из Военно-медицинской академии на Дальний Восток были откомандированы 15 врачей-терапевтов — специалистов в области бактериологии и современных методов дезинфекции. Кроме того, на фронте действовали «летучие» дезинфекционные отряды, состоявшие из четырех врачей-бактериологов, выезжавшие в части и районы, где возникала опасность эпидемий. «Следует добавить, что во время Русско-японской войны впервые были применены на практике военные железнодорожные дезинфекционные отряды, введенные приказом по военному ведомству № 688 1904 года. Формирование их было вызвано тем, что интенсивное передвижение воинских поездов по Сибирской железной дороге не могло не отражаться на ухудшении ее санитарного состояния, а последнее, в свою очередь, могло содействовать возникновению эпидемий, занесенных с театра военных действий. Личный состав дезинфекционного отряда состоял из двух врачей, трех фельдшеров, десяти дезинфекторов и нескольких рабочих. Первый такой железнодорожный дезотряд был сформирован в память С.П. Боткина в Санкт-Петербурге и прошел подготовку в Барачной больнице под руководством доктора В.А. Левашова»¹⁶⁶.

Среди нештатных противоэпидемических формирований на театре военных действий имелись центральные и «летучие» санитарные отряды, оснащенные бактериологическими лабораториями, дезинфекционные отряды РОКК и других общественных организаций. 2 апреля 1904 года от имени Московского Терапевтическо-

го Общества в Особый Комитет Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны поступило прошение организовать Отряд для борьбы с заразными болезнями. Было принято решение о создании системы отрядов, состоящей из одного центрального (стационарного) отряда из 13 человек и 3 летучих отрядов из 6 человек. 7 апреля прошение было одобрено и для устройства Отряда от Преосвященного Парфения было передано 61 541 руб. 68 коп. Еще 15 623 руб. 25 коп. были собраны после объявления специального сбора пожертвований. В итоге, снаряжение и содержание отрядов обошлось в 137 755 руб. 28 коп.¹⁶⁷

В оборудование отряда входили приборы для обеззараживания паром, формалином и другими дезинфицирующими веществами, инструменты для бактериологических исследований, профилактические и лечебные вакцины¹⁶⁸. В обязанности отрядов входило проведение бактериологического исследования с целью установления диагноза и определения штамма заболевания, в том числе, по просьбе других общественных и военных организаций; выявление способов борьбы с эпидемией, содействие в их реализации; дезинфекция помещений, белья, мест стоянок и жилищ и т.д.; уничтожение переносчиков заразы; проведение санитарной оценки местности для стоянок, пищи и питьевой еды; профилактика заразных заболеваний путем применения бактериальных вакцин и сывороток, а также любыми другими мерами; определение наиболее целесообразного порядка эвакуации больных при одновременном существовании нескольких болезней; контроль за осуществлением погребения заразных больных; информирование воинов и местного населения о причинах заразных болезней и мерах борьбы с ними.

Несмотря на содействие Особого Комитета, Кремлевского Склада и лично Н.К. фон Мекк как председателя правления Московско-Казанской дороги, отправка отрядов на театр военных действий тормозилась ожиданием прибытия из-за границы специально выписанных инструментов.

Кроме того, для разъяснительной работы в действующей армии были изготовлены специальные листовки и диафильмы.

Определенную пользу все эти меры, вероятно, принесли, однако общее количество инфекционных заболеваний оставалось очень большим.

К ним прибавляется столбняк, получаемый не только из-за загрязнения ран землей, но и из-за транспортировки. Из наиболее часто встречающихся инфекционных заболеваний выделяются ди-

зентерия, тиф брюшной, возвратный, тифозные заболевания неопределенного характера, скарлатина, рожа, поносы разного рода, оспа настоящая и видоизмененная¹⁶⁹.

Помимо инфекционных, настоящим бедствием стали простудные заболевания, в том числе «простуда печени»¹⁷⁰ и катаральное воспаление легких¹⁷¹. Вопреки распространенному мнению, что простуды были способом «отлежаться» в госпитале, эти заболевания нередко приводили к смерти¹⁷².

В количественном отношении как раз острые заболевания органов дыхания встречались наиболее часто и они же — с летальным исходом. Кроме того, отмечено большое количество больных с диагностированным гриппом (в том числе и умерших)¹⁷³.

Одной из серьезных проблем Русско-японской войны в медицинском отношении становится большое количество душевных расстройств и психозов. Конечно, большая часть их развивалась на почве алкоголизма. Кроме того, некоторые из мобилизованных на Дальний Восток страдали нервными расстройствами и душевными заболеваниями прежде. Но это была не единственная причина.

Подполковник Генерального Штаба Н.Н. Головин, анализируя деятельность и свойства человека как бойца¹⁷⁴, выделяет следующие факторы, воздействовавшие на духовные свойства бойца: внешние и материальные факторы боя, управление боем, воспитание, общие социальные факторы.

Исходя из этой точки зрения, наибольшую важность приобретало «вхождение» в бой. Приготовления к этому акту — торжественный молебен, музыка, «воодушевляющие речи»¹⁷⁵ — порождают чувство повышенной экзальтации, ожидание боя, даже «бодрость, силу и желание идти и победить»¹⁷⁶.

Однако, вопреки неким внутренним ожиданиям, бой обрушивается внезапно — с грохотом, шумом, не давая шансов хоть как-то себя проявить. Более совершенное огнестрельное оружие, обстрел с дальнего расстояния и фактически невидимый во время боя противник, постоянное изменение приемов боя¹⁷⁷ лишили боевые действия элементов дуэльного противостояния, в котором солдат ощущает себя активным участником. К этому были не готовы ни солдаты, ни офицеры, ни командиры. Возрастные участники русско-турецкой войны (1877—1878 гг.), они еще жили представлениями о штыковой атаке и, оказавшись в новой ситуации, не всегда могли сразу адаптироваться к ней. В этом отношении примечательно отрефлексировал свое состояние в дневнике

врач В.П. Кравков. Накануне боя у него возникало несколько экзальтированное состояние: «Я искал подвига, и меня нисколько не страшила смерть. Признаюсь — *быть убитым, не убивая ближнего...* —эта перспектива была для меня даже заманчивой»¹⁷⁸. Однако действительность *разочаровала* —никакого подвига, «адский» грохот, темнота и рвущиеся близко снаряды.

«Бой на расстоянии убивает, прежде всего, психические силы»¹⁷⁹, заставляет признать, что представление о главной психической составляющей боя — физическом насилии, которое приходится причинить, и которому подвергаешься — отодвигается на второй план. Главным оказывается не умение искусно убивать противника, а готовность «владеть собой в боевой обстановке»¹⁸⁰, не поддаваясь чувству паники.

Активная фаза боя производила на участников столь тягостное впечатление, что нередко вела к тяжелейшим душевным расстройствам. Особенно подвержены истерии и последующим психозам были те, кто и не должен был участвовать в бою — врачи, священники и т.д. Доктор В.П. Кравков, например, обратил внимание, что «сестра милосердия госпожа Мартынова, в состоянии *как бы столбняка*»¹⁸¹, а Г.Е. Шумков так фиксирует сражение при Вафангоу: «Звуки орудий и крики раненных наполняли воздух. Мимо палатки проносили убитых и раненых. Священник машет руками и кричит: “Убейте, убейте... Я не вынесу, этот бой, эти крики, этот вид убивают меня... Я умираю, я не могу...”»¹⁸². Кстати, священнослужителей, заболевших нервными расстройствами на войне, оказалось не так уж мало. В начале июня 1904 г. помещен был в госпиталь по причине душевной болезни священник 85-го пехотного Выборгского полка Василий Разумовский¹⁸³, в 5-м Харбинском госпитале находились два священника по причине «неврастении»¹⁸⁴, по причине «постигшей его душевной болезни был эвакуирован с театра военных действий в Россию» священник Александр Самойлович¹⁸⁵.

«Второй главной причиной возникновения и роста психиатрии была отдаленность театра войны от территории государства»¹⁸⁶. Этот факт, особенно в 1905 году, порождает ощущение заброшенности, ненужности своей стране, способствует развитию депрессии, особенно тяжело протекающей на фоне алкоголизации армии. Доктор А.И. Озерецковский отмечал, что за второй год войны число душевнобольных возросло сравнительно с первым годом войны примерно на 41%¹⁸⁷.

Распространенным выходом из депрессивных расстройств становится суицид. Надо признать, что попытки самоубийств начинаются уже на мобилизационных пунктах и в пути¹⁸⁸. На фронте объяснений причин самоубийств находится множество. «Капитан Резанов, раненый в ногу, не раз видевший смерть перед глазами, отбивавший массу самых бешеных атак неприятеля, до того расстроил свои нервы, что не мог примириться с мыслью об операции и застрелился в госпитале»¹⁸⁹. Однако главной причиной, как оказалось, явилось именно душевное расстройство. Священникам было предписано в метрических книгах «в графе “от чего умер” прописывать, что самоубийство совершено в припадке умоисступления и каким письменным документом это удостоверено»¹⁹⁰.

Будни и праздники

Между перестрелками тянутся военные будни. В первые дни войны возникли проблемы с *продовольственным снабжением армии*. Нормативы продовольствия определялись приказом по военному ведомству от 1899 г., № 346¹⁹¹.

«Перед войной с Японией в Приамурском округе находилось 3 военных мукомольни и 24 продовольственных магазина; в магазинах хранились неприкосновенные и крепостные продовольственные запасы военного времени в количестве 1 159 000 пудов муки, 108 000 пудов сухарей, 243 000 пуда крупы, 653 842 порций мясных консервов, 4 000 пудов сахара, 54 000 пудов овса, бывших, преимущественно, остатками от заготовлений, производившихся во время Китайских событий 1900 г. Здесь же хранилась и материальная часть 8 полевых подвижных хлебопекарен»¹⁹². Однако качественными запасы были не всегда — сухари попадались ломанные и даже червивые¹⁹³. Кроме того, не было сахара, сушеных овощей, спирта, консервов. Не хватало фуража, мяса, масла, сала, круп, сушеных овощей, макарон, вермишели. Их приходилось доставлять из европейской России. «Отправка провианта на довольствие войск в области сосредоточения была произведена из Московского, Петербургского и Виленского округов в течение января и февраля 1904 года. Муки было отправлено 461 838 пуд., а крупы 60 068 пудов... Мясных консервов в январе 1904 г. было выслано: в Порт-Артур 860 200 порций, в Харбин 2 250 000 порций, во Владивосток 647 000 порций и в Иркутск для нужд войск, пере-

двигаемых по Сибирской железной дороге, 500 000 порций; всего 4 284 200 порций... В подготовительный к войне период было потребовано с Дальнего Востока 68 600 пудов сушеных овощей, из которых 65 000 пудов составляли 9-месячную потребность полевых войск, сосредотачиваемых в Манчжурии и 16-месячную потребность Порт-Артурского гарнизона, а 3 600 пудов предназначались в запас для крепости Владивосток... Согласно положению Военного совета 8-го января 1904 г. было отправлено в Порт-Артур и Харбин 10 600 пудов овощей»¹⁹⁴. К позициям продовольствие (по 12 дневных порций) подвозили специальные продовольственные транспорты, выделяемые из интендантского обоза. Всего на Дальний Восток для этих целей было выслано 770 хозяйственных двуколок. Для снабжения войск горячей едой из Москвы и Вильны были переправлены на Дальний Восток 192 походные кухни.

Полевая походная кухня была спроектирована незадолго до войны Антоном Федоровичем Турчановичем. Она представляла собой одноосную повозку в виде ящика, где были расположены два котла, хранилась кухонная утварь и продукты. Каждый котел имел самостоятельную топку, один был предназначен для первых блюд (190 л), другой — для вторых (130 л). Причем второй котел имел «масляную рубашку» — чтобы каши не пригорали. Кухня Турчановича позволяла приготовить за четыре часа борщ, кашу и чай на роту солдат числом 250 человек. Иногда кухни подвозили даже к позициям, когда темнело, или на рассвете, и кормили солдат по очереди. Случалось, что кухни выдавали себя шумом или искрами, противник открывал по ним огонь, иногда — даже артиллерийский. Кухни уносились вскачь, и рота с сожалением смотрела на исчезающий обед¹⁹⁵. Однако воспользоваться кухней удавалось не всегда — во время спешного отступления двуколки только мешали, а ускоренные передислокации исключали возможность использовать кухню «на ходу»: «...обед не уварился, так как при сильном ветре на ходу кухни наши плохо функционировали»¹⁹⁶. Помимо полевой походной кухни, горячую еду готовили в китайских печах и на кострах.

Не всегда получая вовремя снабжение продовольствием от интендантства, солдаты нередко свои продовольственные проблемы решали самостоятельно — грабили китайцев, отнимая у них все, что оставалось. При этом, иногда в пищу действительно шли и незнакомые овощи, и не совсем пригодная для еды растительность.

Вообще, еда была, главным образом, непривычная. Щи варили из китайской капусты, на вкус «пресной» и не дававшей остроты,

которую давала квашеная капуста, картофель заменялся бобами, вместо говядины шли конина и ослятина¹⁹⁷.

Гастрономическим праздником становилась раздача продовольствия Красным Крестом. Выдавались красное вино, шоколад, мясные консервы, сухое молоко. Бывали случаи, когда, например, Комитет Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны, имея необходимость посылать на Дальний Восток пищевые продукты, но понимая, что доставить их по железной дороге и дорого, и долго, обращался за содействием к одному из своих членов — А.А. Второву¹⁹⁸, который закупал их на месте¹⁹⁹. В результате продовольствие оказывалось на складах в Харбине, Ляояне, Телине или в Николо-Уссурийске и Чите. Однако из-за общей неразберихи продукты, как и другие вещи, нередко оставались нераспакованными и портились. Так, например, в Харбине большая часть грузов осталась лежать в нераспакованном виде на дворе Агишева и на товарной станции. Пищевые продукты пришлось поместить в уступленной для нужд склада свободной конюшне пограничной стражи. В то же время 2 июня в Ляоян были доставлены вначале телеграмма, а затем письмо от С.В. Александровского, сообщающие, что все запасы отрядов Красного Креста истощились — не хватает госпитальных материалов и съестных припасов. В спешном порядке почти весь перевязочный материал, имеющийся на складе, а также консервы и другие съестные припасы были погружены в товарный вагон и отправлены на юг в сопровождении Б.Л. Зенгера. В связи с нарушением правильности железнодорожного движения, обусловленного отступлением войск, экстренным подвозом снарядов и т.д., вагон был отправлен лишь 3 мая, в 3 часа дня. На другой день, приехав в Гайджоу, Б.Л. Зенгер увидел, что помощь изрядно запоздала — в Гайджоу оставались только арьергардные отряды казаков, которые поджигали здания и портили железнодорожные пути. Им Зенгер и раздал все доставленные пищевые запасы. Для получения продовольствия со складов Красного Креста часто было достаточно простого обращения. Этим пользовались. Нижние чины, приходящие из слабосильных команд, выдаваемые им с Харбинского склада вещи часто продавали на местных рынках, а вырученные деньги пропивали²⁰⁰.

Офицеры были значительно свободнее в средствах, поэтому питались лучше. Во время пребывания на позициях вблизи крупных населенных пунктов «пробирались в ресторан», закупали продукты в буфетах и лавках²⁰¹. Особенным спросом пользовались чай, сахар,

спиртные напитки. «Очень недурное французское красное вино местного разлива, стоило один рубль за бутылку. Говорили, что в Порт-Артуре иностранные вина продавались удивительно дешево: настоящее шампанское можно было иметь по три рубля за бутылку... водка была редкостью, за бутылку Поповки или Смирнова платили пять и шесть рублей»²⁰². Можно было достать даже швейцарский сыр²⁰³. Кроме спиртного, особенным спросом пользовалось все сладкое — конфеты, карамель, леденцы²⁰⁴, бисквиты, пирожные и т.д.

Некоторые части снабжались хуже других — и там, случалось, голодали не только солдаты, но и офицеры — «кроме чаю у них ничего не имелось поесть»²⁰⁵. Они сквозь пальцы смотрели на мародерство солдат, а иногда и сами становились его соучастниками. Достать продовольствие было можно, помимо интендантских складов, складов Красного Креста и продовольственных магазинов, на позициях нередко появлялись маркитанты. Однако офицеры, так же как и солдаты, предпочитая получить вместо продовольственного пайка деньги, тратили их на спиртное²⁰⁶, а оставшись и без денег, и без еды, начинали «ходить друг к другу в гости» или «закусывали, чем Бог пошлет».

Одной из главных проблем пропитания было отсутствие свежей зелени и овощей. «Госпитали переполнялись не только ранеными, но еще больше цинготными больными. <...> Люди, находившиеся на позиции, поголовно были заражены цингой. Эта ужасная болезнь оказалась настоящим бичом крепости [Порт-Артур — Л.Ж.]. Вначале раны, особенно от ружейных пуль, очень быстро заживали, но начиная с сентября, буквально каждую царапину приходилось лечить неделями и месяцами. Это было следствием недостатка пищевых продуктов; кровь была уже не та, что в начале обороны. <...> Эта ужасная болезнь поражала не только десны, но и весь организм»²⁰⁷.

Не лучше, чем с продовольствием, обстояло дело с *обмундированием войск*. Запасов белья, теплых вещей для зимней кампании, непромокаемых плащей не было заготовлено даже на первое время. Между тем, особенности климата Манчжурии способствовали быстрому изнашиванию вещей²⁰⁸. «В конце декабря 1903 г. Главное интендантское управление вошло в Военный совет с представлением об образовании запаса для Квантунской области в количестве, согласно указаний Наместника, 23 780 комплектов обмундирования и обуви, стольких же комплектов снаряжения и полотняных рубах, 577 460 аршин подкладочного и рубашечного

холста, 39 561 пары передов и стольких же пар подошв и 55 342 пар подметок. Образование этого запаса было разрешено Военным советом 29-го января 1904 г., и означенные вещи были отправлены из складов Европейской России без замедления»²⁰⁹.

Посильную помощь в деле снабжения вещами воинов оказывали различные благотворительные организации и частные лица. «Один ящик белья для больных и раненых воинов на Дальнем Востоке»²¹⁰ был, например, прислан московскому генерал-губернатору крестьянами села Павлово, Нижегородской губернии А.В. и А.А. Сопляковыми. Актриса Вяльцева «пожертвовала полный комплект белья для нижних чинов целой сотни сформированной для Дальнего Востока кавказской конной бригады»²¹¹. «Отставной гвардии поручик Александр Николаевич Терещенко изъявил желание пожертвовать 1000 непромокаемых плащей солдатских и 200 пальто офицерских для манджурской армии»²¹². Благотворители собирали постельное и носильное белье: рубахи, простыни, полотенца, льняные носки, рубашки, онучи, порты, холщовые простыни, а кроме того, табак, гармоники, самовары, чай, сахар, пряники, московские сушки.

30 января 1904 г. Кремлевский Склад е.и.в. Великой Княгини Елизаветы Федоровны в качестве частной благотворительной инициативы организовал работы по изготовлению белья, теплых вещей и других предметов воинского обихода, необходимых для оказания помощи больным и раненым, а также облегчения быта воинов на линии фронта. Из 12 отделов Склада Второй отдел занимался учетом, хранением и распределением материалов, пригодных для изготовления белья и теплых вещей, переданных жертвователями и купленных на средства Склада; Третий — отдел кройки, служащие которого занимались кройкой белья и других предметов одежды из материалов, полученных от Второго отдела. Четвертый отдел организовывал раздачу работы на сторону. На руки выдавались как уже скроенные вещи, поступившие из Третьего отдела, так и подлежащие раскройке материалы. Потом сшитые на стороне вещи возвращались в Четвертый отдел и по документам (актам передачи) передавались в Пятый отдел. Еще один отдел — Восьмой — отдел шитья, где большая часть выкроенных вещей сшивалась и откуда передавалась в Пятый отдел, вместе с другими предметами. Пятый отдел — отдел готовых вещей — сосредотачивал все годные к отправке на Дальний Восток вещи. Здесь вещи сортировались, укомплектовывались (составлялись комплекты), упаковывались и по документам сдавались в Отдел отправок²¹³. С нача-

ла мая 1904 г. Кремлевский склад приступил к закупке обуви: «из Кимр от местных кустарей 500 пар сапог для солдат, превосходного качества и по сравнительно дешевой цене — 5 р. 50 коп. за пару. Этим же кимрякам склад заказал тысячу пар солдатских туфель по 2 р. 20 коп. за пару»²¹⁴. Осенью стали закупать также теплые онучи²¹⁵ и валенки²¹⁶. Кроме того, на средства благотворителей закупалась обувь, непромокаемые плащи и куртки, теплые набрюшники, фуфайки, солдатские одеяла и т.д. Несмотря на трудности транспортировки, вещи эти все же попадали на фронт.

Тем не менее, обмундирования и белья постоянно не хватало — оборванные, обносившиеся, в разноцветных рубахах, разномастном обмундировании — такими представлялись не только солдаты, но и офицеры тем, кто прибывал на фронт позже. «Господи, что это за зрелище! Это было прохождение шести тысяч мучеников; <...> обносились, оборвались, погонов нет ни у кого, ни шинелей, ни сумок, ни белья: что на себе только, остальное бросили на позиции при отступлении; многие в старых шляпах вместо фуражек, в шапках, поддевках драных; у некоторых головы обвязаны тряпками; много босых, в опорках»²¹⁷, «все так измызганы»²¹⁸.

Настоящей проблемой оставалась *антисанитария*. Грязь была повсюду: грязные фанзы, кругом — мыши, крысы, насекомые-паразиты, летом — еще и мухи, от которых не было спасения. Белье не стиралось неделями, да и сами воины мылись крайне редко. Как вспоминает М.С. Кубасов, после отступления солдатам предложили «располагаться и мыться». Они «нашли возле железной дороги выкопанные ямы, заполненные дождевой водой. Начали отмывать глину, но не так-то скоро ее отмыли»²¹⁹. Также в ямах мылись некоторые офицеры: «Камперо купался на дворе в вырытой боем яме: он вложил в яму большое полотно из резиновой материи, налил в нее воду, вот и ванна готова»²²⁰. Некоторые, наиболее предусмотрительные, мылись в резиновых ваннах, которые тащили с собой: «Такая ванна крайне необходима в походе, в особенности зимой»²²¹. Чаще всего мылись в реках, не обращая внимания на температуру воды. От этого становилось только хуже — грязная и холодная вода не столько отмывала, сколько способствовала заболеваниям — довольно часто солдаты страдали от простудных и инфекционных заболеваний.

Помимо пропитания и обмундирования, солдатам требовались и другие вещи, столь легко доступные в мирной жизни, — табак, спички, папиросы или сигареты, писчая бумага, письменные при-

надлежности. Потребность в этих предметах можно было удовлетворить, обратившись на склады е.и.в. Великой Княгини Елизаветы Федоровны, либо купить у китайцев²²². Гораздо труднее было достать газеты и книги. Между тем, не только офицеры, но и солдаты испытывали нужду в печатных изданиях. Получаемые газеты зачитывались до дыр²²³, солдаты просили что-нибудь почитать у священника.

Вообще, позиционная война оставляла у солдат массу свободного времени. Священники в этом случае оказывали военным неоценимую помощь, организуя досуг нижних чинов. После организации полковых церквей, встал вопрос о *проведении богослужений, связанных с Рождеством и Пасхой*. Организация этой работы была не только очень ответственной, но и едва ли не самой сложной для военных священников, в попечении каждого из которых находилось более двух тысяч человек. Вот что вспоминает Антоний Мшанецкий: «Во время великого поста по моему ходатайству пред командующим полком все нижние чины, будучи разделены на группы по 15—20 человек от каждой роты, стали по очереди бывать в церкви и получили возможность отговорить... В течение того же великого поста был сформирован 7-й запасной Восточно-Сибирский стрелковый батальон и мне было поручено исполнять в нем духовные требы»²²⁴. Помимо праздничных служб, священники объезжали боевые позиции полков, освящали окопы и оружие, проводили беседы с нижними чинами, стараясь подбодрить их и воодушевить. Обычно темами для таких бесед становились военные победы прошлого. Для проведения бесед священники располагали специальной литературой, рассчитанной на солдатскую аудиторию. Главная трудность, с которой сталкивались проповедники — нестабильность вновь сформированных полков, негативизм и нежелание новобранцев воевать, незнание ими военных традиций и особенностей полковой жизни, трения между старослужащими, переводившимися во вновь формируемые полки из разных частей. «Лоскутными» называл эти полки военный корреспондент Вас.И. Немирович-Данченко.

Начавшиеся артобстрелы привели к разрушению многих зданий, в том числе и отведенных под церкви. Во время одного из таких обстрелов был контужен Василий Слюнин²²⁵, священник Александр Рыбчинский получил ранение в церкви во время богослужения²²⁶, а псаломщик церкви сводного Порт-Артурского полевого госпиталя Василий Дружинин был ранен «разрывом двенадцатидюймового снаряда при исполнении служебных обязанностей»²²⁷ в госпитале. Однако священники не оставляли своих постов — «в известные дни

и часы воинские чины собирались в более безопасные места, куда приходил священник, и слушали молебны, всенощные, обедницы и литургии — под открытым небом»²²⁸.

Солдаты относились к богослужениям с энтузиазмом. Как свидетельствует М. Сребрянский, едва ли ни первое, что обустроивалось при переходе на новые позиции — место для богослужения. В большинстве случаев у священников не было не только «церквей-складней», но даже и более необходимых предметов, например, Антиминсов. Использовались любые более или менее пригодные сооружения, в первую очередь — китайские фанзы. Их старались хоть немного почистить, оклеивали бумагой. Особенно старались прибрать импровизированные церкви накануне праздников: «солдаты... Из простого огорода с китайской редькою устроили цветущий сад. Выровняли большой четырехугольник, утрамбовали, обсадили срубленными деревьями, да так искусно, что все принимали их за настоящие. Собрали массу цветов, украсили ими деревья, офицерский и солдатские столы, <...> сделали две зеленых арки и на одну из них поставили игрушечного барана, а на другую повесили китайскую корзину с цветами. Стол для иконы весь в цветах. Нужно было видеть восторг солдат-строителей: как дети утешались они, глядя на свой “сад”, на барана, на изумление гостей при виде их “художества”»²²⁹.

Прибирали не только место для богослужения. Чистили обмундирование, мыли белье, старались помыться сами, писали письма домой, словом, «прибирались»²³⁰.

Церковных праздников было довольно много. Широко отмечались двенадцатые праздники, в особенности Крещение Господне (Богоявление), Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Рождество Христово. Из недвунадесятых праздников особенной симпатией пользовался «Старый Новый год» и Покров Пресвятой Богородицы. Кроме того, отмечались День всех святых, в земле Российской просиявших, «Никола зимний» и «Никола вешний», дни Казанской Божией Матери, Иверской Божией Матери, «Положение Ризы Господней», Всемиловитый Спас (Медовый Спас), а также многочисленные праздники соборной памяти русских святых. Таких праздников, только внесенных в календарь, было больше двадцати. Особенное значение имела Пасха. Ее отмечали все.

В Порт-Артуре Пасха 28 марта (10 апреля) 1904 года отмечалась в ожидании обстрелов. Утром 27 марта настроение было предпраздничное и оживленное, обитатели города спешно делали закупки, пытаясь подготовиться к празднику²³¹. К вечеру и погода, и настроение несколько испортились — почему-то казалось, что именно в этот день японцы обязательно предпримут новую атаку, к тому же поднялся ветер.

Перед заходом солнца адмирал С.О. Макаров поднялся на борт броненосца «Петропавловск» и «приказал всей команде собраться на палубе и его окружить»²³². Обратившись к команде, он сказал: «наступает Св. Праздник Воскресения Христова, наш наибольший христианский праздник, но сейчас война, и вот я вас избрал в эту ночь охранять всех нас, дабы остальные могли на короткое время забыть войну и сосредоточиться на молитве. Дай Бог вам исполнить этот святой долг!»²³³, после чего ушел на другой корабль. В городе все тоже находилось в напряжении.

«Когда раздался тихий благовест небольших колоколов наших все еще временных церквей-бараков, весь город ожил, но не было того шума и света, той радости, что видится в далекой России среди мирной жизни. Со всех сторон бесшумно задвигались тени по направлению церквей; кто только мог, спешил помолиться об избавлении от грозящих бед, но, уходя, прощался с остающимися дома; могли ведь не вернуться или не застать в живых»²³⁴.

Несмотря на тревогу, церкви были полны народа, некоторые стояли на улице, пытаясь заглянуть в занавешенные окна. Среди молящихся было особенно много солдат и офицеров²³⁵. Наконец, в Отрядную церковь прибыли комендант, «прочие высшие чины» и генерал А.М. Стессель. Началось богослужение. По окончании службы все поспешили домой. Вернулся в гавань «Петропавловск», и Макаров решил разговляться с командой. «Вот появляется аналой, священник, откуда-то куличи и яйца»²³⁶.

Для сухопутных войск в Порт-Артуре Пасха прошла не столь торжественно: «полковой “батя” разъезжал по позициям и там под пушками или около окопов на скорую руку, тут же составив ружья, и то по частям исповедывались и причащались... Около полудня приехал священник с церковником на двуколке. Я собрал насколько возможно людей. Солдаты вообще чрезвычайно серьезно относятся к таинству причащения, и тут прежде чем идти на исповедь, у кого было в вещевых мешках, надели чистое белье. Под открытым небом поставили какой-то пустой ящик, священник накрыл

его пеленой, после краткой службы и простого, но задушевного слова, всем-всем сразу отпустил грехи и приступил к причащению. Причастившиеся тотчас разобрали винтовки из козел и сменили оставшихся в окопах и на постах, чтобы и им дать возможность от-говеть» — вспоминает В.П. Змеицин²³⁷.

«Хотя на Пасхе в Артуре еще все можно было достать, так как сообщение еще не было прервано, да некому и не было времени заниматься приготовлением пасхальных яств, тем не менее командир батареи Электрического утеса Капитан Жуковский в бетонном каземате накрыл стол, поставил яиц, черного хлеба, кое-каких закусок и самоварчик и мы, в том числе и Генерал Белый в перерывах между пальбой похристосовались, выпили по рюмке водки и перекусили, чай же пили по очереди и в перерывах, так как самоварчик был махонький, стаканов 5—6, а в соборной церкви шла заутреня»²³⁸.

Некоторым Пасху отметить и вовсе не удалось. И все же эта Пасха 1904 года не просто запомнилась. Для некоторых она становится особенным праздником — о ней во всех подробностях вспоминают через несколько лет, сравнивают с Пасхой 1905 года.

Пасха 1905 года (17 апреля) была совершенно другой — в стране началась революция, война уже почти проиграна, надежд на благополучный исход остается все меньше. Настроение празднующих уже совершенно другое.

Вот как описывает Пасху 1905 года А. Квитка: «16 апреля. В одиннадцать часов вечера на одной станции после Златоуста священник, вызванный телеграммой, освятил стол, приготовленный для разговления по случаю Святой Пасхи. Мы похристосовались и разговелись... 17 апреля... два молодых солдата, совершенно пьяных... рядом с нами стоял поезд с воинским эшелоном от Гренадерской дивизии, шедшей на пополнение действующей армии. Все были пьяны и безобразничали»²³⁹. Тем не менее, находившиеся на позициях имели некоторую возможность соблюдать обряды. Ф.И. Шидуц, например, отмечает, что полковой священник на Страстной неделе служил в нескольких местах, где и принимал исповедь. Желаящие, кто не успел исповедаться, добирались верхом, «так как туда было 7 верст»²⁴⁰.

Подробно описал Пасху 1905 г. о. Митрофан Сребрянский. Полк его²⁴¹ стоял в Юшитае, в фанзе была устроена церковь, из нижних чинов сложился хороший хор. Торжественно отслужив в Вербные субботу и воскресенье, о. Митрофан объявил, какой будет порядок служб на Страстной неделе, однако его планам не сужде-

но было сбыться — в четверг полк получил приказ о выступлении в поход. Церковь, украшенную к Пасхе, пришлось разбирать. На новом месте фанзу для служения прибирать пришлось очень спешно, и украсить ее не успевали, но все же место для служения организовать удалось.

Большое беспокойство вызывало предстоящее разговение. Для него требовались просфоры²⁴², а для их изготовления — хорошая мука и печи. Отец Митрофан нашел выход: Ксенофонт пек просфоры в котлах и накануне Пасхи напек их около трехсот, «так что говение и прошло <...> по-российски, то есть на запивке каждый причастник получал просфору, а всего приобщилось больше четырех тысяч человек, и Ксенофонт успевал»²⁴³. Еще один атрибут пасхального стола — крашеные яйца. Достать их накануне Пасхи было сложно — они подорожали. Еще труднее было придумать, чем их красить — краски не было. Солдаты придумали красить яйца китайской бумагой, которую кипятили в котле²⁴⁴. Что касается самой пасхи²⁴⁵, то большинству в походных условиях о ней и думать не приходилось. Вместо нее на стол ставили хлеб со свечой. Купить и пасху, и кулич можно было в Харбине, однако такая возможность была не у всех, а хотелось хоть как-нибудь разнообразить праздничный стол. Для этих целей использовались и «прибереженные» припасы, купленные еще в Мукдене, и посылки из дома, и мародерство. Однако, поскольку некоторые полки получили приказ о передислокации, все их приготовления пошли прахом.

Например, Ф.И. Шидуц, вместе с другими однополчанами в субботу попавший на новую позицию, очень расстраивался, что приходится делать приготовления в спешке. В результате столик все же соорудили, «покрыв его предварительно циновкой и палаткой», поставили угощение, «а самое главное — бутылочку “монопольки” с белой головкой и 3 штуки яиц, которые были даны в охотничью команду китайцами. Спасибо, что они дали нам яиц, а то к Пасхе яйца продавались по 8 руб. сотня, так что в полку солдатам досталось по одному яйцу на каждые три человека, а у нас на каждого охотника по два яйца. Жаль только, что не было белого хлеба, взамен кулича... По окончании богослужения командир полка пригласил к себе всех офицеров и прапорщиков разговориться... все собрались, похристосовались, выпили, закусили, а в это время полковая музыка играла туши, марши, попурри и др. веселые пьесы, чтобы, насколько возможно, развеселить собравшееся общество»²⁴⁶.

Что касается других православных праздников, то отмечались они, как придется. В зависимости от радения полкового священника, совершались богослужения, но, зачастую их составной частью становился обряд погребения, частые передислокации полков и некоторая скудость продовольствия не позволяли даже осознать праздник. «...Новый, 1905 год <...> пришлось встречать в беднейшей и грязнейшей фанзе, среди грязи и полумрака и даже опасности. Денщики вскипятили чай и бульон из консервов; неизменная колбаса, сало, сухари — это новогодний ужин. В 12 часов встали все, перекрестились, поблагодарили Бога, что помог пережить страшный 1904 год, попросили благословения на наступающий, поздравили друг друга и в час ночи улеглись... В 7 часов утра еще раз перекрестились и еще раз поздравили друг друга с “русским” Новым годом: в России в это время ровно 12 часов ночи. Начинаем вытягиваться в путь»²⁴⁷, а на Крещение служили «поскору», во время служения начался обстрел, но все же «закусили, у кого что было, и начали собираться в поход»²⁴⁸. Для тех же, кто стоял на позициях, праздники отмечались тем, что «не было учений». Впрочем, не всегда празднование было таким скромным и скорым. Вспоминая Рождество, А. Квитка, например, тоже отмечал некоторую поспешность празднования: «После обедни в церковном шатре, в присутствии начальников отдельных частей отряда, офицеров и по сотне от каждого полка, был церковный парад. Генерал Мищенко поздравил казаков с праздником и пожелал здоровья и счастья их семьям. Он говорил громким голосом, слышным на большом расстоянии; в каждом его слове чувствовалась искренность и сердечность; не даром он так популярен в войсках... Начальники отдельных частей были собраны вокруг генерала Мищенко на совещание. Теперь уже было известно, что мы выступали завтра»²⁴⁹. Однако в соседнем полку, «у Читинцев празднество началось со вчерашнего вечера — музыка и пение раздавались до утра. На обед было подано, после закуски, суп прентаньер, рыба орли, рагу из барашка, фазаны жареные на вертеле, салат из консервов зелени с майонезом и парфе из ананасов. Шампанским угощал командир полка — сегодня был получен приказ об утверждении его в должности... Писарь принес от Левенгофа записку: офицеры полка приглашались в собрание на бал; из отряда Красного Креста ожидали на бал пять сестер милосердия. Я не пошел. Музыка играла до трех часов утра»²⁵⁰, а на следующий день все маялись похмельем.

Одним из праздников на фронте было *торжество, связанное с иконами*.

На третий день Пасхи 1904 г. состоялась торжественная передача 1-му Восточно-Сибирскому стрелковому Его Величества полку иконы преподобного Серафима Саровского Чудотворца, пожалованной Государем Императором. 30 марта 1904 г. полк в полном составе построился для принятия иконы. Командующий дивизией генерал-майор Гернгросс прочел телеграмму Государя, «поздравил полк с новою Монаршею милостью, а командир полка, приняв икону от командира прибывшего 3-го батальона, подполковника Будаговского, передал ее полковому священнику Иоанну Врублевскому. Сказав соответствующее случаю слово, отец Иоанн благословил иконой коленопреклоненного командира полка полковника Хвастунова и передал ему этот новый священный знак Монаршего внимания к полку... Церемония передачи иконы закончилась церемониальным маршем»²⁵¹.

15 мая тот же полк встречал икону Явления Божией Матери преподобному Сергию²⁵² — благословение обители маньчжурской армии. На параде присутствовали А.Н. Куропаткин и командир 1-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант барон Г.К. Штакельберг. Командовал парадом начальник 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор А.А. Гернгросс. «По окончании молебна²⁵³ духовенство, сопровождаемое командующим армиею, генералами и свитой, понесло икону по рядам. Обнесли по всем полкам, обход кончился; икону укладывают в ящик, в котором ее возят... Причетники, кое-кто из священников и свиты суетливо спешат поскорее запаковать ее, чтобы освободить место для церемониального марша... Генерал Куропаткин заметил неподходящую суету около иконы, направляется туда и что-то тихо говорит — успокаиваются... Наше внимание отметило и отъезд иконы. Отец Голубев и толстый иеромонах с малиновой епитрахилью поехали в коляске, а ящик с иконой затрясся, подпрыгивая, в обыкновенной двуколке»²⁵⁴.

Еще один праздник, который отмечался на фронте — собственно *полковой праздник*. В описаниях этих праздников есть общие черты, которые позволяют выявить некий «сценарий» праздника, выработанный войной.

Вот что писал в своих мемуарах прапорщик 86-го пехотного Вильманстрандского полка Ф. Нотбек: «30-е августа (1904) было днем нашего полкового праздника, день знаменательный, который мы собирались праздновать, хотя обстановка и не особенно располагала к веселью.

Посреди поля поставлен был аналой, вокруг которого выстроился весь полк, мы стояли не в блестящей парадной форме, а точно землекопы, все в глине и грязи. Настроение, несмотря на то, было очень торжественное. Полковое знамя было принесено под звуки нашей музыки и богослужение совершено под открытым небом. Затем бригадный и полковой командиры провозгласили обычные здравицы. На это имелась у нас только одна бутылка коньяку, да и та взятая в долг.

Вечером, по случаю праздника состоялся у нас ужин на голой земле. Гаолян служил скатертью, а нарядный сервиз заменяли наши эмалированные кружки и тарелки. Меню составляли несколько коробок сардин, жареные куры и тоненькие ломтики хлеба (праздник наш совпал с бесхлебицей). Питие составляли 40 бутылок разного вина: дешевой мадеры, марсалы и красного вина; это на 60 человек сильно проголодавшихся офицеров!

С приходом бригадного командира начался наш пир. Не прошло и пяти минут, как коробки сардинок были опустошены, кости обглоданы и бутылки опорожнены. Точно туча саранчи пронеслась над нашим ужином. Полковой оркестр играл во время ужина, но весёлые мотивы не могли рассеять наше довольно-таки удрученное настроение»²⁵⁵.

Схожие воспоминания о полковых праздниках остались и у других участников войны. Батальонный командир одного из полков 22-й пехотной дивизии писал, что по случаю праздника полковой священник отслужил молебен, а личному составу к ужину было прибавлено по полуфунту мяса²⁵⁶.

А вот что писал в своих воспоминаниях Ф.И. Шикунц. «21 и 22 октября (1904 г.). Вчера все было спокойно, а сегодня у нас праздновался полковой праздник. Собрались офицеры и по 10 человек нижних чинов от каждой роты полка. На площади поставили столик, пришел священник, отслужил обедню, благодарственный молебен о здоровых и панихиду о воинах, на бранном поле убиенных, и обо всех умерших. По окончании богослужения командир полка поздравил присутствовавших с полковым праздником и пожелал всего хорошего на многие лета и победы над врагами. Угощения никакого не было, потому что его негде было достать...

Чтобы поздравить нас с полковым праздником, во время обеда приехали к нам начальник дивизии, генерал Б. с начальником штаба; наш полковник и я с двумя казаками сопровождали их по позиции. По осмотре позиций генерал Б. с начальником штаба уехали

в штаб, а мы с полковником отправились в дер. Вуджуинь, чтобы раздать отличившимся охотникам 5 георгиевских крестов.

Командир полка сам навешивал на грудь героев кресты и целовал каждого в щеку. Потом собрались офицеры, и я подал им две бутылки вина, которые им следовали за полковой праздник. После этого мы поехали обратно в свою деревню»²⁵⁷. Празднование закончилось пьяной вылазкой с целью захватить японцев в плен, и ранением офицера.

Гораздо более сдержанно описывает полковой праздник 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (6 декабря 1904 г.) священник А. Богословский²⁵⁸. По случаю своего праздника полк получил телеграмму от Государя. Чтение телеграммы и ответа²⁵⁹ было покрыто громовым «ура». Затем к солдатам обратился командир полка «с словом — с тем словом, которым говорят начальники, знающие душу солдата»²⁶⁰. После него говорил священник. Речь его была адресована, в основном, вновь прибывшим на укомплектование полка (свыше 1000 человек). Впоследствии она была литографирована и роздана нижним чинам как поучение-памятка. Речь эта замечательна в своем роде. В начале ее проповедник вспоминает события русской истории — монголо-татарское нашествие, «годину лихолетья» XVII века, Наполеона. Затем, обращаясь уже к событиям 1904 г., священник говорит о тех сражениях, в которых участвовал полк за 10 месяцев своего пребывания на фронте, и, наконец, призывает вновь прибывших не только быть достойными павших, но как залог победы: «Трезвость, воздержание от сквернословия, уважение к чужой собственности, чистота души... И всегда в обыденной жизни необходимы эти качества, чтобы не прогневать Господа, а в военном походе, когда человек каждый день и час может предстать перед праведные очи Божии, каждый должен быть с чистою трезвою совестью, чтобы явиться к Богу во всем величии и праведности мученика воина»²⁶¹. После этого был отслужен молебен, исполнен гимн «Боже, Царя храни». Затем разошлись на обед. Офицеры и генералы собрались в фанзе, обед начался с чтения телеграмм Куропаткина, Линевиича²⁶², Иванова²⁶³, Данилова²⁶⁴ и текстов ответов, затем была провозглашена здравица Полевому Главному Священнику Голубеву, «а из дворов ротных фанз в офицерскую столовую доносилось невероятно громкое “ура” Главнокомандующему, от даров которого уже вкусили солдатики»²⁶⁵.

Конечно, иногда и полковые праздники вызывали заметное раздражение. Например, Л.Н. Белькович так описывает смотр во вре-

мя полкового праздника: «10-го января, встретив тут же и Новый год, и свой полковой праздник... Из событий, кои запечатлелись в памяти, можно отметить приезд к нам нашего корпусного командира... Смотр был назначен в девять часов утра, а потому в восемь с половиною часов полк начал выходить на площадь и выстраиваться. И вдруг в это время прибыл корпусной командир. Это был глубокий старец, как-то грузно и неуверенно державшийся на седле, даже и тогда, когда его лошадь шла шагом (более скорыми аллюрами он, кажется, никогда и не ездил, по крайней мере никто никогда не выдел его рысящим или галопирующим), лицо его было изборождено морщинами, глаза светили тускло и неприветливо, а губы были сложены в презрительную улыбку. Глядя на него, каждый почувствовал, что этот старец приехал к нам не с добрым и приветливым словом, не с тем огоньком, который, исходя от сердца, быстро передается солдатам и зажигает их сердца радостию и воодушевлением.

Прежде всего он презрительно поздоровался с нами и после этого начал читать командиру полка нотацию за то, что мы опоздали, были плохо выправлены, и что не был послан ординарец к нему навстречу. Потом он начал говорить что-то такое, обращаясь уже к нам, солдатам, но говорил так тихо, что мы ничего решительно не могли понять, а потому и стояли молча, не решаясь крикнуть: “рады стараться, покорнейше благодарим” и тому подобное. Старик часто прерывал свою речь, делая паузы и ожидая, что вот-вот мы дружно гаркнем что-нибудь в ответ на его слова по-солдатски, но мы не слышали его слов, а потому и молчали.

Это окончательно вывело старика из терпения, и он, обращаясь к командиру полка, довольно громко произнес: “что это, они у вас немые что ли, почему не отвечают ничего”. Тогда командир начал нам делать знаки шашкой, и мы впопад или невпопад начали драть глотки, выкрикивая после каждого перерыва солдатские изречения. В общем, смотр не удался, старик остался нами видимо очень недоволен и поселил в нас чувство тоски и разочарования. Солдаты, расходясь по фанзам, обменивались своими впечатлениями, и в их словах слышалось много меткого и неутешительного в моральном отношении. Вскоре это грустное впечатление изгладилось с приездом к нам нашего командира армией; он сразу поднял наш дух, и для этого понадобилось каких-нибудь пять минут времени: ласковое слово солдату, пожатие руки офицеру, простота и неподдельность того теплого чувства, что всегда уловит русская душа — и этого было достаточно для того, чтобы ободрить нас и заставить уверовать в то,

что и мы — Царское войско, к которому можно подходить не с кислой гримасой презрения, а с теплым и задушевым словом, которое заставляет людей полной грудью кричать восторженное “ура!”»²⁶⁶.

Иногда полковые праздники совпадали с другими событиями. Например, праздник Выборгского полка 26 июня 1904 г. совпал с отправкой полка в действующую армию. По этой причине торжества ограничились богослужением и парадом.

Еще одним праздником становится удачное возвращение из похода. О подобном празднике упоминает, например, А. Квитка: «9 января (1905 г.) В десять часов утра был церковный парад по случаю благополучного возвращения с похода... После парада ген. Абрамов пригласил генерала Мищенко и начальников отдельных частей закусить; на всех была только одна бутылка водки, есть было тоже немного»²⁶⁷.

В публикациях, появившихся после русско-японской войны, нередко высказывалась мысль о том, что полковой праздник — важная составляющая воспитания и сплочения военного коллектива. Однако во время Русско-японской войны праздники отнюдь не вели к сплочению. Офицеры развлекались отдельно²⁶⁸, используя для этого любые поводы: «Пользуясь хорошей погодой, я предложил нашим офицерам устроить пикник в трех верстах от Саосыря у живописной деревни Са-мя-пу. Николай и Пепино выехали вперед с песенниками, забрав с собою барашка для шашлыка, чай, несколько бутылок вина и бисквиты, найденные в прибывшем сегодня обозе нашего полка... Китайцы наловили мелкой рыбы, которая сейчас же была изготовлена, пока Николай жарил шашлык... Песенники пели, мы весело болтали»²⁶⁹. Но, как правило, веселье сводилось к пьянству: «Сегодня праздновал свои именины командир батареи, стоявшей впереди на позиции. Целый день офицеры закусывали и пили водку. Один из них хорошо играл на гитаре, начальник транспорта пел прекрасным грудным голосом, несмотря на то, что он пропустил изрядное количество водки. Вечером стал играть оркестр 23 полка... принялись играть в карты... Кутеж, попойка и карточная игра длилась всю ночь, а музыка не умолкала. Под утро только стали укладываться спать»²⁷⁰. Солдаты в этих увеселениях если и участвовали, то только в качестве прислуги или «песенников». Чаще всего отмечали именины. Другое важное событие, которое любили отмечать — известия о награждениях²⁷¹, причем после раздачи наград веселье, в основном, сводилось к выпивке.

Помимо стихийных развлечений, солдатский быт скрашивали и *официальные праздники*. 6 мая 1904 г. по случаю дня рождения Государя Императора в полках был назначен парад и торжественный молебен²⁷². После торжественной части был праздничный обед, причем офицеры были «в сюртуках, при шарфах». Для нижних чинов была привезена водка, вечером в лагерях горели костры, раздавалась музыка и пение. Один из главных праздников 1904 г. — по случаю рождения Цесаревича. Вначале о рождении Наследника говорили неофициально, причем слухи опередили само событие. 30 июля (12 августа) 1904 г. известие о рождении наследника Престола было подтверждено официально. Отмечалось это событие парадом в полках с последующей раздачей водки нижним чинам. На следующий день празднование продолжалось, переходя в затяжное застолье. «13 августа меню было: блинчатый пирог из курицы, суп, филе миньон и сабайон из шоколада, к десерту были поданы леденцы и мелкие орешки; напитки были полбутылки водки, три бутылки красного вина и полбутылки рому <...> Казаки получили только по десяти бутылок водки на сотню, а к вечеру было пьяных очень много, очевидно они нашли ханшинную водку у китайцев»²⁷³.

Вообще, пьянство в армии было повальное и захватывало даже священнослужителей. Так, замечен был пьяным и «пахнувшим табаком» священник Николай Евнитский²⁷⁴. Тот же священник прибыл к начальнику 31 пехотной дивизии настолько пьяным, «что с трудом держался на ногах и не мог свободно говорить... Поселившись в фанзе с другими чинами полка, он, не стесняясь присутствия прежнего священника о. Николая Васильева, офицеров полка и нижних чинов, продолжал пить водку, произносить бранные слова»²⁷⁵. Другой священник — Евстафий Левитский — «совсем опустил, так что совсем закон побросал, в карты играет, водки напивается, матерными и неприличными словами ругается, <...> в воскресенья и праздники службы и утрени не правит»²⁷⁶. В Ляояне священник Иван Рублевский был настолько нетрезв, что едва держался на ногах «и служил предметом соблазна и насмешек лиц, находившихся на вокзале»²⁷⁷. Иоанну Рублевскому за его выдающееся пьянство даже было обещано не только лишение должности *благочинного*, но немедленно и без промедления увольнение от службы по военно-духовному ведомству.

По нетрезвости и предосудительному поведению был уволен со службы священник 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Христофор Братолюбов²⁷⁸.

Таким образом, и импровизированные, и официальные праздники заканчивались попойкой. Пьянство на позициях не способствовало поднятию духа армии. Долгое нахождение в резерве вообще приводило к апатии и угнетенному состоянию духа. Прежние способы заполнить досуг забрасывались — дневники, письма родным писать не хотелось, не читалось, не гулялось, не хотелось даже «уходить в город»²⁷⁹. Ожидание непонятно чего, бессмысленные передвижения, непонимание целей войны, печальные вести с мест боев, ругательные статьи в газетах лишали остатков надежд на благополучное окончание войны. Усталость от войны и порождаемая этим болезненность сознания и разочарование способствовали утрате даже самой слабой мотивации участия в боевых действиях. Еще одним фактором, способствовавшим разложению армии, стало прибытие мобилизованных зимой 1904 г. — весной 1905 г. Новобранцы, вливающиеся в уже так или иначе сложившуюся полковую семью, несут из тыла крайне негативное отношение к войне и революционные настроения. «Стыдно, а сознаюсь: я как бы отупел, чувствую усталость, переутомление, напала какая-то апатия, так что трудно с нею бороться. Иногда вдруг слезы приступят к горлу, и я едва не разрыдаюсь: томительно скучно... Одеревенелость какая-то, равнодушие какое-то, и это испытывают здесь решительно все, все. Ведь шутка ли: одиннадцать месяцев все двигаемся, идем, бодем душою..., мучаемся телом»²⁸⁰.

Плен

Приближающийся выход из войны для всех окажется разным. Некоторые оказались в японском плену. К чему не была готова Япония, так это к огромному количеству русских военнопленных.

Точное количество русских, оказавшихся в японском плену в 1904—1905 гг., до сих пор является предметом обсуждения специалистов.

В книге Нисимуры Фумио «Японо-русская война, увиденная глазами военного врача», написанной в 1930-е годы, приводится цифра 79 367 человек. В книге Хасэгавы Син «Пленники войны» приводится цифра 86 105 человек²⁸¹. Синтаро Накамура, работавший в 1970-е гг., питавший к России симпатию, в книге «Японцы и русские»²⁸² указывает довольно приблизительную цифру — «около 70 тысяч человек». В своем последнем сообщении²⁸³ «Военноплен-

ные в период русско-японской войны 1904—1905 гг.» профессор Такэси Сакон приводит цифру 72 408 человек. Киносукэ Накамура²⁸⁴ утверждает, что «общее количество военнопленных (военно-морские и сухопутные силы) с японской стороны составило 2104 человека, с российской же — 79 454 человека». Приблизительно такая же цифра приводится министерством иностранных дел Японии (79 000). Из современных японских авторов, занимающихся статистикой войны, можно назвать Набору Мияваки.

Одними из первых русских авторов, кто пытался так или иначе осознать эту цифру, были сами военнопленные. Упомянутый Ф.П. Купчинский считал, что в плену находилось «более 80 тысяч людей»²⁸⁵, а Н.Ф. Равва насчитывал «918 офицеров и 57 841 нижних чинов»²⁸⁶. Но чаще всего они передавали свои ощущения словами «очень много», жалобами на тесноту и опасениями, что новые военнопленные стеснят их еще больше²⁸⁷. Вел свою статистику и о. Николай Японский, причем вначале заносил цифры в личный дневник²⁸⁸. Эти сведения о. Николай черпал из японских газет, писем из мест содержания военнопленных и из отчетов секретаря «Общества духовного утешения военнопленных» Василия Ямада.

В современных работах относительно мало внимания уделяется статистике. Статистические сведения встречаются в коллективной монографии советского периода под редакцией И. Ростунова²⁸⁹, однако они, по сути, повторяют данные «классиков» —Ц.Б. Урланиса²⁹⁰ и А.И. Сорокина²⁹¹. Однако, в последнее время стали появляться исследования, вновь обращающиеся к статистике русских военнопленных в Японии. Сведения, приводимые в них, существенно различаются.

Например, К.Е. Черевко насчитывает военнопленных 62 149 человек, В.Г. Гузанов²⁹² считает, что их было 71 947²⁹³.

В книге В.Г.Гузанова приводится следующая статистика²⁹⁴ (см. таблицу на стр. 107).

Обращает на себя внимание отсутствие статистики по лагерям Наносима, Дайри и Сакура.

В книге Г.Ф. Кривошеева «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» (М., 2001) приводится следующая таблица (стр. 107, внизу).

Данные Гузанова и Кривошеева расходятся почти на тысячу человек. Еще более любопытной оказывается статистика возвратившихся. Кривошеев указывает: «Во время приема возвратившихся из японского плена русских солдат таковых оказалось 70 932 нижних чина. Из них 56 341 чел. из сухопутных войск (79,4 %) и 14 591 мо-

Общие данные о русских военнопленных в Японии

	место лагеря	офицеры	рядовые	всего	время нахождения в плену	умерло
1	Мацуяма	315	1848	2163	1904.3.18—1906.2.20	98
2	Маругаме	-	349	349	1904.7.22—1906.1.27	1
3	Химедзи	-	2184	2184	1904.8.1—1905.12.28	6
4	Фукутияма	-	391	391	1904.9.9—1906.1.6	4
5	Нагоя	163	3629	3792	1904.11.28—1906.1.17	15
6	Сидзуока	158	161	319	1904.12.14—1906.1.18	1
7	Ниносима	-	-	-	1905.1.10—1905.10.24	31
8	Хамадэра	51	22325	22376	1905.1.10—1906.2.20	89
9	Дайри	-	-	-	1905.1.10—1905.10.29	0
10	Фукуока	56	3993	4049	1905.1.14—1906.1.25	16
11	Тоёхаси	40	835	875	1905.2.10—1905.12.26	2
12	Ямагути	29	330	359	1905.3.12—1906.2.7	0
13	Оцу	-	750	750	1905.3.18—1905.12.265	1
14	Фусими	113	1598	1711	1905.3.19—1905.12.30	7
15	Кокура	20	1007	1027	1905.3.21—1905.11.28	8
16	Нарасино	-	14950	14950	1905.3.22—1906.1.20	34
17	Канадзава	68	3249	3317	1905.3.26—1905.12.11	11
18	Кумамото	45	5957	6002	1905.3.29—1906.1.29	14
19	Сэндай	84	2081	2165	1905.3.30—1906.1.1	3
20	Курумэ	-	2698	2697	1905.3.31—1906.2.7	3
21	Сакура	-	-	-	1905.4.1—1905.5.16	0
22	Такахаси	22	509	531	1905.4.3—1905.11.28	3
23	Сабазэ	20	20	40	1905.4.15—1905.12.8	0
24	Дзэнцудзи	-	997	997	1905.4.24—1906.1.27	3
25	Цуруга	-	487	487	1905.4.26—1905.12.8	0
26	Осака	148	78	226	1905.6.27—1906.1.10	0
27	Хиросаки	33	28	61	1905.7.24—1905.12.16	0
28	Акита	44	43	87	1905.8.10—1905.12.16	0
29	Ямагата	22	20	42	1905.8.19—1905.12.28	0
		1431	70516	71947		350

Места пленения	Количество военнопленных					
	Сухопутных		Моряков		Всего	
	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов
Разные места	47	2076	14	603	61	2679
Порт-Артур	697	30043	245	8212	942	38255
Мукден	332	20291	-	-	332	20291
Цусима	-	-	246	5831	246	5831
Сахалин	98	5853	-	-	98	5853
Итого	1174	58263	505	14646	1679	72909

ряк (20,6%). Из нижних чинов сухопутных войск 24 730 взято в плен на Южно-Маньчжурском театре войны и 31 611 чел. — в Порт-Артуре, на Сахалине и Северо-Корейском театре. Из всех плененных на Южно-Маньчжурском театре (24 730 чел.) оказалось: русских — 19 427 (78,5%), поляков — 3274 (13,2%), евреев — 825 (3,3%), татар — 748 (3,0%), лютеран — 376 (1,5%), народностей Кавказа — 80 (0,5%). При обмене пленными у японцев осталось 110 чел., ранее перешедших добровольно на их сторону, и тех, кто не пожелал вернуться на родину (из них — 82 поляка, 14 евреев, 12 русских)»²⁹⁵. Таким образом, количество умерших или бежавших из плена должно составлять 1867 человек.

В статье Е.Е. Колосковой²⁹⁶ говорится: «Число русских солдат и офицеров, попавших в плен в период Русско-японской войны 1904—1905, составило по приблизительным подсчетам более *сотни тысяч*. Наибольшее количество было пленено после капитуляции крепости Порт-Артур (32 400 человек, в том числе 5809 раненых и больных), во время Мукденской операции (более 30 000 человек, включая раненых), во время Цусимского сражения (5917 человек)»²⁹⁷.

Сбором и составлением сведений о военнопленных в годы войны занимались несколько организаций и ведомств. Согласно ст. 14 Гагской конвенции, «с открытия военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах, в том случае, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается Справочное Бюро о военнопленных. Бюро это, имеющее назначением давать ответы на все вопросы, касающиеся военнопленных, получает от различных подлежащих учреждений все необходимые сведения, требуемые для составления именной карточки о каждом военнопленном. Бюро поставляется в известность о местах водворения пленных, их перемещениях, равно как о поступлении в госпиталь и о смерти»²⁹⁸.

28 мая 1904 г. при Обществе Красного Креста в Москве было образовано Центральное справочное бюро. Оно получало сообщения о военнопленных из Главного штаба, от французского посольства в Токио, входило в телеграфные сношения с Токийским справочным бюро для получения сведений об отдельных военнопленных за счет лиц, пожелавших иметь эти сведения. Собрать сведения и ответить на запрос удавалось далеко не всегда. Например, с начала деятельности и до 1 января 1905 г. «бюро получило запросов 950 и дало положительных ответов 187»²⁹⁹. Данные, полученные Центральным справочным бюро, также публиковались в «Русском

инвалиде». Кроме того, там же публиковались списки, составляемые в особом отделе Главного Штаба по сбору сведений об убитых и раненых в войну с Японией. После войны были опубликованы «Обзор деятельности Центрального справочного бюро о военнопленных во время русско-японской войны»³⁰⁰ и «Война с Японией. 1904—1905 гг. Санитарно-статистический очерк»³⁰¹.

В Японии статистика велась значительно тщательнее. Большая часть данных оказалась в распоряжении Военного Министерства Японии. Их предоставили для составления отчета о. Николаю. Однако он отмечает, что многие русские имена и фамилии искажены до неузнаваемости. Кроме того, о. Николай дополнял эти списки сведениями, получаемыми от православных японцев. После войны в Японии была опубликована «Статистика военной кампании 1904—1905 гг.»³⁰².

В настоящее время списки на японском языке, дополнены на основе данных, предоставленных Ногуты Такакуни (г. Нагасаки) и Тахаси Сабуро (г. Мацуяма)³⁰³.

Однако и эти списки не во всем точны. Это объясняется, во-первых, самими обстоятельствами пленения, а во-вторых, местом содержания пленных. Часть военнопленных оставалась на территории Китая и Манчжурии, в районе Порт-Артура, на Сахалине и т.д. и в Японию не попала уже по воле японской стороны. Их положение отличалось от положения пленных в японских лагерях. Реальные сведения о них обнаружить трудно. Лишь очень немногие что-то записывали, но и эти записи тщательно скрывались, а впоследствии в большинстве своем утрачены. Некоторые подробности из жизни своего деда в плену приводит, например, Русина Волкова³⁰⁴. Статистика в этих лагерях велась плохо, и некоторые военнопленные могут числиться в списках пропавших без вести или погибших³⁰⁵. «Тэрююки Хара, профессор Исследовательского центра славистики университета Хоккайдо пишет, что на Сахалине некоторые русские военнопленные были расстреляны. При этом в своей работе, изданной в декабре прошлого года, Хара ссылается на многочисленные японские и российские документы. Согласно этим документам, в августе 1905 года, в конце Русско-японской войны, японские войска, высадившиеся на Южном Сахалине, казнили 130 русских военнопленных, которых они захватили в бою. Хара также подверг сомнению правдивость официального отчета правительства Японии о ведении этой войны, поскольку в нем об этом инциденте не упоминается ни слова»³⁰⁶.

Таким образом, установить точную, хотя бы до десятка, численность русских военнопленных, видимо, пока невозможно.

Первыми русскими военнопленными в Японии оказались моряки с парохода Добровольного Флота «Екатеринослав». Описывая их захват в плен, Г.Г. Селецкий упоминает, что во время захвата заполнялись расписки на огнестрельное оружие и деньги, имевшиеся на пароходе³⁰⁷. Кроме того, вероятно, списки личного состава и пассажиров судна также были составлены и перепроверены³⁰⁸. По прибытии в Сасебо, находившиеся на борту судна русские вновь были пересчитаны и переписаны³⁰⁹. К этому времени в Сасебо было уже шесть захваченных русских пароходов. Из дальнейшего описания Селецкого становится ясно, что, при всем старании, японская сторона не смогла полностью заполнить бумаги и лично на него³¹⁰, и на некоторых матросов³¹¹; причинами стали и языковой барьер, и сознательное введение противника в заблуждение. Между прочим, в этом случае русские военнопленные нарушали ст. 9 Конвенции, согласно которой «каждый военнопленный обязан, на поставленный ему вопрос, объявить свое настоящее имя и чин»³¹². Рядовые матросы могли этого и не знать, однако офицеры должны были быть знакомы с текстом Конвенции. В 1904 г. она была издана отдельной брошюрой, а ранее ее текст широко комментировался в прессе, и сам Г.Г. Селецкий впоследствии на нее неоднократно ссылался.

Другой военнопленный — Ф.И. Шикунц — оказался в плену, будучи тяжелораненым. Попав в госпиталь, он часто впадал в забытие, и на заполнение документов потребовалось несколько дней. Причем, вначале он тоже хотел ввести противника в заблуждение, и даже пытался оторвать погоны от шинели, «так как <...> неоднократно слышал, что японцы добивают офицеров и мучают ужаснейшим образом, в особенности же казачьих»³¹³, а когда измученный физическими страданиями начал отвечать на вопросы японских офицеров, то ничего не мог объяснить. Причиной стал опять-таки, языковой барьер³¹⁴.

Боязнь плена отмечает Киёока Гомэй: «...свыше двадцати человек офицеров и рядовых, среди которых были раненые, не имеющие ранений и те, кто находился на краю смерти, лежали неподалеку от артиллерийской позиции... Русские, думая, что японцы всем отрубят головы, жестами показывали: “Не подходите! Не убивайте! Помилуйте!”»³¹⁵.

В безвыходном положении русские все же преодолевали страх перед японцами и *добровольно сдавались в плен*. Так, добровольно

сдался в плен подробно описываемый Хасэгавой «Петр» и двое русских в сражении у р. Ялу.

Однако не все готовы были выйти из войны таким образом. Некий «подпрапорщик», захваченный в плен с ранением головы в предместье Фэнхуанчэн, оказывал сопротивление даже когда его перевязывали: «он расшвырялся, сорвал повязку и бросил ее на землю. Пришлось связать ему руки. Только начали накладывать бинты, он укусил врача»³¹⁶. Беспрецедентное мужество проявил командир 1 батальона 145-го пехотного Новочеркасского стрелкового полка Крингенберг, отказавшийся отдать приказ о сдаче в плен. Оказывая сопротивление врагу, убил офицера и застрелился сам поручик Скуратов, причем японцы высоко оценили его героизм.

Пожалуй, самая точная статистика велась при сдаче Порт-Артура³¹⁷. Описывая сдачу крепости, М.И. Лиле, между прочим, отмечает: «Нужно заметить, что количество пленных нижних чинов стало значительно больше того количества, которое значилось в частях по последним спискам»³¹⁸. Это подтверждает Б.И. Бок: «Японцы объяснили... что на сборный пункт явилось больше пленных, чем было показано во время переговоров»³¹⁹. После заполнения соответствующих документов начался прием военнопленных. «Производился он таким образом. Полк, в своем полном составе, выстраивался перед ставкою. Японскому офицеру представляли ведомость со списком всех офицеров и нижних чинов полка. Японцы считали наличность и записывали. Затем предлагали желающим из офицеров пожаловать в “место клятвы”. Здесь был стол, на котором лежал лист бумаги для подписи офицерам, не желающим ехать в плен... Здесь они в общем списке присоединяли свое имя и фамилию»³²⁰.

Таким образом, количество пленных, взятых в Порт-Артуре и доставленных в Японию — существенно различалось.

В Порт-Артуре японцы, как казалось невероятно уставшим от осады русским, проявляли благородство. Они предлагали всем желающим воспользоваться статьями 10—13 Конвенции и освободиться «на честное слово». Это вызвало раскол среди порт-артурцев. Некоторые были склонны остаться в России, но многие предпочли именно плен (в том числе, добровольно сдались в плен священники). Такая же практика имела место не только в Порт-Артуре. Трудно объяснить, почему некоторые предпочитали отправиться в плен в Японию. Офицеры и священники объясняли это тем, что не хотят оставлять солдат беспомощными. Для многих

больных и раненых выбора между присягой и пленом вообще не было — ослабленные, измученные, они нуждались в немедленной медицинской помощи. Некоторые не могли идти самостоятельно. Остаются не совсем понятными случаи ухода в японский плен тех, кто вообще не относился к сражающимся. От них (и от гражданских жителей, и от медиков, и от священников) японцы избавлялись, правда не без труда.

К сдавшимся порт-артурцам и к А.М. Стесселю японцы отнеслись в целом доброжелательно, но по мере увеличения количества пленных отношение менялось. Когда русские начали сдаваться без боя, у японских командиров начали появляться опасения за их жизнь. «Однако, если бы в высшей степени раздраженные моряки эскадры Камимура, <...> истребили бы пленных, как того опасался Камимура, *то весь мир отвернулся бы от Японии*»³²¹.

О попытках убить военнопленных не мог умолчать Хасэгава Син. Он приводит три случая такого рода, в том числе упоминает об обстреле семидесяти военнопленных после боя в Хэйгоутань³²².

Во время Цусимского сражения даже у демонстративно законопослушных японцев сдают нервы. Наряду со свидетельствами Сато Тэцутаро³²³, есть и страшная картина гибели крейсера «Светлана»: «На сверкающих волнах остались только человеческие головы, широко разбросанные течением. В фуражках и обнаженные, они качались, как буйки, и зывали о помощи. Для моряков была единственная надежда — их спасет крейсер «Отава». Он полным ходом направился к ним, а они, в свою очередь, повертывали ему навстречу. Но каково же было разочарование, когда на свои вопли они услышали с его палубы торжествующие крики “банзай”. В этом было что-то жестокое и бессердечное. А он врезался в гущу русских моряков и, не останавливаясь, пошел дальше. Многие из них были раздавлены его железным корпусом или разрезаны винтами. Так погибли квартирмейстер Соломенский, матрос Сироченко, священник Хандалеев, кок Егоров. С кормы удалявшегося судна один японец показал русским морякам патрон, высоко подняв его над головою, а другой — погрозил им кулаком»³²⁴.

Таким образом, война изменила отношение к плену и у русских, и у японцев.

Входя в войну, русские представляли себе японцев очень смутно, однако сложилось довольно устойчивое мнение, что японцы безжалостны к врагам, добивают раненых, убивают пленных. Надо отме-

а не плодом военной пропаганды³²⁵. Непосредственное столкновение с японцами повлияло на сознание сражающихся далеко не однозначно. Усталость от войны и порождаемая этим болезненность сознания, разочарование и революционизация армии способствовали утрате даже самой слабой мотивации участия в боевых действиях. И все же случаев самостоятельно принимаемого решения о сдаче в плен было относительно немного. Чаще сдача в плен являлась следствием решения командования. Б.В. Норригаард объясняет сдачу порт-артурцев в плен стремлением избежать резни и массовой гибели гражданского населения, а также сильным упадком духа войска³²⁶. Постепенно плена вообще перестали бояться. Как отмечал А.С. Новиков-Прибой, офицеры 2-й Тихоокеанской эскадры не просто сдаются в плен — некоторые видят в нем избавление.

Что касается японцев, то в начале войны они испытывали к русским воинам значительно больше уважения и сострадания. Измотанные войной не меньше противника, неся тяжелые потери, не только физические, но и экономические, японцы не всегда могут сохранить самообладание и не продемонстрировать врагу свое превосходство и злость³²⁷. Однако этому препятствует традиция повиноваться начальствующим³²⁸. Отсюда и случаи заботы о военнопленных, нередко граничащие с самопожертвованием, обусловленные *приказом*. Офицеры же, стесненные иностранными наблюдателями, вынуждены скрывать свои чувства, оберегая военнопленных от возможных посягательств. К тому же, более образованная часть японской армии склонна демонстрировать по отношению к врагу благородство так же, как (по их мнению) это делают европейцы.

Увлечение захватом военнопленных в первые месяцы войны поставило на повестку дня вопрос об их транспортировке и размещении в Японии.

Первоначально вопрос этот не стоял остро — для размещения русских использовались те же лагеря, которые были построены еще в японо-китайскую войну.

Первым пристанищем для наших военнопленных станет город Мацуяма. «Во-первых, он находится на острове. Во-вторых, место с теплым и умеренным климатом. И расположен главный пехотный полк, 22-й. К тому же еще, там уже были лагеря (скорее приюты), построенные для помещения китайских военнопленных во время японо-китайской войны»³²⁹. Однако, по свидетельству Г.Г. Селецкого, первоначально их разместили *в храме*. Помещение было рас-

считано на 200 человек. «...В стороне стояло три каких-то ящика на ножках, на дне которых лежали мешки из бывшего в употреблении довольно грязного ревендука³³⁰, набитые соломой, а в конце ящиков — вальки из того же ревендука, набитые рисовой шелухой. Эти постройки должны были служить... кроватями. Стояли они плотно одна к другой и очень напоминали три открытых гроба в мертвецкой»³³¹. На ночь кровати занавешивали «зелеными пологамии из редкой сетки, вроде марли, чтобы... не кусали комары»³³².

Делались даже попытки придать помещению (для офицеров) хоть какую-то привлекательность: «У каждой кровати столик; на столе бутылочки молока, лекарства, книжки, стаканчики, пивные бутылки с цветами; на деревянных станках висят принадлежности туалета»³³³.

Таким образом, японцы изо всех сил старались приспособиться к европейским привычкам своих пленников и создать даже во временных пристанищах подобие уюта. Благодарности, однако же, не дождалась. Соломенные крыши барачков текли, бумажные стены рвались, с кроватями и другой мебелью случались постоянные недоразумения — военнопленные их ломали, и самостоятельно чинить отказывались.

Особой тесноты поначалу не было.

Офицеры неукоснительно отделялись от нижних чинов. В лагере Фукуока, например, «было отведено два участка для русских военнопленных: в одном, сплошь застроенном деревянными бараками и походившем на небольшую деревню, помещались наши солдаты, в другом, окруженном высоким деревянным забором, <...> офицеры. Между двумя офицерскими бараками был расположен пруд с маленьким островком, на котором стоял памятник в честь японо-китайской войны»³³⁴.

Всего лагерей было 29, но комфорт был обеспечен не во всех. Некоторые лагеря не были рассчитаны на длительное содержание пленных и служили лишь местом пересылки. Самым комфортным был лагерь Мацуяма. Однако именно он, принявший на себя самое большое количество временных поселенцев, окажется в конце концов настоящим кошмаром с переполненными бараками: «Один хочет спать, другой рядом желает громко спорить, третий — петь, четвертый — больной, просит покоя, а за стенкой кричат благим матом всю ночь неугомонные картежники»³³⁵. В конце войны, когда пленных стало слишком много, администрация Мацуямы, по свидетельству Г.Г. Селецкого, даже разрешила офицерам на свои средства снять и обставить дом для более комфортного размещения.

Еще одна напасть лагерей — паразиты: комары, мухи, «белые паразиты» и т.д. Между прочим, и угнетенное состояние духа, и случаи сумасшествия в лагерях сопровождались обостренным восприятием именно вынужденного, не всегда приятного, соседства, причем и соотечественники, и насекомые раздражали одинаково³³⁶.

Другой неотложный вопрос — питание. Непривычная еда быстро надоедала. Японцы уже имели достаточный опыт общения с европейцами и знали, что русским их еда не подходит.

Для снабжения офицеров прикладывались усилия: «Нам подали ужин, состоящий из рыбы, котлетки и жареной картошки, а после ужина — чай, к которому дали по два куска сахара»³³⁷.

Монотонное меню и неумелые попытки японских поваров справиться с премудростями русской кухни раздражали и вызывали ропот. В Мацуяме администрация пошла на компромисс — был найден повар из военнопленных, которому выдавались продукты для приготовления.

«Особое внимание обращалось на питание адмирала (З.П. Рожественского. — *Прим. авт.*)... из Нагасаки даже был приглашен повар, умеющий готовить блюда русской кухни»³³⁸.

«Офицеры получали на завтрак хлеб, суп, жареную рыбу, ростбиф, пудинг, масло, чай, сахар, молоко. На ужин — хлеб, суп, вареную говядину, жареного цыпленка, тушеные хвосты, масло, чай, молоко. Для низших чинов утром — хлеб, масло, чай, сахар. На обед — хлеб, масло, суп с мясом и овощами, чай, сахар. На ужин — хлеб, масло, вареная говядина, чай, сахар»³³⁹. Чтобы разнообразить меню, использовались даже закупаемые в Америке и производимые в Японии консервы. Однако, средств для прокорма военнопленных отпускалось не много. По свидетельству В.И. Семенова, на еду пленным выделялось в день 60 сэнов (и отдельно 6 иен в месяц на карманные расходы). В тогдашних ценах 600 г говядины стоили 45 сэнов. Нижним чинам в день причиталось 23 сэна — «это уже можно отнести к разряду жестокого обращения с пленными»³⁴⁰.

Военнопленные могли закупать продукты и сами: «Тут же в ограде была построена лавочка, в которой продавались самые что ни на есть плохие товары и по самым дорогим ценам, а так как офицеров, за редкими исключениями, в город не пускали, приходилось все покупать здесь»³⁴¹.

Кроме «лавочек», за ограду проникали мелкие спекулянты, продававшие, в первую очередь, спиртное³⁴².

Ближе к концу войны режим содержания военнопленных стал более свободным — они стали чаще выходить в город и закупать там продовольствие, причем иногда — в долг.

Таким образом, японская сторона предприняла все возможные усилия для обеспечения военнопленных. Были оборудованы жилища, мебель, пленных обеспечивали питанием.

Однако, несмотря на все усилия японской стороны, пленные страдали.

Выйдя из войны, они перестали ощущать себя солдатами. Началась демобилизация сознания. В непривычных условиях малейшие лишения воспринимались обостренно тяжело.

Раздраженные, скучающие и уставшие русские пленники требовали «соблюдения гаагских конвенций»³⁴³, причем подразумевая, что японцы им *должны*. Должны обеспечить жильем, едой и т.д. Требования возрастали и даже вызывали конфликты с японской администрацией лагерей. «Неблагодарность» русских удивляла японцев. Между тем, в этом не было ничего удивительного. Сдача в плен, часто вынужденная, не добровольная, затем тяжелый переезд, подлинное и мнимое высокомерие и любопытство японцев, ограничение свободы передвижения, постоянное нахождение в коллективе, непривычная еда, неизвестность и безнадежность вестей с фронта — все это угнетало ужасно.

Но самая главная проблема плена — безделье.

Надо сказать, японская сторона приложила большие усилия, чтобы доставить военнопленным хоть какие-то развлечения. «Рядом с лавочкой стояла бильярдная, тут же была развешена сетка лаун-тенниса, а еще дальше находилась общая столовая, в которой по субботам и воскресеньям православный священник-японец служил всенощную и обедню. Пленные офицеры имели каждый по отдельной комнате, пользовались садом, в их распоряжении был бильярд и теннис»³⁴⁴.

Змеицин довольно подробно описывает посещение сада за пределами лагеря, который японцы устроили для военнопленных. Селецкий, кроме сада, бывал в местечке Дого с целебными горячими ключами.

Кроме занятий спортом и любования природой, военнопленным доставляли книги и газеты, была разрешена переписка. Все это было сопряжено с огромными трудностями. Согласно правилам, и книги, и газеты, и журналы, и письма военнопленные могли получать только после прочтения их переводчиками. Поэтому все

это доставлялось с большим опозданием. Непонятно, проявляли ли военнопленные интерес к чтению. Святитель Николай получал множество писем с просьбами прислать книги, однако чтение не слишком увлекало пленников — прочитав книги один раз, они «от скуки <...> начали читать их вторично»³⁴⁵.

Еще одно развлечение, которое пытались доставить японцы пленным — визиты. Неоднократно пленные упоминают Общество японских женщин. «Они проходили по всем баракам и раздавали раненым разные игрушки, цветы и проч.»³⁴⁶. Офицеров даже просили назначить время для приема посетителей, «так как многие японцы, даже приезжие из других городов, желают нам высказать свое “сочувствие и утешение” и на это имеется разрешение из Токио»³⁴⁷. «Если являлись отдельные лица, то беседа принимала форму обыкновенного разговора, а если это была депутация, то выходил оратор и произносил целую речь»³⁴⁸. Среди посетителей были и представители Красного Креста, и иностранные миссионеры, и досужие любопытные. Самым желанным посетителем, однако, оставался консул. Французское консульство не оставляло военнопленных своей заботой. Первым посетил военнопленных в Мацуяме атташе французского посольства Мг. Martime. Недели через три с русскими военнопленными регулярно начал встречаться консул из г. Кобе Фосарье де Люси. По впечатлению Селецкого, «г-ном Фосарье почти все пленные, живущие в Мацуяме, были недовольны за его индифферентное отношение к их нуждам»³⁴⁹. «В отношениях к нам консула хотя и чувствовалось сочувствие, но какое-то жидкое сочувствие по обязанности... и вместе с тем чувствовалось бессилие повлиять на японцев, чтобы улучшить наше положение»³⁵⁰. Но даже и «сочувствием по обязанности» некоторые военнопленные пытались воспользоваться³⁵¹ не совсем честным образом. Навещал пленных Фосарье довольно часто — «в определенные дни каждый месяц»³⁵², «он направлял пленным полученные неоднократно на его имя пожертвования деньгами и вещами. Им были переданы на Новый год пожертвования от вдовствующей Императрицы для нижних чинов (по 1 йене на человека); им неоднократно передавались пожертвования королевы греческой и многих частных лиц деньгами и вещами. Вообще помощь консула была крайне необходима пленным; <...> он действительно защищал их и во многом облегчал русским тяжесть плена»³⁵³. Действительно, забота консулов и для пленных была не совсем бесполезна. Толстопятов, например, случайно узнал, что перевод группы военнопленных из тюрьмы Кокура

в Фукуока —тюрьму более «благоустроенную» —произошел после ходатайства французского консула³⁵⁴. В другой раз, когда в Мацуяму приехал французский консул с секретарем посольства M-r de Rapafieu (Панафье), он узнал об одном русском, сошедшем в лагере с ума и помещенном в клетку. «Результатом этого визита и хлопот любезных представителей Франции было предложение со стороны японцев»³⁵⁵ передать душевнобольного на поруки русских офицеров в госпитале. О визите консула упоминает и Ф.И. Шикунц: «Сегодня наш приют посетил французский консул, которого с нетерпением уже давно ожидали все пленные для заявления ему претензий на очень плохую пищу, кулачную расправу с пленными, а в особенности — с калеками. Ал. приготовил по этому случаю прошение на французском языке от имени всех военнопленных»³⁵⁶. Однако на этот раз консул сделать ничего не смог. Впрочем, дело шло уже к концу переговоров о мире.

Также военнопленным было разрешено посещать город. Правда, для того чтобы «получить право на свободный выход за пределы лагеря, нужно было дать четыре клятвы: не пытаться бежать, самовольно не прибегать к услугам почты, не общаться с пленными из других лагерей и не посещать частных японских домов»³⁵⁷

Казалось бы, это должно было развлечь. Однако, несмотря на удивление, раздраженные невольники не находили ничего приятного и в городе. Описывая посещение японского цирка, Ф.И. Шикунц с досадой отмечает: «тут тоже ничего хорошего не было»³⁵⁸.

Администрация лагерей прилагала и личные усилия для развлечения русских. Один из военных администраторов лагеря Мацуяма «однажды... принес... рисунки самого лубочного качества и, показывая их, начал уверять, что это работа корейского императора, подаренная ему самим художником, с которым он был в большой дружбе, когда жил в Корее... Нередко для нашего развлечения он устраивал фехтование на палках между караульными солдатами и часто сам принимал в нем участие»³⁵⁹.

Кроме того, заключенные пытались развлечь себя и сами. Иногда они выбирали довольно странные способы избавления от праздности. «Скука невообразимая. Наши солдаты, чтобы развлечь себя, стали что-то ловить в лужах. Оказалось, что они ловили в лужах (дождевых. — *Прим. авт.*) рыбу!.. У некоторых завелись даже аквариумы»³⁶⁰.

В лагере Мацуяма военнопленные начали ловить пауков. «Иногда от нечего делать, эти пауки налавливались в большом количе-

стве, и устраивались настоящие гладиаторские бои»³⁶¹. Кроме того, по свидетельству того же Селецкого, заключенные от скуки разводили птичек. «...Пришла мысль некоторым любителям пернатого царства обзавестись клетками с канарейками, и когда их набралось много, то в Кокайдо было решено устроить общую большую клетку в саду... Клетки эти потом расширялись и принимали гигантские размеры... Скоро эти клетки стали общим достоянием, т.к. каждый старался приобрести какую-нибудь птицу и пустить ее в клетку»³⁶².

Были и попытки организовать обучение нижних чинов грамоте, некоторые офицеры начали изучать иностранные языки, в том числе японский. Они обращались в миссию с просьбой прислать им учебники, иногда покупали самоучители японского языка.

Кроме того, военнопленными был устроен театр. На представления с удовольствием приглашали японцев: «Сегодня нашими любителями представлена была в третий раз “Власть тьмы”, исключительно для японской публики; мы тоже были приглашены на этот спектакль и вечером втроем отправились туда, хотя и не ради спектакля, а для того, чтобы ближе разглядеть японскую публику. Для японцев администрацией приюта было приготовлено угощение: чай, пряники и конфеты, которыми они угощали и нас. Публики собралось очень много, человек более 300. Было очень много женщин, девиц, гейш и детей. На спектакль японцы смотрели со вниманием... Больше всего публике понравилась русская пляска и лезгинка, исполненные дагестанцами А., Ш., двумя казаками Кубанского казачьего войска»³⁶³.

Однако, несмотря на все попытки развлечься, большая часть военнопленных, особенно нижних чинов, всем занятиям предпочитала игру в азартные игры. В лагерях царили повальное пьянство, воровство и драки. В этих условиях нравственное «утешение» становится особенно актуальным.

Статья 18 Гаагской конвенции (1899) предусматривает, что «военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов, не исключая и присутствия на церковных, по их обрядам, богослужениях, под единственным условием соблюдения предписанных военной властью мер порядка и безопасности»³⁶⁴.

Стремясь следовать букве закона, японская сторона должна была озаботиться и этим вопросом.

Русское воинство в большинстве состояло из православных (78,5%), католиков (св. 13%), лютеран (1,5%), мусульман (3%), иудеев (3,3%)³⁶⁵.

Таким образом, дословное соблюдение буквы Гаагской конвенции представляло известную трудность, однако здесь легко было выделить приоритеты.

Несмотря на все уверения в демократизме, японцы, не без основания, полагали, что соблюдение ими духа и буквы закона будет замечено в основном в отношении военнопленных офицеров и высших чинов, которые в подавляющем большинстве были православными.

В марте 1904 г. в Японии оказались первые пленные и раненые — из Чемульпо на о. Сикоку были переведены матросы с «Варяга» и «Стерегущего». С «Варяга» в общей сложности японцы привезли на берег 30 убитых и 200 раненых. Со «Стерегущего» в плен попали 4 матроса.

Всех пленных и раненых передали Красному кресту Японии, 24 тяжелораненых поместили в госпиталь Красного Креста в Инчхоне, где двое из них умерли. Остальные же российские моряки были переправлены в Японию для лечения.

7/20 марта 1904 г. глава Российской Духовной Миссии о. Николай получил телеграмму от французского католического миссионера с подробным известием о раненых и сообщением о месте их содержания. Rev. Chagnon предложил свое посредничество на случай, если о. Николай захочет «что-то послать» матросам. Отец Николай «послал через него им 50 иен на красные яйца в Пасху, несколько икон, 65 брошюр Житий Святых, 2 Новых Завета, 2 молитвенника, Часослов, Пасхальную Службу и письмо, в котором утешал их, что они пострадали за Отечество, советовал отправлять общую молитву с пением и чтением по Часослову»³⁶⁶. Через несколько дней, 23 марта/5 апреля, о. Николай написал еще одно письмо в Мацуяма, поставив на конверте единственную известную ему фамилию «Макаровский»³⁶⁷. Ответа все не было, но отправиться в Мацуяма о. Николай не мог. После начала войны положение его было тяжелым — несколько раз он получал письма с угрозами, была опасность покушения на него, и о. Николай оказался чуть ли не под арестом в стенах собственной миссии.

Надо отметить, что далекий от политических интриг о. Николай не задавался в тот момент вопросом о правовом статусе военнопленных. Его печалило именно то, что он не может оказать им иной помощи, кроме как послать письма и книги, свой долг он видел не столько в организации богослужений, сколько в духовном утешении их. Близилась Пасха, и, похоже, пленным предстояло провести ее только в обществе католических миссионеров.

24 марта/6 апреля 1904 г. к о. Николаю явился французский переводчик Mr. Andre с письмом от французского министра, Mr. Harmand'a, в котором говорилось, что он получил от русского посланника в Париже телеграмму для передачи о. Николаю, в которой сообщалось, что Николай II повелевает снабдить пленных матросов иконами, книгами и всем, что необходимо для исполнения религиозных обрядов³⁶⁸. О. Николай собрался лично отвезти раненым необходимые предметы, однако путешествие не состоялось — в субботу 27 марта/9 апреля 1904 г. Mr. Andre дал ему знать, что Министр иностранных дел Японии, барон Комура «не пускает»³⁶⁹ о. Николая в Мацуяма, потому что это опасно.

Подошла Пасха, но лишь в понедельник Светлой Седьмицы о. Николай смог собрать и отправить (через французского консула) посылку в Мацуяма. Выехать к военнопленным не удалось, но посылка, хоть и с опозданием, до них дошла.

В начале апреля Министр иностранных дел Японии, барон Комура выразил желание «выписать из России священника для русских пленных»³⁷⁰. По мнению о. Николая, для служения у пленных вполне подходил о. Сергей Глебов, священник русского посольства³⁷¹. Сам же о. Николай изъявил желание исправлять религиозные потребности для пленных, которых планировалось разместить в Токио. Решение вопроса затягивалось, и о. Николай через французского посланника направляет письма в Министерство иностранных дел и к пленным в Мацуяма и Такахама, предлагая послать для окормления русских, «японского священника, несколько знающего по-русски, для совершения богослужений, к их религиозному утешению»³⁷².

Видимо, все еще надеясь, что Министерство разрешит прислать русского священника, и, сомневаясь, что японец справится с возлагаемой на него задачей, о. Николай просил «пленных видеть в нем не представителя враждебной... нации, а служителя Богу» и, по возможности, помогать ему в исполнении обязанностей³⁷³.

Японские православные христиане, в свою очередь, тоже обратились в Министерство иностранных дел, изъявив готовность направить священника к русским военнопленным за свой счет. Для себя о. Николай лишь обмолвился о желании японских священников обратиться к правительству относительно этого, не приветствуя и не осуждая эту инициативу. Естественно, его заботило, кто же в конце концов будет окормлять пленных, и когда к нему обратились относительно возможной кандидатуры, он дал ответ, пред-

ложив для этой цели о. Сергия Судзуки, который в начале войны служил в Осаке, а прежде — в Кобэ у русского консула и знал русский язык. 12/25 мая 1904 г., хотя разрешение министерства и не было еще дано, о. Сергей прибыл в Токио.

18/31 мая 1904 г. разрешение министерства было получено. «Предложение Министра иностранных дел попросить русского священника для них (военнопленных. — *Прим. авт.*) из России устранено»³⁷⁴. Главная идея министерства состояла в том, что удовлетворение религиозных нужд русских военнопленных должно быть делом японских христиан.

В этой связи как нельзя более уместной оказалась инициатива, с которой выступили в конце апреля — начале мая православные японцы — создать общество «духовного утешения» военнопленных. 7 мая 1904 г. устав этого общества, гласивший: «1) Цель общества — удовлетворять духовным нуждам военнопленных согласно христианской гуманности. 2) Для осуществления этой цели товарищество поручает известным священникам из японцев, знающим русский язык, отправиться в места содержания военнопленных, совершать для них богослужения и таинства и отправлять требы для больных, раненых и в случае их смерти. 3) Членами товарищества состоят все православные японцы без различия пола. Они обязаны делать известный ежемесячный взнос. 4) Все те, кто одобряет идею и цель товарищества и так или иначе оказывает ему содействие или предлагает денежные пожертвования, принимаются в число членов товарищества, без различия наций и вероисповедания. 5) По окончании войны, товарищество постарается ознакомить русское правительство и народ со всем, что касается его возникновения, предприятий и деятельности, составит для этого подробное описание его деяний»³⁷⁵, был утвержден японским правительством.

В исторической литературе по-разному трактуется вопрос взаимоотношений о. Николая и «Общества духовного утешения военнопленных». Некоторые утверждают, что о. Николай был против создания этой организации, другие — что общество было создано по его инициативе. Разница оценок отношения о. Николая к обществу вполне понятна.

Первоначально японские священники действовали, очевидно, повинуясь порыву сострадания, но и отвечая ожиданиям своего Министерства. В принципе, в тот момент заявленная ими цель была вполне достижима. На 1904 г. в Японии имелись 28 священников, 8 диаконов, 12 причетников и 151 катехизатор³⁷⁶. Если

учесть, что наш военный священник окормлял приблизительно 2000 человек, то Японская Православная Церковь довольно долгое время могла обходиться собственными силами. Вот только русского языка некоторые священники совсем не знали.

Служение у военнопленных, помимо христианского долга, стало бы проявлением высокого патриотизма по отношению к собственной Родине и, кроме того, давало бы довольно ощутимую прибавку к небольшому жалованию, которая выплачивала своим священникам Миссия. Интересно, что общество с самого начала ставило целью не только организацию богослужения и выполнение религиозных обрядов, но и духовное утешение военнопленных.

О. Николай не мог не оценить этот благородный порыв. Однако вскоре стало очевидно, что, собираясь и изъявляя желание отчислять средства на содержание священника для военнопленных, члены общества не торопились расставаться с собственными деньгами. Напротив, они даже претендовали на то, что о. Николай будет возмещать их расходы из получаемых на адрес Миссии пожертвований. Так, большой скандал из-за денег вышел в марте 1905 г.³⁷⁷, а в конце апреля, когда Миссией были получены 2000 иен от американцев на нужды военнопленных — члены Общества просили выдать им из этой суммы 1850 иен³⁷⁸.

В разъездах по местам размещения пленных секретаря общества Василия Ямада о. Николай большой пользы не видел, да и на это приходилось давать деньги Миссии³⁷⁹. Зато неоднократно возникали споры по вопросу увеличения количества священников, направляемых к военнопленным. Не оправдались и надежды на то, что Общество станет посредником между Миссией и Правительством Японии в вопросах окормления военнопленных.

Отказ Министерства разрешить служение для военнопленных русскому священнику, заставляет о. Николая начать готовить для этой миссии японских священников.

Наскоро обучив о. Сергея Судзуки «отправлять различные богослужения по-славянски»³⁸⁰, о. Николай собрал для него славянские богослужебные книги, утварь, облачения, снабдил «всем, до церковного вина и просфор на первые Литургии»³⁸¹. Несмотря на крайнюю скудость средств, пришлось дать и денег — о. Сергею Судзуки «Обществом» было обещано 30 иен в месяц на прожитие в Мацуяме, 20 иен дорожных и еще 20 иен на доставление вещей к месту. Однако денег на это не было, хоть и «положили христиане собирать ежемесячно для этого 80 иен»³⁸², вот и попросили «одолжить».

В первой половине июня 1904 г. о. Сергей Судзуки прибыл в Мацуяма и был размещен в гостинице, оплачивать которую о. Сергию приходилось из своих денег. Это было дорого, и впоследствии он вызвал к себе семью и переехал на частную квартиру.

Служение должно было совершаться в пяти местах поочередно с 8.30 до 11 утра. Началось оно не слишком удачно: «После службы отпалил... проповедь по-русски; это было нечто вроде путешествия по болоту с прилеганиями... русские, вероятно, с изумлением, удерживая смех, смотрели на это оригинальное хождение»³⁸³. Недостаточное знание языка было не единственной трудностью. При контактах о. Сергия с военнопленными, в том числе и при исповеди, согласно правилам, должен был присутствовать японский чиновник, знающий русский язык. Таким образом, таинство исповеди нарушалось, хотя о. Сергей не видел в этом большой беды.

Довольно быстро о. Сергей почувствовал неоднородность паствы. Нижние чины, как ему казалось, отличаются благочестием, офицеры же в большинстве своем — «своевольны и непокорны» и к религии равнодушны³⁸⁴. Русские военнопленные отнеслись к японскому священнику с энтузиазмом — просили благословения, целовали руку, во время обедницы пели. После службы поднесли о. Сергию 4 иены и просили прислать им книг. Позже собрали и передали еще 5 иен (В.П. Касимов) — пожертвование на Миссию.

В конце июня к обязанностям о. Сергия прибавилась еще одна — погребение³⁸⁵, а необходимых предметов для этого у него не было — они были высланы в Мацуяма только в ноябре 1904 г.³⁸⁶

Поначалу служба ладилась не очень. О. Сергия невзлюбили местные чиновники. Они даже требовали «замены его кем-либо другим, более способным к сношению с ними»³⁸⁷. Его стали называть «кокузоку» (враг отечества). Василий Ямада попытался добиться отзыва о. Сергия из Мацуямы, однако о. Николай воспротивился и обещал полностью содержать его за счет Миссии.

В сущности, серьезных оснований отзывать о. Сергия действительно не было. Всеми виной был его слишком открытый характер. «Вы притесняете религию, вы гоните христианство, не понимая его»³⁸⁸, — говорил он японским чиновникам. Горячность и «бестактность» о. Сергия были не злонамеренными. Японские чиновники, обязанные присутствовать на богослужениях, тяготились непонятной им службой, скучали, торопили о. Сергия. Кроме того, иногда они бывали заняты другими делами, и о. Сергей тщетно дожидался переводчиков на богослужение.

Отношения с паствой складывались значительно легче. По свидетельству капитана 1-го ранга Г.Г. Селецкого, «отец Сергей сразу же завоевал себе симпатии всех пленных, которые видели в нем идеальнейшего священнослужителя, напоминающего первые века христианства»³⁸⁹.

Вообще, Г.Г. Селецкий³⁹⁰, видимо, сильно привязался к о. Сергию Судзуки. В сентябре 1904 г. о. Николай получил от Г.Г. Селецкого письмо, в котором между прочим говорилось: «Присылка вами о. Сергия Судзуки и его служение, отличающееся таким благолепием, которое не встретишь везде и у нас в России, делает нас еще более религиозными, чем мы до сих пор были. Не знаю, особенность ли нашего положения или действительно выдающееся служение о. Сергия заставляют меня и многих других во время служения забывать все и помнить только о молитве»³⁹¹. О. Николай в своем дневнике пометил, что «достоинства о.Сергия, конечно, утрированы»³⁹², однако отзыв этот очень примечателен. Он показывает, насколько военнопленные на самом деле нуждались в духовном утешении.

Постепенно русский язык о. Сергия значительно улучшился, опыта проведения службы прибавилось. «...Раздается всем с детства знакомое наше родное полупонятное заунывное чтение часов с проглатыванием слов, с растягиванием фраз; голос звучит все время одной нотой; по всему видно, что чтец опытен. С головокружительной быстротой летят с его языка слова известных молитв и славословий — чем-то родным и грустным веет от всей обстановки», — вспоминал об о. Сергии Ф.П. Купчинский³⁹³. И, хотя Купчинский, в отличие от Г.Г. Селецкого, не слишком религиозен, его воспоминания показывают, насколько дорого для военнопленных было это, хотя и косвенное, напоминание о Родине.

Паства о. Сергия увеличивается. Он уже совершает богослужение в 8 помещениях для пленнх, разбросанных по городу, встречает прибывающих пленнх при высадке на берег, беседует с ними, пытаясь утешить, благословляя крестиками. Вскоре (в сентябре 1904 г.), по собственной инициативе о. Сергей начал окормлять пленнх еще и в Маругаме, стараясь выделить им хотя бы один день в неделю. К этому времени «они уже два месяца остаются без религиозного утешения».

Говоря о служении о. Сергия Судзуки, нужно отметить, что, несмотря на многочисленность паствы, он наилучшим образом справился со своей задачей. Причин тому несколько. Во-первых, изна-

чально о. Сергей желал этого служения искренно и из сострадания к участи пленных. В его письмах к о. Николаю корыстный мотив не возникает. Во-вторых, он довольно хорошо знал русский язык и имел большой опыт служения, а о. Николай имел некоторое время, чтобы подготовить его. Помогал о. Сергию и Г.Г. Селецкий. Поэтому и удавалось о. Сергию организовывать обучение неграмотных, составить хор (от Миссии были получены ноты и даже фисгармония). Он много и часто беседовал с пленными, навещая их при каждой возможности. Были среди его подопечных и те, кто желал перейти в православие (видимо, из иудеев).

В начале июля 1904 г. для окормления военнопленных был назначен еще один священник — Павел Морита³⁹⁴. «Общество» вновь положило жертвовать на его содержание деньги добровольно, но Миссии снова пришлось расплачиваться из собственного кармана. Правда, на этот раз денег уже хватило — начали поступать пожертвования. Таким образом, отцы Судзуки и Морита стали получать по 20 иенв месяц сверх обычного содержания.

21 июля/3 августа 1904 г. о. Николай встретился с Павлом Морита для обучения его службе на славянском языке. «К счастью, он с этой службой знаком по некоторому предварительному опыту»³⁹⁵, — отмечал о. Николай. Вообще, надо заметить, что поначалу о. Николай относился к о. Павлу Морите с большей благосклонностью, чем к о. Сергию Судзуки, находил его более умным и практичным, не «таким бестактным». Надеялся о. Николай и на посредничество о. Павла Морита в переговорах с Военным Министерством. Во-первых, его заботило, что при служении о. Сергия нарушается таинство исповеди, а во-вторых, было очевидно, что сил Миссии не хватает для удовлетворения духовных потребностей всех пленных. Однако переговоры с Министерством оказались безуспешными, а скоро и сам о. Павел несколько разочаровал о. Николая³⁹⁶.

Первая же проповедь о. Павла в Химедзи³⁹⁷ показала «его характер — льстивый и дрянной... он долбит русским, что “они чрезмерно благодетельствованы Его Величеством Японским Императором и потому должны быть бесконечно благодарны ему и Японии, вести себя хорошо и прочее в этом роде”»³⁹⁸.

Отношение к пастве у о. Павла Морита было иное, нежели у о. Сергия. О. Сергей обращал внимание на религиозность паствы, а о. Павел — на конфессиональную и национальную принадлежность. Среди его паствы было довольно много католиков (поляков. — А.М.) и евреев³⁹⁹. Не очень разбираясь в сложностях межнациональных

взаимоотношений, о. Павел довольно неловко вмешивался в них. Результатом стала его ссора с паствой в Фукуцияма⁴⁰⁰.

В середине сентября 1904 г., узнав из газет, что для русских военнопленных (из Порт-Артура) «уже готовятся помещения»⁴⁰¹, о. Николай впервые обеспокоился — хватит ли в Японии православных священников «если... все эти места наполнятся русскими пленными»⁴⁰². Пленные, действительно, вскоре начали поступать уже сотнями, и двух священников для них оказалось недостаточно.

В октябре 1904 г. выразил желание служить у военнопленных о. Симеон Мии⁴⁰³. Любопытно, что о. Симеон сначала сообщает о своем желании служить у военнопленных в Нагоя секретарю Общества Василию Вада, а лишь в ноябре — непосредственно епископу.

Вопрос субординации при назначении на новое служение о. Николай не комментирует, хотя конфликты по поводу назначаемых кандидатур между ним и обществом уже случались не раз.

Во второй половине ноября 1904 г. в Нагоя были переведены 220 пленных из Мацуяма, и о. Симеон Мии получил желаемое назначение. В декабре 1904 г. он начал служение у военнопленных. Священник должен был приезжать из Киото два раза в месяц и служить вместе с о. Петром Сибаяма. В остальные воскресенья о. Петр Сибаяма служил по-японски — «так военнопленные сами пожелали; они не хотят оставаться без богослужения в праздники»⁴⁰⁴. С конца декабря о. Симеон служил Литургии и в Сидзуока, а в начале января 1905 г. выразил желание служить и в Осака. Приходилось ему служить «наездами» и в других местах.

«Священник, о. Симеон Мио, несколько раз и ранее наезжал к нам для совершения литургии. Богослужение это совершалось в нашей столовой при совершенно походной обстановке и при довольно нестройном пении нескольких человек — наших вестовых, но и это богослужение доставляло мне минуты духовного утешения, минуты, когда забываются всякие невзгоды и крепнет надежда на окончание тяжелых испытаний... что особенно мне было приятно, так это то, что можно было ездить в соседний город Киото, где имелся наш православный храм, и вот каждую субботу я уезжал туда, останавливался в гостинице и ходил ко всенощной, а утром в воскресенье — к обедне. Служит там тот же священник о. Симеон Мио, певчие — прекрасный хор 30-ти японок. Богослужение совершается на славянском языке, а певчие поют по-японски, но нашими же напевами, так что, зная порядок службы, легко следить за ней.

Никогда раньше мне не приходилось испытывать в церкви такое молитвенное настроение, как там, далеко от родины, в совершенно особых, исключительных условиях жизни. Какую благодарность чувствовал я к своим родителям, воспитавшим во мне религиозное чувство! Сколько силы и бодрости духа придавало оно мне и сколько отрадных минут переживал я. Весьма вероятно, что благодаря этому я так спокойно и терпеливо ждал окончательного отъезда из Японии, отъезда, который откладывался в силу различных непредвиденных обстоятельств», — вспоминал Г.А. Ивков⁴⁰⁵.

«Он именно из наших священников самый лучший для служения у русских, по знанию русского языка и по образованию»⁴⁰⁶, — отмечает о. Николай. Русские полюбили о. Симеона.

Вот что писал о. Николаю один из пленных, генерал К.Н. Смирнов: «Великое вам спасибо за то, что вы прислали сюда отца Симеона, благодаря которому мы на родном, с детства привычном нам языке выслушали 12 Евангелий и исполнили Святые Таинства исповеди и причастия, а также встретили Воскресенье Христово на Светлой Утрени... Благодаря неутомимой деятельности отца Симеона, который стал для нас родным пастырем, мы не испытываем оскудения в исполнении наших духовных треб. Эта пастырская заботливость отца Симеона... примиряет наши души с настоящим нашим положением и утешает горечь нашего временного отчуждения от далеких наших храмов и церквей»⁴⁰⁷.

Однако, вскоре у о. Симеона начались конфликты, поставившие под угрозу его служение военнопленным. В 20-х числах января на имя секретаря Общества Василия Ямада пришла телеграмма из Сидзуока. Оказалось, что о. Симеон Мии «имел неосторожность привезти кому-то из Нагоя письмо и передать прямо, без освидетельствования его в правлении»⁴⁰⁸, и разговаривал с пленными без участия переводчика. Переводчик — Миямура (Самуил Антонович) сообщил об этом властям. Скандал удалось замять.

Жаловался на о. Симеона Мии и о. Петр Сибаяма — священник, с которым, согласно решению о. Николая, Мии должен был служить вместе. Петр Сибаяма, видимо, недостаточно владел русским языком и служил на японском. Среди его паствы оказались «Порт-Артурские Генералы». Они с самого начала выказывали японскому священнику свое уважение, и о. Сибаяма желал всячески отстранить от служения о. Мии, «чтоб самому важничать в обществе Генералов»⁴⁰⁹. Однако трудности служения в конце концов примирили пастырей, и они служили и обедали «у Генералов» совместно.

Количество военнопленных все увеличивается, и с февраля 1905 г. о. Петру Сибаяма поручается окормлять военнопленных еще и в Тенгачае, куда в начале 1905 г. попало 6 тысяч человек.

К началу 1905 г. в резерве Японской Православной Церкви оставались еще два священника, знающих русский язык — Андрей Метокси и Алексей Савабе, которые вскоре понадобились. В начале января для служения в Дайри вызывается Андрей Метокси, а в Хаматера назначается Алексей Савабе. С самого начала 1905 г. было очевидно, что справиться со служением будет трудно — только в Хаматера к середине января оказалось уже 12 000 военнопленных. Когда о. Алексей Савабе прибыл на место служения, там как раз вспыхнул бунт военнопленных, для усмирения которых из Осака прибыли три роты солдат⁴¹⁰. Впрочем, многочисленная паства вскоре полюбила о. Алексея. В июне 1905 г. военнопленные даже собрали деньги (150 рублей) чтобы «соорудить икону св. Алексея для подарка от них о. Алексею Савабе, в благодарность за его ревностное служение у них»⁴¹¹. Но во второй половине июля 1905 г. из-за какого-то нарушения правил о. Алексей Савабе был отстранен от служения, ему было запрещено навещать военнопленных⁴¹².

В феврале 1905 г. для служения в Фукуока и Даири прибывает о. Андрей Метокси, сразу же и нарушив первое распоряжение епископа. О. Николай предписал о. Андрею заехать в Мацуяма к о. Сергию Судзуки, чтобы ознакомиться с опытом служения у русских военнопленных, и даже дал денег на дорогу. Вместо этого о. Андрей направился в Химедзи к о. Павлу Морита. О. Николай был рассержен: «До сих пор христиане часто не слушались своих священников; но это еще не очень великая беда, если иерархия соблюдает свое единство; если же священники перестанут слушаться Епископа, то Церковь будет повреждена в корне, и ей грозит разрушение»⁴¹³. Несмотря на это недоразумение, о. Андрей Метокси старался изо всех сил — он заходил к военнопленным после службы, беседовал с ними, и, хотя по-русски говорил плохо, «но все-таки его можно было понять»⁴¹⁴, проводил богослужения, хотя и «очень плохо выговаривал слова молитв»⁴¹⁵.

В марте 1905 г. стало очевидно, что больше священников для служения военнопленным Японская Церковь выделить не может. Было решено рукоположить нескольких диаконов, окончивших курс в Семинарии и знающих русский язык. Для хиротонии были единодушно избраны Иоанн Оно, Яков Тоохей и Акила Хирото. Вызвала возражения только кандидатура Петра Уцида.

На этот раз терпение о. Николая истощилось. «При всех избраниях я почти всегда молчал, давая им полную свободу избирать, или нет и углубляя тем семя соборности церковной. Поэтому.. я хотел, чтобы избрание было их делом. Но следует показать и то, что Епископ своею властью, без избрания церковного, может поставить священника и диакона»⁴¹⁶. Между прочим, настоять на своем о. Николай не смог. Дальнейшие назначения шли уже в спешке, к военнопленным направлялись некоторые священники, не знавшие русского языка, но о. Николай не мог исправить ситуацию⁴¹⁷.

Таким образом, хотя к исполнению церковных обрядов для русских военнопленных и было привлечено более половины священников Японской Православной церкви, удовлетворить духовные нужды своей паствы они не могли. Во-первых, их количество было настолько несоизмеримо с количеством военнопленных, что не всегда удавалось обеспечить даже проведение праздничного богослужения. Увеличению количества японских священников постоянно препятствовало «Общество духовного утешения военнопленных», находя, что содержание их слишком дорого для общества, хотя Миссия постоянно погашала эти расходы из собственных средств. От привлечения же к окормлению военнопленных русских священников последовательно отказывалось Японское Правительство. Во-вторых, бескомпромиссность военной администрации нередко приводила к дезорганизации работы священников, в том числе и без видимых нарушений правил с их стороны. В-третьих, сами священники, даже при благоприятном отношении военной администрации, не всегда соответствовали возлагаемым на них задачам и, в первую очередь, недостаточно хорошо знали русский язык.

Еще одной проблемой, возникшей в связи с обеспечением возможности исполнения религиозных обрядов русскими военнослужащими в Японии, стало отсутствие необходимых мест и предметов для организации богослужения.

Из городов, в которых размещались военнопленные, православный храм имелся, например, в Осаке. Становление Осацкой православной общины началось в 1878 году⁴¹⁸, здесь незадолго до начала войны служил о. Сергей Сидзуки. Имелся православный молитвенный дом в Сидзуока. Он был построен в 1883 году, через 6 лет после основания православной общины⁴¹⁹. С 1881 г. действовал и молитвенный дом в Кумамото, но, по-видимому, очень небольшой⁴²⁰. В других городах, где размещались русские военно-

пленные, православных молитвенных домов или церквей, скорее всего, не было, но их наличие не могло существенным образом повлиять на организацию богослужений для военнопленных, поскольку их не выпускали за пределы специально отведенных мест до лета 1905 года. Места, отведенные для содержания солдат, не имели специальных помещений для богослужения, поэтому первая проблема, с которой неизбежно сталкивались японские священнослужители — организация места для служения.

В полевых условиях эта проблема тоже присутствовала. Однако для ее разрешения были предприняты известные шаги. Во-первых, существовала т.н. «походная церковь» — палатка, которую разворачивали, если других мест для организации богослужения не было. В тех местах, где войска располагались на позициях длительное время, для обустройства постоянных мест для служения использовались офицерские столовые (например, в Порт-Артуре), китайские фанзы и т.д.

В плену русские солдаты также стремились приспособить для богослужения постоянные помещения. Одним из первых такое помещение было оборудовано в Мацуяме. Инициатором организации места стал Георгий Селецкий. Получив из миссии необходимую утварь, он, по просьбе о. Николая, начал организацию места для богослужения в одном из барачков. В Хаматера организацией места для богослужения занимался рядовой Петр Каширин, ставший затем церковным старостой, в Нагоя — Александр Дмитриевский, сын протоиерея, кончивший курс Семинарии, в Сидзуока — подполковник Константин Васильевич Урядов. Всего к весне 1905 года имелось 22 «места». Это были части барачков, в которых устраивалась алтарная часть. Вещи, необходимые для этого, присылала миссия. Некоторые предметы изготавливались воспитанницами и персоналом Женской школы при Миссии — чаще всего вышивались покровы и салфетки. Остальные предметы закупались либо о. Николаем, либо даже самими пленными в складчину. Однако выделяемых мест не хватало, и с оборудованием их тоже возникали заминки.

В начале 1905 г. начинается сооружение отдельных помещений. В Нагоя, в Хигаси-Хонгвадзи весной 1905 г. при активном участии генерала Александра Викторовича Фока, была построена и освящена Церковь с иконостасом, началось сооружение церкви и в Нисси-Хонгвадзи (здесь инициатором был генерал Василий Федорович Белый). В Мацуяма в госпитале тоже устроили церковь. В этих

местах инициаторами сооружения церквей были военнопленные, однако и японцы не оставались безучастны. Зимой 1905 г. о. Сиемон Мии обратился к военному начальству с жалобой на то, что в Хаматера и Тенгачае «общественного богослужения для пленных совершать негде — все помещения тесны для того; просил он начальника приюта наскоро построить отдельное здание для богослужений»⁴²¹. В Тенгачаи, где в январе 1905 г. находилось около 5000 пленнх, строительство здания затянулось, и в канун Пасхи 1905 г. места для служения, фактически, не было, зато в Хаматера часовни были освящены уже в марте. «Часовни построены во дворах: 1-м, где 3 тысячи пленнх, 2-м, где 6 тысяч и 4-м, где десять тысяч»⁴²², сооружены они были на пожертвования членов Городской Думы соседнего города Сакаи. Здания часовен располагались около казарм за тремя рядами ограды. Они должны были открываться для совершения богослужения, чтобы все молящиеся «видели священнодействие»⁴²³, для чего пол часовен поднимался на несколько ступеней от земли.

В целом организация мест для проведения богослужений, хоть и вводила Миссию в расходы, больших затруднений не вызывала. Лишь однажды о. Николай обеспокоился, что для новых временных церквей может не хватить икон. Сама Миссия изготавливала иконы по присылаемым размерам, писала Ирина Петровна Ямасита⁴²⁴. Часть икон, например, в Хаматера, были вывезены самими пленными из Порт-Артура. Кроме того, среди военнопленных оказалось «много просящихся писать иконы. Потому разосланы иконописный материал и инструменты: в Мацуяма — офицеру Инглизу, в Сидзуока — офицеру Рейнгардту, в Хаматера, Нарасино, Тохаси — нижним чинам»⁴²⁵. Для церкви в Хаматера иконы писал Павел Петрович Хаулин. Он оказался очень талантливым иконописцем, писал по заказу о. Николая для Миссии икону «Воскрешение Лазаря».

Таким образом, ни в иконах, ни в покровах недостатка не было. Не хватало лишь священников.

С самого начала войны о. Николай надеялся, что из России для окормления военнопленных будет выписан русский священник. Получив отказ, он еще сохранял надежду на то, что с пленными останутся военные священники⁴²⁶.

Действительно, в числе спасенных с «Рюрика» оказался иеромонах Якутского Спасского монастыря о. Алексей Оконешников. Крейсер «Рюрик» участвовал в операциях Владивостокского отря-

да кораблей, действовал на японских коммуникациях и 14 августа 1904 г. был потоплен в бою с японской эскадрой. Оконешников был взят в плен и вместе с остальными был доставлен вначале в Симоносеки, а затем — в Сасебо, где его впервые подвергли допросу и сообщили, что скоро отпустят на Родину. О. Алексей выразил желание остаться с командой «Рюрика», однако «офицеры решили иное»⁴²⁷ — они хотели передать с о. Алексеем донесение о судьбе «Рюрика» в Россию. Не собиралась задерживать священника и японская администрация — ему «разрешили проститься со своими, ни о чем с ними не разговаривая»⁴²⁸, и отправили в Нагасаки. В Нагасаки о. Алексей похоронил четверых умерших матросов, поскольку там имелись русская часовня и православное кладбище, и вскоре был отправлен на пароходе в Шанхай⁴²⁹.

Хотя пробыл о. Алексей в Японии очень недолго, газеты успели о нем написать, и о. Николай через французского посланника пытался ходатайствовать, чтобы священник с «Рюрика» был оставлен в Японии «не в виде пленного, а для удовлетворения нужд его паствы, оставленной пленною в Японии»⁴³⁰. Однако ходатайство удовлетворено не было.

В декабре о. Николай через французского министра снова начал хлопоты.

Вместе с пленными из Порт-Артура в Японию прибывали и священники⁴³¹.

Перед капитуляцией крепости, 21 декабря 1904 г. Стессель подписал следующий приказ (№ 991): «Признаю настоятельно необходимым, чтобы с командами нижних чинов, отправляемых в Японию, следовали бы хотя три священника для пастырского напутствия, которое будет необходимо каждому православному воину, а потому прошу священников завтра к 2 часам дня заявить; если же не будет желающих... то назначить из 4-ой и 7-ой дивизии по одному, от морских команд и прочих частей одного»⁴³².

Рождество порт-артурцы встретили уже в плену по дороге в Японию.

«В 10 часов утра полк⁴³³ был построен, и я отслужил обедницу с положенным по уставу молебном, — вспоминает священник Александр Холмогоров. — Затем рождественский молебен был отслужен мною стрелкам 14 полка, священник коего остался в Порт-Артуре. Усердно-усердно молились солдатики, предвидя, что служба полкового священника для них совершается в последний раз, и боясь темного будущего, ожидавшего их в чужой стороне, в плену

у врагов. Японцы толпой собрались и смотрели христианское богослужение»⁴³⁴.

О. Александру пришлось разделить участь нижних чинов — он ел японские галеты с чаем⁴³⁵, в городе Дальнем в «Доме для плена» разместился на первом этаже⁴³⁶. Здесь пленникам пришлось похуже. Поскольку офицеры не надзирали за караульными, «никто из японцев нам не принес положенной порции консервов и галет. Сколько мы ни говорили мимикой с часовым о наших желудочных потребностях, он остался глух и нем, — только улыбался!.. Терпели мы еще стеснения от непрошенных посетителей. В течение всего дня, а порой и ночью, к нам в комнаты без церемоний заходили разного ранга «япошки», спокойно рассматривали нас, переговаривались с часовым, тоже входившим в комнату, стояли, сколько им заблагорассудится — и удалялись»⁴³⁷.

Однако, по прибытии в Нагасаки выяснилось, что Александр Холмогоров — священник. Его немедленно, несмотря на поздний час, переправили в Инасу, в «квартиру для полковников»⁴³⁸. Через шесть дней в Нагасаки прибыл пароход «Австралия» французской компании Месажери-Маритим, и А. Холмогоров вместе с другими был отправлен из Японии.

Среди священников, попавших в плен из Порт-Артура и выразивших желание остаться с паствой в японском плену, был и бывший насельник Киево-Печерской лавры иеромонах Антоний. Другой порт-артурский священник — Дмитрий Иванович Тресвятский — оказался в лагере в Мацуяма и попытался остаться; полковник Кавано даже выделил ему комнату в госпитале для пленных. Тресвятский вступил в переписку с о. Николаем, объясняя свое желание остаться с пленными.

Положив вновь просить оставить русских священников с пленными, о. Николай на этот раз больше был уверен в успехе, тем более секретарь французского посольства заверил его, «что Министр уже получил позволение от Японского Правительства на оставление русских священников с порт-артурскими пленными командами»⁴³⁹. Уже через неделю, 6 января, стало известно, что разрешение получено не будет. В начале февраля все русские священники были высланы из Японии.

Таким образом, из-за упорства японской стороны привлечь русских священников к окормлению пленных не представилось возможным.

Наступил Великий Пост.

Пожертвований — и денег, и книг — в Миссии было достаточно. О. Николай рассылал их в лагеря, прибавляя от себя иконы и письма — «не предаваться печали, а сохранять бодрость духа»⁴⁴⁰.

Надо отметить, что священники-японцы хорошо знали, что им предстоит делать — впервые пасхальное богослужение в Японии было совершено в возведенном в 1859 году в Хакодате консульском храме Воскресения Христова.

В преддверии Пасхи перед священниками встала проблема исповеди. Желая наилучшим образом исполнить свою миссию, о. Сергей Судзуки первым поставил вопрос о коллективной исповеди и просил у о. Николая разъяснений, как это сделать. Вопрос возник не случайно — количество пленных увеличивалось, и их пришлось посещать не только в Мацуяме и Маругаме. О коллективной исповеди и об Иоанне Кронштадском о. Сергей, по предположению о. Николая, вероятно, узнал от офицеров. Однако, у о. Сергия были и другие возможности узнать об этом.

Труды протоиерея Иоанна начали публиковаться на японском языке с конца XIX века, практически сразу же после выхода в свет на русском языке. В сентябре 1895 г. святой Иоанн Кронштадтский собственноручно передал Иоанну Сэнума Какусабуру, направленному святителем Николаем Японским в Санкт-Петербургскую духовную академию для обучения, сборник своих проповедей «Беседы о Боге-Творце и Промыслителе мира». Кроме того, о. Иоанн передал шесть своих книг (три тома проповедей, два тома дневника и размышления о богослужении).

В 1900 г. в Японии была переведена книга Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвления и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге». Еще до выхода в свет полного перевода отдельные отрывки из нее регулярно помещались в журнале «Сэйкё симпо».

Следом за о. Сергием решился готовить коллективную исповедь о. Павел Морита. Понимая, что остальные священники будут вынуждены делать то же самое, о. Николай решился, несколько сократив книжку «Генерального исповедания», напечатать ее в миссии и «разослать священникам вместе с печатным письмом, как употреблять его»⁴⁴¹. Кроме того, была отпечатана форма «Общего исповедания грехов» с приложением письма к военнопленным «с объяснением, как пользоваться “общим исповеданием”»⁴⁴². Однако офицерам предписывалось: «Кто просит отдельной исповеди, непременно чтобы отдельно исповедали таковых, назначив для того определенное время»⁴⁴³.

Кроме проведения обязательных исповеди и богослужения, планировалось отпечатать к Пасхе «хорошенькую брошюру “Приветствие русским братьям от Японской Церкви”»⁴⁴⁴. Брошюру предполагалось отпечатать *в ста тысячах экземпляров*. Ее должна была украшать картинка — портрет одной из учениц Женской школы с пасхальными яйцами на подносе. Главное содержание брошюры — послание о. Николая военнопленным от себя лично и еще одно — от Японской Православной церкви, а также Пасхальное слово Иоанна Златоуста, Пасхальная песнь святого Григория Богослова и краткое статистическое сведение о Японской Миссии и Церкви.

Помимо этих хлопот, о. Николай полагал необходимым доставить для военнопленных красные яйца к Пасхе. Испытывая финансовые затруднения, он обратился за помощью к французскому посланнику, у которого имелись значительные пожертвования для военнопленных. 5/18 апреля были заказаны яйца к Пасхе — по два яйца для 58 759 человек. Заниматься этой проблемой был должен также «христианин Павел Ито»⁴⁴⁵. Кроме того, планировалось отпечатать и разослать 150 копий наставлений, как красить яйца. К сожалению, усилия Миссии увенчались успехом лишь отчасти. Многие яйца разбились по дороге, например, в одной только посылке в Даири разбилось 849 штук.

Еще один атрибут пасхальных торжеств — свечи. Mr. Andre имел 139 233 иен на церковные свечи для военнопленных к Пасхе. Однако, достать свечи в таком количестве было трудно. 18 ящичков были направлены из Сан-Франциско, что было явно недостаточно. Как раз накануне Пасхи было получено извещение о присылке 21 ящичка свечей из Ситки. Согласно уведомлению, свечи прибыли в Йокогаму. Обрадованный о. Николай «заготовил из учителей и учеников целую компанию рассылных, развести ящички со свечами по местам военнопленных»⁴⁴⁶. Каково же было огорчение, когда выяснилось, что ящички на берег не свезли, и где они на пароходе — никто не знал. Только в пятницу, затратив дополнительно 100 иен, удалось выволить столь срочно необходимые посылки. Однако доставить свечи вовремя удалось не всем.

Еще одна мысль, которая пришла в голову о. Николаю — заказать для военнопленных серебряные крестики, с которыми вышла почти трагическая история. Мастер-японец щедро добавил в серебро меди. Обман вскрылся не сразу, но вызвал в лагерях даже волнения. О. Николай очень тяжело переживал, но исправить ничего уже было нельзя. Для довершения расстройств выяснилось, что отпечатанные

брошюры и книги, собранные Миссией, военнопленным не выдают. И все же Миссия старалась изо всех сил — учительницы Женской школы вышивали подарок — покров для церкви в Сидзуока.

Особенно удалось торжественное богослужение. «О. Роман Циба вернулся из Тоёхаси и рассказал, как там пленные были рады Пасхальному священническому богослужению. Русские и японцы молились вместе и были очень довольны этим. Пение было попеременно русское и японское. Русские певчие отлично пели. Разговорье было устроено русскими превосходно. О. Роман в восхищении от своей поездки. При нем там диакон Петр Уцида вернулся из Сидзуока и говорил, что русские были очень утешены Пасхальным богослужением, которое о. Матфей Кагета с ними вместе совершил в полном порядке, только при освящении пасхи свою руку вместо кропил употребил за неимением кропил. Учительницы приносили показать букет, который им прислали офицеры из Сидзуока в благодарность за вышитые покровы на престол и прочее»⁴⁴⁷.

Таким образом, даже в тяжелейших условиях Миссии удалось выдержать и это испытание — организовать празднование Пасхи для более, чем 70 000 человек.

Одной из самых тяжелых психологических ситуаций, связанных с войной, является пребывание в плену. Солдаты, временно лишённые свободы и вынужденно находящиеся на враждебной территории, переживают комплекс разнообразных психологических стрессов, обуславливающих особенное поведение военнопленных. Во-первых, нередко начальный этап пребывания в плену сопровождается сильнейшим стрессом, связанным с последними военными переживаниями. Во-вторых, особенно на начальном этапе, военнопленные часто испытывают комплекс вины, даже в случае добровольной сдачи в плен. К нравственным страданиям добавляются физические — боль от полученных ранений, адаптация к чуждому климату, непривычной еде и т.д. Одна из проблем плена — вынужденное общение, в том числе и с врагом. Нередко военнопленные страдают не только от враждебного отношения, но и от обывательского любопытства местного населения. Серьёзной проблемой становится отсутствие привычных занятий. Наконец, к усталости и скуке прибавляется тоска по Родине, по семье и близким. Разрушению системы ценностей, изменению отношения к собственной личности способствует большая концентрация военнопленных и отъединение нижних чинов от офицеров.

Результатом длительного пребывания в плену становится склонность к девиантному поведению, маргинализация сознания, утрата нравственных ориентиров, рост преступности, помешательства и даже самоубийства военнопленных. В этих условиях особенную актуальность приобретают мероприятия, связанные с оказанием психологической помощи, поддержанием нравственных ориентиров и организацией досуга военнопленных. Одним из способов решения этих проблем могла бы стать религиозная работа среди военнопленных. Говоря о задачах священника при работе с военнопленными, следует отметить, что ни офицер, ни врач, ни психолог не могут заместить собой священника⁴⁴⁸, однако лишь в том случае, если священник имеет возможность именно окормлять, то есть не только проводить богослужения, но и быть духовным руководителем своих подопечных.

Согласно Гаагской конвенции 1899 г., религиозная работа среди военнопленных вестись могла. Однако конвенция не предусматривала окормления, а гарантировала только возможность исполнения религиозных обрядов.

Для Японии соблюдение международных конвенций в войне с Россией было делом принципиально значимым. Во-первых, с самого начала войны Россия настойчиво обвиняла Японию в нарушении норм международного права именно в связи с началом военных действий до официального объявления войны. Во-вторых, российские средства массовой информации, хотя и не вполне успешно, обвиняли японцев в жестокостях по отношению к раненым и военнопленным. Хотя доказательств не было, европейские наблюдатели внимательно следили за положением русских военнопленных в Японии, посещали и места размещения пленных, и госпитали, и т.д.

Количество русских пленных в Японии было огромно. Большие, социально неоднородные, неструктурированные группы легко становились маргиналами, опасными для себя и для окружающих. Кроме того, для некоторых военнопленных пребывание в Японии затянулось, и любое занятие, любая организация досуга для них приобретали особое значение.

В этих условиях попытка японского правительства справиться с окормлением военнопленных силами молодой и довольно малочисленной Японской Православной Церкви оказалась несколько самонадеянной.

Первые очерки деятельности Японской Православной Церкви и Миссии, касающиеся этого сюжета, были написаны вскоре по-

сле войны⁴⁴⁹ на основе публикаций в Церковных Ведомостях и сведений, предоставленных архиепископом Николаем. Эти довольно краткие и очень эмоциональные очерки во многом предопределили взгляд на вопрос большинства современных историков, как русских, так и японских. Между тем, в официальных отчетах о. Николай умалчивал о многом: о враждебном окружении Миссии, о фактическом саботаже многих начинаний военной администрацией лагерей, о мелком жульничестве, жадности «грошовников», пытающихся нажиться на заказах от Миссии, о корысти и высокомерии японских пастырей, хоть и сетует на них постоянно. И, наконец, умалчивал о недостатке этих самых пастырей.

Конечно, священники-японцы смогли многое. Они расположили к себе сердца русских, доставляли утешение, пытались помочь, даже рискуя поссориться с администрацией лагерей. Именно священник, служивший на прощание молебен, запомнился как последняя картина Японии капитану Ивкову, а о. Сергия военнопленные даже уговорили ехать с собой «хоть до Одессы».

В то же время категорический отказ Японии принять на время русских священников был, несомненно, ошибкой. Японские священники (и об этом с некоторой усмешкой упоминает о. Николай) держались поближе к генералам, русские — к солдатам.

Помимо обеспечения священнослужителями, японской стороне пришлось решать огромное количество задач очень практического характера — устройство помещений для служения, снабжение религиозной литературой и необходимыми предметами для организации богослужений и т.д.

И здесь заметно одно важное обстоятельство. Если по вопросам временного жилья, одежды, пищи, русские оказались непомерно требовательны и постоянно предъявляли претензии, то здесь они показали себя совсем иначе.

Деятельнейшим образом участвовали они в сооружении временных церквей, украшали их, как могли, писали иконы. Слово Божие, произнесенное невнятно, воспринимали с благодарностью. Нередко нетерпимо относясь к японской военной администрации, награждая обидными прозвищами, откровенно издеваясь и подсмеиваясь, они не позволяли себе этого по отношению к японским священникам.

Наконец, Пасха 1905 г. стала своеобразным примирением двух сторон, и не просто примирением — объединением.

Традиционно называемая «первой империалистической», Русско-японская война, в сущности, была чужда большинству участников событий. Не имея четких представлений о задачах войны, они нуждались в дополнительной мотивации. Однако военная пропаганда работала не слишком успешно. Лубки и пропагандистские брошюры, изготавливавшиеся в 1904—1905 гг., тематически были ориентированы на выработку правильного поведения новобранцев — не уклоняться от мобилизации, не пьянствовать, соблюдать правила гигиены, соблюдать традиции полка и т.д. Малопродуктивным следует признать также использование для мотивации участников событий образов героев предшествующих войн, портретов монарха, генералов, адмиралов, а также тиражирование изображений кораблей. Объяснения «из-за чего война» фактически не предлагалось.

Накануне войны выработка «военной идеи» носила умозрительный характер, развиваясь в русле поисков меркантильной концепции (заинтересованность в незамерзающем порте, протекторат над Кореей, упрочение экономических позиций на Дальнем Востоке, создание буферной зоны, препятствующей усилению конкуренции дешевой рабочей силы из Китая и росту миграции, и т.д.). Вторым направлением идеологических поисков была духовная миссия России в Азии (противостояние желтой и белой рас, борьба с «желтым» или мусульманским Китаем, спасение Европы от агрессивной Азии). Эти идеи, глубоко философские и отвлеченные, были в значительной степени ориентированы на интеллигенцию и оставались предметом интеллектуального спора. Не сумев воспользоваться возможностями дипломатического разрешения конфликта, правительство было не готово четко проявить милитаристские намерения, и на идеологическом фронте начинается отступление — все прежде высказывавшиеся идеи подвергаются сомнению. Главный мотив настроений 1903 г. — никакие приобретения на Дальнем Востоке не смогут окупить затрат, культуртрегерская миссия по отношению к Китаю обречена на неудачу, Корея России не нужна, и, вообще, войну начинать не следует.

Слухи о предъявляемых Японией ультиматумах имели возбуждающее действие, но, в основном, в столицах и крупных городах. В начале 1904 г. общество было охвачено некоторым ажиотажем — война ожидается, но отношение к ней чрезвычайно легкомысленное, почти радостное. Это подкрепляется всеобщим праздничным

настроением в связи с новогодними и рождественскими гуляниями и балами. Ожидание войны не было тревожным — она казалась лишь еще одним развлечением, к тому же способным внести разнообразие в серость будней и удовлетворить честолюбивые амбиции. Это восторженное отношение к войне способствовало появлению значительного числа добровольцев, особенно среди молодых людей, в силу возраста склонных к экзальтации.

Начало войны не способствовало выработке военной идеи. Напротив, при известиях о первых неудачах в газетах все чаще появляются статьи явно антивоенной направленности, а с конца 1904 г. газетная кампания уже сводится к поиску виновников неудач, упрекам и взаимным обвинениям. В 1905 г. начинается настоящая травля армии, оказавшейся неспособной выиграть войну. Революционные события отвлекают общество от войны, а начавшееся с весны обсуждение вопроса о мире еще дальше уводит от любого понимания ее целей и задач.

Таким образом, ни накануне, ни во время войны мотивирующей «военной идеи» выработано не было, а военные события сами по себе не способствовали ее появлению.

Отчасти это объяснимо. Опыт военной пропаганды к началу Русско-японской войны был относительно небольшой. Впервые проблема формирования общественного мнения *до и во время* войны получила осознание после поражения в Крымской войне. Военные реформы, изменение порядка комплектования армии — все это актуализировало проблему и расширило ее: требовалось не только воодушевлять офицерство, возбуждать интеллигенцию, но и планомерно готовить к участию в войне все слои общества, вне зависимости от их грамотности, патриотизма и политической активности. В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. эксплуатировались «славянская идея» и реваншистские настроения. Однако Русско-японская война такого выхода не предоставила. Ее особенностью стало полное незнание противника. Большинство комбатантов не имели о Японии и японцах ни малейшего представления. Пропагандистские издания «для народа» предлагали только образы «махонькой» Японии и «желтолицых макак», не уточняя, что Япония обладает значительно более современными видами вооружения, имеет определенные военные преимущества, а японские солдаты по физическим способностям русским не уступают и «шапками закидать» их не удастся.

Таким образом, вся русская армия — от нижних чинов до генералитета — оказалась вовлечена в войну, не имея четкой мотивации

и понимания своих задач в войне, не представляя себе противника ни с точки зрения его боеспособности, ни с точки зрения его готовности к активным действиям, умения воевать и боевого духа. Ненависть к врагу, оскорбленная национальная гордость — все это отсутствует. Зато существенным фактором становится разобщенность внутри армии, возникшая по многим причинам. Во-первых, воспитание и образование русского офицерства базировалось на умозрительных представлениях о солдате, который готов воевать при любых обстоятельствах и не нуждается ни в каких дополнительных стимулах. Солдат не воспринимается как личность, отношение к нему не дифференцированное. Между тем, никакого «солдата» в начале войны в армии нет. Люди разного возраста, разного уровня образования, с разным социальным опытом — вот что представляла из себя группа мобилизованных.

Частичная мобилизация по округам, в том числе существенно удаленным от театра боевых действий, происходила в обстановке секретности и чрезвычайной спешки, с огромными злоупотреблениями. На фронт отправлялись первые явившиеся — в основном запасные старших возрастов, обремененные семьями и болезнями. Необходимость освобождения по состоянию здоровья на практике совершенно не учитывалась. Таким образом, зимой 1904 г. на фронт отправляются старые и больные. Сокращение срока подготовки мобилизованных, замена практических занятий лекциями привели на фронт «теоретических артиллеристов», не имеющих навыков владения современными видами вооружения. Чем дальше, тем труднее проходила мобилизация, полки отправлялись на фронт некомплектными, причем недобор в некоторых округах доходил до $\frac{1}{3}$. Никакой очередности и порядка уже не соблюдалось — «хватали первых попавшихся». В результате на мобилизационных пунктах начались волнения, были зафиксированы даже попытки суицида.

Еще одной проблемой оказались сборы на фронт. Ни у кого — ни у офицеров, ни у священников, ни у солдат — не было представления о том, что может пригодиться в походе. Брали крахмальные рубашки, громоздкие раскладные кровати, надувные ванны, престолы для походных церквей. Вместе с тем, забывали о самом необходимом — о теплой одежде, чистом белье, табаке, спичках, предметах личной гигиены. Теплую одежду, полученную на мобилизационных пунктах, нередко пропивали там же. Отчасти это объяснялось легкомысленным отношением к войне — казалось, она будет недолгой, и непромокаемые плащи просто не понадобятся.

ся. Офицерам война представлялась приятной прогулкой с «представлениями» и награждениями. Несмятая крахмальная рубашка и щегольской шарф представлялись более необходимыми, чем белье «с начесом» и запас консервов. Другая причина бессмысленности сборов заключалась в отсутствии военного опыта или четких инструкций — что нужно брать с собой в поход. Некоторые священники не взяли даже необходимых богослужебных предметов и метрических книг.

Эта всеобщая спешка оказалась излишней. Дорога на фронт затянется на месяцы. Вначале общество пыталось «исторгнуть из себя мобилизованных», соблюдая хоть какие-то приличия, отправка на фронт сопровождалась прощанием с напутственными словами, молебном и угощением от города. Однако постепенно процедура сокращается, а потом мобилизованных поздно вечером собирают на платформе и грузят в вагоны. Интересно, что даже в начале войны, при всей торжественности прощания с участием Императора, никто не находил нужных слов для объяснения ее целей, а напутствие «колоть» и «рубить» вряд ли способствовало воодушевлению немолодых, нездоровых, уже уставших людей, отправляемых за тридевять земель воевать непонятно с кем и непонятно за что. Невнятность объяснений компенсировалась в первые недели войны некоторой экзальтацией общества, но уже в марте 1904 г. отношение к войне заметно изменилось. Меняется и поведение мобилизованных. Вместо речей, маршей, полковых знамен — пьянство, драки, дебоши и общее настроение горожан — поскорее избавиться от опасных толп «солдатишек». «Угощения» и раздачи подарков прекращаются, кабаки и винные лавки закрываются, даже прощания с родственниками и друзьями становятся стремительными и немногословными.

Одной из самых больших проблем войны стала транспортировка мобилизованных. Оказалось, что транспортные пути совершенно не готовы к такому испытанию — строительство железной дороги не было завершено, достраивать ее пришлось уже в условиях войны. Поезда следовали медленно, было зафиксировано несколько катастроф. Пребывание в поезде было относительно комфортным — в недогруженных вагонах оставались свободные места. Некоторые вагоны были оснащены печками, были попытки организовать в поездах горячее питание. Правда, относительно других удобств возникали трудности. Долгая дорога, однако, не сплотила мобилизованных. В некоторых поездах пьянствовали, в основном

же в вагонах царили скука и тишина. Мрачное настроение усугублялось попадающимися навстречу поездами с ранеными, печальными новостями с фронта и неутешительными статьями в газетах, покупаемых на станциях. Ни о каком сближении офицеров и солдат не могло быть и речи — они путешествовали в разных вагонах. Остановки на станциях становились настоящим праздником. Солдаты «резвились как дети», офицеры тоже развлекались, как могли. На станциях, особенно вдалеке от центра России, проезжающих встречали с удовольствием — готовились обеды, играли музыку. У проезжающих появлялась возможность помыться, постирать белье. По мере удаления от России менялся не только пейзаж. Встречающих на станциях становилось все меньше, отношение к ним — все равнодушнее. Накапливалась усталость, начинались болезни.

В таком виде — уставшие, измученные долгой дорогой, уже не очень сытые, по несколько дней не видевшие горячей еды, немытые, нездоровые — наконец доставлены мобилизованные на войну. Нелогичность переброски войск с Запада России на Дальний Восток объяснялась в первую очередь подходом к этой войне. С одной стороны, всеобщая мобилизация представлялась нецелесообразной. С другой стороны, командование не хотело ограничиться тем количеством войск, которое можно было собрать в ближайших военных округах. Кроме того, в Петербурге война представлялась средством снизить социальную напряженность, поэтому на фронт отправляли из тех округов, где была высокая революционная активность. Доходило до того, что в армию попадали именно те, кто был замечен в причастности к антиправительственным выступлениям. Никакой работы с мобилизованными на протяжении месяца пути не велось — они оказались предоставлены самим себе, без возможности чем-либо себя занять, без понятия о войне, постепенно теряя остатки энтузиазма.

Именно в таком душевном и физическом состоянии комбатанты и встретят первый бой. Этому предшествует истеричная сутолока на станции, потерянный багаж, долгий и спешный пеший переход на позиции. Ни о какой боеспособности в этом случае говорить не приходится. Уставшие теперь уже от перехода, голодные, дезориентированные (карты оказались неточными, переходы превращались в блуждания по незнакомой местности), получившие диарею, простуду, желудочные инфекции солдаты испытывали чувство отупения, засыпали на ходу.

Бой — настоящий ад. Почти ни у кого опыта боевых действий не было. Лишь некоторые имели опыт участия в «делах против ки-

гайцев». Большинство же не имели представления о войне вообще. Бой начинался с артобстрела. Невероятный грохот орудий становится едва ли не самым сильным потрясением от первого боя. Дым и грохот порождают именно ощущение «ада», деморализуют, вызывают физические реакции организма, не способного противостоять страху. Это уже не инстинкт самосохранения, а панический ужас. В бою возникает удивительное отношение к телу — собственные ранения нередко не замечаются, страх притупляет боль. Вид убитых и раненых не вызывает сострадания — эмоциональная глухота становится практически единственной защитой потрясенного сознания. Из всех виденных ранений самым потрясающим кажется ранение в голову. Такое впечатление, что вид разбитого черепа и разбрызганных мозгов — единственное зрелище, которое человек не в состоянии вынести. Оторванные руки и ноги, разбросанные по земле внутренности, просто тела убитых до такой степени не потрясают. Вид тела убитого врага не радует, вообще не порождает особенных эмоций — ни ненависти, ни торжества. Главное желание во время боя — укрыться, не важно — за деревом, в окопе, за спинами товарищей, в кустах. Мысль о смерти при этом вытесняется из сознания. Большинство вспоминают, что не думали ни о смерти, ни о близких. Интересно, что в первом бою некоторые участники были склонны внимательно анализировать собственные ощущения, даже запоминать их.

Русско-японская война оказалась в основном позиционной. Сражений было не так много, в основном впечатления от войны были связаны с пребыванием на позициях. Здесь имели значение условия жизни — еда, вода, одежда, жилье.

Несмотря на все нарекания, обвинения в халатности, нерадивости и казнокрадстве, интендантство, в сущности, с задачами обеспечения фронта справилось. Еда была, голодали редко. Правда, в пищу шли непривычные продукты, например, конина, бобы, рис, китайская редька. Свежих овощей не хватало — много было случаев цинги, особенно в Порт-Артуре. Нередки были также «сухарный понос», желудочные инфекции и отравления незнакомыми или несвежими продуктами. Не хватало чая, сахара, сладкого. Интересно, что конфеты, пирожные, шоколад, сыр оказались на фронте едва ли не самыми желанными продуктами. Спиртного было в избытке, даже во время осады в Порт-Артуре не хватало хлеба, консервов, ели ослятину, зато пили коньяк. Алкоголь не только успокаивал нервы, но становился практически единственным лекарством

в условиях отсутствия элементарных медикаментов и ужасающей антисанитарии. Раненым на перевязочных пунктах для поддержания сил давали вино и водку. Не хватало воды. Попытки наладить снабжение питьевой водой не удавались. Пили воду из луж, причем кипятили ее не всегда. Все попытки бороться с этим были совершенно безуспешны, поэтому, конечно, было много инфекционных заболеваний. Зато настоящим достижением Русско-японской войны стало снабжение армии походными кухнями, благодаря которым удавалось обеспечить горячее питание даже во время боя.

Хуже обстояло дело с одеждой. Обмундирование быстро изнашивалось, рвалось, нередко оказывалось не по сезону, многие, в том числе и офицеры, были одеты не по форме. Не хватало белья, теплой обуви. Попытки Красного Креста поправить положение за счет благотворителей особого успеха не имели. То есть вещи собирались и даже отчасти доставлялись на склады (то, что не было разворовано по дороге), раздавались нуждающимся. Но, во-первых, организовать регулярную работу складов удавалось далеко не всегда. Во-вторых, пригодных вещей было недостаточно. А в-третьих, нижние чины, например, полученную одежду нередко пропивали, перепродавая китайцам в обмен на ханшинную водку. Между прочим, отсутствие одежды, соответствующей погоде, действовало на комбатантов угнетающе. Еще более удручали они сами вновь прибывающих. Их лохмотья, разноцветные рубашки, несвежее белье казались олицетворением забытой, никому не нужной армии, проигравшей крошечную войну.

Еще одной проблемой стало размещение на позициях. Об этом почему-то совсем не думалось, особенно в начале войны. Во время переходов останавливались где придется, почему-то предпочитая китайские кладбища. Палаток не хватало — даже офицеры нередко ночевали под открытым небом. Изобретением этой войны стали землянки. При возможности селились в фанзах, выгоняя из них китайцев. Интересно отношение к этому временному жилищу. Солдаты, особенно в начале войны, без всякой необходимости крушили кумирни, разбивали китайских «божков и боженят». Пока жили в фанзах — стремились создать некий уют — устраивали помещение для церкви, старались обкурить помещение, чтобы избавиться от чужого запаха, накрывали импровизированные столы скатертями. Однако, уходя, оставляли после себя такую грязь и разруху, что даже сами изумлялись.

Долгое пребывание в бездействии создало проблему досуга. Солдаты и офицеры по-прежнему оставались отъединенными друг от

друга, причем офицеры солдат, можно сказать, совсем не воспринимали — не знали ни по фамилиям, ни по именам, не общались с ними без крайней нужды. Значительно ближе к солдатам стояли священники. Они находились с солдатами и во время боя, и на перевязочных пунктах, и в госпиталях, делили досуг, вели внебогослужебные беседы. Именно им, а не офицерам, солдаты склонны были открывать свои страхи и сомнения, у них искали утешения. Священники проводили богослужения, отмечали Пасху и т.д. Их деятельность была очень важна не только для поднятия «духа армии», но и для воспитания нравственности. Например, о. Митрофан Сребрянский удерживал солдат от бессмысленного уничтожения китайской кумирни, от жестокости в отношении местного населения, от мародерства. В отличие от офицеров, священники относились к солдатам дифференцированно и позитивно. Их профессиональные милосердие и снисходительность помогали солдатам сохранить человеческое достоинство перед лицом смерти.

Что же касается офицеров, то досуг они организовывали исключительно для себя. Солдаты воспринимались, скорее, как прислуга, организующая пикники с игрой на музыкальных инструментах. Симпатии свои офицеры выражали поднесением солдатам рюмки водки. Это барственное отношение к нижним чинам сохраняется у офицеров до конца войны, и ни совместное участие в боевых действиях, ни тяжесть военных будней не смогли его переломить. Укомплектованная на основании всеобщей воинской повинности армия состоит не из солдат, пребывающих на службе почти всю свою сознательную жизнь, не имеющих иного социального и профессионального опыта, а из вчерашних крестьян, рабочих, студентов, с различным образованием, обремененных семьями, болезнями, страхами и надеждами, не умеющих выносить тяготы и лишения походной жизни. Война для них станет настоящим испытанием, причем мучительным будет все — незнакомая еда, долгие переходы, вынужденное обобществление быта, грязь. Они очень нуждались в психологической помощи. Однако офицеры, обученные воспринимать солдата как рекрута, не могли эту помощь оказать.

Настоящей проблемой Русско-японской войны становится плен. Вначале в плен сдаваться не хотели. Во-первых, сдача в плен воспринималась как собственное личное поражение. Во-вторых, отношение к войне еще было позитивным, вера в победу сохранялась. И, самое главное, очень боялись японцев. Однако уже вскоре сдача в плен перестает пугать и для многих становится единственным вы-

ходом из войны. Пребывание в плену оказалось не столь ужасным. Оказалось, что проблемы те же — незнакомая еда, трудности размещения, огромный досуг. Зато нет риска быть убитым. Постепенно привыкая к неволе, пленники начинают находить себе занятия, учатся самостоятельно организовывать досуг с большей или меньшей пользой для себя. Кто-то приручает рыбок, а кто-то учит японский язык. По-прежнему существует проблема разобщенности солдат и офицеров — их содержат в разных бараках и даже в разных лагерях.

В результате выход из Русско-японской войны стал огромным практическим и нравственным уроком для всего русского общества.

Так, опыт решения некоторых бытовых проблем будет широко использоваться в последующих войнах — например, использование походной кухни, землянки, индивидуального перевязочного пакета и т.д. Огромную роль сыграл опыт фронтовой медицины для развития представлений о возможностях оперирования в походных условиях, в особенности при ранениях конечностей.

В то же время война показала, что недостаточная мотивированность комбатантов может стать причиной их низкой боеспособности, стремления уклониться от боя даже ценой сдачи в плен; незнание военных задач может привести к панике во время отступления; недостаточность военной подготовки делает солдат неспособными выносить длительное психологическое и физическое напряжение, а отношение общества к войне приведет солдат к тому, что они, фактически, окажутся не способны адаптироваться к мирной жизни.

Примечания

- ¹ *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в борьбе с Японией (1904—1905 гг.) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 80.
- ² На основании Высочайших повелений от 6 января 1904 г. и 17 января 1904 г. начинается формирование «третьих батальонов» // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 652. Д. 181. Л. 3.
- ³ История русско-японской войны. СПб., 1907. Т. 1. С. 357.
- ⁴ История русско-японской войны. М., 1977. С. 78.
- ⁵ *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 60—61.
- ⁶ *Вересаев В.В.* Записки врача // *Вересаев В.В.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1985. С. 14—15.
- ⁷ Новое Время. 1904. 19 сентября.
- ⁸ Устав о воинской повинности. СПб., 1874; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Отд. 1. № 52983.
- ⁹ Саратовские губернские ведомости. Официальная часть. 1904. 15 января. С. 1.
- ¹⁰ Московский листок. 1904. 17 (04) июня.
- ¹¹ См.: *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М., 2005. С. 118—150.

- ¹² Биржевые ведомости. 1905. 29 августа.
- ¹³ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁴ Там же. С. 35.
- ¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 4496. Л. 1, 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Больше всего телеграмм приходило в первые дни войны, рукописные послания начинают появляться с 1 февраля 1904 г. и преобладают после 14 февраля.
- ¹⁸ Аврамов Михаил. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1902 г., был студентом медицины в Берне, 04.02.1904 г. прислал телеграмму из Иркутска. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4494. Л. 25.
- ¹⁹ Там же. Л. 29.
- ²⁰ Там же. Д. 4591. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 2—2об.
- ²² Там же. Л. 1.
- ²³ Там же. Д. 4494. Л. 17. В марте 1904 г. Петр Введенский обращался с прошением непосредственно к императору.
- ²⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4496. Л. 70.
- ²⁵ Лапшин В. Художники о русско-японской войне 1904—1904 годов // Русское искусство. 2005. № 4. URL: <http://www.russiskusstvo.ru/journal/4—2005/a895/>
- ²⁶ Новый мир. 1905. № 17. С. 190.
- ²⁷ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 249. Д. 94. Л. 25об-26.
- ²⁸ Русские Ведомости. 1904. №31. №51; Московские Ведомости. 1904. № 31. С. 4.
- ²⁹ Русь. 1904. 13 марта (29 февраля).
- ³⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4496. Л. 29.
- ³¹ Там же. Л. 16.
- ³² Там же. Д. 5113. Л. 188. Обычное жалование полкового священника было около 500 руб. в год.
- ³³ Там же. Д. 4937. Л. 4.
- ³⁴ Там же. Д. 4488. Правда, окончательно порядок начисления Амурских пенсий был определен только постановлением Военного Совета от 14 августа 1908 г.
- ³⁵ Там же. Д. 4591. Л. 13—13об.
- ³⁶ Грулев М. В Штабах и на Полях Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 100.
- ³⁷ Баяндин В. И. Мобилизация сибиряков в армию в годы русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12.
- ³⁸ Куропаткин А. Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 531.
- ³⁹ История русско-японской войны. СПб., 1907. Т. 1. С. 20.
- ⁴⁰ Вересаев В.В. Указ. соч. С. 10.
- ⁴¹ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 306.
- ⁴² Русско-японская война 1904—1905 гг. СПб., 1910. Т. VIII, ч. I. С. 29.
- ⁴³ История русско-японской войны. СПб., 1907. Т. 1. С.357.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 652. Д. 181. Л. 7.
- ⁴⁵ Воспоминания Кубасова Михаила Степановича (1876—1965 г.г.) // URL: <http://mgs505.narod.ru/rem2/01.html>
- ⁴⁶ Летопись войны с Японией 1904. № 3. С. 42.
- ⁴⁷ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 143.
- ⁴⁸ Там же. С. 42.
- ⁴⁹ Квитка А. Дневник забайкальского казачьего офицера. СПб., 1908. С. 3.
- ⁵⁰ Там же. С. 20.
- ⁵¹ РГИА. Ф.806. Оп.4. Д. 4869. Л. 9 об.
- ⁵² Там же. Л. 3 об.-4.

- ⁵³ Там же. Л. 14.
- ⁵⁴ Там же. Л. 8—9. Список включал: Крест (в футляре, малый); Евангелие (малое); Дароносицы (большая и малая); Потир с прибором; Воздухи; Мирница; Полное облачение (форменное и траурное, подризник один на оба облачения); Одежды на престол; Кропило; Кадило; Пелена; Образ Спасителя; Образ полковой; Октоих учебный; Служебник (малого формата); Требник (малого формата); Псалтирь следованная (малая); Минеи (общая, праздничная); Книга молебных пений; Метрическая книга (большого формата); Ладана 5 фунтов; Свечей восковых (по 40 штук на 1 фунт — 10 фунтов); Подсвечников (малых) два; Сундук; Антиминс; Складной престол; Чайник в $\frac{1}{4}$ ведра с 2 чашечками для нагревания воды; Печати (церковная и для просфор). Как выяснилось впоследствии, не все удалось предусмотреть. В первые дни войны на фронт были отправлены священники, не имевшие метрических книг.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4869. Л. 13.
- ⁵⁶ Вестник Военного Духовенства (далее — ВВД). 1906. № 21. С. 656.
- ⁵⁷ *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 283.
- ⁵⁸ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. М., 1993. С. 31.
- ⁵⁹ Новое время. 21 мая 1904. С. 1.
- ⁶⁰ Новое время. 15 сентября 1904. С. 1. Этот текст появляется в «Новом времени» раза два в месяц. Изменяются только названия полков, в которых проводились смотры.
- ⁶¹ Цит. по: *Павлович М. (М. Вельтман)* Русско-японская война. М., 1925. С. 93.
- ⁶² Среди них: Молитвослов с акафистами; Сборник молитв о скорбящих, унывающих и прочих, требующих Божией помощи; Собрание молитв воинам во время похода и в больницах: О таинствах, О символе веры, О Божественной литургии, О молитве Господней, О заповедях Господних, О почитании святых икон, О говении и исповеди, Против лжеучений, Христолюбивому воину повсюду спутник, О вреде пьянства, О восьмой заповеди, О святом великомученике Пантелеймоне, О любви святой церкви к умершим, О жизни Спасителя в ясном изложении.
- ⁶³ ВВД. Март 1904. № 5. С. 187.
- ⁶⁴ Летопись войны с Японией. 1904. № 3. С. 43.
- ⁶⁵ *Воронович Н. В.* Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952. С. 17.
- ⁶⁶ Новости дня. 1904. 28 декабря.
- ⁶⁷ *Немирович-Данченко В. И.* На войну. М., 1904. С. 24. «На каждом вагоне имеется надпись «40 человек, 8 лошадей», но на самом деле помещается всегда менее 40 человек». *Грулев М.* В Штабах и на Полях Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 126.
- ⁶⁸ Летопись войны с Японией. 1904. № 3. С. 43.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 499. Оп. 1. Д. 1836 Л. 30.
- ⁷¹ Летопись войны с Японией. 1904. № 3. С. 43.
- ⁷² *О. Митрофан Сребрянский.* Дневник полкового священника, служившего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 26.
- ⁷³ *Игнатъев А. А.* Указ соч. С. 125.
- ⁷⁴ *Кузьминский К.* Под впечатлением пережитого (из маньчжурских наблюдений) // Александровец. М., 1906. № 3. С. 81.
- ⁷⁵ *Игнатъев А. А.* Указ соч. С. 124.
- ⁷⁶ *Квитка А.* Указ. соч. С. 5.
- ⁷⁷ *Воронович Н. В.* Указ. соч. С. 13—14.
- ⁷⁸ *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907). М; Л., 1947. С. 329.
- ⁷⁹ *Грулев М.* Указ. соч. С. 125—126.

- ⁸⁰ ВВД. №9. 1904. 1 мая. С.284.
- ⁸¹ Там же. С. 284—285.
- ⁸² *О. Митрофан Сребрянский*. Указ. соч. С. 14.
- ⁸³ *Немирович-Данченко В.И.* На войну. С. 14.
- ⁸⁴ *О. Митрофан Сребрянский* Указ. соч. С. 12.
- ⁸⁵ Там же. С. 24.
- ⁸⁶ Там же. С. 33.
- ⁸⁷ *Немирович-Данченко В.И.* Указ. соч. С. 25.
- ⁸⁸ *Вересаев В.В.* Указ. соч. С. 133—134.
- ⁸⁹ *О. Митрофан Сребрянский*. Указ. соч. С. 45.
- ⁹⁰ Там же. С. 45.
- ⁹¹ Воспоминания Кубасова Михаила Степановича (1876—1965 г.г.) // URL: <http://mgs505.narod.ru/rem2/01.html>
- ⁹² *О. Митрофан Сребрянский*. Указ. соч. С. 48.
- ⁹³ *Белькович Л.Н.* Сандепу и Мукден // Русская Старина. 1908. Т. 133. № 1. С. 122.
- ⁹⁴ *Квитка А.* Указ. соч. С. 33.
- ⁹⁵ *Грулев М.* Указ. соч. С. 150.
- ⁹⁶ *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С. 126.
- ⁹⁷ Там же. С. 127.
- ⁹⁸ *Квитка А.* Указ. соч. С. 33.
- ⁹⁹ *Грулев М.* Указ. соч. С. 167—168.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 172.
- ¹⁰¹ *О. Митрофан Сребрянский*. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁰² *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С. 129.
- ¹⁰³ Там же. С. 129.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 149.
- ¹⁰⁵ См.: *Иванов И.Е.* Военно-походные впечатления командира роты 1-го Восточно-сибирского стрелкового Его Величества полка. СПб., 1907.
- ¹⁰⁶ *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С. 129.
- ¹⁰⁷ *Шумков Г.* Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны. (Военно-психологические этюды). Киев, 1906. С. 10.
- ¹⁰⁸ *Грулев М.* Указ. соч. С. 225.
- ¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.
- ¹¹⁰ *Шумков Г.* Указ. соч. С. 14.
- ¹¹¹ Там же. С. 15.
- ¹¹² Там же. С. 17.
- ¹¹³ *Иванов И.Е.* Указ. соч. С. 92.
- ¹¹⁴ Воспоминания Кубасова Михаила Степановича (1876—1965 г.г.) // URL: <http://mgs505.narod.ru/rem2/01.html>. Почти такой же случай описан у И.Е. Иванова. См.: *Иванов И.Е.* Указ. соч. С. 156, 163—164.
- ¹¹⁵ *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С.130.
- ¹¹⁶ См.: Там же. С.133.
- ¹¹⁷ Там же. С. 139.
- ¹¹⁸ *Шумков Г.* Указ. соч. С. 24.
- ¹¹⁹ *Кравков В.П.* Дневник участника русско-японской войны (1904—1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // Время и судьбы: Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. М., 1991. С. 279.
- ¹²⁰ *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С.148.
- ¹²¹ *Мелик-Парсаданов Н.А.* Последние дни Порт-Артура: (Из воспоминаний участника обороны) // Мир Божий. 1905. № 10. Отд. 1. С. 13.
- ¹²² *Шумков Г.* Указ. соч. С. 18.
- ¹²³ *Квитка А.* Указ. соч. С. 98.

- ¹²⁴ См.: *Иванов И.Е.* Указ. соч. С. 88.
- ¹²⁵ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 280.
- ¹²⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 250. Д. 229. Л. 50.
- ¹²⁷ Там же. Л. 109 об, 49—49 об., 50 Состав комиссии: председатель — профессор П.И. Дьяконов; профессора Л.Л. Левшин, И.Фл. Огнев, И.К. Спижарный, И.А. Митропольский.
- ¹²⁸ XX век: хроника московской жизни. 1901—1910 гг. М., 2001. С. 193.
- ¹²⁹ *Павлов Е.В.* На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб., 1907.
- ¹³⁰ Там же. С. 3—4.
- ¹³¹ *Мелик-Парсаданов Н.А.* Указ. соч. С. 10.
- ¹³² *Будко А.А., Селиванов Е.Ф.* Указ. соч. С. 59. См. также: *Квитка А.* Указ. соч. С. 133.
- ¹³³ *Мелик-Парсаданов Н.А.* Указ. соч. С. 10.
- ¹³⁴ *Будко А.А., Селиванов Е.Ф.* Указ. соч. С. 60.
- ¹³⁵ *Мелик-Парсаданов Н.А.* Указ. соч. С. 10.
- ¹³⁶ *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С. 130.
- ¹³⁷ Из воспоминаний японского прапорщика Г. // *Логинов А.А.* Русско-японская война в воспоминаниях и документах. М., 1954.
- ¹³⁸ *Иванов И.Е.* Указ. соч. С. 143—146.
- ¹³⁹ Там же. С. 93.
- ¹⁴⁰ *Шумков Г.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁴¹ См.: *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С. 136.
- ¹⁴² См.: *Квитка А.* Указ. соч. С. 171.
- ¹⁴³ *Шумков Г.* Указ. соч. С. 20.
- ¹⁴⁴ *Пирумов А.Г.* Война в Манчжурии // *Логинов А.А.* Русско-японская война в воспоминаниях и документах. М., 1954
- ¹⁴⁵ *Шумков Г.* Указ. соч. С. 20, 23. То же отмечают и другие авторы.
- ¹⁴⁶ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 274.
- ¹⁴⁷ *Демич В. Ф.* Харбинский сводный № 4 госпиталь. Его жизнь и деятельность в русско-японскую войну // Военно-медицинский журнал. СПб., 1907. № 3. С. 532.
- ¹⁴⁸ *Демич В. Ф.* Указ. соч. № 3. С. 531.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 535.
- ¹⁵⁰ Цит. по: *Кононов В.* Любовь за деньги. URL: <http://vkononov.ru/publikacii/lyubov-za-dengi/>
- ¹⁵¹ *Bernstein L.* Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press. 1995. P. 56.
- ¹⁵² *Панов А.А.* Сахалин как колония. Очерки колонизации и положения современного Сахалина. М., 1905. С. 203.
- ¹⁵³ Там же. С. 203.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 308.
- ¹⁵⁵ *Иванов И.Е.* Указ. соч. С. 25.
- ¹⁵⁶ *Воронович Н.* Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952. С. 39.
- ¹⁵⁷ *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне. М., 1986.
- ¹⁵⁸ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 259.
- ¹⁵⁹ *Иванов И.Е.* Указ. соч. С. 25—26.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 26.
- ¹⁶¹ РГИА. Ф. 806. Оп.4. Д. 4946. Л. 5, 22, 22об, 26, 29, 33, 35, 60, 90, 98, 101, 110, 135, 146.
- ¹⁶² Там же. Л. 14, 26, 33, 35, 98, 101; Там же. Д. 4947. Л. 4.
- ¹⁶³ См., напр.: *Буранок А.О.* Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии). Самара, 2011.

- ¹⁶⁴ Для сравнения — с 1889 по 1893 гг. сифилисом было заражено 7,69% личного состава армии. При этом в 1904—1905 гг. сифилис составлял 35% от общего количества венерических заболеваний в армии.
- ¹⁶⁵ *Грулев М.* Указ. соч. С. 225.
- ¹⁶⁶ *Будко А.А., Селиванов Е.Ф.* Военная медицина России в войне с Японией в 1904—1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 6. С. 57, 60.
- ¹⁶⁷ Отчет Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны, 12 февраля 1904 г.—1 сентября 1907 г. М., 1908. С. 83.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 75.
- ¹⁶⁹ *Павлов Е.* На Дальнем Востоке. С. 80.
- ¹⁷⁰ РГИА Ф. 806. Оп. 4. Д.4937. Л. 174, 190.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 553 об.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ *Павлов Е.* На Дальнем Востоке. С. 80.
- ¹⁷⁴ См.: *Головин Н.Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907.
- ¹⁷⁵ *Шумков Г.Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны (Военно-психологические этюды). Киев, 1905. С. 59.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ *Изместьев П.И.* Из области военной психологии. Изд. 2. 1907. С. 3—4.
- ¹⁷⁸ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 277.
- ¹⁷⁹ *Шумков Г.Е.* Психика бойцов во время сражений. СПб. Б.г. С. 11.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ *Кравков В.П.* Указ. соч. С. 276.
- ¹⁸² *Шумков Г.Е.* Рассказы и наблюдения ... С. 59.
- ¹⁸³ РГИА Ф. 806. Оп. 4. Д. 4977.
- ¹⁸⁴ Там же. Д. 4937. Л. 320.
- ¹⁸⁵ Там же. Д.5191. Л. 24.
- ¹⁸⁶ *Шумков Г.Е.* Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904—1905 г. Доклад, читанный в заседании общества киевских врачей 28 октября 1906 г. Киев, 1907. С. 46.
- ¹⁸⁷ *Озерецковский А.И.* О душевных заболеваниях в связи с русско-японской войной за второй год ее // Военно-медицинский журнал. СПб., 1906. № 10. С. 263.
- ¹⁸⁸ РГИА. Ф. 806. Оп.4. Д. 4946. Л.197.
- ¹⁸⁹ *Лилье М. И.* Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С. 241.
- ¹⁹⁰ РГИА Ф. 806. Оп. 4. Д. 4977. Л. 3.
- ¹⁹¹ Сухарей ржаных 1 ф. 72 з. (717 г) или хлеба ржаного 2 ф. 48 з. (1024 г.); крупы — 24 з. (102 г.); мяса свежего 1 ф. (409,5 г.) или консервов мясных (без оболочек) — 72 з.(307 г.); соли — 11 з. (50 г.); овощей свежих — 60 з. или сушеных — 44 з.; масла или сала — 5 з. (21 г.); подболточной муки — 4з.(17 г.); чаю —1.5з. (6,4 г.); сахару — 5 з. (21 г.); перцу — 1/6 з (0,7 г.). Дополнительно может быть отпускаемо на 1 человека в сутки 1/80 ведра вина, получарка уксуса и 1/4 зол. лимонной кислоты.
- ¹⁹² *Аранович А.В.* Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX — начале XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2006. С. 193.
- ¹⁹³ См.: *Гусев С.Я.* Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911. С. 3.
- ¹⁹⁴ *Аранович А.В.* Указ. соч. С. 204—205.
- ¹⁹⁵ См.: *Адамович Б.В.* Из походного журнала // Военный сборник. 1905. №1.
- ¹⁹⁶ *Белькович Л.Н.* Указ. соч. С. 126.

- ¹⁹⁷ Гусев С.Я. Указ. соч. С. 66; Мелик-Парсаданов Н.А. Указ. соч. С. 7—8; Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1944. С. 41.
- ¹⁹⁸ Главноуполномоченный в Иркутске, сын крупного купца-мануфактурщика, Александр Федорович Второв, к началу русско-японской войны организует массу магазинов и подсобных контор в Томске, Сретенске, Чите и Верхнеудинске.
- ¹⁹⁹ Отчет Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны, 12 февраля 1904 г.-1 сентября 1907 г. М., 1908. С. 28.
- ²⁰⁰ Отчет по складам... С.55.
- ²⁰¹ Белькович Л.Н. Указ. соч. С.32, 33, 88.
- ²⁰² Квитка А. Указ. соч. С. 32, 52.
- ²⁰³ Шихлинский А.А. Указ. соч. С.42.
- ²⁰⁴ Квитка А. Указ. соч. С. 88.
- ²⁰⁵ Белькович Л.Н. Указ. соч. С. 64.
- ²⁰⁶ См.: Белькович Л.Н. Указ. соч. С. 140.
- ²⁰⁷ Шихлинский А.А. Указ. соч. С.41.
- ²⁰⁸ Аранович А.В. Указ. соч. С. 205.
- ²⁰⁹ Там же. С. 216.
- ²¹⁰ Новости дня. 1904. 1 июня (19 мая).
- ²¹¹ Русь. 1904. 18 мая.
- ²¹² Новости дня. 1904. 21 августа.
- ²¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 31806. Л. 3.
- ²¹⁴ Новости дня. 1904. 6 мая (23 апреля).
- ²¹⁵ Онучи —куски полотна, предназначавшиеся для обвертывания ног (подвертки, портянки), поверх которых надевалась собственно обувь (сапоги, лапти и др.).
- ²¹⁶ Новости дня. 1904. 10 ноября (28 октября).
- ²¹⁷ О. Митрофан Сребрянский. Указ. соч. С. 65. Опорки —старые, изношенные сапоги со споротыми голенищами.
- ²¹⁸ Грулев В. Указ.соч. С. 328.
- ²¹⁹ Воспоминания Кубасова Михаила Степановича (1876—1965 г.г.) // URL: <http://mgs505.narod.ru/rem2/01.html>
- ²²⁰ Квитка А. Указ. соч. С. 38.
- ²²¹ Там же.
- ²²² См., напр.: О. Митрофан Сребрянский. Указ. соч. С. 86.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 9. Д. 5086. Л. 2 об.
- ²²⁵ «...контужен в голову разорвавшейся гранатой 3 ноября 1904 г.». Там же. Оп. 4. Д. 5085. Л. 5 об.
- ²²⁶ Контужен в церкви во время богослужения осколком гранаты 30 ноября 1904 г. Там же. Л. 6.
- ²²⁷ Там же.
- ²²⁸ ВВД. 1905. №15. С. 455.
- ²²⁹ О. Митрофан Сребрянский. Указ. соч. С. 98. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Запись от 8 сентября 1904 г.
- ²³⁰ См.: Шихуц Ф.И. Дневник солдата в Русско-японскую войну. М., 2003. С.113.
- ²³¹ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С. 57.
- ²³² Мирбах. Пасха 1904 года // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.151.
- ²³³ Там же.
- ²³⁴ Ларенко П. Страдные дни Порт-Артура. Хроника военных событий и жизни в осажденной крепости с 26 января 1904 г. по 9 января 1905 г. СПб., 1906. С. 114.
- ²³⁵ Там же. С. 115.
- ²³⁶ Мирбах. Указ. соч. С. 152.

- ²³⁷ *Змеицин В.П.* Агония Порт-Артура. Капитуляция Порт-Артура. Из дневника офицера русского флота // Подольский альманах. 2004. № 7. <http://podolsk.org/8/zmeic.php>.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ *Квитка А.* Указ. соч. С.429.
- ²⁴⁰ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 112.
- ²⁴¹ 51-й драгунский Черниговский.
- ²⁴² Или Артос — освещенный дрожжевой хлеб, на котором изображается крест.
- ²⁴³ *О. Митрофан Сребрянский.* Указ. соч. С. 294.
- ²⁴⁴ Там же. С. 298.
- ²⁴⁵ Особое блюдо из творога пирамидальной формы.
- ²⁴⁶ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С.113.
- ²⁴⁷ *О. Митрофан Сребрянский.* Указ. соч. С. 232.
- ²⁴⁸ Там же. С. 238—239. Интересно также наблюдение о. Митрофана о том, что иногда молебен начинался «среди лошадей», т.е. не все успевали спешиться.
- ²⁴⁹ *Квитка А.* Указ. соч. С. 356—359.
- ²⁵⁰ Там же. С. 359.
- ²⁵¹ *Иванов И.Е.* Указ. соч. С.37.
- ²⁵² Образ этот сопутствовал русским войскам при царе Алексее Михайловиче в польском походе в 1654 г., и на нем по возвращении из похода государь приказал сделать надпись, что молитвами Пресвятыя Богородицы и заступлению святых чудотворцев Сергия и Никона Бог даровал ему победу. В 1703 году, по случаю войны с Карлом XII, образ, по велению Петра Великого, снова был послан в стан русских к графу Борису Петровичу Шереметеву и находился при нем во всех походах этой войны. В 1812 г. образ сопутствовал московскому ополчению до самого изгнания врагов из отечества. Он находился также при войсках в кампании 1855 и 1877 гг.
- ²⁵³ Отслуженного Главным священником действующей армии отцом Голубевым.
- ²⁵⁴ *Иванов И.Е.* Указ. соч. С.58—59.
- ²⁵⁵ Цит. по: *Хохлов И.В.* Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения (1874—1917). Дисс. ... канд. ист. Наук. Новгород, 2006.
- ²⁵⁶ 1-й армейский корпус в войну с Японией 1904—1905 гг. По дневникам, запискам и письмам участников. СПб., 1909. С. 75.
- ²⁵⁷ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 33—34.
- ²⁵⁸ *Богословский А.* Полковой праздник в Маньчжурии // Вестник Военного духовенства. 1904. № 4. С. 113—120.
- ²⁵⁹ Ответная телеграмма была обращена к «Надеже Государю Цесаревичу».
- ²⁶⁰ *Богословский А.* Указ. соч. С. 114.
- ²⁶¹ Там же. С. 120.
- ²⁶² Командующий 1-й Маньчжурской армией.
- ²⁶³ Командующий 3-м Сибирским Армейским Корпусом.
- ²⁶⁴ Начальник дивизии.
- ²⁶⁵ *Богословский А.* Указ. соч. С. 116.
- ²⁶⁶ *Белькович Л.Н.* Сандепу и Мукден: (Воспоминания запасного) // Русская Старина. 1908. Т. 136. №10. С. 123—124.
- ²⁶⁷ *Квитка А.* Указ. соч. С. 394—396.
- ²⁶⁸ Разговлялись на Пасху тоже отдельно от солдат. См.: *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 113.
- ²⁶⁹ *Квитка А.* Указ. соч. С. 116. Запись от 8 июня 1904 г.
- ²⁷⁰ Там же. С. 53.
- ²⁷¹ См.: *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С.33.

- ²⁷² См.: *Квитка А.* Указ. соч. С. 41—47.
- ²⁷³ Там же. С. 221—224.
- ²⁷⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5191. Л. 1.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 14 об.
- ²⁷⁶ Там же. Д. 5362. Л. 1.
- ²⁷⁷ Там же. Д. 4947. Л. 1.
- ²⁷⁸ Там же. Д. 5191. Л. 1.
- ²⁷⁹ См., напр.: *О. Митрофан Сребрянский.* Указ. соч. С. 288.
- ²⁸⁰ Там же. С. 311.
- ²⁸¹ *Хасэгава Син.* Указ. соч. С. 170—171.
- ²⁸² *Синтаро Накамура.* Японцы и русские. М., 1983. С. 276.
- ²⁸³ В сентябре 2001 г. во Владивостоке.
- ²⁸⁴ *Киносукэ Наакамура.* Сострадание Св. Николая // Япония сегодня. 2005. № 6.
- ²⁸⁵ *Купчинский Ф. П.* В японской неволе. СПб., 1906. С. 1.
- ²⁸⁶ *Корсаков В. В.* Скорбные дни. Дневник-хроника за время русско-японской войны. М., 1912. С. 191.
- ²⁸⁷ *Селецкий Г. Г.* 646 дней в плену у японцев. СПб., 1910; *Шикуц Ф. И.* Дневник солдата в русско-японскую войну. М., 2003.
- ²⁸⁸ Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. V.
- ²⁸⁹ История русско-японской войны. М., 1977.
- ²⁹⁰ *Урланис Ц. Б.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
- ²⁹¹ *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. М., 1952.
- ²⁹² *Гузанов В., Судзукава М.* Могилы русских воинов в Японии. Осака, 1994. На В. Г. Гузанова ссылается Такэси Сакон, правда, по словам Т. Сакона, В. Гузанов называет цифру свыше 72 000.
- ²⁹³ *Гузанов В., Судзукава М.* Указ. соч. С. 151.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ *Кривошеев Г. Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 35—36, 51—52.
- ²⁹⁶ *Колоскова Е. Е.* В плену // Родина. 2005. № 10. С. 139—142.
- ²⁹⁷ Указ. соч. С. 139.
- ²⁹⁸ Цит. по: 100-летие инициативы России: От Первой конференции мира 1899 г. к Третьей конференции мира 1999 г. Сб. мат. СПб., 1999. С. 75.
- ²⁹⁹ Русский Инвалид. 1905. № 10. С. 2—3.
- ³⁰⁰ Однако, как отмечает Г. Ф. Кривошеев, источник этот не во всем точен: «По данным Центрального справочного бюро, <...> всех пленных, за исключением лиц, не подлежащих взятию в плен и освобожденных в связи с этим японской стороной, было 74 200 чел. Но в почтовых списках их числилось 74 588. Однако японское правительство предъявило требование об уплате расходов за 71 300 военнопленных. Видимо, оно исключило 2318 умерших и 675 офицеров, освобожденных после взятия Порт-Артура под честное слово». См.: *Кривошеев Г. Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001.
- ³⁰¹ В. И. Сейфулин отмечает, что сведения Главного военно-медицинского управления заведомо не полны и не точны, «так как они составлены на основании письменных документов, дошедших из Артура до Петербурга, — а что там творилось в последние дни?» См.: Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 370.
- ³⁰² На них ориентируется Кинасукэ Накамура, ими же пользовались Гузанов и Судзукава.
- ³⁰³ Эти данные использованы Гузановым и Судзукавой.
- ³⁰⁴ *Волкова Р.* Наяда // Топос. Ежедневный сетевой литературно-философский журнал. 24.05.2006. URL: <http://www.topos.ru/article/4690>

- ¹⁰⁵ Например, Подобедов Вениамин Николаевич, по данным «Русского Инвалида», погиб в бою у о. Цисима на корабле «Сисой Великий» 14—15 мая 1905 г., а по сведениям В.Г. Гузанова, умер в Японии 17 мая 1905 г. и похоронен на кладбище в Нагасаки в могиле 267.
- ¹⁰⁶ *Хироюки Фусэ*. Наследие прошлого. Тайны русско-японской войны по-прежнему остаются под покровом тайны // *Yomiuri*. 2 февраля 2004.
- ¹⁰⁷ *Селецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 18.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 19.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 27.
- ¹¹⁰ Там же. С. 43.
- ¹¹¹ Там же. С. 47—48.
- ¹¹² Цит. по: 100-летие инициативы России: От Первой конференции мира 1899 г. к Третьей конференции мира 1999 г. Сб. мат. СПб., 1999. С. 74.
- ¹¹³ *Шикуц Ф.И.* Дневник солдата в Русско-японскую войну. М., 2003. С. 120.
- ¹¹⁴ Там же. С. 121.
- ¹¹⁵ *Киёока Гомэй*. Янцзылинский дневник. Цит. по: *Хасэгава Син*. Указ соч. С. 210.
- ¹¹⁶ *Хасэгава Син*. Указ. соч. С. 223.
- ¹¹⁷ Однако и здесь у разных авторов цифры разные — от 13 до 23 и даже 30 тысяч.
- ¹¹⁸ *Лилье М.И.* Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С.331.
- ¹¹⁹ Порт-Артур. Воспоминания участников. С. 387.
- ¹²⁰ *Холмогоров А.* Указ. соч. С. 59.
- ¹²¹ *Хасэгава Син*. Указ. соч. С. 311.
- ¹²² Там же. С. 219—220. Свидетельство Акамы Ясукичи.
- ¹²³ Капитан 2-го ранга, старший штабной офицер эскадры Камимура, автор «Воспоминаний о японо-русской войне», публиковавшихся в журнале «Юсю».
- ¹²⁴ *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. М., 2001. Кн. 2. Ч. 4. Гл. 11.
- ¹²⁵ Об основных идеях пропаганды среди солдат в годы войны см., напр.: *Жукова Л.В.* Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904—1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
- ¹²⁶ *Норригаард Б.В.* Великая осада (Порт-Артур и его падение). СПб., 2004. С. 201, 204.
- ¹²⁷ Ф.П. Купчинский на с. 7 упоминает некоего офицера Сато, который «наших солдат зачастую бил, наказывая за неуважение».
- ¹²⁸ «Должен прибавить: сплошь и рядом японские солдаты грабили раненых и здоровых пленных; если не было офицера вблизи, с пленного сдирались сапоги, кресты, если были деньги, они отнимались», — добавляет в своих воспоминания Купчинский. — *Купчинский Ф.П.* Указ. соч. С. 6.
- ¹²⁹ *Такэси Сакон* Военнопленные в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. Владивосток, 6-го сентября 2001 года.
- ¹³⁰ Толстое полотно, парусина.
- ¹³¹ *Селецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 87.
- ¹³² *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 151.
- ¹³³ *Купчинский Ф.П.* Указ. соч. С. 14.
- ¹³⁴ *Толстопятов А.* Указ соч. С. 20.
- ¹³⁵ *Купчинский Ф.П.* Указ. соч. С. 75.
- ¹³⁶ См., напр.: Дневник Змеицына В.П.
- ¹³⁷ *Шикуц Ф.И.* Указ соч. С.150.
- ¹³⁸ *Огасавара Наганари*. «Уничтожение». Цит. по: *Хасэгава Син*. Указ. соч. С. 349.
- ¹³⁹ Там же. С. 349.
- ¹⁴⁰ *Семенов В.И.* Цена крови. СПб., 1910.
- ¹⁴¹ *Толстопятов А.* Указ соч. С. 20.
- ¹⁴² См.: *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С.154.

- ³⁴³ См.: *Селецкий Г.Г.* Указ. соч.
- ³⁴⁴ *Толстопятов А.* Указ соч. С. 21.
- ³⁴⁵ *Селецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 132.
- ³⁴⁶ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С.155.
- ³⁴⁷ *Селецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 90.
- ³⁴⁸ Там же. С. 115.
- ³⁴⁹ Там же. С. 123—124.
- ³⁵⁰ *Змеицин В.П.* Агония Порт-Артура. Капитуляция Порт-Артура. Из дневника офицера русского флота. // Подольский альманах № 7. 2004. URL: <http://rodolsk.org/8/zmeic.php>
- ³⁵¹ *Купчинский Ф.П.* Указ. соч. С. 38.
- ³⁵² Там же. С. 72.
- ³⁵³ Там же. С. 9.
- ³⁵⁴ *Толстопятов А.М.* Указ. соч. С. 96.
- ³⁵⁵ *Купчинский Ф.П.* Указ. соч. С. 52, 81.
- ³⁵⁶ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 181—182.
- ³⁵⁷ *Семенов В.И.* Цена крови. СПб., 1910.
- ³⁵⁸ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 180.
- ³⁵⁹ *Селецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 187.
- ³⁶⁰ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 177.
- ³⁶¹ *Селецкий Г.Г.* Указ. соч. С. 108.
- ³⁶² Там же. С. 192—193.
- ³⁶³ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 185.
- ³⁶⁴ Положение о законах и обычаях сухопутной войны. СПб., 1904.
- ³⁶⁵ Статистика приводится по: *Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 51.
- ³⁶⁶ Дневники святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. V. С. 44.
- ³⁶⁷ Действительно, на «Варяге» был матрос I статьи Варфаломей Макаровский.
- ³⁶⁸ Дневники... Т. V. С. 58.
- ³⁶⁹ Там же. С. 59.
- ³⁷⁰ Там же. С. 68.
- ³⁷¹ О. Сергей Глебов выразил желание немедленно отправиться к месту нового служения, как только будет получено разрешение, и даже сделал попытку выехать в Японию.
- ³⁷² Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 81.
- ³⁷³ *Селецкий Г.* 646 дней в плену у японцев // Отвергнутая победа. Порт-Артурская икона «Торжество Пресвятой Богородицы» в русско-японской войне. СПб.; М., 2003. С. 209.
- ³⁷⁴ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 87.
- ³⁷⁵ *Недачин С.В.* Православная церковь в Японии. СПб., 1911. С. 40. См. также: Церковные Ведомости. 1905. № 4 С. 162—163.
- ³⁷⁶ См.: *Недачин С.В.* Указ. соч. С. 33. По данным Э.Б. Саблиной, опирающейся на отчеты о состоянии Русской духовной миссии, в 1904 г. священников было 28, диаконов — 7, катехизаторов (проповедников) — 151.
- ³⁷⁷ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 207—208. Не желая передавать деньги Миссии для удовлетворения реальных нужд военнопленных, члены Общества мечтали, между прочим, об издании газеты на русском языке.
- ³⁷⁸ Дневники святого Николая Японского. С. 231.
- ³⁷⁹ См., напр.: Там же. С. 166, 186, 191, 196, 232 и т.д.
- ³⁸⁰ Там же. С. 87.
- ³⁸¹ Там же. С. 88.
- ³⁸² Там же.

- ³⁸³ Там же. С. 93.
- ³⁸⁴ Там же. С. 117.
- ³⁸⁵ Всего на кладбище Мацуяма было погребено 97 русских военнопленных.
- ³⁸⁶ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 162.
- ³⁸⁷ Там же. С. 108.
- ³⁸⁸ Там же. С. 122.
- ³⁸⁹ *Селецкий Г.* 646 дней в плену у японцев // Отвергнутая победа. С. 210.
- ³⁹⁰ Сын протоиерея из Одессы.
- ³⁹¹ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 140.
- ³⁹² Там же.
- ³⁹³ *Купчинский Ф.* В японской неволе. СПб., 1906. С.16.
- ³⁹⁴ Первоначально планировалось послать о. Павла Мориту в Маругама, однако в результате он начал служение в Химедзи и Фукуцияме.
- ³⁹⁵ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 120.
- ³⁹⁶ «...Интриган и об интересах Церкви нисколько не заботящийся человек», — так охарактеризовал о. Морита о. Николай в своем дневнике. См.: Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 199.
- ³⁹⁷ В это время в Химедзи, по сведениям о.Николая, находилось 763 человека, в том числе 66 больных.
- ³⁹⁸ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 135.
- ³⁹⁹ Там же. С. 164.
- ⁴⁰⁰ Там же. С. 212, 319.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 143.
- ⁴⁰² Там же.
- ⁴⁰³ Там же. С.157, 161. Прежде о.Николай не хотел обращаться к о. Мии, потому что «с ним каждый месяц параличные припадки» (См.: Там же. С. 85. 12/25 мая 1904 г.).
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 167.
- ⁴⁰⁵ Заметки капитана второго ранга Г.А. Ивкова / Публ., [предисл.] и примеч. Ю.В. Плющевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. М., 2004. С. 408.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 179.
- ⁴⁰⁷ Цит. по: *Саблина Э.Б.* Указ. соч. С. 113.
- ⁴⁰⁸ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 187.
- ⁴⁰⁹ Там же. С. 196.
- ⁴¹⁰ Там же. С. 199.
- ⁴¹¹ Там же. С. 247.
- ⁴¹² На его место будет назначен о. Роман Циба.
- ⁴¹³ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 199.
- ⁴¹⁴ *Шикуц Ф.И.* Указ. соч. С. 152.
- ⁴¹⁵ Там же. С. 192.
- ⁴¹⁶ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 229—230.
- ⁴¹⁷ Иоанн Оно — в Хаматера; Виссарион Такахаси совместно с Петром Кавано — в Кумамото; Яков Тоохей — в Нарасино; Акила Хирота — в Каназава, Фусими и Оцу; Петр Ямагаки — в Ниносима и Ямагуци (его служение продлилось не долго — в начале августа 1905 г. по решению военного начальства он был отстранен от служения); Матфей Кагета — в Сидзуока; Фома Маки совместно с Фомой Такеока — в Дзенцуудзи и Маругаме; Роман Циба — в Хаматера; Борис Ямамура совместно с Моисеем Сираива — в Хиросаки, Акита и Ямагата.
- ⁴¹⁸ См.: *Бесстремляная Г.Е* Японская Православная Церковь. М., 2006. С. 249—262.
- ⁴¹⁹ Там же. С. 210—212.
- ⁴²⁰ Там же. С. 280—281.

- ⁴²¹ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 182.
- ⁴²² Там же. С. 216.
- ⁴²³ Там же. С. 204.
- ⁴²⁴ О ней см., напр.: Мититака Судзуки «Православная икона Японии и Рин Ямасита», ежегодник «Япония» 1993, Москва, 1994; «История одной иконы», журнал «Япония сегодня», июль 1999 г.; И. Кожевникова «Ирина-Рин Ямасита, первая японская иконописица», журнал «Япония сегодня», сентябрь 2000 г.; А. Верина Дочь самурая — японская иконописица. Глаголь. 3 (49). С.3. 6 февраля 2002.
- ⁴²⁵ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 243.
- ⁴²⁶ Точное количество и даже фамилии священников, попавших в японский плен, установить затруднительно. Во-первых, не все проходили по ведомству Протопресвитера военного духовенства, а во-вторых, использование отчетов этого ведомства в настоящий момент невозможно.
- ⁴²⁷ Воспоминания судебного священника иеромонаха Алексия // Отвергнутая победа. С. 112.
- ⁴²⁸ Там же.
- ⁴²⁹ В октябре он прибыл в Санкт-Петербург, где по ходатайству Синода Русской православной церкви был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Вернувшись в Спасский монастырь спустя некоторое время, Оконешников стал преподавать в духовной семинарии Томска, где и умер.
- ⁴³⁰ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 128.
- ⁴³¹ Об этом подробнее см.: Жукова Л.В. Военное духовенство в Порт-Артуре в период русско-японской войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 33—43.
- ⁴³² РГИА. Ф. 806. Оп. 9. Д. 5086. Л. 6.
- ⁴³³ 15-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- ⁴³⁴ Холмогоров А. В осаде. Воспоминания Порт-Артурца. СПб., 1905. С. 60.
- ⁴³⁵ Там же.
- ⁴³⁶ Для содержания пленников была приспособлена женская гимназия, около которой стоял «столб с дощечкой, на которой было написано “Дом для плена”» — Холмогоров А. Указ. соч. С. 61. Офицеры были размещены в верхнем этаже.
- ⁴³⁷ Там же. С. 62.
- ⁴³⁸ Там же. С. 66.
- ⁴³⁹ Дневники святого Николая Японского. Т. V. С. 178.
- ⁴⁴⁰ Там же. С. 203.
- ⁴⁴¹ Там же. С. 209.
- ⁴⁴² Там же. С. 212.
- ⁴⁴³ Там же. С. 212.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 209.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 220.
- ⁴⁴⁶ Там же. С. 223.
- ⁴⁴⁷ Там же. С. 226.
- ⁴⁴⁸ Андрей Лоргус. Психологическая практика и пастырское служение: сравнительный психологический анализ.
- ⁴⁴⁹ Пархоменко Я.Ф. Русская духовная миссия в Японии. Харьков, 1907; Недачин С.В. Православная церковь в Японии. СПб., 1911.

Глава 2

Первая мировая война 1914–1918 гг.

Первая мировая война буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 год открыл дорогу войнам новой эпохи, в которой проявилась «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонаправленных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия»... «В кровавой бойне отныне были попораны все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травили газами, втихомолку подкравшись, топили из-под воды суда и корабли, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в воздухе, появились бронированные машины — танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных»¹. Такова была повседневная реальность тех, кто оказался непосредственным участником Первой мировой. Реальность, в которой люди жили и погибали.

Трагичнее всего было то, что в подавляющем большинстве солдаты не понимали целей и смысла этой войны, а следовательно — и своего в ней участия. Вот что увидел американский корреспондент Джон Рид, летом 1915 г. совершивший длительную поездку вдоль русского фронта: «...Мы встретили колонну солдат, маршировавшую по четыре человека в ряд — они отправлялись на фронт. Едва ли треть их была с винтовками. Шли они тяжелой, колеблющейся походкой обутых в сапоги крестьян, держа головы кверху и размахивая руками — бородатые, опечаленные гиганты с кирпично-красными руками и лицами, в грязных подпоясанных гимнастерках, скатанных шинелях через плечо, с саперными лопатами у поясов и громадными деревянными ложками за голенищем. Земля дрожала под их шагом. Ряд за рядом направлялись мужественные, печальные, равнодушные лица в сторону запада, к неведомым боям за непонятное дело...»².

Только за период с начала войны до 1 июня 1917 г. число мобилизованных в русскую армию достигло 15,8 млн чел., а общие боевые потери личного состава к 31 декабря 1917 г. составили свыше 7 млн чел., из них безвозвратные (убитыми, умершими от ран, отравленными газами и пропавшими без вести) — около 1 млн чел., не считая свыше 3,4 млн пленных³.

Война как опасность

Бой предъявляет к человеку требования, противоречащие инстинкту самосохранения, побуждает его совершать действия вопреки естественным чувствам. Испытывая в боевой обстановке страх за свою жизнь, человек одновременно осознает, что должен преодолеть свою слабость, не выдать ее окружающим. Как утверждал полковник Г.Н. Чемоданов, командовавший в Первую мировую пехотным батальоном, «не существует ни храбрецов, ни трусов, а есть лишь люди, умеющие в большей или меньшей степени владеть своими нервами»⁴. Но даже оставаясь внешне спокойным, нельзя до конца избавиться от внутреннего трепета.

Для эффективного выполнения задач в бою необходима «защита» от страха. Во всех армиях мира применялось несколько основных способов его преодоления: 1) актуализация ценностей (напоминанием о долге и присяге, системой поощрений и награждений и т.п.); 2) вытеснение страха из сознания (с помощью боевых призывов, музыки, алкоголя и т.п.); 3) преодоление страха еще большим страхом (например, перед жестоким и позорным наказанием). Чем более ценностно-ориентированным, организованным и обученным был личный состав армии, тем выше был моральный дух войск, тем большее значение имели два первых способа, тем меньше была необходимость в «устрашении» и масштабах его использования.

В Первую мировую войну применялась традиционная система поощрения доблестных воинов боевыми наградами, но существенно шире стала пропаганда и популяризация их подвигов, в том числе в печатной продукции (газетах, брошюрах, фотографиях, открытках и т.д.). В условиях сильнейшего стресса, каким является бой, во всех армиях мира всегда использовались те или иные способы смягчения нервного напряжения перед лицом возможной насильственной смерти, в частности средствами религиозной пропаганды (в России и в ряде других стран существовал институт военных священнослу-

жителей). Непосредственно в момент боя звучали призывы, лозунги и воодушевляющие крики, выполняющие одновременно ряд функций: вытеснения из сознания воинов чувства страха в минуту опасности, мобилизации решимости наступающих, обострения чувства общности воинского коллектива и устрашения противника. В русской армии таким боевым кличем издавна было «Ура». Вот как описывает момент штыковой атаки участник Первой мировой войны В. Арамилев: «Кто-то обезумевшим голосом громко и заливисто завопил: “У-рра-а-аа!!!” И все, казалось, только этого и ждали. Разом все заорали, заглушая ружейную стрельбу.. На параде “ура” звучит искусственно, в бою это же “ура” — дикий хаос звуков, звериный вопль. “Ура” — татарское слово. Это значит — бей! Его занесли к нам, вероятно, полчища Батыея. В этом истерическом вопле сливается и ненависть к “врагу”, и боязнь расстаться с собственной жизнью. “Ура” при атаке так же необходимо, как хлороформ при сложной операции над телом человека»⁵.

Для борьбы со страхом и паникой военное руководство всех армий гораздо чаще, чем «увещевания» и «разъяснения», применяло жесткие репрессивные меры, исходя из принципа: «солдат должен бояться собственного начальства больше, чем врага». Так, отмечая случаи массовой сдачи в плен нижних чинов в Первую мировую войну, командование Русской Армии уже осенью 1914 г. издавало многочисленные приказы, в которых говорилось, что все добровольно сдавшиеся в плен по окончании войны будут преданы суду и расстреляны как «подлые трусы», «низкие тунеядцы», «безбожные изменники», «недостойные наши братья», «позорные сыны России», дошедшие до предательства родины, которых «во славу той же родины надлежит уничтожать». Остальным же, «честным солдатам», приказывалось стрелять в спину убегающим с поля боя или пытающимся сдаться в плен: «Пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою!» Особенно подчеркивалось, что о сдавшихся врагу будет немедленно сообщено по месту жительства, «чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена»⁶. Не всегда эти меры оказывались эффективными, иногда вызывая даже противоположный эффект. Так, в 1915 г. русские газеты сообщали, что команды турецких судов, покидая тонущие корабли, направляют шлюпки не в сторону близкого берега, а по направлению к русскому флоту, т.к. «тех турок, которые при потоплении нашим флотом вражеских судов избегают нашего плена, турецкое пра-

вительство приказывает казнить как изменников и предателей»⁷. К концу войны, поразившей усталостью и апатией значительную часть войск стран-участниц, эффективность всех средств психологического воздействия на личный состав резко снизилась.

Фронтальная повседневность войны включает и ее звуки, занимающие важное место в мировосприятии непосредственных участников боевых действий⁸. Артиллерийские залпы, взрывы снарядов, свист пуль — эти и другие «шумовые эффекты» средств уничтожения, символизирующие смерть, оказывали сильнейшее влияние на психику людей, вызывали глубокое чувство страха. Вот как описывал свои впечатления от пребывания в окопах Юго-Западного фронта в конце 1914 г. Д. Оськин: «После затишья, продолжавшегося несколько дней, в первых числах ноября начались периодические и довольно сильные обстрелы наших позиций тяжелыми бризантными снарядами. Стрельба началась обычно часов в девять утра, и на протяжении какого-нибудь часа немцы выпускали не менее ста тяжелых снарядов. В полдень, когда прибывали кухни с пищей, стрельба возобновлялась и стихала для того, чтобы возникнуть снова часов в шесть вечера. Обстрел этот не наносил нам сколько-нибудь серьезных поражений, так как точности в стрельбе не было. Снаряды рвались в лесу. Насколько мощны были разрывы, можно судить по тому, что вековые деревья, толщиной в обхват и больше, валялись от осколков снарядов, рвавшихся где-нибудь рядом. Самым неприятным и угнетающим в этом обстреле был звук полета снаряда: сначала слышишь отдельный выстрел, затем нечто похожее на хлопанье большого поросенка; самый же взрыв настолько оглушительен и так сильно сотрясает землю, что в наших землянках и окопах нередко случались обвалы, и земля придавливала находящихся в них солдат»⁹. Для сравнения приведем его рассказ о боевой вылазке, где также основным впечатлением являются звуки войны: «Мы залегли в снегу. Трещали пулеметы, пули летели с трех сторон, справа, слева и навстречу. Пулеметные пули — самые страшные из всех видов огня; кажется, что только один свистящий звук их полета может изрешетить все тело; гораздо легче мириться даже с артиллерийским обстрелом»¹⁰.

В. Арамилев так описывал звуковое сопровождение готовящегося наступления: «Завтра на рассвете идем в атаку. Сегодня с утра артиллерийская подготовка. Наши глухонемые батареи обрели дар слова и бойко тарахтят на все лады. Артиллерийская канонада действует на нервы убийственно. Но когда бухает своя артиллерия, на душе чуть-чуть легче. Солдаты шутят.

— Веселее сидеть в окопе, когда земля ходуном ходит от взрывов...

Немцы подозрительно молчаливы, точно вымерли. Когда противник молчит, в душе невольно нарастает тревога. Немцы, конечно, чувствуют, чем пахнет сегодня в воздухе.

...Перед наступлением в окопах глубокая тишина. Такая тишина бывает в тюрьме перед казнью осужденного, если об этом знают все остальные заключенные»¹¹.

Артиллерийский прапорщик Федор Степун 21 января 1915 г. писал матери: «Ты не можешь себе представить, какая громадная разница в переживании шрапнели и пули. Шрапнель — вещь вполне рыцарская. Устремляясь на тебя, она уже издали оповещает свистом о своем приближении, давая тем самым в твое распоряжение по крайней мере секунду, чтобы подготовиться и достойно встретить ее; да и ранит она тоже с благородной небрежностью, всего только одной или несколькими из своих двухсот пуль. В ней столько же фейерверочной праздности, сколько смертоносной действительности. Совсем не то ружейная пуля, вся энергия которой направлена на зло поранений и убийства. Она не слышна издали, когда она слышна, она уже не опасна: ее свист, ее разрыв — всегда жалоба на зря, без зла загубленную силу. Все это я пишу, конечно, так, приблизительно, но вот что я определенно чувствую: не дай Бог попасть под настоящий ружейный или пулеметный огонь»¹².

Часто под воздействием стрессовой обстановки люди просто сходили с ума. «...Острые впечатления или длительное пребывание в условиях интенсивной опасности, — отмечал русский военный психолог начала XX в. Р.К. Дрейлинг, — так прочно деформируют психику у некоторых бойцов, что их психическая сопротивляемость не выдерживает, и они становятся не бойцами, а пациентами психиатрических лечебных заведений...»¹³. При этом если средние потери в связи с психическими расстройствами в период русско-японской войны составили 2—3 случая на 1000 человек, то в Первую мировую войну показатель «психических боевых потерь» составлял уже 6—10 случаев на 1000 человек¹⁴. 20 декабря 1914 г. прапорщик Бакулин записал в своем дневнике: «Перед Рождеством доктор дивизионного обоза А.Н. Попов переведен в Варшаву в госпиталь, во вновь открытое психиатрическое отделение как специалист. Начальство психиатрических заболеваний не признавало, тоже как и другие болезни, не связанные с поражениями, для начальства это все симуляция, но теперь, на 5 месяце войны, пришлось начальству признаться в том, что сумасшедшие не симулируют и % психических больных повышается, что и заставило начальство признать и даже открыть несколько

специальных психиатрических отделений при госпиталях»¹⁵. К середине войны количество душевнобольных достигло 50 тыс. чел., т.е. 0,5% в соотношении с общим числом призванных в армию¹⁶.

Впрочем, все зависело от устойчивости психики конкретных людей, от способности их сознания приспособиться к экстремальной обстановке и включить «защитные механизмы». «На войне нет места неврастению, — писал военный врач Л. Войтоловский. — Человек подбирается, как зверь для прыжка, и каждая жилка в теле кричит ему: подтянись!..»¹⁷ А вот что писал об этом 28 октября 1914 г. жене из Галиции Ф. Степун: «...Мы пошли дальше, пошли по неокончательно убранному полю сражения. Я знал уже накануне, что мы пойдем по ним, ждал страшного впечатления, боялся его и заранее подготавливался ко всему предстоящему. И вот странно, вот чего я до сих пор не пойму: впечатление было, конечно, большое, но все же совершенно не столь большое, как я того ожидал. А картины были крайне тяжелые. Трупы лежали и слева и справа, лежали и наши, и вражьи, лежали свежие и многодневные, цельные и изуродованные. Особенно тяжело было смотреть на волосы, проборы, ногти, руки... Кое-где из земли торчали недостаточно глубоко зарытые ноги. Тяжелые колеса моего орудия прошли как раз по таким торчащим из земли ногам. Один австриец был, очевидно, похоронен заживо, но похоронен не глубоко. Придя в сознание, он стал отрывать себя, успел высвободить голову и руки и так и умер с торчащими из травы руками и головой. Кое-кого наши батарейцы хоронили, подобрали также четырех брошенных на поле сражения раненых. Ну скажи же мне, ради Бога, разве это можно видеть и не сойти с ума? Оказывается, что можно, и можно не только не сойти с ума, можно гораздо больше, можно в тот же день есть, пить, спать и даже ничего не видеть во сне»¹⁸.

Война неизбежно формирует иное, чем в мирное время, отношение к смерти, которая на фронте становится частью повседневного быта. Для тех, кто научился убивать, кто ежечасно видит гибель других и может погибнуть сам, человеческая жизнь обесценивается. Вид смерти уже не вызывает страха и отвращения, скорее, безразличие. Такое «притупление чувств» является защитной реакцией нервной системы в условиях постоянного стресса. Вот какое наблюдение по этому поводу делает Г.Н. Чемоданов: «Печальное поле проходили мы. Везде смерть в самых ужасных формах. Но нет отвращения, жути, нет чувства обычного уважения к смерти. Крышка гроба, выставленная в окне специального магазина, помнится, оставляла большее впечатление, чем этот ряд изуродованных, окровавленных

группов. Притупленные нервы отказывались совершенно реагировать на эту картину, и все существо было полно эгоистичной мыслью: “а ты жив”»¹⁹. Ему вторит в своих письмах Ф. Степун. 14 октября 1914 г. он пишет матери о своем пути к фронту: «Вот уже шестой час стоим мы у австрийской границы и не можем переправиться ввиду зава-ленности дороги военным грузом. Следы войны здесь, как открытые раны. Сожженные постройки, опаленные кусты, разбитые бронзо-вые пушки австрийцев, поезда с ранеными, пленными, и на каждой станции страшные рассказы санитаров и врачей. Все эти впечатле-ния я уже не воспринимаю, а умело топлю в своей душе, привязы-вая каждому к шее тяжелый груз моего упорного нежелания знать»²⁰. 26 декабря, уже побывав в боях, он признается жене: «Особую, стыд-ную, но непобедимую радость в душе каждого из нас вызывало со-знание, что убит за этот тяжелый день не он и не тот, кто был рядом с ним, а целый ряд других, ему совсем или почти незнакомых людей»²¹.

Особое отношение формируется на фронте к необходимости убивать: «Кругом убийство и жажда убийства. Убийство по долгу, по присяге. Убийство только потому, что, если ты не убьешь, убьют тебя самого»²². Прапорщик М. Герасимов вспоминал свой первый поход за «языком» и связанные с этим чувства: «Пока мы шли до наших окопов под дождем, скрывавшим и глушившим звук на-ших шагов, я думал: вот только что мы убили двоих немцев, могли и сами быть убитыми, а никаких признаков угрызения совести, как этому полагалось бы быть, судя по прочитанным мной романам, нет; да нет, пожалуй, и особого торжества от удачно выполненной задачи. Что я чувствую? Только усталость, как результат пережитого за эту ночь. Чего хочу? Отдохнуть и спать. Так все просто и до не-приятного прозаично. Действительно, нет романтики в разведке, <...> а только тяжелая напряженная работа. Опасность и необходи-мость убивать каждый раз, когда участвуешь в поиске»²³. При этом убийство воспринимается именно как работа. «Самое поражаю-щее в войне то, что решительно никто никого не ненавидит, — пи-сал 21 января 1915 г. Ф. Степун. — Я говорю, понятно, о постоян-ном настроении, а не о моментах остервенения в пехотных атаках и штыковой борьбе... Ненависть же к врагу реально чувствуется лишь в тылу...»²⁴. И еще: «Австрийцы в окопах для нас не люди, которых мы завтра можем увидеть в лицо, а некий безликий “он”. Мы их не видим, потому не знаем; не знаем — не любим. А когда видим и знаем (раненых, пленных) — то любим»²⁵. Это тоже защитный психологический механизм для солдата, волею судьбы принужден-

ного «делать наиболее противное каждому человеку дело, а именно убивать людей»²⁶. Впрочем, вопрос о ненависти к врагу не так прост. Отношение к нему на фронте складывалось, прежде всего, под влиянием личного опыта, и лишь затем — под воздействием пропаганды. И там, где появлялись серьезные причины для ненависти, возникала она сама. Один из героев романа участника Галицийской битвы С.Н. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв», поначалу относившийся к австрийцам как к противнику вполне уважительно, стал называть их «вонючими» и «подлыми» после применения удушливых газов и почувствовал к врагу «личную озлобленность»²⁷.

На войне возникает проблема психологического привыкания не только к виду чужой, но и к мысли о возможности своей смерти, результатом чего становится притупление чувства самосохранения. Порою страх «притупляется» от чрезмерной усталости, истощения сил, моральной подавленности, когда человек становится безразличен к опасности. Такое состояние вызвано длительным пребыванием в экстремальных боевых условиях без отдыха, замены, отпусков. Неизвестный немецкий офицер писал в июле 1915 г. с французского фронта: «В глубокой землянке, где я сижу, темно и прохладно. Снаружи — пекло и ад. Дождь снарядов с той и с другой стороны. В нашей деревне не осталось целыми ни одной стены, ни одного забора. Французы уничтожают свои гнезда с удивительным стоицизмом. Дерутся, как львы. Атака сменяется атакой. Героизм здесь дошел до того кульминационного пункта, когда жизнь, за прекращением инстинкта самосохранения, становится противной. Сколько раз, сидя в моей черной яме, между двумя стальными линиями огнедышащих жерл, между двумя сферами адского грохота, свиста, стонов и проклятий, прижимая к уху телефонную трубку и отдавая короткие приказания, рождавшие этот грохот и эти стоны, — сколько раз я чувствовал, как сзади, с боков, сверху, отовсюду подкрадывается ко мне холодное, слизкое, хохочущее и гримасничающее помешательство... И тогда я горячо, всем сердцем жаждал смерти...»²⁸ «Нормальное» отношение к смерти возвращается к бывшим комбатантам, как правило, уже в мирной обстановке, после войны, но далеко не сразу.

Проблема усталости солдат от войны и последствия этой усталости отмечались многими современниками уже в 1914 г. Так, прапорщик Бакулин 22 ноября 1914 г. записал в своем дневнике: «Когда я сообщил людям, что мы отходим в резерв, все были рады. Невозможно людей так долго держать в окопах, это преступно. Начальство не хочет этого понять. Люди в окопах так устают фи-

зически и нравственно, так их заедает вошь, что нет ничего удивительного, что они, доведенные до отчаяния, сдаются в плен целым батальоном. Все это можно перечувствовать тогда, когда сам сидишь в окопе и испытываешь на себе, что это значит»²⁹.

Пожалуй, одной из самых характерных психологических черт, присущей комбатантам как особой категории людей и позволяющей им преодолевать чувство страха, является солдатский фатализм («Что кому на роду написано, то и будет»), который в первом же бою оформляется в мироощущение и становится базой для дальнейшего поведения. Проявляется он в двух прямо противоположных убеждениях: приверженцы первого считают, что судьба их хранит и они не могут быть убиты; другие, напротив, уверены, что рано или поздно погибнут; и «только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом»³⁰.

Первый тип ощущений ярко выражен в письме артиллерийского прапорщика А.Н. Жиглинского от 14.07.1916 г.: «Война — это совсем не то, что вы себе представляете с мамой, — пишет он с Западного фронта своей тете. — Снаряды, верно, летают, но не так уж густо, и не так-то уж много людей погибает. Война сейчас вовсе не ужас, да и вообще, — есть ли на свете ужасы? В конце концов, можно себе и из самых пустяков составить ужасное — дико ужасное! Летит, например, снаряд. Если думать, как он тебя убьет, как ты будешь стонать, ползать, как будешь медленно уходить из жизни, — в самом деле становится страшно. Если же спокойно, умозрительно глядеть на вещи, то рассуждаешь так: он может убить, верно, но что же делать? — ведь страхом делу не поможешь — чего же волноваться? Кипеть в собственном страхе, мучиться без мученья? Пока жив — дыши, наслаждайся, чем и как можешь, если только это тебе не противно. К чему отравлять жизнь страхом без пользы и без нужды, жизнь, такую короткую и такую непостоянную?.. Да потом, если думать: “тут смерть, да тут смерть”, — так и совсем страшно будет. Смерть везде, и нигде от нее не спрячешься, ведь и в конце концов все мы должны умереть. И я сейчас думаю: “Я не умру, вот не умру, да и только, как тут не будь, что тут не делайся”, и не верю почти, что вообще умру, — я сейчас живу, я себя чувствую — чего же мне думать о смерти!»³¹

Другой тип ощущений находим в воспоминаниях Г.Н. Чемоданова. Он описывает марш-бросок на передовую 22 декабря 1916 г. на Рижском участке Северного фронта: «Впереди, шагах в пятидесяти от меня, двигался первый батальон. В туманной лунной мути он казался какой-то общей массой, каким-то одним диковинным чудовищем,

лениво ползушим в неведомую и невидимую даль. Шагах в десяти от меня такой же целой массой полз и дышал мой второй батальон. Ни привычного смеха, ни даже одиночных возгласов не было слышно в обеих группах. Все больше и больше охватывало чувство одиночества, несмотря на тысячи людей, среди которых я шел. Да и все они были одиноки в эти минуты. Их не было на том месте, по которому стучали их ноги. Для них не было настоящего, а только далекое милое прошлое и неизбежное роковое смертельное близкое будущее.

Я хорошо знал эти минуты перед боем, когда при автоматической ходьбе у тебя нет возможности отвлечься, обмануть себя какой-нибудь, хотя бы ненужной работой, когда нервы еще не перегорели от ужасов непосредственно в лицо смотрящей смерти. Быстро циркулирующая кровь еще не затуманила мозги. А кажущаяся неизбежной смерть стоит все так же близко. Кто знал и видел бои, когда потери доходят до восьмидесяти процентов, у того не может быть даже искры надежды пережить грядущий бой. Все существо, весь здоровый организм протестует против насилия, против своего уничтожения»³². Подобное «фаталистическое» мироощущение можно встретить почти у каждого участника Первой мировой войны, оставившего какие-либо письменные свидетельства (дневники, письма, воспоминания). Чаще всего оно выражалось словами: «Все в руках Божьих. От меня ничего не зависит. Будь что будет».

Иногда подобная «философия» принимала характер игры со смертью. Вот как описывал ситуацию, по духу напоминающую эпизод из лермонтовского «Фаталиста», Г.Н. Чемоданов. Дело происходило в полковой офицерской землянке за карточной игрой, ночью, за три часа до атаки:

«— Вот, если эту карту убьют — и меня завтра убьют, — заявил поручик Воронов с глубоким убеждением и верой в свои слова.

— Ну, и карты не дам, “фендра” этакая, — ответил ему Фирсов, державший банк: — ты мне за покойной игры не устраивай. Смерть, голубчик, и жизнь в воле человека: захочешь жить, черт тебя убьет, я вот жить хочу, и за три войны только раз ранен, и завтра жив буду; а распусти нюни, сразу влопаешься...»³³

Однако поручик все же загадал, связав свою жизнь с судьбой карты. И хотя она, к его радости, выиграла, сам он наутро погиб: «Карты его обманули». Примечательно другое: сам факт гадания «на жизнь и смерть», смягченный вариант «русской рулетки».

По воспоминаниям участников войны, некоторые их товарищи утверждали, что скоро погибнут, и это предчувствие всегда сбыва-

лось, да и сами они часто могли различить на лице еще живого человека «печать смерти».

Тот же Г.Н. Чемоданов рассказывал, как перед боем один из офицеров, убежденный в своей неизбежной гибели, вручил ему письмо для передачи жене:

«— Давайте, — торопливо сказал я, так как обстоятельства не давали свободной минуты. — Впрочем, почтальона вы выбрали ненадежного, так как вероятность смерти висит и надо мной.

— Вы будете живы, — серьезно и пророчески сказал Розен, в упор глядя на меня.

Сознаюсь, теплая волна надежды колыхнула в груди от этих слов, от этой его уверенности».

Штаб-ротмистр Розен погиб в том же бою. А сам Чемоданов по ошибке несколько часов числился в списке убитых, и вот живой и невредимый вернулся в штабной блиндаж:

«— Долго жить будете, — с улыбкой утешил меня начальник дивизии: — примета верная»³⁴.

И еще одна зарисовка, символизирующая отношение к смерти на войне, оставленная в воспоминаниях В.В. Вишневого, сбежавшего на фронт четырнадцатилетним мальчишкой: «Под снегом лежало солдатское кладбище (осени 1914 г.). Дожди размыли надписи на семиконечных крестах. Полки шли, заливаясь лихими песнями, мимо кладбища, мимо старых австрийских окопов и заграждений из ржавой колючей проволоки, разрушенных русскими солдатами осенью 1914 года. Было приказано петь при виде кладбищ — “солдатам надлежит исполнять, а не рассуждать” — и полки послушно пели, и песнь торжественно стлалась по снежным равнинам:

Колонна за колонной
Полями, лесом, вброд
Могуче, неуклонно
Гвардия идет...»³⁵

Солдатский быт

Человек на фронте не только воевал — ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Наступало затишье — и в эти часы он был занят *работой*, множеством больших и малых дел, выполнение которых входило в его обязанности и от которых во многом зависел

его успех в новом бою. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Поэтому наряду с опасностью боя важнейшим фактором войны, влиявшим на психологию ее участников, являлись особые условия фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке. Русский военный психолог Р.К. Дрейлинг среди важнейших факторов, влияющих на психику бойца, называл «особые условия военного быта, вне привычных общественных и экономических отношений, тяжелый труд», отмечая при этом, что «труд, производимый, например, пехотинцем в полном вооружении и снаряжении, превосходит по количеству расходуемой энергии самые тяжелые формы не только профессионального, но и каторжного труда»³⁶.

Вл. Падучев описывал обычный день окопной войны на европейском театре военных действий, наполненный привычной рутинной работой вблизи неприятельских позиций: «Хорошо видно движение в наших окопах, как в пятой роте солдаты роют землянку и подкатывают тяжелые бревна, как пулеметчики набивают патронами ленту, а ротные телефонисты, как муравьи, тянут линию вдоль окопов... Утомленные сердитые лица, винтовки с примкнутыми штыками, сумки ручных гранат, остатки супа в медном котелке, зияющая черная воронка в колючей проволоке перед окопами, ротный фельдшер с красным крестом и двое раненых из нашего секрета — все это настоящее, будничное, покрытое серым цветом, но полное близкой тревоги ожиданий»³⁷.

2 сентября 1915 г. прапорщик М. Исаев писал жене об особых нагрузках, выпавших на долю солдат, воюющих «в горном захолустье»: «Кавказский фронт — главный враг его не турки, и не курды, а природа. И когда покрутишь на этом фронте не одну сотню верст — поймешь, почему русский солдат прозвал его и “погибельным” и “проклятым”. Сколько маеты должен он был перенести и от жары, и от холода, и от подъемов, и от спусков. Когда я смотрел, как втаскивали двуколки — то от этого зрелища мне буквально жарко стало, в пот бросило, не в переносном, а в настоящем смысле слова...»³⁸

Разумеется, немалые *особенности военного быта* (в обеспечении жильем, питанием, денежным довольствием, в наличии особого круга внеслужебного общения и досуга) были связаны с принадлежностью к рядовому или командному составу, как и особые виды усталости, напряжения, опасности и страхов в боевой обстановке. Говоря о том, насколько сложнее психические условия деятельности командиров по сравнению с рядовыми бойцами, русский военный психолог Н.Н. Головин отмечает, что чем выше поднимаешь-

ся вверх по иерархической лестнице военного командования, тем сильнее уменьшается личная опасность и физическая усталость, но зато многократно увеличивается моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника³⁹. О том же свидетельствует в своей книге «Душа армии» генерал П.Н. Краснов: «Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, руководящего боем. И страх начальника, лично руководящего в непосредственной близости от неприятеля боем, отличается от страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности управляющего боем. Разная у них и усталость. Если солдат <...> устает до полного изнеможения физически, то начальник, <...> не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания»⁴⁰.

У разных родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации, флота и др.) также существовала специфика как в условиях боевой деятельности, так и в деталях повседневного быта. «...Артиллерист, например, особенно тяжелой артиллерии, — отмечал вскоре после окончания Первой мировой войны А. Незнамов, — меньше подвергается утомлению, почти нормально питается и отдыхает, до него редко долетают пули винтовки, пулемета, но зато на него обращено особое внимание противника-артиллериста, и он должен спокойно переносить все, что связано с обстрелами и взрывами, часто очень сильными, фугасных снарядов. Он должен спокойно и точно работать (его машина много сложнее пехотного оружия) в самые критические периоды боя. От точности его работы зависит слишком многое, так как артиллерия очень сильно воздействует на течение боя»⁴¹. А вот не теоретическая оценка, но непосредственные личные впечатления и опыт участника Первой мировой «из окопа». Ф. Степун 21 января 1915 г. писал матери: «...Право же, все, что мы здесь переживаем, происходит гораздо проще, чем это кажется со стороны. Ужасное слово “бой” означает, слава Богу, для нас, артиллеристов, в большинстве случаев процесс совершенно спокойный, я бы сказал даже идиллический»⁴². В том же письме он пишет, что на днях его батарея уходит в резерв, и добавляет: «Грех сказать, чтобы <...> нам было очень тяжело. Тяжело было пехоте, которая каждую ночь мерзла на передовых постах, каждую ночь ходила, святая, в разведку, ходила по глубочайшему снегу в двадцатиградусный мороз, ходила во весь рост в атаку навстречу пулеметам и ружьям. А мы в эти ночи, засыпая, только прислушивались к пулеметной трескотне»⁴³. 14 июня 1916 г. другой артиллерий-

ский офицер А.Н. Жиглинский также отмечал различную степень опасности для разных родов войск: «Не хочу хвастать, но мне уж не так страшно, как раньше, — да почти совсем не страшно. Если бы был в пехоте, — тоже, думаю, приучил бы себя к пехотным страхам, которых больше». И далее: «Единственное, что мог я уступить животному страху моей матери, — это то, что я пошел в артиллерию, а не в пехоту»⁴⁴. Здесь ясно прослеживается специфика «страхов», риска и повседневного быта у профессиональных категорий на войне.

Прапорщик М.М. Исаев, командир пулеметной команды, 23 ноября 1915 г. писал жене с Кавказского фронта: «...Разговоры о наградах — любимейшая тема у пехоты и кавалерии. Артиллеристы и саперы гораздо меньше говорят о них, вообще у них уровень образования гораздо выше. “Довольных” в тысячу раз меньше, чем “недовольных”. ...Один “род” оружия ревнует к другому. ...То, что пехоте предоставлены большие преимущества — имеет основания, главным образом, для западного фронта. Здесь кавалерия сражается почти везде в пешем строю и рискует больше, чем пехота (разведки!). ...Легче всего служба здесь в артиллерии — сторожевой не несут, все ночи спят, на работы (рытье окопов) не ходят... Только и знают, что бой (а бои довольно редко). От ружейного и пулеметного огня в полной безопасности. Да и вообще у них почти нет потерь»⁴⁵. А 21 марта 1916 г. рассказывал в письме к детям: «У нас погода все еще не наладилась, по три дня идет дождь, потом несколько дней солнце. Только что высохнет — опять пойдет дождь целых три дня. Нам-то пулеметчикам хорошо, мы сидим дома, а вот бедным казакам надо каждый день в разведку ездить: дождь ли, снег ли, все равно седлай лошадь, одевай винтовку, шашку и кинжал, и поезжай в горы»⁴⁶.

Первостепенный вопрос фронтового быта — *солдатский рацион*. Оно и понятно: «Голодный много не навоюет». Прапорщик М.М. Исаев писал жене 17 сентября 1915 г. с Кавказского фронта: «...Я пришел к выводу, что главное на войне — желудок. Помыслы всех направлены всегда на то, чтобы как можно плотнее набить его. Есть хочется каждый день и аппетит появляется по несколько раз — не всегда удается удовлетворить его своевременно. А уж раз выпала такая возможность — то стараются наверстать и прошлое, да и за будущее успеть. А “ужасов войны” до сих пор не переживал»⁴⁷.

По свидетельству Н.Н. Головина, ссылающегося на записку Главного Интенданта генерала Богатко, в периоды позиционной войны русские солдаты обеспечивались щедрой дневной порцией

хлеба (2,5 фунта), мяса (1 фунт), жира (1/4 фунта), сушеными овощами, чаем, сахаром и прочими съестными припасами⁴⁸. Однако на деле всё обстояло не так благополучно и по ходу войны нормы питания по отдельным позициям (жиры, мясо) приходилось пересматривать в сторону уменьшения.

Солдатскому рациону уделяется немало места не только в интендантских сводках, но и в письмах с фронта и на фронт: родные в тылу интересуются, как в армии кормят «служивого», а тот, как правило, довольно подробно описывает своё окопное «меню». Например, русский унтер-офицер И.И. Чернецов пишет домой 12 ноября 1914 г.: «Мы все очень хорошо накормлены (1 фунт мяса в день на человека утром, да еще немного вечером). Кроме того, здесь много баранины, свинины и коров, которых начальство разрешает бить и делить между собою. Чай, сахар выдают регулярно и в достаточном количестве. Много везде в домах ссыпано картофеля, который мы жарим на свином сале, варим с мясом, делаем котлеты (если найдем в доме машинку для рубки мяса) и даже печем лепешки на свином сале; муки оставлено много, но дело в том, что, конечно, нет дрожжей, но несмотря на это, ржаные лепешки, жаренные на свином сале, выходят очень хороши, и даже ротный наш командир часто просит солдат поставить на его долю теста»⁴⁹. По прошествии года войны, 18 ноября 1915 г. И. Чернецов сообщает родным, что казенная кухня, бывает, задерживается, когда полк куда-нибудь передвигается. «В остальное время обед и ужин нам выдают регулярно каждый день. Мяса получаем всего 1 и 1/4 фунта в день на человека, сахару по три куса в день и чаю достаточное вполне количество, изредка только бывает нехватка его. Это если происходит какая-нибудь задержка в доставке. Ведь муку, да и самый готовый хлеб приходится доставлять из России, а с этим надо считаться. Вообще кормят хорошо: варят лапшу (с большими макаронами), горох, суп с сушеными корнями, суп с картофелем, щи со свежей капустой и суп с гречневой кашей, иногда с рисом или перловой крупой. Вечером и утром получаем обед и ужин по одному первому, как и в Японскую войну. Этого вполне достаточно, и солдаты все довольны продовольствием»⁵⁰.

Не столь оптимистичное суждение встречаем в дневнике В. Арамилева: «Днем мы обедаем и пьем чай. И то и другое готовят в третьей линии. Суп и кипяток получаем холодными. Суп в открытых солдатских котелках — один на пять человек — несут три километра ходами сообщения. Задевают котелками о стенки око-

па — в суп сыплются земля и песок. Суп от этого становится гуще, но не питательнее. Песок хрустит на зубах и оказывает дурное влияние на работу желудка. Все страдают запором. Горячей пищи мало, все едят всухомятку. Балагур и весельчак Орлик приписывает запор наличию песка в супе и каше»⁵¹.

Еще более категоричен в оценке качества солдатского питания прапорщик Бакулин. В его объемном дневнике этот вопрос затрагивается неоднократно, очевидно, потому, что являлся действительно «больной темой».

*13 апреля 1915 г.: «Выдача рису частям прекратилась, объясняют тем, что от риса летом будут желудочные заболевания, также убавили выдачу масла или сала, должно быть тоже боятся желудочных или каких-нибудь других заболеваний...»*⁵²

*12 июня 1915 г.: «Теперь как-то с продуктами плохо, на Червонном Бору в продовольственном магазине ничего нет, вчера дали только одних макарон да сахару, солонины, рыбы-воблы, крупы нет... В Белостоке солонины зарыли десять тысяч пудов, интересно, сколько зарыто фактически и сколько пошло в пользу интендантов. Сегодня был на 51 хлебопекарне, составили акт о недоброкачественной муке — мука затхлая, горькая и комьями, в одном мешке три сорта, с концов хорошая, в середине дрянь. Когда мука шла с мельницы и с клеймами фирм, была хороша, а теперь какая-то мешанная, не разберешь, от кого и откуда... От рыбы-воблы в полках отказываются — суп выходит горький. А по инструкции ее варить невозможно: в инструкции сказано воблу обдирать, шкуру ошпаривать кипятком, чтоб не было горечи, а на деле вобла очень мелкая, обдирать ее сизифов труд, за неимением кипятка на позициях, ошпаривать тоже нечем. Вообще, интендантская затея, как и все, неумна»*⁵³.

*18 сентября 1916 г.: «В интендантстве сейчас почти никаких продуктов нет, нет даже необходимых, как-то: крупы, соли; сахар — и то недавно доставку наладили, а то и его не было. Полкам приходилось варить пищу: ½ фунта мяса, вода и заболтано мукой, каши не было. Если так будет долго продолжаться, земляки взбунтуются. Теперь для закупки картофеля, капусты, риса, макарон и других продуктов послано от дивизии четыре офицера — это указывает на полное банкротство нашего интендантства»*⁵⁴.

Иначе выглядела «продовольственная корзина» тех, кто воевал на Кавказском фронте. 19 октября 1915 г. прапорщик М.М. Исаев

(командир пулеметной команды) писал жене: «...Чему я не перестаю удивляться, это бесконечной терпеливости и выносливости рядового нашего солдата. Пришли из сторожевки, на другой день на рытье окопов, а на следующий опять в сторожевку и т. д., и т. д. Едят борщ, в котором от борща кроме названия ничего не осталось, так как два месяца не получается ни капусты, ни картофеля. И не жалуются, “раз нет”. О белом хлебе нечего и мечтать: для офицеров это лакомство. А между тем мнение, что “простой” человек “не любит” белого хлеба — следует отнести к числу предрассудков. В Тифлисе... солдаты всегда покупали белый хлеб»⁵⁵. Но далее следует любопытное признание: «Обо мне ты не тужи. Я вовсе уже не так плохо питаюсь. Бежавшие 17 сентября курды побросали по дороге много добра. Мы нашли около трех пудов масла, перетопили его и у нас теперь все готовится на прекрасном масле. ...Затем с 18 числа сентября у нас есть и корова, дает 3 бутылки молока. Несколько дней был и лук, и картофель. Да, забыл сказать: поели винограду вдоволь. Весь Ван в виноградниках, ну и истреблялся же он в несметном количестве. ...Ловили рыбу (не я) и ели. Мяса все время вдоволь, хлеба тоже»⁵⁶. 23 февраля 1916 г. он сообщает: «Обо мне сейчас не беспокойся. Живем, как у Христа за пазухой. Едим лучше, чем вы. Про мясо нечего и говорить — целое стадо баранов. ...Решил завести собственных кур. Есть уже четыре.., велел купить еще шесть штук и петуха. Стоит курице снести только 10 яиц — и она уже окупила себя. Сейчас велел купить и пару гусей. Буду откармливать. Вот видишь, я недаром говорил, что во мне сидит землевладелец»⁵⁷. Но такая идиллия продолжалась недолго. 9 июня 1916 г. он полусуто жалуется жене: «Сегодня обеда не будет, а прямо ужин. Утром почему-то мяса не выдали. Дадут вечером. И то хлеб. Пойду вниз, “стрельну” где-нибудь. Знакомых у меня много: и батарейцы, и пограничники, и дружинники. Если у них, конечно, что-нибудь есть. ...Ах, Марочка, как я низко пал! Я мечтаю о Тифлисской “Анноне”! [Ресторан. — Е.С.] Больше не буду посылать тебе денег, буду копить их, и, попав в культурные места, проем. ...Покупаешь ли ты детям что-либо сладкое? При первой okazji пришлю тебе для этой цели 10 рублей — а нет, затрать свои, слышишь, Марочка!»⁵⁸ А 25 июля 1916 г. М. Исаев пишет: «Один день выдали вместо хлеба — по 15 золотников муки. Выходило — три галушки. Это вызвало острооты, шутки — но ни одной жалобы. ...Солдаты отлично понимают, что “отпуск” всякого рода пищевого довольствия в эту войну более чем достаточен (“лучше едим, чем теперь в тылу”) — но могут воз-

никнуть затруднения в доставке. “На то мы и на позициях”. “Это тебе не Тифлис”»⁵⁹. Особый интерес вызывают рассуждения М. Исаева о «захолустности» Кавказского фронта, обойденного вниманием благотворительных организаций. Еще 2 сентября 1915 г. он с горечью отмечал: «Да, сюда к нам ни одна дама-патронисса, ни один уполномоченный с подарками не заявился. Пожалуйте верхом! Хотя бы посылками пересылали. Ведь ничего не достанешь. Случайно у обозников купили несколько фунтов карамели, три коробки сардинок. Мяса бараньяго вдоволь — но зелени никакой. ...Масла, конечно, нет, все на сале. ...Есть слух, что мне идут две посылки, они уже недалеко отсюда, что-то в них заключается? Когда будешь посылать — непременно пошли сухих плодов, кофе, <...> лимонной кислоты, сдобных сухариков. Из другой области — свечей. Табаку не нужно. Его пока всегда доставали. Хорошо бы книг»⁶⁰.

Трудности со снабжением русской армии возникали на всех фронтах на всем протяжении войны. В этой связи Ф. Степун в качестве злейшего врага наряду с немцами и австрийцами называет «полную нераспорядительность начальства»⁶¹. Неповоротливость разного рода служб и ведомств Российской империи, призванных обеспечивать армию всем необходимым, бросалась в глаза всем, включая посторонних наблюдателей. Летом 1915 г. Джон Рид записал свои впечатления: «Страна жила солдатами. Ими были набиты все станции; полки, лишь наполовину вооруженные, рассаживались вдоль платформ в ожидании своих поездов. Поезда кавалерии с лошадьми, платформы, высоко нагруженные продовольствием, беспрестанно попадались нам навстречу. Повсюду крайняя дезорганизация: расположившийся у железнодорожного полотна батальон ничего не ел весь день, а дальше громадный навес — столовая, в которой портились тысячи обедов, так как люди не прибыли вовремя. Нетерпеливо гудели паровозы, прося свободного пути... На всем лежал отпечаток безалаберно затраченных повсюду огромных сил. Какая разница с бесперебойной германской машиной...»⁶².

О проблемах со снабжением войск продовольствием и реквизициях в Галиции в сентябре 1914 г. вспоминал военный врач Л. Войтоловский, приводя монолог своего сослуживца: «В голодное село приходят голодные резервы. Через четыре часа они будут брошены в наступление. Должны ли мы их накормить? Разумеется, так. Ибо раз мы воюем, то мы хотим победить, а раз мы хотим победить, то солдаты должны быть сыты. Но этому противятся строптивые галицийские бабы. Правда, у них имеются для этого свои бабьи ре-

зоны. Если мы заберем у бабы последнюю корову, то ее детишки останутся без молока и помрут, быть может, голодной смертью. Но ведь одной коровой я могу накормить целую роту солдат, из которых двадцать процентов будут через четыре часа убиты и ранены. Имею ли я право лишить солдата последнего утешения на земле — умереть по крайней мере сытым. И как я должен, по-вашему, поступить, когда стоит передо мной голый вопрос: рота солдат или одна галицийская семья?.. А строптивые галицийские бабы, которые понятия не имеют ни о статистике, ни о стратегии, орут благим матом: “остатняя крова...”»⁶³. Чем дольше продолжалась война, тем большим становилось опустошение территорий, через которые проходила огромная армия, и тем сложнее было эту армию прокормить, причем не только людей, но и лошадей. 12 сентября 1916 г. прапорщик Бакулин писал: «С фуражом у нас творится что-то необыкновенное. Ни сена, ни зерна нет. Заявляю командирю — один ответ: “Приказано использовать местные средства”. Это значит посылать солдат воровать. Три месяца скоро, как не брали казенного сена, косили чужую траву, на аренду лугов денег не давали, теперь же не дают денег на покупку сена. Как хочешь, так и корми лошадей...»⁶⁴ Когда поставки из глубины России были невозможны, армию кормили за счет местного населения. И даже образованные люди, хотя и сочувствовали обиравшимся жителям, не испытывали по этому поводу особых угрызений совести, оправдывая такие действия военной необходимостью.

Впрочем, у противника дела с продовольствием тоже были не слишком хороши. Вот какую оценку мы встречаем в докладе русской военной разведки, сообщавшей о фактах плохого снабжения австрийской армии: «Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель»⁶⁵. Любопытно, что в каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам!

Похожую картину описывает в своем дневнике прапорщик Бакулин 14 марта 1915 г.: «...Встретил пленных немцев, 150 человек, на вид неказисты, одеты легко, многие без шинелей, идут и жуют

наш черный хлеб... Что выяснилось из разговоров с пленными, кормят их очень плохо, сидят голодные, хлеба нет, горячей пищи нет, а погода стоит холодная... Все пленные, каких я видел и видели другие, очень истощены, как-то измучены, на что даже обратили внимание наши обозные, и почти все дорогой жуют наш хлеб»⁶⁶. 2 ноября добавляет: «Окопы так близко сходятся, что между нашими и германцами начались знакомства и даже меновая торговля: наши дают хлеб, а германцы — коньяк; хлеб ценится германцами высоко, что указывает, что его у них нет, и даже это германцы подтверждают сами...»⁶⁷

Зато в дневниках В. Арамилева — картина совершенно иная. «В наши окопы пробрался удравший из немецкого плена рядовой Василисков. Рассказывает о немцах с восторгом.

— Бяда, хорошо живут черти. Окопы у них бетонные, как в горницах: чисто, тепло, светло. Пишша — что тебе в ресторантах. У каждого солдата своя миска, две тарелки, серебряная ложка, вилка, нож. Во флягах дорогие вина. Выпьешь один глоток — кровь по жилам так и заиграет. Примуса для варки супа. Чай не пьют вовсе, только один кофей да какаву. Кофий нальют в стакан, а на дне кусков пять сахара лежит. Станешь пить какаву с сахаром — боишься, чтоб язык не проглотить.

— Сладко? — спрашивают заинтересованные солдаты.

— Страсть до чего сладко! — восклицает Василисков. И тут же добавляет: — Игде нам супротив немцев сдюжать! Солдат у его сыт, обут, одет, вымыт, и думы у солдата хорошие. У нас что? Никакого порядка нету, народ только мают.

— Чего ж ты удрал от хорошей жизни? — шутят солдаты над Василисковым. — Служил бы немецкому царю. Вот дуралей!

Он недоуменно таращит глаза.

— Как же можно? Чать я семейный. Баба у меня в деревне, ребятишки, надел на три души имею. Какой это порядок, ежели каждый мужик будет самовольно переходить из одного государства в другое. Они — немцы — сюды, а мы — туды. Все перепутается, на десять лет не разберешь»⁶⁸.

Простоватый неграмотный крестьянин и не подозревал, что ему в плену «пускали пыль в глаза», угощали непривычными «деликатесами», а затем позволили сбежать к своим, чтобы использовать в качестве агитатора, деморализующего боевой дух сослуживцев. Так быт становился оружием «информационной войны», предваряя листовки более позднего времени с призывами к солдатам противника сдаваться и обещаниями сладкой и сытной жизни в плену.

Часто в боевой обстановке обычная бытовая проблема становилась вопросом жизни и смерти. «Воды из тыла привозят мало, — писал тот же В. Арамилев. — Берем воду в междуокопной зоне, в ямках, вырытых в болоте. Но вот уже целую неделю это “водяное” болото держит под обстрелом неприятельский секрет. Он залег в небольшой сопке в полуверсте от наших окопов и не дает набрать ни одного ведра воды. За неделю у колодца убиты пять человек, ранены три. Командир полка отдал лаконичный приказ: “Секрет снять. В плен не брать ни одного. Всех на месте...” Ходили снимать... Операция прошла вполне удачно. Закололи без выстрела шесть человек. С нашей стороны потерь нет»⁶⁹. 21 ноября 1914 г. прапорщик Бакулин записал: «Немцы как-то пронюхали, что около 9 часов вечера к нам подходят кухни, а также узнали, где кипятят воду землячки. Каждый вечер, около 9 часов начали посылать шрапнель, и однажды попали в кухню в тот момент, когда раздавали пищу, и ранили несколько человек, а двоих убили, даже черпак вышибло и перешибло шрапнелью в руках кашевара. Один снаряд угодил тоже в печь, где землячки кипятили воду, тоже ранило и убило несколько человек. Без чаю землячок жить не может, никакая шрапнель его не остановит, если он знает, что может вскипятить воду. Меня угощали своим чаем, чай похож вкусом на все, что угодно, но только не на чай, и сапогами отдает, и салом, но только не чаем. Но ничего, удовольствуются и этим. Пьют, да похваляют»⁷⁰.

Не меньшее значение имело **вещевое довольствие** — обеспечение войск предметами обмундирования, бельем, обувью и снаряжением⁷¹.

Особую роль играла обувь. Она выходила из строя в первую очередь, а плохое ее состояние в условиях холодов приводило к массовым обморожениям. Д. Оськин, тогда еще рядовой пехотинец на Юго-Западном фронте, записал в ноябре 1914 г.: «После обильно ливших в последнее время дождей сразу наступила зимняя погода. Выпал снег и установился мороз, временами достигающий двадцати градусов. Морозы застали нас в летнем обмундировании. Обувь, полученная еще в Туле, за время продолжительных походов поистрепалась, и у большинства солдат сапоги «просили каши». Летние портянки не грели. Особенно скверно приходилось тем из солдат, кто проводил ночь на сторожевых постах. Только тут мы пожалели о выброшенных нами перед выходом из Устилуга набрюшниках и башлыках — какие хорошие из них получились бы портянки!

...Морозы установились надолго. Начались сильные ветры, с обильным снегопадом, после которых ненадолго наступала отте-

пель, образовавшая гололедицу. Мои сапоги пришли в такое негодное состояние, что мне приходилось при выходе из землянки обматывать ноги единственной запасной парой белья. Долго я крепился и переносил холод, но наконец не выдержал — отправился к фельдфебелю за разрешением пойти в полковой околоток.

Околоток был устроен неподалеку от штаба полка, в Острожежниках, в лесу, под навесом из молодых, свежесрубленных деревьев. Несмотря на ранний час, приема врача ждало уже человек сто. У всех была одна болезнь — отмороженные руки и ноги. Принимал доктор Блюм. Он заставлял снимать сапоги и осматривал ноги; затем фельдшер смазывал отмороженное место вазелином. Сильно обмороженных оставляли на несколько дней для отдыха при околотке, где можно было беспрепятственно разводить костры. Когда наступила моя очередь, Блюм, осмотрев мои ноги и расспросив об условиях жизни в окопах, посоветовал как можно скорее заменить худые сапоги другими, более крепкими. На мое замечание, что в таких сапогах ходит весь полк и что ни у кого нет теплых портянок, Блюм ответил: «Музеус принимает все меры, да интенданты что-то медлят с высылкой»⁷².

Я. Окунев писал осенью 1915 г.: «Мы ждали сапог, которые истрепались вконец, благодаря длинным переходам по гористой местности; ждали обозов с провиантом и полушубками, — во всем этом была большая нужда: наступили холода, по ночам подмерзала вода в траншеях, нельзя было ничего достать кругом даже за большие деньги, потому что деревушки и села были пусты и частью сожжены артиллерийским огнем или самими жителями. Обозы прибыли. Тут были и новые сапоги, и свежие, уютно пахнувшие овчиной полушубки, и консервированное мясо, мука, картофель, даже солонина была. К вечеру мы будем сыты, обуты, одеты, ...о чем мы мечтали на привалах, в землянках и сырых траншеях в морозные ночи и дождливые дни...»⁷³.

Нерасторопность интендантских служб частично (на самом деле — капля в море!) компенсировалась заботой близких, присылавших солдатам в окопы теплые вещи. Так, унтер-офицер И. Чернецов писал родным 12 ноября 1914 г.: «Посылки я все три (две от мамы и одну от Ольги Ивановны) получил еще 12 октября, за что приношу всем вам сердечную благодарность за труды. Теперь я обеспечен теплыми вещами с излишком. Наступившие здесь холода градусов на 10 легко переносятся мною, а спать иногда приходится в поле, в блиндажах, где, конечно, только тихо, но печей нет; там много сена, так что, зарывшись в него, спать очень тепло. Сапоги

мои еще очень хороши, каблуки до половины только сбились, но теперь у нас сидят два сапожника, которые и чинят бесплатно всем обувь, а потому, набив каблуки, сапоги станут опять, как новые»⁷⁴. 4 декабря 1914 г. он обращается с конкретной просьбой: «Еще чего у нас нет, так это стеариновых свечей, в которых сильная нужда. В долгие вечера не с чем сидеть или собраться и разобраться, ужинать, приходится жаться к одному огоньку у какого-нибудь солдата. Жгем сало свиное, машинное и вообще все горючее. Свечи хорошо бы прислать как можно толще (хорошо бы железнодорожные), да, кстати, пришлите пачку спичек, их у нас трудно достать. Можно ли только их пересылать по почте? Не считаются ли они огнеопасными предметами? Но я думаю, можно положить их в жестяную коробку для безопасности (одному солдату у нас прислали в посылке спички). Вот из этих предметов и можно составить посылки и прислать их сюда, за что я заранее приношу вас всем сердечную благодарность за хлопоты по пересылке и упаковке их...»⁷⁵

Прапорщик Бакулин, по состоянию здоровья отправленный с передовых позиций командовать обозом, записывал в своем дневнике все те проблемы, с которыми столкнулась армия в плане вещевого довольствия, отмечая, в частности, «коммерческие инициативы» самих солдат, приторговывавших выданным казенным обмундированием в полной уверенности, что взамен проданного им все равно будет выдано все новое:

13 апреля 1915 г.: «С февраля месяца полки все кожи с убитого скота должны сдавать нам, а мы сдаем продовольственному транспорту, думаю, что половина кож придет на кожевенные заводы испорченной, так как никто не знает, как их засаливать и как сохранять. Также приходится принимать из полков старые сапоги, говорят, что их где-то чинят, а по-моему, просто выбрасывают, так как они сдаются нам в таком виде, что едва ли какой сапожник может их починить; продовольственный транспорт всеми способами старается их не принять, жалуясь, что нигде их не принимают. Нижние чины сумели из этой операции по приемке сапог извлечь себе пользу — возьмет себе развалившиеся сапоги, а свои, хорошие, продаст; потом заявляет, что ему нужны сапоги, ибо его износились.

Принимаем от частей полушубки, теплые вещи, это хотя не очень изношено, но штаны, мундиры, рубаха — это какое-то рубище, приходится принимать это тряпье, кроме заразы и паразитов от него ничего не получишь; куда это все идет, надо удивляться, наверное,

потом выбрасывают или продают за гроши, что не стоит перевозки. Даже старые валенки и то приходится принимать...»⁷⁶.

12 мая 1915 г.: «Везде теперь стараются устроить сапожные мастерские для починки сапог, а сапоги так разваливаются, что починка их почти невозможна»⁷⁷.

23 ноября 1915 г.: «Настали холода, полушубков очень мало, а валенок дали всего по 40 пар на полк, кожаных сапог тоже нет, когда один полк обратился с требованием сапог, то ему решительно отказали в присылке их и предложили шить их самим, а кожу употреблять с убитого скота, так как скот режут каждый день и кожа у них есть. Дубить кожу тоже могут сами. Значит, кроме боев, в полку должны принимать участие в дублении кожи и шитье сапог»⁷⁸.

9 декабря 1915 г.: «Полки шьют сапоги из соленой кожи, кожа солится три дня, потом из нее шьют сапоги, вроде чулок, шерстью внутрь. Думаю, что они заменить сапог не могут, да, кроме того, будут скоро изнашиваться, хотя зимой, при морозе и теплых портянках, они могут заменить валенки вполне»⁷⁹.

11 декабря 1915 г.: «11 декабря у нас в обозе был первый смотр генерал-лейтенантом Шишкиным, т.е. начальником нашей дивизии. Солдатам приказал купить гармошки, скрипки, выписать газеты, например, “Свет” или вроде, две-три, для офицеров граммофон и также газету, ставить спектакли для солдат и вообще устраивать различные развлечения. А вот насчет валенок ничего не сказал, а их у нас нет»⁸⁰.

23 мая 1916 г.: «Получили для нижних чинов обоза американские ботинки, на вид очень крепкие, как будут носиться — увидим; обещание интенданта о выдаче на лето лаптей не состоялось, и теперь будут ботинки. Вообще об отношении солдат к своему обмундированию нужно сказать несколько слов. Когда команды и маршевые роты отправляются на фронт, то все солдаты обуты и одеты хорошо, но как только достигнут, скажем, г. Смоленска, то сейчас же начинается распродажа вещей обмундирования: первыми продаются хорошие сапоги, вместо них надевают рваные, потом дальше начинают продавать палатку — цена ей от 70 коп. до 1 рубля, шаровары и суконную рубаху тоже продают, а сами взамен получают старую рвань. Это проделывают не только бывалые уже на фронте, но и новички-новобранцы, на которых растлевающим образом действуют бывалые на фронте солдаты. В тылу почти все крестьяне носят сапоги казенного образца, теперь юбки у крестьянок сшиты из солдатских палаток; спросишь: “Где взяла?”, ответ: “Был герман, оставил палатку, из которой сшила юбку”. Или казак подарил германскую палатку»⁸¹.

24 июля 1916 г.: «В полках от дивизионного интенданта получили приказ по Юго-Западному фронту от 16 мая с.г. с инструкцией, как шить сапоги с подметками из старой кожи, из старого брезента, из тряпок и из веревок, а для изучения работы... из полков были командированы в Смоленск по два сапожника. Интендантство обещало прислать лапти — до сих пор шьют; австрийцы также пользовались лаптями, после них осталось много старых ношенных лаптей, австрийские лапти похожи на туфли для купания, плетенные из травы, но эти сделаны тоже из лыка»⁸².

31 июля 1916 г.: «Вчера получили для обозных лапти, а лапти те, интендантские, плохи и много мелких, лето кончается, а лапти выдают, даже нижние чины остряют: германцы сбросили с аэроплана будто-бы 200 пар лаптей с запиской: “Сняты с Ваших пленных, а взамен лаптей им выданы сапоги”»⁸³.

Время от времени (например, к Рождеству, к Пасхе и т.д.) служивых баловали подарками разные благотворительные организации. Но не все они доходили до солдатской окопной массы. Самое ценное «прилипало к рукам» тыловых служб, оседало в штабах. Прапорщик М. Исаев 19 октября 1915 г. писал с Кавказского фронта: «Возвращаюсь к подаркам. Прочел вчера случайно, что в конце сентября из Москвы привезли для Кавказского фронта целых 23 вагона... Что-то до нас доедет? Вчера мне жаловались артиллеристы, что как-то из подарков получили меховые куртки штабные отряда, а им шиш с маслом. И поэтому, если действительно хотите иметь уверенность, что подарки дошли до тех, кто в них наиболее нуждается, то надо доезжать до позиций, а не сдавать в штабы. Неужели наша команда не заслужила доли внимания со стороны общества? Три месяца походной жизни, без какого бы то ни было отдыха. Правда, только и есть, что один бой, и, слава богу, нет раненых и убитых. Но зато: за 3 месяца из 72 нижних чинов — перебывало на госпитальном лечении 18 (10 и сейчас в госпитале), из них один умер от тифа»⁸⁴.

Можно по-разному оценивать эффективность интендантских служб Русской армии в период Первой мировой войны, приводить статистику произведенного и доставленного на фронт продуктового и вещевого довольствия, но мнение окопных сидельцев всегда будет противоречить самым благополучным отчетам и цифрам, потому что каждый день задержки обоза, не важно, по чьей вине — вороватых интендантов, ленивых обозников, дорожной распутицы или вражеской артиллерии, — солдаты ощущали на собственной

шкуре, вынужденные не только постоянно рисковать своей жизнью, но при этом довольно часто голодать и холодать.

Во многих письмах фронтовиков упоминается также *денежное довольствие*. Как правило, речь идет о том, что армия обеспечивает всем необходимым, деньги на фронте не слишком нужны и их оправляют по аттестату семьям, но выдача жалованья происходит нерегулярно. Так, унтер-офицер И. Чернецов пишет домой 12 ноября 1914 г.: «Деньги я еще до сих пор не получил, но оказалось, что пока их и не нужно, потому что решительно не на что их тратить, а у меня еще есть 25 рублей». 17 января 1915 г. он сообщает сестре: «Милая Лиза! На днях я послал домой 150 рублей, которые скопились из жалованья, да еще оставшиеся, которые были присланы из дома. Оставил себе 30 рублей на расходы, которых теперь почти нет, только иногда расходуешь на ситный. Больше решительно не на что их тратить... Жалованья я получаю теперь 38 рублей 75 копеек и еще 1 рубль 50 копеек...»⁸⁵. Прапорщик А. Жиглинский пишет матери 22 марта 1916 г.: «Послал сегодня деньги для получения по аттестату. — ты получишь порядком за это время», а 31 мая 1916 г. сокрушается: «Денег так и нет, не выдавали. Сам сижу без копейки»⁸⁶.

Еще один важный вопрос фронтового быта — *устройство жилья*. Здесь существовали значительные отличия для рядового состава и офицеров, представителей разных родов войск, для тех, кто воевал на европейском театре военных действий и на «периферийном» Кавказском фронте. На формы и способы обустройства влияли природно-климатические условия и времена года. Войска, следующие к фронту, располагались на постой в населенных пунктах, в жилищах местных жителей самых разных сословий. Это могла быть и крестьянская халупа, и баронский замок. Лучшие помещения занимали офицеры. Естественно, в различных условиях находились непосредственно на передовой и в резерве, куда войска отводили на отдых.

Вот как описывает солдатское жилье прапорщик Ф. Степун 28 октября 1914 г.: «Вдоль той дороги, по которой мы двигались, были расположены небольшие пехотные окопы, оказалось, что это прикрытие нашей артиллерии. Что-то нас задержало, и мы остановились; я долго беседовал с солдатами. Каждый из них живет в небольшой яме. Яма сверху наполовину прикрыта досками, внутри каждой ямы сложена из трех-четырех кирпичей печь. Была ночь; в каждой яме, в каждой печи горел огонь, и странно — мною этот огонь определенно ощущался, как огонь родного очага, и эта яма, как дом и твердыня, как кров и уют. Мне, никогда еще не выдавшему позиции, стали

впервые понятны рассказы участников японской кампании о том, как солдаты и офицеры привыкают к своим устанным соломоу ямам, как любят они их, спасающих от раны и смерти»⁸⁷.

Совсем иные впечатления высказывает в своих записках за ноябрь 1914 г. Д. Оськин, начинавший службу рядовым солдатом и успевший пожить в такого рода жилищах до того, как стал прапорщиком: «Жизнь в окопах, в близком соседстве от немцев, держала нас постоянно настороже — каждую минуту можно было ожидать наступления с их стороны, и мы спали, не раздеваясь. Самые окопы были очень неудобны и скорее напоминали зигзагообразные канавы. Рядом с окопами солдаты сами, без каких-либо указаний саперных частей, вырыли землянки — глубокие ямы, прикрытые несколькими слоями бревен, пересыпанных слоями земли. Здесь мы чувствовали себя достаточно укрытыми от снарядов, но зато не было никакого спасения от холода. Пролежать целый день в землянке было совершенно невозможно — приходилось выбегать наружу и согреваться бегом на месте. Сначала мы попробовали было устроить нечто вроде печей, но временно командующий батальоном полковник Иванов, заметив дым над землянками, строжайше запретил разводить огонь, так как немцы, мол, по дыму обнаружат месторасположение окопов и начнут артиллерийский обстрел. На наш взгляд, это запрещение казалось совершенно бессмысленным — немцам все равно было известно наше расположение, так же как и мы знали, где расположены окопы немцев. Досаднее же всего было то, что над немецкими окопами мы с утра и до вечера видели дым. Очевидно, они нисколько не боялись отапливать свои убежища... Неподвижное сидение на мерзлой земле во время сильных морозов вызвало среди солдат заболевания. Люди десятками выбывали из строя — у меня из взвода ежедневно по несколько человек уходило на перевязочный пункт с отмороженными пальцами рук и ног»⁸⁸.

Похожую картину рисует В.В. Вишневский, описывая движение войск к Карпатам в начале кампании 1915 г.: «В так называемых тесных районах квартирования приходилось по шестьдесят человек на избу... Там же, где люди не вмещались в стодолы и топтались на холоде, ожидая приказаний, штабы, устроившиеся в фольварках — господских усадьбах, — приказывали им располагаться бивуаком. Солдаты расстилали, следуя передаваемому из поколения в поколение солдатскому правилу, половину своих шинелей на снег, ложились на них, тесно прижавшись друг к другу, и укутывались другой половиной шинелей. В темноте по снежным полям дребез-

жа пробирались походные кухни и кормили остывшим серым супом вылезавших из-под шинелей, дрожащих от холода солдат. Горели костры, сложенные из разломанных изгородей»⁸⁹.

А вот опыт артиллерийского офицера А. Жиглинского. В письме от 9 февраля 1916 г. он писал: «В обозе скучно. Единственное развлечение — чтение и поездки в отряд, в батарею... В халупе у меня довольно уютно. Глиняный пол я устлал здешними “фабрыными” холстами, кровать огородил полотнищами палаток. На стенах — картинки Борзова “Времена года”, портреты Государя, кривое зеркальце, полукатолические бумажные иконы, оружие, платье, гитара, окна завешены холстом. В углу глинобитная, выбеленная печь. На столе горит свеча в самодельном подсвечнике из банки из-под какао, лежат газеты, бумаги и рапорты, книги и карандаши и т.д. На улице холодно, сыпется сухой снег и повеваает метелица. В печке весело потрескивают дрова и золотят блеском огня пол, скамьи вдоль стены. За дверью, на кухне слышны голоса мирно беседующих хозяев и денщика»⁹⁰. Он же, находясь на передовой, 31 мая 1916 г. писал: «10 часов вечера, уже темно. Вдали гремит канонада — уже часа три без перерыва. Я сижу в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок. Ход сообщения ведет к орудийному блиндажу. На столе — бутылка, увы, молока, хлеб и свеча»⁹¹.

Индивидуальный опыт каждого участника войны был весьма разнообразен. Даже рядовые, в зависимости от того, на каком участке фронта и в какой период войны они находились, могли время от времени пребывать в довольно комфортных «жилищных условиях», как и офицеры — ночевать под дождем, мерзнуть в окопах, неделями не снимать сапоги... Л. Войтоловский вспоминал отступление сентября 1915 г. по Полесским болотам: «Холодно. Дождь ледящими струями забирается под рубашку, и мечта о пристанище и тепле мучает еще неотвязнее, чем голод. Целый день плетемся по вязким лесным дорогам. Неужели опять ночевать в лесу под холодным дождем?

...Жалкая деревушка. Сотни людей летят со всех ног на заветные огоньки.

— Поставить часовых у дверей! Никого не пускать! — распоряжается Кузнецов.

И мы вваливаемся в крохотную лесную сторожку, где застаем уже двух офицеров, полкового монаха и сторожа с кучей детей»⁹².

Война всегда оставалась не только опасным, но и напряженным, истощающим физические силы и психику человека трудом.

Минуты затишья могли сменяться внезапными периодами напряженных боев. Поэтому *отдых* и, прежде всего, элементарный *сон* так ценились на фронте. «Война выработала привычку спать при всяком шуме, вплоть до грохота ближайших батарей, и в то же время научила моментально вскакивать от самого тихого непосредственного обращения к себе»⁹³, — вспоминал Г.Н. Чемоданов.

«В окопах все наоборот, — писал В. Арамилев. — Ночь и день поменялись ролями. Ночью мы бодрствуем, а днем спим. Первое время чрезвычайно трудно приучить себя к такой простой вещи. Ночью клонит ко сну, днем трещит голова. Да и трудно заснуть в связывающей тело одежде, в сапогах. Когда неделю не разуваешься — сапоги кажутся стопудовыми гирями, их ненавидишь, как злейшего врага. А распоясываться, когда противник находится в ста шагах, нельзя... Все помешались на неожиданной атаке. Ее ждут с часу на час. И потому неделями нельзя ни раздеваться, ни разуваться»⁹⁴. После боевой вылазки, получив приказ «Марш отдыхать в землянку!», «стряхивая с себя налипшую грязь, заползаем каждый в свое неудобное логово, чтобы забыться на несколько часов в коротком сне»⁹⁵.

Но существовали и другие формы проведения досуга, во всяком случае для командного состава. В Русской армии были распространены *полковые собрания*, где в периоды затишья офицеры могли отдохнуть. Вот как описывает царившую в них атмосферу прапорщик А.Н. Жиглинский в письме к матери от 9 февраля 1916 г.: «Побывайте в собрании любого из полков, любой бригады! — Узкая, длинная землянка, стены обшиты досками и изукрашены национальными лентами, вензелями и гирляндами из елок. Душно, накурено. Офицерство попивает чай, играет в карты, в разные игры, вроде скачек, “трик-трак” и т.д. Шахматы, шашки... В одном углу взрывы смеха — там молодой артиллерист тешит компанию сочными анекдотами. Веселый, тучный полковник с Георгием прислушивается, крутит головой, улыбаясь, между ходом партнера и своим. Вот он же затягивает своим симпатичным, бархатным баритоном “Вниз по Волге-реке” и тотчас десяток-другой голосов подхватывает: “...выплывали стружки...” Поет и седой генерал, и молодой прапор... За длинным, самодельным белым столом сидит не случайная компания, а милая, хорошая семья. Главное — дружная... Соединила всех не попойка, не общее горе, — всех соединил долг и общее дело...»⁹⁶

Что касается рядовых, то, естественно, именно служба занимала основную часть солдатского времени, особенно в период активных боевых действий (наступления, обороны, отступления) или во вре-

мя подготовки к ним. Но нередко были и особые периоды позиционного этапа войны или нахождения в резерве, когда заполнить время было очень сложно. И тогда одной из главных проблем становилась элементарная скука, однообразие, невозможность найти достаточно целесообразных занятий для солдатской массы. Люди были рады любому развлечению.

Особое место на фронте занимали *праздники*. Их ждали, к ним готовились, их отмечали — насколько это позволяла обстановка. Они символизировали связь с довоенным прошлым, с семьей и домом, вносили атмосферу радости в тревожную и тягостную повседневность войны.

Так, 4 декабря 1914 г. унтер-офицер И. Чернецов заказал родным целый список разносолов и вкусностей для Рождественского стола: «Если вы захотите чего-нибудь послать мне, то только что-нибудь из съестного, например: колбасы копченой (краковской), сыру, грудинки копченой, ветчинной колбасы, копченых селедок 2—3 и вообще разных копченых рыбных и мясных товаров; рыбных и мясных консервов (американская лососина, шпроты и разные другие). Хорошо бы прислать кеты соленой, но она, пожалуй, дорогой испортится. Можно прислать сухарей, фунта 3—4, или даже лучше сухарных обрезков (какие прислала Ольга Ивановна), прислать можно баранок; пришлите полфунта какао и каких-нибудь дешевых конфеток (1 фунт, кислых монпасье или прессованное монпасье). <...> Дорогая Лиза! Хорошо бы мамаша испекла бы своих знаменитых оладьев, которые хотя и зачерствели бы дорогой, но, я думаю, не очень; да, наконец, их можно здесь разогреть. Попроси об этом мамашу, а еще, может быть, она испечет лепешек на сале (таких, какие пекла бабушка, — песочные), они совершенно не черствеют и хорошо выдержат дальний путь... Чаю и сахару мне не надо, этого у нас выдают очень много, так что солдаты пьют чай в накладку. Сахар и чай жертвованный»⁹⁷. 22 декабря 1914 г. он пишет сестре: «Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте также спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год... Послали мы сообщца (все солдаты нашего второго взвода) одного человека за покупками к празднику Рождества Христова в

г. Сувалки; покупки — исключительно съестное: ситный, колбаса вареная, копченая, сливочное масло, сыр»⁹⁸. А затем сообщает: «Рождество нам придется встречать и провести на передних позициях. Жаль очень, что не придется сходить к Всенощной»⁹⁹.

Следующее письмо И. Чернецова — от 29 декабря 1914 г. — содержит подробный отчет о прошедшем празднике и описание мыслей и чувств, испытанных в этот день: «Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи. 27-го декабря мы ушли с передних позиций на вторую линию обороны на отдых, где и начали справлять праздник, который нам пришлось пробывать на позициях впереди. Посланный нами солдат приехал и привез из Сувалок все, что каждый солдат заказывал себе на праздник.

Находясь на позиции в сочельник вечером, как-то невольно мыслями переносился к вам в Москву. Живо представлялся вечер этот, как он проходит в Москве: сначала суетня на улицах, потом прекращение движения трамвая и постепенное прекращение уличной суеты, и, наконец, начинается звон в церквях, какой-то торжественный, праздничный, начало службы великим повечерием и, наконец, всенощная. Народ по окончании высыпает из церквей и расходится в радостном праздничном настроении. Здесь же было совершенно тихо и у нас, и у немцев, и даже в воздухе. Ночь была звездная и нехолодная, и эта тишина особенно нагоняла грусть, и сильнее чувствовалась оторванность от вас»¹⁰⁰.

Прапорщик Ф. Степун в письме к жене от 26 декабря 1914 г. также описывает атмосферу праздника: «...В сочельник, как раз к только что зажженной елке, подоспел с рождественскими подарками и посылками солдатам и нам что-то загостившийся у вас в Москве П.А. Мы мгновенно взломали ящики, и наш рождественский стол, за полчаса перед тем унылый и пустынный, словно по мановению ска-терти-самобранки, превратился в нечто неопишное, в какой-то гастрономический цветник. По сосновым полкам над постелями каждого из нас выросли батареи ароматических бутылок с одеколоном, вежеталем и духами и стопы книг и папиросных коробок... Когда все мы, наконец, сели за стол, то настроение оказалось безгранично веселым. Впоследствии оно еще повысилось: разведчики пели хором сибирские песни, а галичане-хыровцы пришли с медведем и козой.

Впрочем, всем было не только весело, у каждого на сердце жил свой минорный подголосок. Каждому вспоминалось многое свое, и каждый по-настоящему не понимал, где он и что с ним происходит...»¹⁰¹.

А вот рядовой Д. Оськин 26 декабря 1914 г. сделал в своем дневнике отнюдь не праздничную запись: «В ночь под Рождество наш отдых окончился. Полк двинули ближе к позициям, и ночевать нам пришлось в крошечной деревушке, все хаты которой были заняты штабом и офицерами: солдатам пришлось размещаться по стодолам¹⁰². На долю нашей роты выпал собственно даже не стол, а нечто вроде навеса, ничем не защищенного с боков — не было даже плетней. В лучшем случае этот навес мог бы защитить от дождя, но никак не от холода. Он был совершенно пуст, и нам предстояло или провести ночь на ногах или же ложиться, прижавшись друг к другу, прямо на мерзлую землю.

Теплая погода давно уже была позабыта — снова стояли лютые морозы. Солдаты сразу же стали зябнуть. У всех мерзли ноги и руки, синели лица, и если кто-нибудь от усталости решался сесть на землю, то не мог просидеть и нескольких минут — вскакивал и начинал бегать по стодолу или вокруг него. Находившаяся поблизости небольшая халупа, занятая офицерами, казалась нам чем-то вроде недосягаемого дворца. Под всевозможными предложениями солдаты старались забежать на несколько минут в эту хату, чтобы хоть чуточку погреться, но хата была настолько мала, что даже разместившиеся в ней офицеры лежали просто на полу. Чердак был занят “привилегированными”, вроде ротных санитаров, ротного писаря, фельдшера и каптенармуса. С нетерпением ждали мы утра, чтобы избавиться от мучений. Нам казалось, что даже в окопах, как ни будь они плохи и опасны для жизни, будет теплее»¹⁰³.

25 декабря 1915 г. оставил дневниковую запись о Рождестве прапорщик Бакулин: «Для первого дня праздника погода стоит гнилая, вот уже 3-й день тает. И весь снег сошел. Солдатам делают везде елку, выписали гостинцы, как-то: орехи, пряники, конфеты-леденцы. Выдан белый хлеб, колбаса и улучшена пища. Также украшают елки, с которых раздают гармонии, балалайки, ножички, ложки, зажигалки, папиросы, бумагу, конверты и всевозможную мелочь. Это вносит веселье и радость, а то все однообразие до одури»¹⁰⁴.

А вот описание им Пасхи выглядит достаточно скучным. 23 марта 1915 г. он записал: «Встретили Пасху невесело, церковной службы не было, костела вблизи тоже нет. Собрались все в нашем собрании, название громкое, но помещение весьма плохое, похристосовались в

час ночи на 22 марта, разговелись, так как кулич на Пасху имели из Белостока, в третьем часу разошлись по домам...»¹⁰⁵

Без праздничного энтузиазма описывает евхаристию на пасху 1916 г. В.П. Катаев: «Ранним утром нас вызвали из землянок в “церковь”. ...На площадке толпа серых шинелей, потемневших от дождя. Вхожу в эту толпу; стоим лицом к хвойной арке, откуда, из-под козырька орудия, доносится голос бригадного священника. Он громко читает молитву. После этого мы по очереди к походному окладному алтарю: высокие козлы с брезентовым верхом, где лежит Евангелие. Видно, как священник, в теплой рясе с каким-то военным орденом, взмахивает епитрахилью, накрывает чью-то стриженую солдатскую голову, кладет на нее крестное знамение и наскоро бормочет невнятную формулу отпущения грехов, в которой улавливаю только “да простит господь Бог”. Склоненная голова без головного убора поднимается, рука крестит лоб, а фигура в мокрой шинели, согнувшись, отходит в сторону, давая место другой мокрой фигуре. Собственно, исповеди никакой нет. Одна формальность. Все делается быстро, по-походному. Вот тебе и отпущение грехов. А каких, собственно, грехов? Какие грехи у солдат? По окончании исповеди минут через пятнадцать краткая речь священника отца Аркадия и сейчас же без промедления причастие, совершающееся так же быстро, автоматически, как и исповедь»¹⁰⁶.

Иначе встретил Пасху Ф. Степун. 28 марта 1915 г. он пишет жене подробнейшее письмо с рассказом о своих впечатлениях: «21-го, т.е. в Страстную субботу, нам была неожиданная радость. В то время, как я был на наблюдательном пункте, мне вдруг потелефонили с батареи, что прибыл полковник, командир казачьего дивизиона, который просит меня спуститься вниз. От себя телефонист радостно прибавляет, что “слышно, нас сменяют”. Я кубарем качусь на батарею и обстоятельно докладываю полковнику всю обстановку..

В шесть вечера казаки с гиком и свистом нагаек поднимают свои орудия на гору, а я сажусь верхом и барином еду вниз. Приехав, я застаю у себя в комнате привезённые из Москвы Грациановым ящики. Настроение у меня самое светлое, самое пасхальное. Семён тащит воды холодной и тёплой и готовит шампунь для головы, бритву-жилет, одеколон. На койке он раскладывает чистое белье, новую кожаную куртку, новые перчатки и новый стек, все подарки, привезенные В.И. Как хорошо, что всё пришло так вовремя, как вдвое хорошо, что под Светлое Воскресение судьба разъединила меня и пушки.

Я тщательно моюсь, бреюсь и медленно одеваюсь... Мой туалет завершают фиалки, которые живо напоминают мне твои единообразно-изящные шляпы и весь твой пленительный образ; на шелковом платке присланные тобою духи...

В девять мы сели за лёгкий обед, новый командир, Вильзар, я и двое гостей. Пообедав, мы окончательно прибрали комнату, накрыли пасхальный стол: кулич и пасха, присланные из Москвы, пасха, “сооружённая” нашим хозяйственным командиром, львовский окорок ветчины... яйца, очень удачно выкрашенные луком, красными канцелярскими чернилами и лиловой мастикой для казённых печатей, две бутылки вина (Вильзар получил красное, а я твоё “Опорто”) и бездна всяких сладостей.

В одиннадцать мы поехали в Свидник, небольшой, окончательно разрушенный и нами, и австрийцами городок (в нем штаб дивизии и управление бригады), в котором была назначена служба...

Ночь была чудная: тёплая, тихая, звёздная, полная немых надежд и тихих упований. Я ехал всё время шагом. Колесников далеко позади, так что я еле слышал переступанье его лошади. Каждый по-своему думал о своём...

Приехав в Свидник, мы зашли в управление бригады, откуда целою гурьбой направились в церковь. Старая, причудливая, она смутно выделялась своими белыми стенами из сумрака ещё безлунной ночи и заунывно звала своим великопостным звоном.

Церковь была полна солдат, лишь кое-где по углам, при входе, притаилось несколько галичан в белых расшитых костюмах. Мы прошли вперед; в левом пределе собралось все офицерство с начальником дивизии во главе. Началась служба. Мы отстояли только заутреню (командир очень спешил домой), похристосовались друг с другом и вышли. Месяц стоял уже высоко на небе. Само небо было светлее, глубина ночи — мельче. Было два часа утра. Чувствовалось, что ночь идёт на убыль и что завтра взойдёт светлый, солнечный день, светлое Христово Воскресение.

Разговевшись дома, мы поздно легли спать и проснулись... лишь к десяти утра. За окнами виднелось яркое синее небо. Золотые снопы солнечных лучей жарко горели на нашем самоваре и светлыми зайчиками дрожали на потолке. Слышалась лихая гармоника и неустанный топот солдатской пляски.

Одевшись, я вышел на шоссе в деревню. Картина была крайне живописная: всюду пестрые группы галичан, — женщины, дети и старики, краснопапашечные казаки в лихих вихрах, нарядные гу-

сарские мундиры и наши серые артиллеристы, все это, забыв все, кроме того, что нынче праздник, жило одною, общей жизнью, пело, плясало, гуторило, смеялось.

После чая мы с Вильзаром велели оседлать лошадей и в самом безоблачном настроении поехали опять в Свидник с визитами к начальству. Но тут нас ждало жестокое разочарование. Оказалось, что нам сегодня же нужно двигаться вниз по фронту, чтобы 23-го на рассвете принять участие в назначенном всеобщем наступлении»¹⁰⁷.

Другой офицер М. Исаев 21 марта 1916 г. писал своим детям с Кавказского фронта: «Вы вот спали под Пасху в теплых своих кроватках, а в это время сколько и солдат, и казаков стояло на часах. Стоят и всматриваются в ночную темь, прислушиваются, не подползает ли враг. А сами думают, что где-то далеко-далеко в их селах и станицах их близкие молятся в храмах, поют: “Христос Воскресе”. Вспоминают солдаты, как они когда-то вместе со своей семьей встречали Пасху, и теплится в их сердце вера, что придет время и вернутся они к своим...»¹⁰⁸

Непосредственное отношение к военной повседневности имеют проблемы, связанные с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью вспышек *инфекционных заболеваний*. Они особенно остры для массовых войн, затрагивающих не только собственно армейский контингент, но и массы гражданского населения. Гигантская миграция огромнейших людских масс (передвижения воинских частей, эвакуация раненых в тыл и возвращение выздоровевших в действующую армию, перемещение гражданского населения из прифронтовых районов в глубь страны, из городов в деревни и обратно) в сочетании с резкой перенаселенностью, нехваткой жилья, катастрофическим ухудшением условий жизни и голодом, — все эти факторы являются пусковым механизмом для развития эпидемических болезней. На протяжении многих столетий действовал неотвратимый закон: войны всегда сопровождались эпидемиями.

В Первую мировую войну одной из главных проблем, связанной с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью инфекционных заболеваний, была борьба с педикулезом, постоянно угрожавшим массовыми вспышками эпидемий, прежде всего сыпного тифа. Опасность усиливалась позиционным характером войны: войска долгими месяцами пребывали в одних и тех же окопах и землянках, которые вместе с людьми обживали и насекомые-паразиты. «Все помешались на неожиданной атаке. Ее

ждут с часу на час. И поэтому неделями нельзя ни раздеваться, ни разуваться, — вспоминал о жизни в окопах В. Арамилев. — В геометрической прогрессии размножаются вши. Это настоящий бич окопной войны. Нет от них спасения. Некоторые стрелки не обращают на вшей внимания. Вши безмятежно пасутся на поверхности шинели и гимнастерки, в бороде, в бровях. Другие — я в том числе — ежедневно устраивают ловлю и избиение вшей. Но это не помогает. Чем больше их бьешь — тем больше они плодятся и неистовствуют. Я расчесал все тело... Охота на вшей, нытье и разговоры — всё это повторяется ежедневно и утомляет своим однообразием»¹⁰⁹. Таким образом, бытовая проблема не только имела самостоятельное значение (санитарные потери снижали боеспособность войск), но и перерастала в проблему психологическую, подрывая моральный и боевой дух личного состава.

Впрочем, не менее грозными в той войне были желудочные инфекции, особенно брюшной тиф, холера и дизентерия, преследовавшие русскую армию на протяжении всей войны, но особенно на заключительной ее стадии, когда происходил развал армии, систем управления и снабжения, а также медицинской службы.

Вот как описывают случаи с заболеваниями холерой участники войны. Д.Оськин писал в декабре 1914 г. с Юго-Западного фронта: «Когда после нескольких дней похода мы приблизились к устью реки Ниды, в полку обнаружили заболевания холерой. Сначала заболевания носили единичный характер, но чем ближе подходили мы к устью Ниды, тем больше и больше заболело народу. Наконец, по распоряжению свыше, полк был назначен в карантин. Для этого заняли одну из деревень. Вокруг деревни была выставлена охрана, никого не пропускавшая за околицу. В какие-нибудь три-четыре дня слегла половина полка. Хаты, в отведенном для больных конце деревни, были набиты до отказа, и нельзя было без содрогания смотреть на все, что делалось внутри их. Люди корчились в судорогах, извиваясь всем телом и изрыгая остатки пищи. Многих, не евших уже в течение нескольких дней, рвало какой-то страшной зеленой жидкостью. Лица больных, острые, бледно-синие, казались неживыми, и лишь судорожные движения, вызванные рвотой, указывали, что они еще живы. Полковые санитары сбивались с ног, бегая от одного больного к другому.

Когда, благодаря принятым мерам, холерные заболевания пошли на убыль, поступило распоряжение двигаться дальше, по направлению к Новому Корченю.

Раньше я думал, что заболевания холерой непременно кончатся смертью. Однако, на деле это было далеко не так. Солдаты, заболевшие в походе, догнали нас в Новом Корчене уже совсем здоровыми. Крепкий организм побеждал холеру не более чем в две недели. Больше всего смертных случаев было с солдатами-татарами. Чем объяснить это — не знаю.

В Новый Корчень мы вступили за несколько дней до Рождества. Нас на первое время оставили в резерве, чтобы дать солдатам отдохнуть после эпидемии»¹¹⁰.

Фронтальная мораль

«Война приводит к ожесточению сердец и падению нравов» — эта старая истина в полной мере проявила себя и в Первую мировую войну, обострившую до предела многие социальные язвы, разрушившую нравственные барьеры, совершившую переворот в сознании миллионов людей. «Пограничное, пороговое состояние особенно ярко проявляется во время войны — в период испытания всех сил личности и ценностей, связывающих ее с социумом, выявления самой сущности человека. Современная война, ведущаяся техническими средствами, ставит каждого перед выбором: утраты человеческого, ухода в болезнь, или подчинения ритму, духу, законам войны... Первая мировая война для русского комбатанта имела особое значение. Для России она являлась первой современной войной “нового типа”. С другой стороны, солдат, как и все российское общество, не был к такой войне готов, прежде всего, в силу несовпадения культурной организации общества и характера войны. Результатом этого неминуемо должен был стать культурный шок, который ощутили миллионы солдат, очутившиеся на театре военных действий»¹¹¹.

«Такова война: здесь чувствуешь только то, с чем сейчас приходишь в соприкосновение. Живешь только тем, что волнует сию минуту, — писал Л. Войтоловский. — Вчера и завтра — слова, незнакомые войне. Будущее — это золотая химера, в которую верят одни младенцы. Прошлое — даже то, что происходило совсем недавно, — представляется далеким полузабытым сном. Да и вся война — это какой-то страшный сон наяву. Мир, оторвавшийся от тысячелетних привычек и убеждений и напоенный блеском и радостью обманов, лжи и пороков. Старые заповеди: не убий, не укради, не пожелай ни вола, ни осла своего ближнего — здесь, на фронте, звучат как злая

насмешка. Кто хочет побеждать, тот не станет грезить о пустяках, тот смело хватается за меч. Таков душевный строй на войне, и в этом наше спасение. Если бы мы лишены были этой способности перевооружаться новыми догмами применительно к новому бытию, людям ничего бы не оставалось, как поминутно сходить с ума от грубых противоречий между претензиями фальшивого тыла и требованием повелительных пушек»¹¹².

Самым распространенным проявлением асоциального, с точки зрения обывателей, поведения, а на деле — попыткой снятия боевых стрессов наиболее простым, доступным и привычным способом, явилось массовое *пьянство* в рядах действующей армии, которое не смог обуздать даже введенный в России сухой закон.

18 июля 1914 г., в связи с начавшейся войной, царское правительство ввело запрет на продажу алкоголя на время мобилизации, который в конце августа был продлён «до окончания войны». Впрочем, запрет не распространялся на продажу церковного вина в храмах и всех видов спиртных напитков в ресторанах первого разряда, буфетах при собраниях и клубах, то есть питейных заведениях для состоятельных сословий. Производство спиртного было свернуто, но виноторговцы сохраняли право торговли винами довоенного производства. Сухой закон коснулся в основном «рабочей скотинки», низов общества. В деревнях же возросло самогоноварение.

Что касается армии, то еще в 1908 г. была отменена «винная порция»: выдача водки нижним чинам была воспрещена, и она была изъята из продаж в солдатских буфетах и лавках. «Начальникам всех степеней было запрещено по своему усмотрению давать водку нижним чинам части в военное и мирное время; выдача ее допускалась лишь отдельным нижним чинам в виде лекарства. Винную порцию разрешалось, однако, заменять легким виноградным вином, пивом или улучшенной пищей по усмотрению, в зависимости от времени года, условий квартирования и пр.»¹¹³.

С начала войны спирт поставлялся только в госпитали и лазареты, а солдаты и, главным образом, офицеры с трудом доставали горячительные напитки «по случаю», чтобы отметить праздники, расслабиться на отдыхе или просто согреться. Зато тогда же, при отсутствии достаточного количества спиртного в условиях боевых стрессов, появились морфинисты и кокаинисты: сравнительно доступный в то время наркотик заполнил образовавшуюся пустоту.

Упоминания о спиртном в разных обстоятельствах фронтовой жизни часто встречаются в дневниках прапорщика Бакулина:

9 ноября 1914 г.: «Солдаты обыскали немецкие ранцы, хлеба не было, было сало фунтов 5, у некоторых консервы, какая-то мазь в баночках, которую солдаты пробовали на язык, сначала мазнув пальцем по мази, а потом палец на язык, оказалась несъедобная, а противная, как мне говорили некоторые из солдат. Во флягах была водка, которую “землячки” тоже попробовали, тоже не одобрили, “больно крепка, да очень сладка, так, что противно”»¹¹⁴.

25 марта 1916 г.: «Карточная игра и пьянство в войсках процветают... Игры, понятно, азартные. Пьют коньяк, так как с разными ухищрениями его достать сложно, достают по рецептам военных докторов... по высокой цене у торговцев. Также теперь стал в большом ходу спирт, который легче достать, чем коньяк... Иногда приходится доставлять водку казенную и теперь, кто ее пьет, заявляет, что она слаба и ее тоже сдабривает спиртом, чтоб была крепче»¹¹⁵.

14 июня 1916 г.: «Один из наших полков 50-й дивизии отбил 20 бочек рому. Вообще, в Луцке было оставлено вина много, но как явился интендант, то все было конфисковано, и он уже продавал всем желающим офицерам коньяк и ром по 5 руб. за бутылку, и, так как спрос был велик, то цену увеличил до 10 руб., а теперь совсем не продает. Вырученные за вино деньги, якобы пошли в государственный доход. Вряд ли все, а так, крохи в доход попадут»¹¹⁶.

23 ноября 1916 г.: «В Луцке одеколон можно покупать с разрешения коменданта. Корпусной врач, большой специалист по спирту, возмущен тем, что теперь спирт доставляется в лазареты госпиталя с примесью эфира. “Черт знает что, — восклицает врач, — сами выпивают, и чтоб погасить убыль, подливают эфир — даже пить нельзя”»¹¹⁷.

26 марта 1917 г.: «Сегодня еще разбили погреб с вином, вино выпустили на землю и тут черпали прямо с грязью. Мой взвод весь перепился. Одним словом, все солдаты пьянствуют и дебоширят. Разыскивают у жителей вино и прямо увозят, а жители, у которых тащат вино, указывают на других, у кого еще вино есть — так беспрерывно и идет...»¹¹⁸.

Весьма неприглядную картину периода отступления в сентябре 1915 г. в Полесье рисует Л. Войтоловский: «Варынки, Васюки, Гарасюки... В воздухе пахнет сивушным маслом и спиртом. Кругом винокуренные заводы. Миллионами ведер водку выпускают в пруды и каналы. Солдаты черпают из канав эту грязную жижу и фильтруют ее на масках противогазов. Или, припав к грязной луже, пьют до озверения, до смерти. Земля вся пропитана спир-

том. Во многих местах достаточно сделать ямку, копнуть каблуком в песке, чтобы она наполнилась спиртом. Пьяные полки и дивизии превращаются в банды мародеров и на всем пути устраивают грабежи и погромы. Особенно буйствуют казаки. Не щадя ни пола, ни возраста, они обирают до нитки все деревни и превращают в развалины еврейские местечки... Пьяный разгул принимает дикие размеры. Пьянствуют все — от солдата до штабного генерала. Офицерам спирт отпускают целыми ведрами. Каждая часть придумывает всевозможные предлоги для устройства официальных попок. В одном месте батарея 49-й бригады вспомнила о своем батарейном празднике и остановилась в лесу, в стороне от дороги. На высоких соснах кое-как примостили наблюдательные пункты. Раскинулись пикником на травке. Мобилизовали всех поваров. Вытащили спирт. Вдруг обстрел. Кто-то из офицеров залез под зарядный ящик. Снарядом ящик зажгло. Все растерялись. Фейерверкер по имени Новак, рискуя собственной головой, откатил ящик и вытащил офицера. Батарея спешно передвинулась на другое место. Когда послали за спиртом, спирта не оказалось. По постановлению офицеров всех поваров пороли, но спирта так и не нашли.

Пьяные солдаты совершенно вышли из повиновения. Самые солидные из наших артиллеристов ходят пошатываясь. Щеголеватый Блинов попался мне на днях на глаза в ужасном виде: весь грязный и с большим синяком под глазом.

— И вам не стыдно, Блинов? — упрекнул я его.

— Виноват! — ответил он заплетающимся языком. — Водка рот вяжет, а душу тешит...»¹¹⁹

О захваченных во взятых городах запасах горячительных напитков упоминает прапорщик Д. Оськин: «Радзивиллов быстро разрушается. Почти каждый день то в одном, то в другом конце города случаются пожары от неосторожного обращения наших солдат с печами, в которых они приготавливают пищу, не довольствуясь обедами из походной кухни... В подвалах солдаты находят водку и вина. Пока об этом неизвестно офицерам, солдаты напиваются сами, но по мере обнаружения вино и водка забираются в офицерское собрание»¹²⁰. И легко находит оправдание подобному поведению: «Наш полк к семи часам утра вошел в город. Потери колоссальные... Единственной наградой оставшимся в живых была масса захваченных в Бродах наливок, настоек, ликеров. Три-четыре дня стояния в резерве все офицеры полка были пьяны. Пили, пока не уничтожили всего запаса»¹²¹.

Кстати, неприятель нередко использовал тягу к алкоголю как средство нанесения урона личному составу противоборствующей стороны: в документах упоминаются факты, когда немецкие и австрийские войска специально оставляли при отступлении или подбрасывали к русским позициям бутылки с отравленным спиртным.

Другой вопрос связан с гендерными отношениями в условиях войны и *половой распущенностью*.

Первая мировая вызвала всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Циничная солдатская присказка гласила: «Без бабы и без вина и война не нужна»¹²². «Среди солдат получили распространение порнографические открытки и фотографии, которые в большом количестве пересылались из Франции. Многие офицеры писали письма своим женам и подругам каждый день, нумеровали их (были за 300 номеров и больше). Цензора отмечали подробности таких писем, до которых “никакой Мопассан не додумывался”»¹²³.

Беспорядочные интимные связи с женщинами-окопницами, беженками, проститутками в оккупированных районах Австро-Венгрии, жительницами населенных пунктов прифронтной полосы, сестрами из Красного Креста, доброволицами и др. стали массовым явлением с самого начала войны. Нередкими были случаи насилия над женщинами на захваченной территории противника, в чем особо отметились казаки.

Резко возросло количество венерических заболеваний, распространение которых в действующей армии сравнивали с тифом. При этом многие из заболевших не только не стыдились, но даже гордились своей болезнью и продолжали сексуальные похождения. «Блядовать не перестаю, стараюсь употреблять, не считаясь с половыми болезнями»¹²⁴, — бахвалился в письме один из офицеров.

26 ноября 1915 г. прапорщик Бакулин отмечал в своем дневнике: «В приказе начальника Западного фронта говорится: “Доктора, несмотря на свое высокое призвание, держат себя не так, как им подобает, предаются пьянству и развращают сестер милосердия, что и ставится им на вид и предлагают им исправиться”»¹²⁵. 13 мая 1916 г. он пишет: «Венерические болезни свирепствуют не только между военными, но также, как это не прискорбно, между сестрами милосердия, и не их награждают болезнями, а они. Недавно со ст. Молодечно было отправлено на излечение сто сестер; по словам одного врача, в Варшаве лежало в госпитале до 300 сестер и несколько священников. Больные военные также не эвакуируются на излечение, эвакуируются только, у которых тяжелая форма болезни. Когда эвакуировали

всех заболевших, то было замечено, что некоторые заражались намеренно, чтобы эвакуироваться. В Польше даже жида предлагали товар с вопросом: «Для удовольствия или эвакуации?»¹²⁶. На фронте сифилис даже называли «сестритом», а символику Красного Креста над учреждениями военно-санитарных организаций сравнивали с «красным фонарем»¹²⁷.

Офицеры о присутствии женщин в армии, как правило, высказывались без восторга, даже если те проявляли себя с самой положительной стороны. Недоверие и приклеивание «ярлыков» присутствовало изначально и преодолевалось с трудом.

Приведем несколько отрывков из воспоминаний полковника Г.Н. Чемоданова. Первый описанный им случай касается сестер милосердия. Здесь обращает на себя внимание намек полковника о «благах», связанных с соседством Красного Креста, имеющий явно негативный оттенок, а также упоминание о том, что такое соседство — явление весьма редкое: «Во время доклада адъютант рассказывал мне новости, происшедшие за день, и между прочим сообщил, что тут же в имении расположен отряд Красного Креста. Удивление мое будет понятно тем, кто знает, как помпезно обычно располагались эти отряды и какие блага для полка проистекали от такого редкого соседства. Мне показалось невероятным, что я мог не знать о присутствии отряда, находясь в имении более суток»¹²⁸. И тут выяснилось, что от большого некогда отряда, основная часть которого была отправлена в тыл, остались только белый флаг с красным крестом на доме, две юные сестры милосердия, четырнадцать санитаров и две санитарные повозки. Ни фельдшера, ни врача. «Вы понимаете, господин полковник, какое свинство устроили! — возмущался адъютант. — В такое время оставить двух молодых девушек на произвол четырнадцати санитаров...» И начал рассказывать, в каких условиях они живут: в холодном полуразрушенном здании, спят на нарах, питаются впроголодь, «и, кроме того, солдаты заставляют их каждый день по два часа газеты читать». Полковник посочувствовал и предложил «подкормить девиц» — приглашать их обедать вместе с офицерами.

И вот «к четырем часам за обедом собралась большая и непривычная компания. Присутствие двух сестер милосердия, молодых, интересных девиц, подтянуло собравшихся. Штабная молодежь сидела в своих лучших кителях, тщательно выбритая. Приехавшие с передовой гости потуже подтянули ремни своих гимнастеров и аккуратней расправили на них складки. Одичавшие в усло-

виях жизни последних месяцев, отвыкшие не только от женского общества, но даже от вида дам, офицеры первое время чувствовали себя, видимо, связанными и держались с комичной торжественностью великосветских банкетов. К концу обеда настроение, однако, изменилось, непринужденность и простота, с которой держались наши гости, рассеяли натянутость, и разговор сделался общим, с тем особым оттенком оживленности, который получается от присутствия в мужской компании интересных женщин»¹²⁹.

Во втором эпизоде Г.Н. Чемоданов повествует о встрече с женщинами-добровольцами из «батальона смерти». Дело происходит в период разложения армии, когда солдаты бегут с позиций, офицеры потеряли всякую власть и возможность наводить порядок. А женщины... Женщины остаются на посту и продолжают выполнять свой долг!

«За несколько дней до выступления на позицию, — вспоминает Г.Н. Чемоданов, — ко мне в штаб полка явились две молодые женщины из расформированного уже к тому времени батальона Бочаровой (?). “Примите нас на службу в полк”, — обратились они ко мне с просьбой. Молодые, здоровые, рослые девицы, шинели туго перетянуты ремнями, на стриженных головах лихо надвинуты папахи. “Первый случай в моей практике”, отношусь скептически и этого не скрываю; на повторные просьбы предлагаю вопрос перенести в полковой комитет, и вот эта пара хорошо грамотных разбитных девиц у меня в полку на должности телефонистов в команде службы связи»¹³⁰. Далее он описывает панику, когда вся рота убежала в тыл, а на передовой остались сам ротный, его денщик, телефонист, фельдфебель, повар и обозные от кухни, «девять человек всего и баба в их числе, телефонистка». «Ну и как она себя держала?» — спросил полковник у ротного, когда тот доложил обстановку. «Молодец баба, не меньше меня ругала и стыдила солдат», — был ответ.

В целом, отношение офицеров к женщинам в армии в Первую мировую войну представляется весьма противоречивым: с одной стороны, — недоверие, скептицизм, настороженность; с другой, — снисходительная опека, покровительство «слабому полу»; с третьей, — желание подтянуться, проявить себя с лучшей стороны, оказавшись в обществе «дам».

Отношение к представительницам Красного Креста со стороны солдатской массы было откровенно враждебным. В книге Софьи Федорченко «Народ на войне. Фронтовые записи» есть такие строки от имени солдата: «На той войне и сестры больше барыни были.

Ты пеший, без ног, в последней усталости грязь на шоссе месишь, а мимо тебя фырк-фырк коляски с сестрицами мелькают»¹³¹.

Еще одно свидетельство (относящееся к 1917 году) — воспоминания большевика А. Пирейко, который служил рядовым (вернее, всеми способами отлынивал от службы, а потом красочно описывал в мемуарах свои подвиги в качестве дезертира). Он рассказывает, как в поезде, где он ехал, пассажиры, состоявшие главным образом из военных, всюду ругали большевиков. И тогда этот находчивый товарищ провел блестящую провокацию: сообщил солдатам, размещенным в вагонах третьего класса, что во втором классе едут женщины из «батальона смерти» (на передовую, в действующую армию!). Возмущенные этим обстоятельством солдаты («Как это так? Нас возили кровь проливать в теплушках, а этих б..., которые будут так же воевать, как и сестры воевали с офицерами, возят еще во втором классе!»), отправились «разбираться» с добровольцами. Недовольство было направлено в новое русло, о большевиках забыли¹³². Интересен как сам факт, рисующий отношение солдат к женщинам в армии (в том числе к медсестрам из Красного Креста), так и бравый тон, которым он описан.

Пренебрежительно-потребительское отношение к женщине в Первую мировую войну как к «средству для удовлетворения половой потребности мужчин» сформировалось в результате сексуальной революции, обрушившейся на традиционное общество в условиях стремительной маргинализации огромных человеческих масс. Ранее запретное и постыдное становилось легко доступным и уже не столь порицаемым — в силу масштабности самого явления. В этом контексте «всеобщего грехопадения» развратные сестры осуждались солдатской массой не столько за то, что были доступны, сколько за то, что были доступны для избранных — офицеров, начальников, но не для простых солдат.

С другой стороны, русских солдат озлобляли нередкие сообщения из тыла, согласно которым австро-венгерские военнопленные, используемые на хозяйственных работах в деревнях, сожительствовали с солдатками, чьи мужья были на фронте. Обычно к таким работам привлекали этнически близких славян (русинов, словаков, чехов, поляков), с которыми легче было общаться на бытовом уровне. Так, в имениях помещиков во время войны пленные славянского происхождения составляли от 15 до 30% всех работавших на сельхозработах, где с ними могли контактировать солдатки¹³³. Не случайно в отчетах военной цензуры отмечалось, что «глубже всего затрагивает нашего солдата сознание, что нарушителем его семейно-

го счастья являются зачастую даже не русские, а пленные — австриец или немец, которыми правительство пользуется для полевых работ»¹³⁴. В письмах с фронта и на фронт сообщалось, что «все бабы безмужние с пленными австрийцами жили»¹³⁵, что жены, «как с цепи сорвавшиеся, развратничают с пленными австрийцами вовсю, такое творится, что дома противно быть», «сифилис и другие болезни венерические процветают», что «некоторые дивчата хотят замуж выходить за австрийцев, надо им морду набить и тогда прохладятся», и т.п.¹³⁶ Возмущенные солдаты требовали от начальства и местного духовенства «обуздать» и «усоветить баб», и в результате вопрос был поднят военным командованием. Так, 3 августа 1916 г. командующий 5-й армией генерал В. Гурко послал министру внутренних дел А.А. Хвостову предложение «приказать подлежащим гражданским властям безотлагательно взыскать и провести меры для немедленного пресечения создающегося положения при использовании в деревнях военнопленных как рабочей силы»¹³⁷.

Результатом «падения нравов» и половой распущенности в годы войны стало заболевание венерическими болезнями в России 3,6 млн мужчин и 2,1 млн женщин¹³⁸.

Еще один сюжет связан с *мародерством*.

20 ноября 1914 г. Ф.Степун писал жене из Галиции: «Над всем городом стоит вой оставшихся жителей. Происходит необходимая реквизиция керосина, сена, овса, скота. У уличного фонаря дерутся из-за керосина две русинских женщины. Их, восстанавливая порядок, разгоняют казаки. У каждого под седлом бархатная скатерть или вместо седла шитая шелками диванная подушка. У многих в поводу по второй, по третьей лошади. Лихая публика. Какие они вояки, щадят или не щадят они себя в бою, об этом мнения расходятся, я своего мнения пока ещё не имею, но о том, что они профессиональные мародёры, и никого и ни за что не пощадят — об этом двух мнений быть не может. Впрочем, разница между казаками и солдатами заключается в этом отношении лишь в том, что казаки с чистой совестью тащат всё: нужное и ненужное; а солдаты, испытывая всё же некоторые угрызения совести, берут лишь нужные им вещи. Очень строго к этому я совершенно не могу относиться. Человек, который отдаёт свою жизнь, не может щадить благополучия галичанина и жизни его тёлки и курицы. Человек, испытывающий над собою величайшее насилие, не может не стать насильником. Кутузов это понимал, и когда к нему приходили с жалобами на мародёрство, он, бывало, говаривал “лес рубят, щепки летят”»¹³⁹.

19 апреля 1915 г. Л. Войтоловский описывал отступление русских войск из той же Галиции: «Идет мелкое мародерство. Бесцельное, наглое. С заборов снимают торбы, ведра, посуду. Забегают во дворы, шарят в крестьянских избах, грабят дома, фольварки, местечки. И через двадцать минут все награбленное летит под ноги грохочущему потоку. Бросают все, что берут: сорванные с окон кисейные занавески, плюшевые скатерти, белье, самовары, кастрюли, граммофонные трубы, пластинки, вазы, щетки, горшки... Все это запружает дорогу, трещит под колесами и разжигает жажду погрома. Бросают одно — и снова грабят лежащие по пути дома, и снова бросают. Бегущая армия не ведает ни жалости, ни евангельской любви и с презрительным отвращением относится к патриотизму, суду потомства и чужой собственности...»¹⁴⁰

22 июня 1915 г. вышел секретный приказ командующего 3-й армией генерала от инфантерии Леша, который, в частности, гласил: «По дошедшим до меня достоверным сведениям, город Замостье при отступлении наших войск был разграблен казаками (частью в черкесках), причем были случаи насилия над женщинами... Установлены случаи взламывания сундуков и шкафов. К сожалению, я сам лично убедился в справедливости жалоб, особенно на казачьи войска. Всем начальствующим лицам предписываю принять самые строгие меры против мародерства и грабежа»¹⁴¹.

Явление это было масштабным и повсеместным. 6 марта 1916 г. М. Исаев писал жене с Кавказского фронта: «Не проходит дня, чтобы персы не приходили жаловаться, что у них солдаты и казаки отнимают сено бесплатно, отбирают деньги, обижают даже женщин. Дыму без огня не бывает. Отправляющимся на фуражировку дают деньги. Так соблазнительно оставить себе 4—5 рублей. Наши солдаты рассказывали мне, что жители на вопрос, есть ли у них сено, всегда отвечают “нет”. Приходится отыскивать запрятанное сено, отбирать его “нахалом”, и затем платить. Так вот, всегда ли производится последнее? И не от того ли прячется сено, что обычно за него не принято платить... Своим то я уже сколько раз объяснял положение этих несчастных персюков, что они и без того крепостные. Но сказать, что и наши никогда не злоупотребляли бы — я бы не смог. Зная отдельные личности — за своих смог бы поручиться, за других нет. А вместе с тем, как и станешь особенно обвинять. После разгрома С.-Б., обозы некоторых частей были прямо набиты коврами и другим имуществом. Врач Красного Креста мне говорил третьего дня, что старший врач этого транспорта оставил

ему 40 больных, потому что его двуколки были заполнены коврами. А ведь это врач! А сколько иногда и золота досталось победителям. На обиду женщин смотрим сквозь пальцы. Все эти “уроки” не проходят бесследно для солдат, конечно. Распустить-то легко, а как потом подтянуть?»¹⁴².

Прапорщик Д. Оськин писал в июне 1916 г. о разоренном прифронтовом г. Радзивиллов, откуда за несколько часов были выселены все жители: «Все здания заняты людьми полка. Почти на каждом дворе летал пух из вспоротых подушек и перин. Ни в одной квартире не остались невскрытыми сундуки и шкафы. Мебель, посуда — все ломалось, коверкалось. Обшивку мебели — плюш, бархат, кожу — сдирали: одни на портянки, другие на одеяла, третьи просто так, озорства ради. Офицерство всех батальонов, пользуясь тем, что позиция проходила по самой окраине города, расположилось не в окопах, как обычно, а в домах, производя там ревизию оставленного имущества... Если в первую ночь из Радзивиллова вереницей выходили нагруженные домашним скарбом жители, то с утра следующего дня потянулись повозки с награбленным имуществом, сопровождаемые денщиками. Маршрут небольшой. Всего полторы тысячи верст.

...Очистка квартир от ценного имущества производится поголовно всеми. С легкой руки некоторых офицеров солдаты в свою очередь набивают вещевые мешки всяким барахлом.

- Куда это вам? — спрашиваю я некоторых солдат. — Неужели до конца войны вы будете таскать всю эту дрянь?

- Ничего, ваше благородие, потаскаем...»¹⁴³.

Наконец, еще один вопрос, который следует затронуть, — острая *неприязнь фронтовиков к «тыловым и штабным крысам»*, которых в солдатской массе окрестили «внутренним врагом». Это настроение образно передала Софья Федорченко в солдатской реплике: «Нет добра в моей душе для дома оставшихся. Когда читаю, что там жить худо, — радуюсь... Пусть, думаю, пожрут друг друга, как гады, за то, что нас на муку послали»¹⁴⁴.

«Кроме своего трагического облика война явила мне и свой отвратительный лик, — писал 14 октября 1914 г. Ф. Степун. — Угнетающая забитость серых солдатских масс, что уныло поют в скотских вагонах. Бесконечное хамство некоторых “благородий”, блистательная глупость блестящих генералов, врачи стратеги и сестры кокотессы... Впрочем, все это исключения, общий дух безусловно чист, хорош и бодр»¹⁴⁵.

Между тем, «забитые серые солдатские массы» уже искали виновников своих бед и находили их отнюдь не во вражеских окопах. Не

случайно 4 января 1915 г., ругая в своем дневнике высокое начальство, прапорщик Бакулин писал: «Вообще здесь люди нипочем, ибо они ничего не стоят, а вот какая-нибудь грошовая казенная вещь — та ценится, и очень высоко, людей теряй, сколько хочешь, под суд не попадешь, а за вещь казенную, которой грош цена, под суд угодишь и не оберешься неприятностей»¹⁴⁶. Подобное отношение не прощалось, вызывая у солдат постепенно зреющее недовольство.

В. Арамилев писал: «В окопах меняются радикально или частично представления о многом. В Петрограде учили, что “внутренний враг” — это те, которые... А на фронте стихийно вырастает в немудром солдатском мозгу совсем другое представление о внутреннем враге.

В длинные скучные осенние вечера или сидя в землянке под впечатлением адской симфонии полевых и горных пушек мы иногда занимаемся “словесностью”. Кто-нибудь из рядовых явочным порядком присваивает себе звание взводного и задает вопросы. На вопрос, кто наш внутренний враг, каждый солдат без запинки отвечает:

— Унутренних врагов у нас четыре: штабист, интендант, каптенармус¹⁴⁷ и вошь.

Социалисты, анархисты и всякие другие “исты” — это для большинства солдатской массы — фигуры людей, которые идут против начальства, хотят не того, что хочет начальство. А офицер, интендант, каптер и вошь — это повседневность, быт, реальность. Этих внутренних врагов солдат видит, чувствует, “познает” ежедневно...»¹⁴⁸

Но и фронтовые офицеры не меньше солдат ненавидели «штабных» и «тыловигов». Немало гневных страниц посвятил им в своем дневнике прапорщик Бакулин:

11 июля 1915 г.: «Так как в Варшаве гг. офицеры тыла проводят очень весело время, пользуются казенными автомобилями с шоферами-солдатами, напихают девиц легкого поведения и ведут себя на автомобилях просто по-хулигански, то от командующего Юго-Западным фронтом было предписание для всех офицеров, даже находящихся на позициях, вести себя приличнее и казенными автомобилями пользоваться для казенных надобностей только»¹⁴⁹.

13 января 1915 г.: «Теперь в войсках на позициях все основано на прапорщиках; ротных командиров, кроме прапорщиков и подпоручиков, нет, у нас в дивизии даже некоторыми батальонами командуют поручики. В тыловых учреждениях, разных командах сидят толстомордые поручики и капитаны, это те, кому бабушка ворожит и у тетьки хвост длинный; опасности не подвергаются, получают за что-то чины,

ордена, награды и ничего не делают. Вообще, кто на передовых позициях — самый несчастный народ: сидят в окопах, голодают, мерзнут, мокнут под дождем и снегом, подвергаются ежесекундно опасности, награды даются скупо, а если и дадут, то получают больше убитые, чем живые. В штабах, там дело другое, у всех штабных и даже ординарцев, прикомандированных к генералам, награды так и сыплются, как из рога изобилия, а за что? За то, что на позициях есть болваны, которые сидят, мерзнут и голодают, которых никто из штабных не видит. Вообще людей, находящихся на позициях, штаб ни во что не считает, только бы были, да с винтовками, награждать их не стоит, все равно будут убиты»¹⁵⁰.

4 мая 1915 г.: «Наконец Верховнокомандующий обратил [внимание] на ненормальность наград за боевые подвиги. Вышел от него приказ, что замечено, награды исключительно получают за боевые заслуги штабные, ординарцы при генералах и адъютанты, а остальные офицеры, в особенности пехота наградами обойдена, посему приказано представить всех без исключения к наградам за бои при Сольдау, Варшаве, Лодзи и Сестржанке — это по нашему корпусу»¹⁵¹.

Особую неприязнь фронтовиков вызывали те, кто, оставаясь в тылу, «наживался на войне и на солдатской кровушке». «Приезжавшие в отпуск солдаты не могли узнать свою страну, в которой чувствовали себя все более неуютно. С 1915 г. солдатское недовольство тылом росло. Фронтовики обвиняли российское общество в легкомыслии, равнодушии к делам фронта, отсутствию чувств солидарности и справедливости. Более всего их возмущало несправедливое распределение тягот войны. Объектами солдатской ненависти становились дезертиры и рабочие, ратники второго разряда и солдаты тыловых гарнизонов — словом, все те, кто мог избежать призыва в армию или отправки на фронт. Солдат возмущало многое: и жены, которые якобы предавались разврату с военнопленными и пытались захватить в деревне власть в отсутствие мужей; и алчные купцы, помещики и крестьяне, наживавшиеся на войне; и правительство, будто бы предавшее собственную армию. Фронтовики видели теперь главного врага, “внутреннего немца”, у себя за спиной. В них вскипало желание, возвратясь домой, восстановить социальную справедливость и наказать виновных за солдатские страдания, — отмечает историк И.В. Нарский. — ...В окопах Первой мировой войны фронтовики мечтали о том, чтобы отомстить тыловым “предателям” и “трусам”. Уже к началу 1917 г. они по-

нимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение “необстрелянных” соотечественников к дисциплине на военный лад, то есть как превращение тыла во фронт. Именно так они вскоре и поступили»¹⁵².

А.Н. Жиглинский в письме к матери от 9 февраля 1916 г. с некоторой долей патетики сравнивал настроения «фронта» и «тыла»: «Что у вас там плачут в тылу? Здесь, под непосредственной опасностью, лицом к лицу со всеми ужасами теперешней войны, люди не плачут, не горюют, полны только энергии и веры в будущее, даже имеют возможность весело подшучивать в своём кругу, здесь не встретишь грустной, траурной физиономии: на лицах написаны спокойствие и уверенность. Ухо слышит не жалобы, а совсем посторонние речи, которые дышат чем-то семейным; о войне — в смысле подсчета результатов, о изменах, ужасах — здесь не говорят, досуг посвящается смеху и болтовне. А у вас что? Берите пример с бойцов, вы, жалобщики! Приедет офицер из отпуска, из родной Москвы, из Петрограда (особенно из этого Петрограда!) — сейчас спрашиваешь его: “О чём, как, что говорят?” — “Э, чёрт, только душу вымотал, ревут, как коровы, жалуются! Здесь больше отдыха!..” — Что было бы, если бы мы плакать стали? А?»¹⁵³.

М. Исаев 16—17 марта 1916 г. писал жене с Кавказского фронта: «...Трудно представить себе наши переживания, их нужно пережить самому. Наши нервы должны сказаться после войны, и я знаю, тем я уже не вернусь, каким поехал. И виной, право, не эти турки и курды, что перед нами — а свои российские турки и курды, которые своим равнодушием и безучастием наносят нам в спину — удар за ударом. Вместе с тем — ни на минуту не сожалею, что пошел на войну. Совесть лучшее мерило наших поступков, а она у меня спокойна. Знаю, что ни тебя, ни детей не “обеспечил” — но все-таки это не так мало — оставить своим детям сознание, что их отец поступил честно»¹⁵⁴. Месяц спустя, 24 апреля 1916 г., в Страстную субботу он с горечью продолжит эту тему: «Ах, сколько можно было бы привести примеров и обвинений в бесчувственности к ближнему находящихся в тылу. И вот здесь сказала наша общественная отсталость. В “Русских Ведомостях” была помещена корреспонденция Осоргина из Рима, вызванная статьей московского корреспондента одной итальянской газеты. Итальянец прямо поражен равнодушием Москвы к войне, широкой жадой наслаждений и т.п. Осоргин спрашивал, неужели это правда? Ну, редакция, конечно, говорит, что обобщать нельзя, что Москва как никто ра-

ботаает на войну, но что следует все-таки признать... В Англии — классической стране скачек — их нет теперь, во Франции почти нет театров — а у нас “пир во время чумы”. В старину купцы мазали физиономии “человиков” горчицей и платили. Теперь у нас с аукциона покупается за 400 р. последний бокал шампанского, и серьезные газеты считают своим священным долгом оповестить об этом всю Россию с упоминаниями имени патриота-жертвователя. Конечно, знаешь, что не этими любителями зрелищ и тонких аукционов — исчерпывается Россия, но все же обидно и горько за “верхи”, за “цвет” нашей страны. А простой народ продолжает свое дело. Я думаю, что глубокий инстинкт сидит в нем, что надо воевать, что им принадлежит в будущем Россия, и ее судьбы»¹⁵⁵.

Война затянулась вопреки всем прогнозам и ожиданиям. Она подвергла испытанию на прочность все винтики государственной машины, все стороны общественной жизни, нанесла чудовищный удар по сознанию народа и армии. После нескольких лет «сидения в окопах» чувство усталости от войны и у солдат, и у офицеров стало проявляться в отупении, безразличии, равнодушии ко всему. Возвышенные патриотические чувства сменились «физиологическим отвращением» к войне. «...Мне кажется, что все мы стали одновременно и много храбрее, и много трусливее, — писал жене 12 декабря 1916 г. из Галиции Ф. Степун. — Храбрее в смысле возможности все перенести, а трусливее в смысле нежелания что-либо переносить. Храбрость окончательно утратила всякое родство с духом самозабвения и с нарядностью поведения, превратившись в пустую душевную нудность, в тупую привычку терпеть, в ужасное “всё всё равно”. Нервы же, конечно, у всех ослабли... Произошло это, думаю, оттого, что постоянная опасность перестала ощущаться душою, как новое и значительное переживание, как некая духовная сущность. Когда-то в страшные минуты в моей душе звучала мелодия, теперь опасность наполняет мою душу лишь отвращением к войне. Раньше мне казалось, что моим ранением и моей смертью ведает мудрая судьба, теперь мне часто сдается, что весь я всецело во власти какой-то идиотической случайности. Раньше свист шрапнели будил во мне метафизическую мысль о человеческой судьбе, возмездии, загробной жизни, — теперь он приводит мне на память запах гнойных бинтов, стоны и крики в перевязочных. Эта загрязненность фантазии тяжело тяготеет надо мною, превращая мое духовное неприятие войны в чисто физиологическое к ней отвращение...»¹⁵⁶

29 ноября 1916 г. романтик, патриот и доброволец А.Н. Жиглинский напишет с фронта деду письмо в стихах, где, обличая контрасты фронта и тыла, пророчески угадает грядущие события в России:

«Да! Время тяжкое, большое испытанье
На долю Родины досталось в эти дни,
И многим принесло несчастья и страданья,
А многим выгоды одни.
Всех сил и ценностей идет переоценка,
Что было спрятано таинственно под спуд
На воле и в стенах тюремного застенка,
Явилось на правдивый суд.
Вчера энтузиазм, сегодня все остыло,
Вчера вершила власть — теперь вершит народ,
Из слабых рук судьба берет кормило,
И вокруг челна — водоворот.
Здесь газы и огонь, — там золото, брильянты,
Тут деревянные, безвестные кресты —
Там гордо властвуют купцы и спекулянты,
А рядом — голод и хвосты.
Но меч уж занесен, рука в могучем взмахе.
Согнулись под мечом предательство и власть.
Не мир идет, но призрак грозной плахи,
Кровавую разинув пасть.
Война пройдет, но распри не остынут:
Так уголья горят под серою золой,
И долго призраки кровавые не сгинут
Над бедной русскою землей.
Но верю я, что время искуплений
Очистит Родину для светлых, свежих сил.
Мы строим колыбель для новых поколений
На основании могил.
И верю я: мы счастье купим кровью.
Пройдет гроза — и на Руси тогда
Взойдет заря над вспаханною новью,
*Заря свободного труда...»*¹⁵⁷.

Война ломала многие стереотипы сознания, крушила духовные ценности и моральные нормы, готовя народ к еще более страшным потрясениям, зарождающимся в ходе ее самой. В 1917 г., после Февральской революции и падения монархии в России, в условиях продолжающейся войны сначала рухнули основы воинской дисциплины, а затем и сама армия.

27 марта 1917 г. М. Исаев с горечью писал своим детям о ситуации в войсках: «Плохо стало теперь воевать... солдаты уже не те стали. Хотели сделать солдат гражданами, а они ими не сделались, и сол-

датами настоящими быть перестали. Солдату теперь лучше живется, чем офицеру. Ни за что не отвечает, начальства не боится. Какие это воины, каждый думает о своей шкуре, а об Отечестве, об России только на словах говорит. Солдат рабочие пожалели, а нас офицеров не пожалели, а что армия без офицеров сделает?..»¹⁵⁸

Впереди был Октябрь 1917 г. и братоубийственная Гражданская война...

Тяготы плена

Небывалым по сравнению с войнами прежних эпох оказалось в Первую мировую войну и число военнопленных. В Русской армии потери пленными с августа 1914 по 31 декабря 1917 г. составили более 3,4 млн чел., то есть 74,9% всех боевых потерь, или 21,1% от общего числа мобилизованных¹⁵⁹. Из них 42,14% содержались на территории Германии, 59,9% — в Австро-Венгрии, менее 1% — в Болгарии и Турции¹⁶⁰.

Положение русских военнопленных Первой мировой войны (включая такие сюжеты, как правовые аспекты военного плена, политика своего и вражеского правительств по отношению к ним, деятельность общественных организаций по облегчению их участи, условия содержания и использование принудительного труда пленными, их контакты с местным населением, психологическое состояние оказавшихся за колючей проволокой, влияние плена на менталитет солдат и офицеров, и многие другие) стало особенно активно изучаться в нашей стране с середины 1990-х годов, чему посвящена обширная литература¹⁶¹. Так, в монографии О.С. Нагорной «“Другой военный опыт”: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922)»¹⁶² подробно анализируются переживания «маленького человека» при столкновении с чужой социокультурной средой, лагерный быт, взаимоотношения внутри сообщества пленными, религиозные практики, стратегии выживания и выработка поведенческих моделей, формирование памяти о плене, и др. Многочисленные работы Н.В. Суржиковой, включая монографическое исследование¹⁶³, представляют зеркальное отражение проблемы и посвящены повседневной жизни иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны¹⁶⁴, а также сравнительным аспектам российского и советского военного плена в двух мировых войнах¹⁶⁵.

В данном очерке, не претендующем на полноту освещения проблемы, будут затронуты лишь некоторые аспекты повседневности военного плена.

Начнём с того, что «представления русских солдат об условиях германского плена формировались задолго до попадания на фронт... Под влиянием предыдущего опыта и общественных настроений в солдатской среде сформировалось представление о плене как о лучшей доле и пути возможного избежания гибели: “Конечно, наш брат попадает в плен, чтобы только спасти свою жизнь, а присягу забыл. ...Почти все, кто участвовал в японской войне и были в Японии в плену, они же в плену и теперь, и вот они пишут письма из плена домой, а дома его читает не только одна семья, но и целое село. Пошел воевать его сосед или знакомый — тоже попал в плен...”¹⁶⁶. По утверждению О.С. Нагорной, «немецкие протоколы допросов содержат признания солдат, что “отставные, бывшие в плену в японской войне, убеждали товарищей сдаваться”», а в переписке русского Главного Управления Генерального Штаба и Ставки, обеспокоенных высокой численностью попавших в плен русских солдат, «отмечалось, что практически с самого начала войны “в деревнях ...новобранцев отпускают с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться”»¹⁶⁷.

С точки зрения военного руководства, плен воспринимался как позор, а пленные в большинстве своем — как предатели, изменившие долгу и присяге. В первую очередь это касалось добровольно сдавшихся в плен, каковыми считались бойцы, попавшие к противнику неранеными и не использовавшие средства в обороне¹⁶⁸. Но подозрения и клеймо потенциальных изменников ложились на всех оказавшихся в плену, что прямо или косвенно отражалось на их положении, оказании им материальной, продовольственной и иной помощи, организации переписки с Родиной, и, наконец, на морально-психологическом состоянии самих пленных.

Так, отмечая случаи массовой сдачи в плен нижних чинов русской армии (не только после нескольких лет сидения в окопах, что можно объяснить усталостью от затянувшейся войны и общим разложением армии, но уже осенью 1914 г!), командование издавало многочисленные приказы, в которых говорилось, что все добровольно сдавшиеся в плен по окончании войны будут преданы суду и расстреляны как «подлые трусы», «низкие тунеядцы», «безбожные изменники», «недостойные наши братья», «позорные сыны России», дошедшие до предательства родины, которых, «во славу той же родины надлежит уничтожать». Остальным же, «честным

солдатам», приказывалось стрелять в спину убегающим с поля боя или пытающимся сдаться в плен: «Пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою!» Особенно подчеркивалось, что о сдавшихся врагу будет немедленно сообщено по месту жительства, «чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена»¹⁶⁹. Генерал А.Н. Куропаткин заявлял, что «в военной среде сам по себе плен считается явлением позорным, <...> все случаи сдачи в плен подлежат расследованию после войны и наказанию в соответствии с законом»¹⁷⁰. В 1916 г. в Петрограде была выпущена специальная пропагандистская брошюра П. Навоева «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами», где разъяснялись те репрессивные меры, которые будут применены к «предателям Веры, Царя и Отечества»¹⁷¹.

Другой мерой, призванной предотвратить добровольную сдачу в плен, стало широкое распространение сведений о нарушении противником норм международного права: о реализации в германской и австрийской армиях приказов не брать русских живыми в плен; о пытках и изощренных убийствах раненых, захваченных на поле боя; о лишениях и издевательствах, ожидающих пленного в лагере, и др. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии публиковались и в тыловых, и в армейских газетах. Так, в газете «Наш вестник», издававшейся при Штабе Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта для бесплатной раздачи войскам, регулярно печатались заметки под красноречивыми и часто повторяющимися названиями: «В плену», «Германские неистовства», «Немецкие зверства», «Христиане ли немцы?», «Расстрел 5000 пленных», «В следственной комиссии о немецких зверствах», «В германском плену», «Казачи о сдающихся в плен», «Распятие казака», «Расстрел казаков», «Три беглеца» и т.п.¹⁷² Другие издания печатали похожие по содержанию материалы: «Выдающиеся зверства австрийцев»¹⁷³, «Как немцы допрашивали пленных», «Германские зверства в русском окопе», «Варварское умерщвление раненых», «Отравление германцами русского пленного офицера», «Кровавая расправа с пленными», «Сожжение русских раненых офицеров и солдат», «Что такое немецкий плен», «Расстрел за отказ рыть окопы для немцев», «Смерть царствует в лагерях для военнопленных», «Под прикрытием русских пленных» и др.¹⁷⁴ Впоследствии, уже в 1942 г., эти и другие материалы, собранные Чрезвычайной следственной комиссией, были изданы отдельной брошюрой «Документы о немецких зверствах 1914—1918 гг.»¹⁷⁵.

О характере этих публикаций можно судить по следующему фрагменту, в котором приводятся показания военнопленного лейтенанта австрийского пехотного полка, утверждавшего, что издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае [1915 г. — *Е.С.*], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты — чехи, поляки и русины — и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, — рассказывал он. — Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: “Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают”»¹⁷⁶.

Обобщая полученную из самых разных источников информацию, газеты гневно писали: «Зверски жестокое отношение к забираемым германцами пленным и раненым в полноте проявляется уже с первого момента взятия их в плен, на полях сражений. Сдавшихся жестоко истязают, часто до смерти, раненых добивают прикладами и штыками. Многие очевидцы-офицеры показывают, что при них расстреливали из пулеметов группу забранных в плен казаков»¹⁷⁷.

Разумеется, подобные публикации, как и факты жестокости неприятеля, с которыми военнотружущим приходилось сталкиваться лично или узнавать «из первых рук» от свидетелей и очевидцев, вызвали обоснованный страх перед возможностью попасть в плен и подвергнуться мучениям и издевательствам. Не случайно, в немецких письмах, дневниках и записных книжках наряду с упоминаниями о пленении русских солдат («...этот трусливый народ (русская пехота) при более сильном напоре с нашей стороны бросал оружие и сейчас же сдавался в плен»)¹⁷⁸ встречаются и примеры иного рода: «Один русский офицер застрелился, чтобы не быть взятым в плен»¹⁷⁹.

21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: «Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки кверху, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери»¹⁸⁰. В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик, отражающий настроения в тылу Германии по отношению к пленным: «Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война — это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным»¹⁸¹.

Тем не менее, массовость плена стала реальностью мировой войны, а специфический опыт пребывания и выживания «за колючей проволокой» — уделом свыше 3,4 млн русских пленных.

Об условиях пребывания в плену — как на стадии этапирования, так и в пунктах временного и постоянного содержания — подробно рассказывали беглецы, чьи свидетельства фиксировались в опросных листах, собранных, в частности, разведотделениями при штабах командующих фронтами.

Так, в опросе бежавшего из плена рядового 324-го пехотного Клязьминского полка Григория Кузнецова от 6 июля 1915 г. сообщалось: «Кормили нас в дороге плохо и мало, давали 1 котелок кофе на двух и по ½ фунта хлеба, хлеб плохой из гречневой и кукурузной муки... Австрийские конвоиры обращались с нами хорошо. Германские солдаты отбирали одежду, особенно сапоги; у меня они отобрали часы... Конвойные русины продавали нам хлеб по 50 коп. фунт...»¹⁸².

Подпрапорщик 12-й роты Сибирского полка А. Денисов и младший унтер-офицер Иван Банифатьев рассказывали о том, как их гнали в составе колонны военнопленных к границе, а затем везли по железной дороге в Германию: «Из Брезин повели нас почти раздетых, без сапог и шинелей к границе. Многие из нас были раненые, больные. Шли мы 6 дней. Нас не кормили. Подведут к яме с картошкой или свеклой и кричат: “ешьте, русские свиньи”».

Раненые, истекая кровью, шли версты две. Хотя мы друг друга всю дорогу и поддерживали, но, выбившись из сил, отставали и падали. Отсталых немцы всех убивали. До границы нас не дошло и половины. Здесь посадили нас в грязные вагоны. В каждый вагон на-

били человек по 80—90. Везли нас с запертыми дверями. Окошек не было. Духота — невыносимая. От истощения и тесноты некоторые умирали. Мы их клали к стенке вагона. Стон, крики раненых и больных наводили на всех ужас. При виде всех этих страданий некоторые из нас были близки к сумасшествию. Я, — говорит Денисов, — несколько раз плакал. В Берлине наши вагоны открыли. Мертвых из вагонов мы вынесли. Нам дали супу и по небольшому куску хлеба; хлеб был с соломою, но мы были готовы есть и камни...»¹⁸³.

Бежавшие из плена рядовые 231-го Дрогичинского полка Иван Вербило и Роман Черепеха 4 июля 1915 г. показали, что их использовали на строительстве военно-фортификационных сооружений: «В Ярославле [пленных] разбили по партиям, заставили рыть окопы, кто не хотел работать или говорил, что болен, того доктор германский осматривал и, если находил здоровым, ему давали по 15 палок... Позиция, которую мы рыли, тянется от Ярослава через Радымно к Перемышлю. Стали мы думать, как бы удрать из плена, так как считали позором рыть укрепления против своих и вообще тяжело было в плену во всех отношениях. <...> Место ночлега было обнесено высоким проволочным забором... Обращались конвойные германские и австрийские с нами плохо: бьют и ругают. Пища была очень плоха. Ячневый суп без мяса и навару, один фунт хлеба очень плохого с мякиной и два стакана чая в день. На счёт пищи конвойные германцы лучше, германец даром скорее даст нашему голодному пленному кусок хлеба; австриец, какой бы нации ни был, норовит продать и взять за полфунта рубль»¹⁸⁴.

Рядовой 6-й роты Л.-гв. Семёновского полка Василий Кузнецов рассказывал: «...В Сувалках пленные производили работы. Я лично работал по хозяйству и по погрузке на железной дороге, но мне известно, что наши пленные в районе Сувалок рыли окопы даже под огнем русской артиллерии, причем трое были убиты... С пленными русскими немцы обращаются очень плохо. Бьют палками, почти не кормят. Для солдат из евреев делают исключение и назначают старшими на работы...»¹⁸⁵.

Нижние чины фельдфебель 206-го Сальянского пехотного полка Иван Лаврентьев Аношенков и старший унтер-офицер 74-го Ставропольского полка Захарий Иванов Жученок, вместе бежавшие из плена, сообщили: «...В плену кормят очень плохо, бывает поэтому много краж нашими пленными. При погрузке провианта двух наших пленных нижних чинов расстреляли в Раве-Русской за то, что взяли одну бутылку вина и несколько хлебов. Обраще-

ние жестокое вообще...» И. Анашенок дополнил: «...Работали мы в Белжеце по разгрузке разных вещей — провианта и фуража, но я, как фельдфебель, не работал». Подтвердил это и З. Жученок: «...Я, как старший унтер-офицер, не работал и оставался в палатке и познакомился с фельдфебелем Аношенок, и мы решили бежать из тяжелого плена»¹⁸⁶.

Часть таких показаний включалась в распространяемые в войсках воззвания, предупреждавшие от сдачи в плен¹⁸⁷, и публиковалась в газетах. Так, 2 июля 1915 г. газета «Наш Вестник» на первой странице писала: «Каждый день являются из Германии наши пленные, которым удалось пробраться через границу после долгих дней скитаний и голодовок.

Рассказы их полны ужасов. Нет границ мучениям и издевательствам, выпадающим на долю несчастных, которых судьба заставила попасть в плен.

Бесперывная голодовка, позорные работы по вывозу нечистот, побои, суровые зверские наказания за неуспешные вследствие отощания работы; отсутствие ухода за ранеными и больными — вот чем заполнены рассказы тех молодцев, которым удалось пробраться ценою страшных лишений и риска.

И безмерная злоба мучителей, которые, как звери, наслаждаются страданиями безоружных и беззащитных наших солдат.

Вот какими словами заканчивает свой рассказ один из бежавших через Швейцарию: «Не дай Бог, братцы, никому попасть в такое адское мучение. Заболеешь от голода на работе, так для лечения получишь несколько толчков прикладом: несколько наших солдат от такого мучения плакали. И не мало зарыли в сырую землю. Многие не могли вынести такого мучения неприятельского. И пусть меня Бог накажет, если это я неправду говорю...»

...Подобное отношение к военнопленным является лучшей характеристикой нашего врага, который в бессильной злобе, видя неминуемый свой позор, вымещает его на беззащитных пленниках»¹⁸⁸.

В другом номере, за 9 июля 1915 г., «Наш вестник» приводит рассказ трёх беглецов, бежавших из немецкого плена в Голландию, перепечатанный из «Петроградского курьера», Роттердамский корреспондент которого встречался с ними в Русском Генеральном консульстве. Ефрейтор 141-го Можайского полка Иосиф Филобоков и старший фейерверкер 5-й батареи 36-й артиллерийской бригады Иван Матовых попали в плен в самом начале войны, в середине августа 1914 г. в Пруссии, и провели в плену 9 месяцев.

Их товарищ, доброволец 163-го Ленкоранско-Котенбургского полка Владимир Тимченко попал в плен 2 декабря 1915 г. и пробыл в неволе 5,5 месяцев. Из их показаний можно составить достаточно полное представление о дневном рационе русских военнопленных нижних чинов: «Свое пребывание в этом плену все они в один голос описывают самыми мрачными красками. Пища давалась им в крайне недостаточном количестве. В последнее время, например, хлебный паёк был уменьшен до 100 грамм или ¼ фунта на человека в день. Утром отпускалось кофе по две чашки. То же самое вечером. Иногда вечерний кофе заменялся подсоленной водой с какой-то приправой. Обед всё время неизменно состоял из одного блюда: болтушки из неочищенного картофеля с примесью за последнее время (после жалоб!) кукурузной муки. И это всё!»¹⁸⁹

В рассказе присутствует описание самого лагеря и условий содержания в нём, отношения к пленным со стороны лагерной администрации и охраны, использование их на принудительных работах:

«Обращение с пленными возмутительное. Ругают, бьют и увечат их походя, за всякие пустяки. Все караульные лагеря повинны в этом, но особенно встретившиеся нам беглецы жаловались на унтер-офицеров и фельдфебелей: “Собаки цепные, а не люди!..”

Лагери, по описанию беглецов, ниже всякой критики. Сделаны из досок, протекают, зимой тепла не держат. Мебели в них никакой. Вместо постели — солома на полу. Поэтому в бараках грязно, душно и “вшиво”.

Благодаря недостатку пищи и антигигиеничности бараков, а также отсутствию бань, среди пленных, можно сказать, свирепствуют всевозможные болезни. Процент смертности там необыкновенно велик. Медицинская помощь дается не всегда, ибо администрация подозревает всех заболевших в симуляции.

Все вышеприведенные сведения не являлись новостью. Подобные жалобы мы слышали уже не раз от беглецов из другого лагеря. Недостаток пищи, дурное обращение, грязь, болезни — все эти прелести свойственны и другим немецким лагерям. Но последние беглецы жаловались еще на изнурение их тяжелыми работами, это было уже для нас новостью. По их словам, немцы пользуются пленными исключительно для самых тяжелых работ. При постройке, например, железных дорог их заставляют носить брёвна, шпалы и др. тяжести, копать канавы и пр.

Обязывают работать всех. Когда, например, унтер-офицеры заявили, что они по русскому воинскому уставу не должны употреблять-

ся на работы, им ответили, что они не в России, а в Германии, и что здесь все равны, и рядовые, и унтер-офицеры, и фельдфебели, и подпрапорщики, и все должны работать.

Обязывают немцы пленных работать даже в большие православные праздники. Так, работы производились пленными в Вербное Воскресенье. На Пасху для отдыха был дан всего один день.

Сами пленные, собственно, против работ ничего не имели бы. Они даже предпочитают работать. Но беда в том, что даваемая им пища не соответствует спрашиваемому с них труду. Затем их возмущает то, что их употребляют на работы, связанные с обороной Германии: проведение стратегических дорог, постройка фабрик для изготовления воинских принадлежностей и пр.»¹⁹⁰.

11 июля 1915 г. «Наш вестник» публикует рассказ еще двух беглецов — младшего медицинского фельдшера 314-го полевого подвижного госпиталя Ивана Еленского и стрелка 39-го Сибирского полка Нила Семёнова, подробно описавших своё пребывание в лагере военнопленных и особенности распорядка в нём:

«...Пленные помещались в конюшне квартировавшего там до войны кавалерийского полка. В каждом стойле было размещено по 6 человек, что создавало невероятную тесноту. Вскоре же появились разные заболевания. В первое время пленным давали три фунта хлеба на два дня, но это продолжалось не более двух месяцев, после чего те же три фунта давали на пять дней, а иногда не выдавали по несколько дней. На завтрак и ужин пленным отпускаялся черный кофе, горький, не больше одного стакана на каждого, а обед состоял из жидкой похлёбки в очень недостаточном количестве. Положение ухудшалось тем, что немцы никому не разрешали иметь деньги и с первого же дня отняли не только все деньги и ценные вещи, как-то: часы, кольца и проч., но даже сняли со всех шинели и сапоги, выдав взамен их деревянные башмаки, которые были невероятно тяжелы и тёрли ноги.

В качестве охраны к ним были приставлены ландштурмисты, почти все сплошь пожилые люди. Эти солдаты были страшно грубы и жестоки.

Когда появились среди пленных больные, то никакой медицинской помощи им не оказывали; немцы не верили в их болезни, подозревали притворство и отправляли к врачу лишь тогда, когда больной в изнеможении падал на работе или был уже близок к смерти в вонючей конюшне. Кроме этих доказательств болезни, немцы ни во что не ве-

рили. При заявлении пленного о недомогании его обыкновенно били тесаками и прикладами, после чего гнали на работу. Много таких больных умерло прямо на работе.

Курить пленным не разрешали под страхом жестокого наказания. В течение первых нескольких недель плена им запрещено было говорить что-либо между собой, что явилось непосильной тягостью для несчастных, лишенных даже этого утешения.

...Несмотря на тесноту и грязь в помещении и сопряженную с этим нечистоплотность пленных, немцы ни в коем случае не позволяли им помыться, мотивируя это тем, что русские — свиньи и в этом не нуждаются...»¹⁹¹.

Описывая условия труда военнопленных на принудительных работах, беглецы рассказали, что 24 ноября 1914 г. их отправили на сооружение каналов для электрической станции в местечке Брансберг. Всего было отправлено около 500 человек, причем им пообещали плату и улучшение пищи, но обманули: условия были ужасны, пленным не выдали никакой одежды, не вернули даже шинелей, люди «работали по колено в ледяной воде, а после работы не могли даже высушить одежду». Причем, «работали по 12 часов в сутки, без исключения, без различия звания»¹⁹².

В таких невыносимых условиях, ставивших людей на грань выживания, многие пленные задумывались о побеге, а некоторые осуществляли и реальные попытки бежать:

«В первый день Пасхи с работ убежали 10 человек пленных, воспользовавшись прорезанным ножами в стене барака отверстием. Тотчас же, среди глубокой ночи, всех пленных собрали на поверку: немцы бесновались и кричали, старались выместить свою неистовую злобу на оставшихся; целый взвод немецких солдат бросился вдоль речки в погоню за бежавшими, но поиски их успеха не имели. Пленные уже втайне радовались, что хоть некоторым их товарищам удалось выбраться из этого ада, но вышло иначе. На рассвете беглецов настигли, восемь человек поймали, а остальные два скрылись... Пойманных же подвергли предварительно истязаниям, после чего двое опасно заболели и, кажется, на другой же день умерли, а остальных отправили под сильным конвоем в Данциг. О постигшей их участи пленные ничего не узнали... Сразу же после этого происшествия режим еще больше ухудшился. Пленным запрещено было иметь даже перочинные ножи, произвели у них поголовный обыск и пригрозили немедленным расстрелом, если у

кого-нибудь будет обнаружен нож или другой острый предмет... После этого случая пленных буквально морили голодом...»¹⁹³.

На основе показаний пленных, бежавших из разных лагерей Германии и Австро-Венгрии, а также других источников, в том числе сообщений представителей Красного Креста, делались выводы и обобщения о повсеместном нарушении противником норм международного права в отношении военнопленных и чудовищных условиях их содержания: «Полученные за последнее время совершенно достоверные сведения о положении в Германии наших военнопленных офицеров и нижних чинов дают следующую безотраднo тяжелую картину тех исключительно чрезвычайно тяжелых условий жизни, которые созданы немцами для попавших во власть к ним русских пленнoх...»¹⁹⁴.

Особо отмечалось нарушение международных конвенций по отношению к пленным офицерам, лишенным не то что привычного, но хотя бы минимального комфорта:

«Перевозка военнопленных офицеров, включительно до старших начальников, производится обычно в неосвещенных вагонах, нередко загаженных скотиною, — по 40 человек в одном вагоне. При этом сидеть приходится прямо на грязном полу, где офицеры вынуждены и спать при переездах, длящихся несколько суток.

Кормят в дороге пленнoх почему-то большею частью ночью, давая отвратительную салную бурду, без хлеба, от которой с многими делается рвота. Вода отпускается в крайне ограниченном количестве и то сырая, кипятку же не дают совсем. Покупать что-либо в пути запрещается совершенно.

Обращение конвойных и их начальства с пленными всех чинов и званий неизменно является варварски грубым и жестоким. Так, с полкового священника конвойные сорвали однажды крест и топтали его ногами, раненого офицера били по изувеченной ноге.

В пунктах постоянного квартирования русских военнопленных офицеры размещаются в грязных казармах, по 15—18 человек в небольшой комнате, снабженной двумя ярусами нар. Зачастую офицеры помещаются даже в конюшнях и сараях. Два пленнoх генерала водворены в тесной унтер-офицерской коморке.

Составленными из офицерских чинов сводными ротами, в состав коих входят и генералы, командуют немецкие нижние чины, проявляя во всём самое грубое отношение к своим несчастным подчинённым.

Два раза в день военнопленным офицерам и нижним чинам делаются переклички, производимые каждый раз на дворе, даже в дождливую и холодную погоду, несмотря на то, что громадное большинство пленных одето в одни только легкие защитные рубашки.

Офицеров и генералов постоянно подвергают оскорбительным по форме обыскам и, вообще, создают им в концентрационных лагерях самые невозможные условия повседневного режима.

Питание офицеров, крайне неудовлетворительное по качеству, является более чем скудным. Среди пленных развивается страшное малокровие, а помещение значительной части их в тёмных, сырых и зловонных подземных казематах вызывает тяжкие ревматические заболевания»¹⁹⁵.

При этом в документе подчеркивались крайне суровые условия содержания в плену русских солдат и приводились примеры «дисциплинарного воздействия» на них со стороны немецких властей:

«Нашим пленным нижним чинам приходится в Германии особенно тяжело. В пищу им отпускается по полфунта самого плохого хлеба в день, два раза в неделю дается по небольшому куску мяса, а в остальные дни только одна подболтка. Пленных солдат наряжают на всевозможные тяжёлые работы, подвергая страшно суровым наказаниям. Так, например, за мельчайшие проступки привязывают на несколько часов к дереву или заставляют бегать до изнеможения с мешком, полным песку, за спиной, который больно колотит по спине во время бега. Нижних чинов бьют палками, нагайками, прикладами — за малейшую оплошность.

Один нижний чин, написавший в письме домой, что он получает в пищу по полфунта хлеба в день и два раза в неделю мяса, — как то есть и на самом деле, был присуждён на два года в тюрьму за клевету.

На почве недоедания, при усиленной тяжёлой работе и отсутствии всякой медицинской помощи среди нижних чинов развивается большая смертность. Весьма часты и случаи самоубийств; так, недавно нижний чин зарезался коробкой из-под сардинок.

Сношение пленных разных лагерей между собой совершенно запрещено»¹⁹⁶.

Следует учесть, что ни одна из воюющих сторон «не была готова к размещению такого количества пленных солдат и офицеров противника и их обеспечению в условиях затянувшегося противосто-

яния»¹⁹⁷. При этом «в ходе войны стремление укрепить моральный дух собственного населения и повлиять на мнение нейтральных стран, измерявших цивилизованность воюющего государства по уровню смертности в лагерях военнопленных, обусловило желание всех сторон занижить или скрыть численность сдавшихся в плен собственных солдат, а также заболевших и умерших военнопленных противника»¹⁹⁸.

Несоответствие условий содержания санитарным нормам, голод и эпидемии, а также многочисленные нарушения положений международного права стали причиной высокой смертности в лагерях. По мнению отечественных исследователей, уровень смертности среди русских военнопленных составил 7,3%, а в целом в лагерях Центральных держав погибло 190 тыс. чел., из них около 100 тыс. — в Германии¹⁹⁹. При этом смертность среди выходцев из Российской Империи в два раза превышала соответствующие показатели пленных западноевропейских национальностей²⁰⁰. Согласно неполной немецкой статистике, 91,2% смертных случаев были вызваны болезнями (из них 39,8% по летальному исходу занимал туберкулез, 19% — пневмония и 5,5% — сыпной тиф, 31% — «прочие болезни», в которые, очевидно, входили такие «типично лагерные заболевания» как дизентерия, холера и истощение от голода), 8,2% — ранениями и 0,6% — самоубийствами²⁰¹.

Из Центрального Комитета Российского Общества Красного Креста в конце августа 1916 г. сообщали: «В Комитете получены сведения, что наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в значительно большем числе умирают от туберкулеза и что вообще зараза этой болезнью, принимая там на почве недоедания угрожающие размеры, может послужить очагом распространения этой болезни и в России при возвращении наших пленных. Ввиду этого необходимо кроме усиления продовольствования наших военнопленных посылками съестных припасов соглашение с Германией и Австро-Венгрией об эвакуации туберкулезных больных в нейтральные страны»²⁰².

Поднимался вопрос об обмене военнопленными-инвалидами (о взаимном возврате их на родину), о переводе больных и раненых военнопленных в нейтральные страны и их интернировании до конца войны²⁰³. Соответствующие соглашения были подписаны между несколькими воюющими державами, обмен осуществлялся при посредничестве «Красного Креста» и Ватикана. Однако в России решение данного вопроса тормозилось на уровне межве-

домственных согласований, о чем, в частности, свидетельствует секретная переписка между директором Второго департамента МИД России А.К. Бентковским и руководством Генерального штаба в феврале 1915 г. «Если, с одной стороны, — писал Бентковский, — удаление наших военнопленных из Германии может благоприятным образом отразиться на условиях их проживания, то с другой стороны, освобождение германского правительства от обязанности продовольствовать довольно крупное по числу своему количество военнопленных может в некоторой степени хотя бы на некоторое время улучшить его положение в отношении обеспечения народонаселения Германии питательными средствами, что с нашей военной точки зрения, несомненно, представляется крайне нежелательным»²⁰⁴. Главное Управление Генерального штаба в лице генерал-майора Леонтьева выразило полное согласие с данным мнением, хотя, безусловно, понимало, что голод и изнурительный труд для раненых и тяжелобольных людей равносильны смертному приговору. Но «политическая и военная целесообразность» оказалась для высоких чиновников важнее гуманитарных соображений и облегчения участи попавших в плен соотечественников.

Препятствия чинились даже общественным благотворительным инициативам по организации помощи пленным, сбору денег и отсылке продовольствия. Так, М.А. Алексеев призывал запретить публикацию в газетах объявлений о сборах, мотивируя это тем, что «пленные находятся в условиях жизни более сносных, чем защитники Родины на фронте, которые ежеминутно подвергаются смертельной опасности», и если сведения о голоде и жестоком обращении с пленными в лагерях до сих пор останавливали массовый переход к врагу, то сообщения о сборе денег и организации помощи могли настроить «малодушных, не усвоивших понятия долга, на сдачу», и, кроме того, собранные средства сократили бы «затраты немцев на содержание наших пленных» и позволили направить высвободившиеся ресурсы на ведение войны²⁰⁵.

В результате такого подхода помощь военнопленным из России была организована поздно и оказалась малоэффективной, а германские власти широко использовали в своих целях трагическое положение русских пленных, развернув в их среде пропаганду о том, что они брошены на произвол судьбы, подрывая тем самым и их моральный дух, и авторитет царского правительства.

Еще в апреле 1915 г. Русский посол в Париже сообщал, что в ряде лагерей «солдаты умирают с голода, посылка денег нецеле-

сообразна, так как покупать съестные припасы солдатам запрещено»²⁰⁶. Но на запрос начальника Генерального штаба о необходимости посылки пленным продовольствия, император Николай II ответил отказом, мотивируя его «невозможностью проверить, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для продовольствия германских войск»²⁰⁷. 29 июля 1915 г. начальник Генерального штаба направил начальнику Главного управления почт и телеграфов секретное письмо за № 1067 о запрете на пересылку сухарей в посылках для военнопленных²⁰⁸. Впрочем, через некоторое время этот запрет был снят.

Среди русского населения распространялись слухи, что посылавшиеся русским военнопленным посылки расхищались в Германии и Австро-Венгрии или конфисковывались по решению правительств этих стран. О пропаже посылок весьма эмоционально писала столичная и провинциальная пресса. В результате многие родственники и близкие знакомые военнопленных, а также некоторые общественные организации воздерживались от отправки им съестных припасов²⁰⁹. Между тем, многие посылки пропадали еще в пути, так и не достигнув границ Германии и Австро-Венгрии. Об этом 10 ноября 1915 г. в Московский комитет Красного Креста написал генерал-майор Иванченко: «Сын мой, капитан артиллерии, будучи искалеченным, еще в августе прошлого года попал в плен и теперь находится в лагере... Судя по тому, что пишут об участии наших военнопленных, этот лагерь надо признать исключительным. Из самых верных источников я знаю, что комендант у них прекрасный честный старик, очень заботящийся о возможном улучшении их участи, обращение корректное, за заболевшими уход прекрасный, но они голодают потому, что везде нехватка продуктов, и вся надежда на нашу помощь, а из нее выходит вот что: сын пишет: “М-м В... (Из Москвы) выслала мужу 14 посылок (непосредственно почтой) и мне 4. Ни одна не получена. Посылки приходят к нам с русскими печатями, с немецкой аккуратностью вскрываются в нашем присутствии и, в большинстве, оказываются обокраденными. ‘Ищи злодеев у себя’ ” ...»²¹⁰

Унтер-офицер И.И. Чернецов, чьи письма не раз цитировались в этой главе, попал в плен в 1915 г. Последнее письмо с фронта, полученное от него родными, датировано 15 января, первая открытка из плена — 15 июня 1915 г. Содержался он в лагере военнопленных в Германии, в городе Вормс. Письма из плена, вернее, открытки на стандартном бланке Красного Креста, разрешалось посылать

6 раз в месяц. Содержание большинства этих открыток в 10 строк у И.И. Чернецова стандартное: «Жив, здоров, спасибо за посылку...» А далее обычно следует перечисление ее содержимого, — вероятно, для того, чтобы убедиться, что по дороге ничего не пропало. И лишь 19 февраля по старому стилю (4 марта по новому стилю) 1917 г. в пасхальном поздравлении к родным его сдержанность и прагматичность уступает место чувствам: «Христос Воскресе! Милые и дорогие Лиза, Алексей Иванович и Бобочка! Поздравляю вас с великим праздником и от всей души желаю встретить и провести его в полном здоровье и душевном спокойствии. Мысленно находясь со всеми вами, я постоянно связан невидимыми духовными нитями, соединяющими нас, и пусть хоть это сознание будет вам и мне утешением в этот великий день. Посылки 10 и 11 получил 15 и 17 февраля. Сердечно благодарю за все. Поздравьте с праздником всех родных. Целую, любящий брат Ваня»²¹¹. На всех открытках из плена указан обратный адрес: «Для военнопленного. Унтер.-оф. Чернецов Иван. Бат. III, рота 15, N 1007. Германия, город Вормс (Worms)». Следует отметить, что сестра И.И. Чернецова Е.И. Огнева состояла в переписке не только с братом, но и с другими военнопленными из этого лагеря, его однополчанами, посылала им посылки и получала через них известия о брате, в свою очередь, передавая весточки от своих корреспондентов их семьям.

Возможность поддерживать связь с домом, с родными, подать им весточку, сообщить о себе, успокоить близких людей, находящихся в постоянной тревоге об их судьбе, являлась самой острой потребностью для пленных²¹². Главной темой писем были хозяйственные и семейные дела оставшихся дома близких, а основным стимулом, поддерживавшим волю людей к жизни, — стремление вернуться на Родину²¹³. Между тем, жесткая цензура и тщательная проверка писем и посылок приводила к значительным задержкам из России почтовых отправок военнопленным, для которых они являлись вопросами физического и морального выживания, а репрессии германских властей в форме отмены корреспонденции приводили к потере интереса к действительности: «люди падали духом, ходили как тучи и ни о чём не хотели слышать»²¹⁴. Возобновление контактов с Родиной мгновенно улучшало моральное состояние пленных, выводило их из депрессии.

Процесс приспособления солдат и офицеров к ситуации плена проявлялся в широком спектре поведенческих моделей — от пассивного принятия навязанных реалий и бегства от действительности

сти, разных форм сотрудничества с немецкими властями и лагерной администрацией, до скрытого и открытого сопротивления, включая стихийные и организованные выступления. Заключенные лагерей ревностно следили за развитием положения на фронтах, бурно обсуждали политические события в России. В целях самооправдания (в противовес распространенным на Родине подозрениям пленных в предательстве) своё пребывание в плену они пытались представить в свете мученического ореола, а то и внести элемент героизации, включая в самопрезентации отказ от работы на врага или неудачную попытку побега²¹⁵. Один из молодых офицеров характеризовал свои переживания за колючей проволокой как процесс социального взросления: «Из слабого мальчика я превратился в обросшего бородой мужчину, много пережил горя и лишений, но тяжелые испытания укрепили меня, теперь уже не страшно смотреть вперед»²¹⁶.

* * *

Неизвестные дневники рядовых участников Первой мировой войны, сегодня, спустя столетие, — редкая находка для историка, учитывая, что в архивах такие источники откладываются крайне редко. Как правило, они хранятся в семье авторов, и если их потомки осознают ценность подобных документов, рано или поздно они оказываются в экспозиции музеев, публикуются на страницах журналов, а то и издаются в виде отдельной книги. Но гораздо чаще они так и не находят своего читателя за пределами узкого круга ближайших родственников, а то и вовсе оказываются утрачены в результате смены поколений, переезда на новое место жительства и т.д.

В апреле 2014 г. проживающий в Екатеринбурге внук участника Первой мировой Владимир Яковлевич Фишелев, который бережно сохранил записки своего деда, в связи со 100-летним юбилеем начала войны почувствовал актуальность оказавшихся в его распоряжении дневниковых записей и стал искать возможность донести их до специалистов-историков и широкого круга читателей. Так в наших руках оказался этот уникальный исторический источник.

Его автор, рядовой 46-го Сибирского стрелкового полка 12-й Сибирской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта Рувим Моисеевич Фишелев, был мобилизован в армию 15 ноября 1914 г. и после прохождения в г. Омске военной подготовки, которая продолжалась до 31 декабря, направлен на фронт. В феврале 1915 г. вместе со своим полком прибыл в Западную Галицию, где участво-

вал в боевых действиях против австрийских войск. 28 апреля 1915 г. попал в плен. За 3 года и 7 месяцев плена побывал в разных местах Австро-Венгрии и вернулся на родину 22 ноября 1918 г. Всё это время он вел дневниковые записи, которые посвящены фронтовой жизни и пребыванию в плену. Дневник весьма интересен как по своему содержанию, так и по мировоззрению автора, насыщен множеством деталей военной повседневности, передает психологическую атмосферу эпохи, содержит оригинальные наблюдения и размышления, написан хорошим литературным языком. Вместе с В.Я. Фишелевым было подготовлено несколько вариантов публикации этого документа, в частности, для журналов «Рейтар»²¹⁷ и «Наука и религия»²¹⁸, продолжается работа над отдельным изданием дневника.

Во второй части записок Р.М. Фишелева открывается много бытовых подробностей повседневной жизни русских военнопленных в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны, таких как лагерная жизнь пленных, их участие в хозяйственных работах, система наказания за провинности, включая тюремное содержание, нормы питания, особенности отдыха и досуга, в том числе театральная самодеятельность, взаимоотношения в среде военнопленных и их контакты с местным населением многонациональной Австро-Венгерской империи, переписка с родными через Красный Крест, а также широкий спектр переживаний людей, оторванных от дома и лишенных свободы, оказавшихся в чужой языковой и социокультурной среде.

Как уже упоминалось выше, из более чем 3,4 млн военнопленных Русской армии почти 60% содержались на территории Австро-Венгерской империи. Одним из них был рядовой Рувим Фишелев.

Автор дневника подробно описывает обстоятельства своего пленения и переживаемые в этот момент чувства паники и страха: он и его товарищи были застигнуты врасплох, когда расположились на ночлег в каком-то местечке *«после пятисуточного непрерывного отступления»*, и к ним неожиданно *«ворвались немцы с фонарями, в касках, с ружьями наизготовку»*: *«Штыки все держат направленными на нас. Ну, думаю, пришел конец, сейчас начнут штыками действовать. Но они нас не тронули, а только кричат: “Эраус”, и показывают на дверь, выходить надо...»*.

Далее следует описание тяжелого пешего перехода в колонне пленных вглубь неприятельских тылов (плохая кормежка, ночлег на камнях посреди площади прямо под виселицей с казнёнными,

продырявившиеся в пути сапоги и разбитые в кровь ноги, и т.д.), отправка по железной дороге («Хуже, чем скот, по 70—80 человек, как сельдей в бочке, без нар, прямо на пол, ни сесть, ни лечь»; «В дороге кормят нас очень плохо, все время мы голодны»). При этом Р. Фишелев не забывает фиксировать особенности местности, состояние шоссейных дорог, чистоту и аккуратность населенных пунктов. Он жалеет, что не удалось увидеть Будапешт, который проехали ночью, зато отмечает красоты Вены, по которой пленных прогнали, «наверное, с целью показать жителям».

«Наша колонна растянулась через весь город...», — отмечал он. — «...Грязные, обросшие, немытые много суток, много босых с обгоревшими шинелями, исхудалые, изможденные. Еле двигались, как тяжело больные. Десять суток мы не имели возможности поспать как следует, поесть досыта, помыться. Мы не только физически устали. Но и моральный дух у нас был подавлен. Все это, конечно, отражалось на нашем внешнем виде».

Венцы разглядывали русских пленных внимательно, но не враждебно. Фишелев пишет о сочувственных взглядах публики, особенно женщин, при виде их, «утирающих слёзы», и даже попытках подкормить измученных пленных (в вагоны им бросали хлеб, шоколад, папиросы), хотя были и те, кто пришел посмотреть на них, «точно на зверей в клетках зоопарка». Особо Фишелев отмечает жестокость конвоиров-мадьяр: за глоток воды, принесенной по его просьбе местной жительницей, один из них набросился на него с нагайкой («Если б только эта женщина не закричала, то мне бы плохо пришлось, мадьяры очень злые, для него ничего не стоило меня вообще искалечить или даже убить. Были случаи, когда они стреляли в пленных...»; «...варвары мадьяры прогоняют публику и угрожают стрелять»).

Все эти записи Фишелев, по собственному признанию, сделал уже по прибытии в лагерь военнопленных в г. Брюкс (ныне Мост в современной Чехии) 6 мая 1915 г. В лагере их покормили, отвели в баню, провели дезинфекцию, выдали чистое бельё и отправили в санитарный барак на карантин. Фишелев отмечает: «Пожалуй, немцам надо отдать справедливость в аккуратности, и главным образом они следят за санитарным состоянием барачных и гигиеной плен-ных. Это очень хорошо, гарантирует от внесения какого-либо эпидемиологического заболевания».

Далее начинается освоение «лагерного пространства»: знакомство с распорядком, товарищами по несчастью, поиски земляков-сибиряков. Несколько дней спустя, 10 мая, Фишелев делает

неутешительное умозаключение: *«Да, мы действительно, настоящие пленники. И даже можно сравнить с арестантами. Все лагеря обнесены проволочными ограждениями и довольно высоко, часовые бдительно охраняют днем и ночью. Не разрешается пойти даже в соседний лагерь. Свобода в полном смысле ограничена. Это не то что у нас в России — пленные ходят куда угодно...»*

Он скрупулезно фиксирует скудный лагерный рацион («конечно, этого мало и все голодные»; «кормят “жареной водичкой”») и отмечает, что те из пленных, кто здесь «уже давно, сумели устроиться, где посытнее». Упоминает некоего «авантюриста», который еще в пути держался «поближе к офицерам в качестве переводчика», а в лагере «сумел втереться старостой барака». Сам Фишелев, как владеющий латинским шрифтом, ведет перепись вновь прибывших, «купил учебник и словарь для освоения немецкого языка».

В конце мая Фишелев заболел и с высокой температурой отправился в лагерный лазарет (околодок), где провёл почти неделю с диагнозом «инфлуэнция в лёгкой форме». Вывод из нового опыта: *«Кормят здесь больных лучше, чем в бараках»*. Позднее ему придется несколько раз обращаться к зубному врачу — пломбировать зубы. К доктору, ведущему прием в городе, его будет доставлять конвойный.

2 июня Фишелев с грустью записывает: *«Время идет без перемен. Однообразная жизнь, скучная, с переживаниями. Лишены всякой свободы и сношения с внешним миром»*.

Некоторое разнообразие внесло лихорадочное наведение «чистоты и порядка» перед прибытием «комиссии во главе с генералом», которая появилась только через несколько дней. По этому поводу Фишелев отмечает: *«Сегодня утром весь лагерь выстроили, выровняли, особенно старались фельдфебели, стараются выслужиться перед начальством — шкуры царского режима»*. В этих словах явно прорывается его довоенное прошлое (в Омске он был участником местного кружка народников).

Из дневника выясняется интересная подробность лагерной жизни. Австрийские власти расселили пленных по национальностям: Фишелев упоминает еврейский, польский, татарский бараки. Возможные причины такого подхода к размещению военнопленных: стремление облегчить управление разношерстным контингентом и обеспечить дисциплину в лагере, уменьшить количество конфликтов между пленными (в этнически пестрой Австро-Венгрии проблема острых взаимоотношений между представителями разных национальностей была хорошо известна); подготовить поч-

ву для пропагандистской работы с разными этническими группами с последующим их использованием для разжигания сепаратистских настроений внутри Российской Империи.

В середине июня 1915 г. Фишелева с товарищами переводят в другой лагерь, начинают выводить на работы. Но настроение пленных подавленное. Зреет недовольство условиями содержания.

Видимо, лагерная администрация озаботилась проблемой «культурного досуга» своих подопечных, потому что 25 июня в дневнике появляется следующая запись: *«Комендант разрешил организовать театр для военнопленных, отвели специальный барак. Есть художник, парикмахер, также есть артисты профессионалы и, конечно, будут любители»*. Начинается подготовка декораций, оркестра, «театральной труппы» (русской и еврейской). Идут репетиции водевиля «Шельменко-денщик» и других пьес.

Причастность к лагерному театру (а также зачисление «в цех мастеров по ажурному выпиливанию») несколько смягчила режим Фишелева: 9 июля он посещает офицерский лагерь (*«Офицеры в лагере имеют бильярд, игры, карты и питание хорошее»*), а на обратном пути через город заходит в кондитерскую «полакомиться» и покупает пирожные.

13 июля при открытии театра была объявлена его цель — *«дать возможность пленным [получить] некоторые развлечения и отвлечься в этой тяжелой жизни»*. Спектакли ставятся на русском и еврейском языках. Фишелев подробно описывает репертуар (довольно обширный), игру актёров, реакцию публики. Вход платный — сбор идёт на нужды театра. Между тем, за кулисами начинаются конфликты и ссоры, как «в каждом театре». Беда в том, что нет настоящего руководителя-режиссера: *«каждый хочет быть старшим, а организовать не может»*.

И все же благодаря театру *«на время пленные хоть немного забывали о своем тяжелом положении»*, а если «театр закрыт [это стало одним из видов наказаний в лагере, активно применяемом комендантом], время тянется мучительно, безделье хуже всего». Сам Фишелев на лагерной сцене время от времени декламирует стихи и басни.

Помимо театральных забот, в лагере *«жизнь течет однообразная, скучная»*. Пленные живут ожиданием писем из дома, но почту доставляют нерегулярно, иногда и вовсе перестают принимать. Фишелев беспокоится о родных, от которых нет никаких известий. Первую весточку с Родины он получит лишь через четыре месяца плена, 30 августа 1915 г.

Между тем, *«комендант требует от пленных дисциплины: чтобы было смирно, правильно построены ряды, сам ходит, ровняет ударами палочки... Частенько наказывает пленных даже за пустяки по 25—50 ударов. Нечего сказать, гуманное обращение»*. Позднее, уже в январе 1916 г., Фишелев запишет в дневнике: *«Сегодня мы явились свидетелями новой меры наказания пленному в лагере. Провинившегося пленного привязали за руки и ноги к столбу в висячем положении. Это варварское наказание. Вот вам и немецкая культура»*. Всё чаще жизнь в плену сравнивается с тюремным заключением: *«разница между пленными и арестантами небольшая»*. Упоминается о нескольких случаях побега из лагеря, но каждый раз беглецы были пойманы и наказаны. Товарищи восхищаются храбростью бунтарей, но не спешат следовать их примеру.

30 июня 1915 г. Фишелев пишет о похоронах одного из товарищей: *«Печальная картина: на чужбине, без родных, безвременно умер человек. На кладбище уже 93 погребения, памятники — простые деревянные кресты»*.

Несколько раз в дневнике упоминаются праздники: 5 августа — день рождения австрийского императора Франца Иосифа (*«повсюду флаги, на работу никого не посылают»*), 4 сентября — какой-то еврейский праздник, на который *«собрались из всех лагерей евреи»*; 12 декабря — Рождество по новому стилю, *«австрийцы празднуют, и пленные освобождены от работы»*; 26 декабря — Рождество по старому стилю — *«в театре устроили ёлку, пел хор, танцы, ... вечер прошел удачно, публика осталась довольна»*; 1 января — Новый год, в середине апреля — день русской и немецкой Пасхи...

О событиях на фронтах и «международном положении» в лагере узнают, в основном, по слухам. Об этом в дневнике на всём его протяжении лишь скудные короткие записи: 15 июня 1915 г.: *«Немцы снова заговорили о своих победах. Как будто взят Львов. Что-то не верится»*. 24 июля: *«Наши, как вроде, всё отступают»*. 13 августа: *«Говорят, что в России — манифест о полном равноправии всех национальностей. Это очень хорошо, если только правда»*. 12 января 1916 г.: *«В газетах сообщают, что Болгария просит мира. Сербия и Италия близки к этому, а Персия — против, готовится воевать против России. Но газетным сообщениям нельзя придавать значения»*. 9 августа: *«Газеты сообщают, что в Галицию введены турецкие войска для противодействия русским войскам»*. 17 августа: *«Румыния объявила войну Австрии, а Германия — Италии, Болгария и Германия — Румынии. Пойдет теперь новая потасовка. Теперь-то уж кажется, на скорое окончание войны нельзя надеяться»*.

Она больше разгорается и затягивается». 1 сентября: «В газетах сообщают, что взято в плен 20 тысяч румын, много оружия. Однако говорят о мобилизации поляков, находящихся в плену Австрии и Германии». 12 ноября: «Позавчера, оказывается, умер Франц Иосиф — царство ему немецкое! Что-то об этом событии не особенно распространяются...»

Запомнился визит в лагерь в середине декабря «свободного человека из России» — сестры милосердия графини Шереметьевой, которая «выражала пленным сочувствие», «расспрашивала и утешала», оставила пожертвование на церковь и памятник умершим в плену, «обещала урегулировать почтовое сообщение». К её визиту солдатам выдали бельё, сапоги, щетки и прочее, дабы продемонстрировать, «как немцы заботятся о русских пленных». А главное — обед приготовили «лучше, чем всегда».

В конце января 1916 г. Фишелев жалуется, что «в лагере условия жизни все ухудшаются, комендант что-то взялся слишком строго наказывать. Всех без исключения приказал гонять на работы и очень рано поднимают <...> так что не до театра... Комендант стал ужасно скверным — совсем с людьми не считается». Однако в воскресенье на работу не ходили и «небольшой концерт провели».

Работают пленные на осушении болот. Работа тяжелая, с шести утра до шести вечера, питание плохое. Фишелев сопровождает партию в качестве переводчика, хотя по-немецки говорит еще плохо, «нет практики».

Товарищи Фишелева, отправленные на работу далеко за пределы лагеря, возвращаясь, делятся с ним впечатлениями: «на сахарном заводе хорошо, питание хорошее, и время проходит лучше, чем в лагере».

Стремление вырваться из опостылевших бараков и из-за колючей проволоки настолько велико, что отправка на работу «куда-либо» воспринимается с радостным ожиданием — хоть какие-то перемены. Есть надежда, что перемены будут к лучшему, но поначалу она не оправдывается: работа в поле тяжелая, по 12 часов в день, пищи мало, жильё неважное, жалованье мизерное. Позднее, уже на другом месте, условия окажутся лучше. А главное — появится возможность общения с чешским населением, которое относится к пленным сочувственно, а «девушки смотрят с любопытством и не прочь поговорить». Завязываются первые знакомства. На работах русские пленные встречаются с пленными «союзниками» — итальянцами, сербами, а также с «цивильными» рабочими — чехами, поляками, русинами. Автор дневника делает меткие наблюдения об их национальном характере, обычаях и культуре.

Находясь на полевых работах, Фишелев получает посылки из дома и из Голландии (по линии Красного Креста) и делит их со своими товарищами: *«не буду же я один есть»*. Посылок приходит довольно много, он подробно перечисляет их содержимое: галеты, масло, сгущенное молоко, белый хлеб, колбаса... В более поздних записях обращает на себя внимание едкое замечание о присланных Красным Крестом *«десятилетних галетах»*, которые невозможно разгрызть и о которые Фишелев сломал себе передний зуб.

В конце сентября 1916 г. ситуация меняется к худшему: на сахарном заводе начинается кампания по переработке свеклы, пленных, вопреки установленным правилам, заставляют работать по воскресеньям, кормят похлёбкой из червивого мяса. Солдаты протестуют и жалуются управляющему (*«Пусть не думают, что русские — это свиньи, всё съедят»*). Второй конфликт гораздо серьезнее: после отказа выйти на работу в обещанный выходной Фишелев и его товарищи оказались под арестом как забастовщики, были отданы под военный суд и в декабре 1916 г. приговорены к трём месяцам строгого тюремного заключения. В ожидании суда и приговора они находятся в лагере: *«голодаем ужасно»*, *«можно ноги протянуть»*, *«пища в лагере с каждым днём всё хуже»*, *«купить в лагерной лавке нечего, кроме плохих яблок»*, *«в бараках холодно, <...> от плохого питания кровь не греет»*... Фишелев ругается: *«Немецкий порядок, культура, черт бы их побрал...»*, *«варварские законы в так называемой культурной стране Германии»*.

Несколько страниц дневника посвящено содержанию пленных в австрийской тюрьме с января по апрель 1917 г., их взаимоотношениям и борьбе за кусок хлеба. *«Условия здесь ужасные: кормят, конечно, очень плохо, вид у заключенных изможденный, исхудалый и к тому же какой-то озверелый, притупленный...»*.

Именно здесь пленных застало известие о Февральской революции в России. Газета с новостью о том, что *«сбросили Николая II»*, была передана конвойными и обсуждалась заключенными *«с большой радостью и надеждой»*. Фишелев с воодушевлением пишет: *«Мы все надеялись, что скоро война закончится, и мы поедим домой... Какие же события сейчас происходят у нас на родине? Наверное, происходят митинги, речи, свобода слова, печати и равноправие для всех. Как хорошо бы сейчас находиться в России. Здесь время идет однообразно, один день сменяет другой без изменения...»*

10 апреля Фишелев с товарищами, отбыв трехмесячный срок, освобождается из тюрьмы и возвращается в лагерь, где *«люди ходят*

опухшие от голода». «О скором возвращении домой и мире здесь ничего не слышно».

Вновь направление на работу, на этот раз в более щадящем режиме. *«Время течет однообразно»,* писать не о чем и «как-то не хочется», и Фишелев на несколько месяцев забрасывает свой дневник, возвращаясь к записям 15 августа 1917 г.: ярким и значительным событием для него становится поездка к зубному врачу в Прагу в сопровождении конвоира «без винтовки». После визита к врачу оба — и пленный, и охранник — отправляются обозревать город. Фишелев восторженно описывает красоту Праги, ее архитектуру, нарядную публику. И делает неожиданные умозаключения: *«Всюду чистота, порядок, тротуары каменные, дорога асфальтированная, никогда нет грязи, пыли, много зеленых насаждений, цветов. А как же выглядят наши сибирские города? Очень коротко выражаясь — как день и ночь. А наши дороги, какая непролазная грязь! Только можно надеяться, что при помощи революционной власти будет все иначе. Так жить дальше нельзя. Пленные сами теперь увидели, что за границей люди живут лучше, культурней, и нам надо жить не хуже, а почему бы и не лучше?»*

Режим содержания пленных явно смягчается: Фишелев всё чаще упоминает свои поездки с одним из товарищей в разные города «без конвоира».

5 ноября он сетует на то, что *«уже около года как из дома ничего нет, да никто из товарищей также ничего не получает».*

15 ноября в дневнике фиксируется важная политическая новость и вызванные ею настроения среди пленных: *«Снова большие события прошли в России: власть взяла в свои руки так называемая “партия большевиков”! 7 ноября в Москве. Теперь у нас большие надежды на скорое возвращение домой. Ребята все повеселели. Но что это за партия большевиков? Мы ничего не знаем. Но, во всяком случае, это не самодержавная власть и не генеральская — скорее, народная, для которой нужен, скорее, мир, чем ненужная никому война. Как хотелось бы быть сейчас в России!.. Хотя бы скорее восстановилось почтовое сообщение, чтобы можно было послать письмо, и получить из дома весточку. Немцы говорят — у вас в России гражданская война, а она может продлиться долго. Может быть, наоборот, новая власть скорее заключит мир, а тогда и гражданской войны не будет. Миллионы пленных возвратятся на родину, захотят мирно жить и трудиться и не допустят гражданскую войну. Также с фронта солдаты с оружием в руках покончат с царскими генералами и офицерами».*

Но еще почти год Фишелев и его товарищи остаются на положении пленных. Хотя последующие записи отражают уже не «лагерную жизнь», а знакомства с местными жителями, легкий флирт с девушками, и т.п.

Записи скудные — за май 1918 г. всего несколько строчек: *«Вот уже четвертая весна плена наступает. Весной, летом, да и вообще, в Сибири климат более суровый, здесь климат теплый, мягкий, но ведь, зато Сибирь — это наша родина! Я так тоскую даже о нашей холодной, снежной зиме»*. За июль—август — упоминание о большом урожае персиков, яблок и груш.

Зато 2 ноября отмечены *«события исторической важности для народов Чехословакии — 28 октября Чехословакия была провозглашена свободной независимой республикой. Президентом был избран Бенеш... Наконец-то Чехословакия освободилась от многовековой зависимости от Австрии. Австро-Венгрия — это была лоскутная монархия, после поражения Германии останется, наверное, один лоскуток, а все остальные государства также освободятся от ига этой монархии... Мы все рады за чехов. Они к нам хорошо относятся. Теперь у нас определенная надежда, что чешская новая республика всех военнопленных освободит. Такого же мнения и чехи. В нашем городке большое ликование. Представляю, что творится в Праге, и вообще, по всей Чехословакии!»* Через несколько дней он навещает своих знакомых и отмечает с ними это радостное событие.

Последняя часть дневника посвящена возвращению на Родину: *«Итак, наконец-то наш долгожданный час настал — мы свободны. 15 ноября нам сообщили, что мы можем ехать домой как свободные граждане»*, — ликуя, пишет Фишелев. Он подробно описывает формальные процедуры оформления документов, прощание с друзьями, ожидание пассажирского поезда для отправки домой. Утром, перед посадкой в эшелон, ему удалось на вокзале пообщаться с прибывшими из России бывшими пленными австрийцами и чехами. *«Мы сразу же атаковали их, расспрашивая, как у нас жизнь, и что происходит в России. Рассказывают неутешительно: идет гражданская война между белыми и красными. В Сибирь и из Сибири пленных не пускают...»*. Нашлись агитаторы, призывающие пленных не возвращаться домой, а остаться *«в тепле и сытости» «там, где работали»*, *«пересидеть до весны»*. Фишелев гневно отказывается: *«Мы поедem в Россию, а возвращаться обратно... просто преступно, глупо... Не повезут, так пешком пойдem, в крайнем случае. На родине с голоду и холоду не погибнем... Вскоре поезд отправил-*

ся, и на душе стало веселее, ведь едем в Россию, а на родине не пропадем!».

22 ноября эшелон с бывшими пленными пересек границу, и рядовой Рувим Фишелев заканчивает свой дневник восторженным восклицанием: «...Мы, наконец, находимся на родной земле матушки России, родины нашей... Здравствуй, дорогая наша родина, поехали домой в нашу далекую любимую Сибирь! Вперед, вперед!»

Автор дневника вернулся на Родину, где прожил долгую жизнь, вырастил детей и внуков. Уже в пожилом возрасте он активно переписывался на немецком языке с товарищем по плену из Чехословакии. И сводил в единую общую тетрадь свои записные книжки, сохранив для потомков «виденное и пережитое» в Первую мировую войну. Скончался Рувим Моисеевич Фишелев в 1975 г. в возрасте 85 лет.

* * *

В целом, следует отметить, что опыт плена был для каждого столь же индивидуален, как и собственно фронтовой опыт. Кому-то везло больше, кому-то меньше. У офицеров было больше шансов на выживание, чем у нижних чинов, у здоровых — больше, чем у раненых и больных, у владевших каким-либо ремеслом — больше, чем у тех, кто его не знал, у образованных — больше, чем у неграмотных, и т.д. Условия, в которых содержались военнопленные, зависели не только от общегосударственной политики, экономических причин, постоянного нагнетания в обществе «образа врага», вызывавшего у разных слоев населения рост ненависти к пленным, но и просто от «человеческого фактора»: злоупотребление полномочиями, неконтролируемый произвол в лагерях и рабочих командах исходили, чаще всего, от местного начальства. «В отдельном лагере уровень насилия зависел, прежде всего, от коменданта, которому принадлежало не только право определять дисциплинарный режим, но и принимать окончательные решения о реализации наказаний в конкретных случаях»²¹⁹.

Несмотря на все материальные и моральные тяготы, выпавшие на долю военнопленных, необходимо признать, что, в отличие от лагерей уничтожения Второй мировой войны, «места содержания военнопленных в Первую мировую войну обладали многими чертами переходного типа, соединив в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окруже-

нием) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальную и политическую агитацию)»²²⁰.

Различные условия содержания (проходные (карантинные) и основные лагеря, штрафные лагеря для пойманных беглецов или привилегированные агитационные лагеря для национальных меньшинств, выступавших объектом особого внимания для немецких пропагандистов, отличались друг от друга весьма существенно, как и нахождение в сельских (более «сытых»), промышленных и прифронтовых (более «голодных») рабочих командах); разная степень изоляции офицерских и солдатских лагерей; разнообразные формы самоорганизации пленных (в том числе комитеты и кассы взаимопомощи, офицерские суды чести и лагерные товарищеские суды) и виды лагерного досуга (школы, библиотеки, кружки, самодеятельные театральные спектакли и концерты, художественные выставки, лагерные газеты, игра в шахматы и проч. — всё то, что имело место в период Первой мировой, но невозможно представить для советских военнопленных в фашистской Германии во Второй мировой войне, хотя у размещенных по соседству в тех же лагерях англичан и французов подобный досуг спокойно существовал); отправление религиозных обрядов и праздников; сложная система внутрилагерной иерархии и выстраивание отношений в сообществе пленных, — всё это было многогранной реальностью повседневной жизни в условиях военного плена.

Тяжелым испытанием стало и переживание революционных событий в России, и последующее возвращение бывших военнопленных на Родину, раздираемую новой, уже Гражданской, войной, где каждому пришлось выбирать, какую принять сторону в междоусобном конфликте. И их индивидуальная память о пребывании в плену оказалась пропущена через идеологические фильтры в зависимости от сделанного выбора, вписавшись в структуру коллективной памяти либо новой большевистской России, либо анти-советской эмиграции.

* * *

Первая мировая война заняла в русской истории особое место. Широкое распространение патриотических настроений, особенно на начальном этапе войны, наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судьбы страны позволило и в официальной пропаганде, и в народном сознании утвердиться таким её определениям как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие

годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их на большевистское определение войны как «империалистической» или более нейтральное — «германской».

Конечно, и общество, и армия были весьма неоднородны, и вследствие этого достаточно дифференцированным было в них отношение к войне. Так, в дворянских, купеческих и даже мещанских городских слоях патриотические чувства были чрезвычайно сильны. Однако для основной крестьянской армейской массы война так и осталась во многом непонятной и чужой. Это обстоятельство отмечали многие современники. О подобных настроениях писала в своих записках сестра милосердия княгиня Лидия Васильчикова, которая заметила, что военные действия вдали от собственного дома совершенно не волновали крестьян. Они были равнодушны к тому, кто оказывался победителем, но лишь до тех пор, пока война не затянулась и не было нарушено обещание, что она закончится к Рождеству. С этого момента крестьяне стали видеть в войне бесполезную затею в интересах лишь союзников России, сводивших счеты с германцами. Сыновей крестьян призывали на фронт, лишая хозяйство рабочих рук, и безразличное отношение к войне вскоре сменилось антивоенным. В этом Васильчикова отчасти видела причину успеха большевистской пропаганды в 1917 г., призывавшей солдат дезертировать, бросать оружие и возвращаться домой²²¹.

Таким образом, уже в ходе самой войны в сознании большинства народа закрепились ее «непонятность», «ненужность», «непопулярность». В дальнейшем на это восприятие наложились еще более драматичные для России события — две революции и Гражданская война, а затем и отношение к Первой мировой со стороны победившей Советской власти, активно и грамотно проводившей идеологическую обработку населения, в том числе и в области формирования отношения к историческим событиям, расстановке необходимых политических акцентов. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми. И вскоре Первая мировая оказалась на пери-

ферии общественного сознания, была вытеснена из него и на долгие десятилетия стала «забытой войной».

По определению И.В. Нарского, «в России вытеснение прошлого приняло характер *коллективного забывания...*»²²², при этом «перетолковывание недавнего прошлого осуществлялось не только “сверху”, со стороны властей, но и “снизу”. Это позволяло найти смысл во внезапно ставшей бессмысленной действительности и помогало перекодировать индивидуальный опыт и биографию, придав ей значимость и героический флёр... Поскольку Первая мировая война для России не была официально завершена, а перешла в войну Гражданскую, последняя заместила в коллективной памяти современников события, начиная с Первой мировой войны, “переименованной” из “германской” в “империалистическую”. Весь период с 1914 г. до окончания голодомора 1921—1922 гг. был воспринят российскими очевидцами как непрерывная “семилетняя война” с апогеем в 1918—1920 гг. <...> Между тем, многие ветераны неудачной для России Первой мировой войны, по-видимому, были вынуждены до конца своих дней быть пленниками собственной памяти, оставаясь один на один с личными воспоминаниями и индивидуальным фронтовым опытом...»²²³.

Этот опыт во всём многообразии своих проявлений наложил отпечаток на сознание миллионов наших соотечественников, породил психологический феномен «человека с ружьем», который вскоре выплеснулся за пределы солдатской массы. «Несмотря на то, что Первая мировая война как полноценная страница российской истории была вытеснена из официального и общественного дискурсов, в сознании и поведении людей она оставила явные следы»²²⁴. Именно с этого момента можно говорить о массовой милитаризации общественного сознания в нашей стране за счет проникновения в гражданскую среду характерных черт психологии комбатанта.

Примечания

- ¹ Семанов С.Н. Предисловие // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 8.
- ² Рид Джон. Вдоль фронта // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 384.
- ³ Россия в мировой войне 1914—1918 года. (В цифрах). М., 1925. С. 17—20, 30—31.
- ⁴ Чемоданов Г.Н. Последние дни старой армии. М.; Л., 1926. С. 78.
- ⁵ Арамилев В. В дыму войны // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 542.

- ⁶ Лемке М. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. С. 401—403.
- ⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 730. Л. 14 об.
- ⁸ См.: Козлов С. Звуки войны (по материалам фронтовых свидетельств 1914—1918 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 171—196.
- ⁹ Оськин Д. Записки солдата. // Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 481.
- ¹⁰ Там же. С. 485.
- ¹¹ Арамилев В. Указ. соч. С.540—541.
- ¹² Степун Ф.А. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 39.
- ¹³ Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 161.
- ¹⁴ Съедин С.И., Абдурахманов Р.А. Психологические последствия воздействия боевой обстановки. Учебное пособие. М., 1992. С. 6.
- ¹⁵ Из дневников офицера русской армии Бакулина // Голоса истории. Материалы по истории первой мировой войны. Сб. научных трудов. Вып. 24. Кн. 3. М., 1999. С. 50.
- ¹⁶ Асташов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 269.
- ¹⁷ Войтоловский Л. Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998. С. 209.
- ¹⁸ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 13—14.
- ¹⁹ Чемоданов Г.Н. Указ. соч. С. 63.
- ²⁰ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 9.
- ²¹ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 29.
- ²² Герасимов М.Н. Пробуждение // Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 563
- ²³ Там же. С. 564.
- ²⁴ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 42.
- ²⁵ Там же. С. 41.
- ²⁶ Там же. С. 42.
- ²⁷ Сергеев-Ценский С.Н. Брусиловский прорыв // Первая мировая / Сост., предисл., вступит. статьи к документам и коммент. С.Н. Семанова. М., 1989. С. 139—140.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 730. Л. 32.
- ²⁹ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 49.
- ³⁰ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50; № 1. С. 76.
- ³¹ Российский государственный архив новейшей истории. Центр документации Народный Архив (далее — РГАНИ. ЦДНА). Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 35—36.
- ³² Чемоданов Г.Н. Указ. соч. С. 49.
- ³³ Там же. С. 46.
- ³⁴ Там же. С. 53—54, 63—64.
- ³⁵ Вишневский В.В. Война // Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 380.
- ³⁶ Дрейлинг Р. Указ. соч. С. 160.
- ³⁷ Падучев Вл. Записки нижнего чина // Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 534.
- ³⁸ Центральный московский архив-музей личных собраний (далее — ЦМАМЛС). Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 81. Л. 17—19(об.).

- ³⁹ Головин Н. Обширное поле военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 20.
- ⁴⁰ Краснов П. Душа армии. Очерки по военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 44.
- ⁴¹ Цит. по: Измествев П.И. Очерки по военной психологии. Некоторые основы тактики и военного воспитания. Пг., 1923. С. 94.
- ⁴² Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 39—41.
- ⁴³ Там же. С. 42.
- ⁴⁴ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 38.
- ⁴⁵ ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 80. Л. 69—74(об).
- ⁴⁶ Там же. Д. 87. Л. 10—11(об).
- ⁴⁷ Там же. Д. 81. Л. 21
- ⁴⁸ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М. 2001. С. 250.
- ⁴⁹ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3—5.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7—10.
- ⁵¹ Арамилев В. Указ. соч. С. 537—538.
- ⁵² Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 56.
- ⁵³ Там же. С. 64—65.
- ⁵⁴ Там же. С. 100.
- ⁵⁵ ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 81. Л. 35—40 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 35—40 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 82. Л. 28.
- ⁵⁸ Там же. Д. 83. Л. 50—55 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 93—97 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 81. Л. 17—19 об.
- ⁶¹ Степун Ф.А. (Н. Лугин). Указ. соч. С. 26.
- ⁶² Рид Джон. Указ. соч. С. 386.
- ⁶³ Войтоловский Л. Указ. соч. С. 42.
- ⁶⁴ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 99—100.
- ⁶⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 533. Л. 75—76.
- ⁶⁶ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 54—55.
- ⁶⁷ Там же. С. 102.
- ⁶⁸ Арамилев В. Указ. соч. С. 539—540.
- ⁶⁹ Там же. С. 538.
- ⁷⁰ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 49.
- ⁷¹ Аранович А.В. Интендантское снабжение Русской армии во второй половине XIX — начале XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2006. С. 313.
- ⁷² Оськин Д. Записки солдата. С. 480—481.
- ⁷³ Окунев Я. Воинская страда // Первая мировая: Воспоминания, репортажи, очерки, документы. М., 1989. С. 4893—494.
- ⁷⁴ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3—5.
- ⁷⁵ Там же. Л. 11—13.
- ⁷⁶ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 56—57.
- ⁷⁷ Там же. С. 61.
- ⁷⁸ Там же. С. 74.
- ⁷⁹ Там же. С. 76.
- ⁸⁰ Там же. С. 77.
- ⁸¹ Там же. С. 88.
- ⁸² Там же. С. 95—96.
- ⁸³ Там же. С. 96—97.

- ⁸⁴ ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 80. Л. 35—40(об).
- ⁸⁵ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 24—25.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 23—24, 34—38; *Жиглинский А.Н.* Реквием. М., 2004. С. 86, 92.
- ⁸⁷ *Степун Ф.А. (Н. Лугин)*. Указ. соч. С. 13.
- ⁸⁸ *Оськин Д.* Записки солдата. С. 480—481.
- ⁸⁹ *Вишневский В.В.* Указ. соч. С. 378.
- ⁹⁰ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11—15; *Жиглинский А.Н.* Указ. соч. С. 82.
- ⁹¹ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 32—34; *Жиглинский А.Н.* Указ. соч. С. 91.
- ⁹² *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 423—424.
- ⁹³ *Чемоданов Г.Н.* Указ. соч. С. 27.
- ⁹⁴ *Арамилев В.* Указ. соч. С. 537.
- ⁹⁵ Там же. С. 539.
- ⁹⁶ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11—15; *Жиглинский А.Н.* Указ. соч. С. 81—82.
- ⁹⁷ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 11—13.
- ⁹⁸ Там же. Л. 17—18.
- ⁹⁹ Там же. Л. 17—18.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 20—21.
- ¹⁰¹ *Степун Ф.А. (Н. Лугин)*. Указ. соч. С. 32—33.
- ¹⁰² Стодол — сарай
- ¹⁰³ *Оськин Д.* Записки солдата. С. 482—483.
- ¹⁰⁴ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 80.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 55.
- ¹⁰⁶ *Катаев В.П.* Юношеский роман // *Катаев В.П.* Собр. соч. В 10 т. М., 1984. Т. 7. С. 322—323.
- ¹⁰⁷ *Степун Ф.А. (Н. Лугин)*. Указ. соч. С. 57—58.
- ¹⁰⁸ ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 87. Л. 10—11 об.
- ¹⁰⁹ *Арамилев В.* Указ. соч. С. 537—538.
- ¹¹⁰ *Оськин Д.* Записки солдата. С. 482.
- ¹¹¹ *Асташов А.Б.* Война как культурный шок ... С. 268.
- ¹¹² *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 342.
- ¹¹³ *Аранович А.В.* Указ. соч. С. 375.
- ¹¹⁴ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С.47.
- ¹¹⁵ Там же. С. 85.
- ¹¹⁶ Там же. С. 91.
- ¹¹⁷ Там же. С. 102.
- ¹¹⁸ Там же. С. 112.
- ¹¹⁹ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С.425—426.
- ¹²⁰ *Оськин Д.* Записки прапорщика // Откровенные рассказы. С. *Мстиславский.* Откровенные рассказы полковника Платова о знакомых и даже родственниках; *Д. Оськин.* Записки прапорщика. М., 1998. С. 247.
- ¹²¹ Там же. С. 252.
- ¹²² *Федорченко С.З.* Народ на войне. М., 1990. С. 39—40.
- ¹²³ *Асташов А.Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 373—374.
- ¹²⁴ *Оськин Д.* Записки солдата. С. 315—316.
- ¹²⁵ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 75.
- ¹²⁶ Там же. С. 87.

- ¹²⁷ *Асташов А.Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. С.375.
- ¹²⁸ *Чемоданов Г.Н.* Указ. соч. С. 121.
- ¹²⁹ Там же. С. 123—124.
- ¹³⁰ Там же. С. 110.
- ¹³¹ *Федорченко С.* Указ. соч. С. 265.
- ¹³² *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 57.
- ¹³³ *Хрящева А.* Крестьянство в войну и революцию. М., 1921. С. 18, 25.
- ¹³⁴ См.: *Асташов А.Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. С. 376—377.
- ¹³⁵ *Федорченко С.* Указ. соч. С. 316.
- ¹³⁶ Цит. по: *Асташов А.Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. С. 377.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же. С. 373.
- ¹³⁹ *Степун Ф.А. (Н. Лугин).* Указ. соч. С. 20—21.
- ¹⁴⁰ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 229.
- ¹⁴¹ Цит. по: Там же. С. 332.
- ¹⁴² ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 82. Л. 38—39(об).
- ¹⁴³ *Оськин Д.* Записки прапорщика. С. 245, 247.
- ¹⁴⁴ *Федорченко С.З.* Указ. соч. С. 70.
- ¹⁴⁵ *Степун Ф.А. (Н. Лугин).* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁴⁶ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 51—52.
- ¹⁴⁷ Каптернамус — унтер-офицер, заведующий ротной кладовой, в которой хранятся оружие, амуниция, одежда солдат.
- ¹⁴⁸ *Арамилев В.* Указ. соч. С. 540.
- ¹⁴⁹ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 63.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 52.
- ¹⁵¹ Там же. С. 60.
- ¹⁵² *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914—1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. №1. С. 201, 203.
- ¹⁵³ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11—15; *Жиглинский А.Н.* Указ. соч. С. 81.
- ¹⁵⁴ ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 82. Л. 52.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 80—83 об.
- ¹⁵⁶ *Степун Ф.А. (Н. Лугин).* Указ. соч. С. 152.
- ¹⁵⁷ *Жиглинский А.Н.* Указ. соч. С. 27.
- ¹⁵⁸ ЦМАМЛС. Ф. 69. М.М.Исаев (1880—1950). Оп. 1. Д. 87. Л. 34—35.
- ¹⁵⁹ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 4. См. также: Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. Ч. 1, 2 и 3. М., 1921.
- ¹⁶⁰ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (В цифрах). М., 1925. С. 39.
- ¹⁶¹ *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65—78; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914—1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129—137; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999; *Солнцева С.* Военный плен в годы Первой мировой войны: новые факты // Вопросы истории. 2000. № 4—5. С. 98—105; *Нагорная О.В.* : 1) Проблемы военного плена в восприятии власти и общественности России в период Первой мировой войны // Юбилей России. 2005: историко-политологический альманах. Челябинск, 2005. С. 128—138 ; 2) Религиозная жизнь русских военно-

- пленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 156—164 ; 3) Русские генералы в немецких лагерях военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 94—108; *Симонова Т.* Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны // Журнал Московской патриархии. 2006. № 5; *Абдрашитов Э.* О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социс. 2006. № 4. С. 131—135; *Галицкий В.П.* Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки // Последняя война Российской империи. М., 2006; *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. №1. С. 93—105; *Телицын В.Л.* Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011; и др.
- ¹⁶² *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922). М., 2010.
- ¹⁶³ *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914—1922 гг.). М., 2014.
- ¹⁶⁴ *Суржикова Н.В.* : 1) Военнопленные I Мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // Вестн. Пермского ун-та. Сер. История. 2011. Вып. 3(17). С. 58—65 ; 2) Военнопленные в Богословском горном округе: контакты, конфликты, конвенции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1(99). С. 123—129 ; 3) Военнопленные в Богословском горном округе: статистика и экономика // Изв. Уральского госун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 3(93). С. 110—129 ; 4) Военнопленные Первой мировой войны на занятых «белыми» территориях Урала и Сибири в 1918—1919 гг. // Наука. Общество. Человек: Вестн. Уральского отделения РАН. 2013. № 4. С. 79—90 ; 5) Измерения плена: Россия, Урал, Коноваловский завод, 1916 г. // Уральский исторический вестн. 2012. №. 1(34). С. 122—133 ; 6) Перепись военнопленных Первой мировой войны в России: причины, условия, итоги (по материалам Пермской губернии) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 23—27 ; 7) Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 — первая половина 1917 г.) // Вестн. Челябинского госун-та. 2009. № 28. Сер.: История. Вып. 34. С. 167—173 ; 8) Производительность труда пленных иностранцев на Урале. 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 149—155 ; 9) Российский плен 1914—1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // Cahiers du Monde russe. 53/1 (2012). С. 247—266 ; 10) Российский плен 1914—1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 3(21). С. 5—13 ; 11) Российский плен 1914—1922 гг. в новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы // Вестн. Пермского ун-та. Сер.: История. 2013. №. 2(22). С. 167—178 ; 12) Российский плен 1914—1922 гг.: социологическое измерение (по материалам Урала) // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2012. № 4. С. 44—56 ; 13) «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...»: плен, любовь и мораль в российской провинции 1914—1917 гг. // Родина. 2014. № 8. С. 137—138 ; 14) Этничность и вера в практиках российского плена 1914—1919 годов (по материалам Уральского региона) // Россия XXI. 2011. № 5. С. 116—139 ; 15) Военнопленные I Мировой войны на Урале: проблемы изучения демографических характеристик // Историческая демография (Сыктывкар). 2012. № 1(9). С. 34—38 ; 16) Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914—1917 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 150—161 ; 17) Военнопленные на Урале в 1917 г.: от созерцания к действию // 1917 год в судьбах России и мира: сб. материалов Междунар. науч. конф. Архангельск, 2007. С. 162—167 ; 18) Из опыта использования военнопленных Первой мировой войны в эконо-

- мике провинциальной России // История пенитенциарной системы России в XX веке: сб. материалов Междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 122—130 ; 19) К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: докл. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282—305 ; 20) Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914—1917 гг.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. статей. СПб.; Киев; Минск, 2008. С. 90—121 ; 21) «Лишить», «заставить», «отобрать»: Практики принуждения и насилия в пространстве российского плена 1914—1917 гг. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012. С. 603—609 ; 22) Мифу миф? Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии // Гражданская война на востоке России: материалы Всерос. науч. конф. Пермь, 2008. С. 265—273 ; 23) О времени и о себе: приметы времени в автобиографии не приметного военнопленного // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: материалы XVII Всерос. научно-теор. конф. М., 2013. С. 658—663 ; 24) Организация труда военнопленных на Урале в 1914—1917 гг.: поиски и решения // Проблемы российской истории: ежегодн. (Магнитогорск). Вып. VI. 2006. С. 169—194 ; 25) Плен, лень и бухгалтерия (к вопросу об эффективности трудового использования военнопленных I Мировой войны в экономике Урала // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития: сб. науч. статей. Челябинск, 2010. С. 40—59 ; 26) Российский плен 1914—1917 гг.: к терминологической разметке исследовательского поля // Питання німецької історії: зб. наук. пр. Днепропетровск, 2015. С. 16—24 ; 27) Российский плен и российское беженство 1914—1918 гг. как факторы реконфигурации социальных границ // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.: материалы первого Всерос. науч. семинара. Екатеринбург, 2014. С. 102—115 ; 28) Эксплуатация веры: конфессиональный фактор в российском праве военнопленных конца XVII — начала XX века // Война и сакральность: материалы IV Междунар. науч. чт. «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии». М.; СПб., 2010. С. 152—155; *Вебер М.И., Суржикова Н.В.* : 1) Военнопленные Первой мировой войны на Востоке России: взгляд Йохана Принса // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 340—361 ; 2) «Им не досталось ни славы, ни почестей»: Очерк сотрудника YMCA о судьбе военнопленных на Востоке России. 1918 г. // Исторический архив. 2014. № 3. С. 126—141; и др.
- ¹⁶⁵ *Суржикова Н.В.* : 1) Военный плен в России и СССР в годы I и II Мировых войн: проблема компаративного исследования // Общество и война: материалы Междунар. науч. семинара. Екатеринбург, 2010. С. 119—126 ; 2) Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // Российская история. 2011. № 4. С. 53—63; и др.
- ¹⁶⁶ *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. С. 303.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 303—304.
- ¹⁶⁸ См.: Там же. С. 37.
- ¹⁶⁹ *Лемке М.* 250 дней в царской ставке ... С. 401—403.
- ¹⁷⁰ А. Куропаткин М. Алексееву. 26.5.1916. Цит. по: *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. С. 54.
- ¹⁷¹ *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916.
- ¹⁷² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 5 об, 7, 10 об, 12—12 об, 17, 19 об, 20 об, 22—22 об., 23, 34 об, 36 об. Наш вестник. Июль 1915 г. № 40—51.
- ¹⁷³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 734. Л. 5 об. Дозор. (Издается при Цензурном отделении Штаба 12-й армии). 4(17) августа 1915 г. № 64.

- ¹⁷⁴ Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг. М., 1942. С. 18, 20, 25, 26, 27—29, 30—39, 40, 51.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 19(об).; Немецкие зверства // Наш вестник. 14 июля 1915 г. № 45; Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг. М., 1942. С. 27—29.
- ¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 34 об.; В германском плену // Наш вестник. 28 июля 1915 г. № 50.
- ¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 22—22об. Выдержки из солдатских писем, найденных у убитых и захваченных в плен немецких солдат. Апрель 1915 г.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 550. Л. 89. Трофейные документы. Переводы с немецкого. Февраль-март 1915 г.
- ¹⁸⁰ Там же. Д. 642. Л. 28. Из дневника командира 33 эрзац-батальона капитана фон Бессера. 21 августа 1914 г.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 48. Из письма жены капитана фон Бессера. 11 сентября 1914 г.
- ¹⁸² Там же. Д. 505. Л. 11 об. Дело № 15 Развед. Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 6 июля 1915 — 25 июля 1915 г.
- ¹⁸³ Там же. Д. 732. Л. 7. В германском плену (Рассказ подпрапорщика Денисова) // Наш вестник. 4 июля 1915 г. № 41.
- ¹⁸⁴ Там же. Д. 505. Л. 17. Дело № 15 Развед. Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 6 июля 1915 — 25 июля 1915 г.
- ¹⁸⁵ Там же. Д. 516. Л. 421. Сводки X-й армии по разведывательному отделению. 3 марта — 21 декабря 1915 г.
- ¹⁸⁶ Там же. Д. 505. Л. 93—95. Дело № 15 Развед. Отделения Штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 6 июля 1915 — 25 июля 1915 г.
- ¹⁸⁷ *Нагорная О.* Другой военный опыт. С. 44.
- ¹⁸⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 1. Наш вестник. 2 июля 1915 г. № 40.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 12. Три беглеца // Наш вестник. 9 июля 1915 г. № 43.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 17. В плену // Наш вестник. 11 июля 1915 г. № 44.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 34 об. В германском плену // Наш вестник. 28 июля 1915 г. № 50.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ *Сергеев Е. Ю.* Указ. соч. С. 65—78.
- ¹⁹⁸ *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. С. 12.
- ¹⁹⁹ *Урланис Б. И.* История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах 17—20 вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1998. С. 315—321; *Степанов А. И.* Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 624—644.
- ²⁰⁰ *Нагорная О.* Другой военный опыт. С. 115.
- ²⁰¹ Там же. С. 115—116.
- ²⁰² Цит. по: *Карелин В. А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 105.
- ²⁰³ Там же. С. 93—94.
- ²⁰⁴ Цит. по: Там же. С. 105.
- ²⁰⁵ М. Алексеев М. Д. Горемыкину. 1915. Цит. по: *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. С. 54.
- ²⁰⁶ Цит. по: *Телицын В. Л.* Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011. С. 14.

- ²⁰⁷ Там же. С. 14.
- ²⁰⁸ *Нагорная О.* Другой военный опыт. С. 55.
- ²⁰⁹ *Телицын В.Л.* Указ. соч. С. 26.
- ²¹⁰ Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918 гг. Ч. 1, 2 и 3. М., 1921. С. 187.
- ²¹¹ РГАНИ. ЦДНА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 62.
- ²¹² *Телицын В.Л.* : 1) Первая мировая война: возвращение домой... (Русские военнопленные и государство, 1914—1922) // *Духовность.* Сергиев-Посад, 2002. Кн. 2. С. 99 ; 2) Возвращение домой. К истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011. С. 15.
- ²¹³ *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. С. 302.
- ²¹⁴ Там же. С. 42, 302.
- ²¹⁵ Там же. С. 308, 330.
- ²¹⁶ Цит. по: Там же. С. 327.
- ²¹⁷ *Фишелев Р.* Дневник рядового солдата Великой войны // *Рейтар.* Военно-исторический журнал. 2014. № 2(64). С. 199—234; № 3(65). С. 138—162.
- ²¹⁸ *Фишелев Р.* Первая мировая — виденное и пережитое // *Наука и религия.* 2014. № 8(658). С. 11—17.
- ²¹⁹ *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. С. 121.
- ²²⁰ Там же. С. 395.
- ²²¹ *Бовкун Е.* Крушение старой России началось в августе 1914-го // *Известия.* 1994. 30 июля.
- ²²² Подробнее о коллективном забывании см.: *Нарский И.В.* : 1) Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 428—441 ; 2) Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917—1922 гг. // *Век памяти, память века: Обращение с прошлым в XX столетии.* Челябинск, 2004. С. 396—714.
- ²²³ *Нарский И.В.* Фронтовой опыт русских солдат ... С. 202.

Глава 3

Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.

Главной для нашей страны в XX веке и по масштабу, и по значимости, и по количеству жертв оказалась Великая Отечественная война 1941—1945 гг., которая явилась также важнейшей частью Второй мировой войны. Для СССР это была, безусловно, оборонительная и справедливая война. Всенародный характер Великой Отечественной отражает тот факт, что через армию за эти годы прошло 34,5 млн человек, то есть подавляющая часть взрослого дееспособного мужского населения страны¹. При этом безвозвратные потери Советской Армии составили почти 8,7 млн чел.² Что касается всей страны, то она потеряла около 27 млн граждан³.

Война, длившаяся почти четыре календарных года, отличалась широким разнообразием в ведении боевых действий: от высокой мобильности до длительной позиционности на разных этапах войны и на разных фронтах; чередованием оборонительных и наступательных действий; изменением характера войны от преимущественно оборонительного (на первых ее этапах) к активно наступательному (на завершающих); от ведения войны на своей территории к переносу ее на чужую к концу войны, причем как на земли оккупированных противником стран, так и на территорию Германии и ее союзников. Все это, безусловно, влияло на фронтовую повседневность участников боевых действий, их экзистенциальный военный опыт.

Долгие версты войны

Любая война происходит во времени и пространстве, имеющих свои природные и социальные характеристики. Пространство характеризуется протяженностью, физико-географическими средами (земная, водная, воздушная), природно-климатическими зонами (от тропиков до полярного круга), ландшафтом (равнины, горы, леса, пустыни, степи, моря и реки и т.д.). Каждая среда также имеет свои характеристики. Например, воздушная — высоты, водная — глубины, и т.д. Но есть и социальные характеристики пространства. Например, государственные границы — политическое пространство, сферы интересов и влияния — геополитическое, размещение населенных пунктов — экистическое, и т.д. Природные характеристики

времени — длительность, годовая и суточная цикличность. Накладываясь на природно-географические зоны, время приобретает дополнительные характеристики (смена времен года, местных климатических параметров: температура, влажность, продолжительность светового дня, осадки и т.д.). Структурирование пространства и времени, система их измерений — это уже социальные характеристики. Например, измерение в километрах или милях, христианское, мусульманское или буддистское летоисчисление, солнечные или лунные календари и др. Абсолютное большинство этих природных и социальных характеристик времени и пространства так или иначе, как правило, весьма существенно влияет на ведение войн.

Война — это явление социальное, но разворачивающееся в природной среде. В определенном смысле ее можно рассматривать как противостояние социальной энергии политических субъектов: в пространстве и времени перемещаются войсковые массы, техника, сокращаются линии обороны, разрушаются военные объекты и населенные пункты воюющих сторон, отдаются и занимаются территории. Однако нас интересуют иные, психологические характеристики времени и пространства.

Существует время объективное и время субъективное. Субъективное время измеряется не часами, минутами и секундами, а количеством событий, заполнивших его. Война — это особый период в существовании не только любого государства и общества, но и в жизни отдельных людей. *Время на войне* течет по особым законам. Это экстремальное время, на грани жизни и смерти. А любое пограничное состояние вызывает обостренное субъективное восприятие окружающего мира. Вместе с тем, нет непроходимой грани между социальным и личностно-психологическим временем: социальное складывается из индивидуального. Например, социальная оценка, особенность, ценность военного времени фиксируется и сознанием конкретных людей, и обществом. Не случайно «спрессованность» времени в Великой Отечественной войне как особо значимого, социально ценного в биографиях ее участников позднее фиксировалась государством в различных нормативных актах, включая исчисление стажа военной службы (на переднем крае — «год за три»).

Еще один аспект: Великая Отечественная война оказалась новой точкой отсчета, иной системой координат, фиксирующей «раскол времени», особый отрезок жизни и страны в целом, и отдельных людей. При этом в качестве «разделительной черты» выступала конкретная дата — 22 июня 1941 г. Вот как написал об этом К.Симонов:

«Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы...»⁴

И действительно, значимость военного времени для конкретного человека отражалась не только в его субъективном восприятии, но и в реальной биографии — как время ускоренного взросления (для молодежи), приобретения важного, хотя и специфического опыта, радикального изменения судьбы. «Война быстро сделала нас взрослыми. Многие из нас и юности не узнали: сразу взрослость»⁵, — писал в 1944 г. с фронта старший лейтенант Борис Кровицкий. Такое же наблюдение мы находим в военных записках К. Симонова: «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта. Понятие “повзрослеть” мы обращаем обычно к детству и юности; предполагается, что именно там человек может за год, за два настолько перемениться, что о нем говорят “повзрослел”, имея в виду духовную сторону этого понятия. На войне, однако, с ее бесчеловечно, жестоко спрессованным временем вполне уже зрелые по возрасту люди взрослеют не только за год, но и за месяц, и даже за один бой»⁶. И еще: «Время на войне течет по особым законам. У меня ощущение, что оно было как-то чудовищно спрессовано... За две недели войны я почувствовал, что повзрослел, постарел сразу на несколько лет. По моим наблюдениям, так было со всеми...»⁷. Молодые люди, которым пришлось пройти через войну, всегда чувствовали себя старше и взрослее своих невоевавших ровесников. Вспомним в этой связи название известного фильма «В бой идут одни “старики”».

А мальчишки 18—20 лет не только 40-летних, но порой и 30-летних своих товарищей называли между собой «стариками», не предполагая, что очень скоро сравняются с ними в главном — военном опыте и сами будут смотреть как на «салаг» на новые, еще необстрелянные пополнения. Потом, после войны, для тех, кто уцелел, наступит психологическая разрядка, и они снова станут мальчишками, стараясь наверстать упущенные радости жизни. Вот как вспоминал об этом мой отец лейтенант-танкист С.Л. Сеньявский: «На фронт уходили мы мальчишками. Мы рано, слишком

рано становились взрослыми, ответственными не только за свою и близких своих судьбу, но за гораздо большее — за судьбу Родины! И все же мы оставались мальчишками, которые не могли равнодушно пропустить взгляд девчонки, но и не могли смириться с тем, чтобы девчонки нами “командовали”, даже ранеными. И по-мальчишески, вопреки здравому смыслу, не долечившись, мы удирали из медсанбата, порою и из госпиталя, снова в часть, снова в бой, для многих из нас уже последний. Так было! А те, кто выжил, пережили еще и непростую послевоенную судьбу. Мы позже учились и позже любили — ведь ни для того, ни для другого у нас не было времени в юности, отнятой войной. И вот, отслужив еще несколько лет после войны и проучившись еще лет пять, мы, юноши военных лет, становились снова “взрослыми” к тридцати. У нас было две юности: одна настоящая, отнятая войной; другая запоздавшая, послевоенная...»⁸ Эти строки отец написал в канун 30-летия Победы, взглянув на свою судьбу как бы со стороны. Это была его судьба и судьба целого поколения. Это он, едва оправившись от ранения и контузии, сбежал из медсанбата обратно в роту. Это он, суровый и сдержанный на фронте, был неисправимым шутником и заводилой в послевоенные студенческие годы. Стоит сравнить две фотографии — 1944-го и 1946-го годов. На обеих отец в военной форме, но насколько старше выглядит он на той, первой, в выгоревшей гимнастерке, перетянутой портупеей! Насколько старше выглядят они все, мальчишки 40-х, на своих фронтовых фотографиях.

Психологическое время всегда субъективно. Восприятие времени зависит от личностных характеристик: возраста (юные и зрелые), пола (мужчины и женщины), семейного положения (холостяки, женатые, отцы семейств), образования и культуры, биографии (личностной истории), жизненного опыта (вступающие в жизнь и уже пожившие). Экстремальная ситуация войны резко усиливает субъективность восприятия времени, ставит человека на «экзистенциальный рубеж» между жизнью и смертью. Проблема личностного бытия, существования человека, от которой в обычных условиях отмахиваются, редко задумываются, на войне встает во всей практической значимости, поскольку возможность насильственной смерти, вероятность «исчезнуть без следа» оказывается крайне высокой. Поэтому восприятие личностного времени как «вместилища жизни» становится обостренным, о времени задумываются — «Сколько еще осталось?», «Как его использовать?» — при крайне ограниченных возможностях распоряжаться собой. Возникает потребность

успеть что-то сделать, прочувствовать, сказать, написать письмо, и т.д. Время на войне приобретает принципиально иную ценность.

«Мне уже двадцать. Вспоминаю школьные годы. Университет. Почему-то утверждается чувство, что не смог я взять всего, что следовало, от этих быстро, очень быстро промчавшихся двадцати лет. Уже два года воюем. Втянулись. Никто не жалуется... Твердо убежден, что после войны мы снова заживем кипучей, счастливой жизнью. Хорошо бы и мне до этой жизни дожить. Встретиться с матерью, отцом, братом...»⁹ — записал 14 апреля 1943 г. в своем фронтовом дневнике сержант Адольф Павленко. Он погиб через полгода, 14 октября 1943 г. на Калининском фронте.

В ходе самой войны «личностное время» чрезвычайно сильно зависит от ситуации, места и условий, в которых оказывается человек, прежде всего от степени близости к самой войне (на фронте и в тылу; на передовой и во втором эшелоне; до боевого крещения и после; перед боем, в бою и после боя; в наступлении, обороне и отступлении; в госпитале, на переформировании; и т.д.). Экзистенциальность восприятия времени на порядок усиливается непосредственно на передовой. Здесь важное значение имеет наличие или отсутствие боевого опыта. Во-первых, обстрелянные фронтовики имеют больше шансов выжить (самым высоким процент погибших, как правило, в первом бою); во-вторых, у них вырабатывается особое отношение к действительности, продиктованное спецификой существования в боевой обстановке. Вместе с тем, привычка к боевой стрессовой ситуации со временем снижает остроту переживаний экзистенциальных проблем, включая такой защитный механизм психики как «притупление чувств», иногда ослабляя при этом даже чувство самосохранения.

Разумеется, существуют и общие характеристики восприятия времени фронтовиками и отношения к нему. Так, в период Великой Отечественной обычное структурирование времени на прошлое, настоящее и будущее принципиально делилось на «до, во время и после войны». При этом большинству была присуща определенная романтизация довоенного прошлого и необоснованно оптимистичные надежды на послевоенное будущее, до которого еще нужно было дожить. «...Мне тогда казалось, что после войны многое будет совсем, совсем по-другому — лучше, добрее, чем было до войны»¹⁰, — вспоминал, например, К. Симонов. Однако понимание, что до окончания войны «доживут не все», диктовало особое отношение ко времени: мечты о светлом послевоенном буду-

щем сочетались с прагматическим принципом «спешить жить», «не строить планов, «жить сегодняшним днем», так как в любую минуту могут убить.

Военная обстановка сказывалась и на субъективном восприятии протяженности времени: в определенных ситуациях оно характеризовалось сжатостью и растянутостью, одни и те же отрезки объективного времени могли восприниматься и как вечность, и как мгновение (томительные минуты перед боем, бесконечные мгновения под огнем, напряженное ожидание снайпера в засаде, «летающие дни» перед выпиской из госпиталя и т.д., — то есть разное эмоционально-событийное время).

«Я не могу сказать точно, сколько времени мы так провели. Секунды казались часами»¹¹, — часто звучит в рассказах фронтовиков об очень напряженном боевом эпизоде. Но особенно тягостным было время накануне сражения, когда человек психологически готовился к возможной скорой гибели. Образно и точно это состояние отражено в стихотворении Семена Гудзенко «Перед атакой»:

«Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки...»¹²

Война вообще характеризуется особым «состоянием ожидания» (известий о судьбе близких, сообщений о положении на фронтах, ходе боев и т.д.). Например, в глубоком тылу «время войны» — это прежде всего тревожное ожидание писем от родных, которые воюют, и постоянный страх получить «похоронку». Эмоциональная связь между теми, кто ждет и кого ждут, в символической форме нашла отражение в знаковом для своего времени стихотворении К. Симонова «Жди меня»:

«Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой»¹³.

Наконец, практическое отношение ко времени на войне также имело много особенностей в зависимости от обстановки и этносоциокультурных параметров воюющих сторон. Например, было известно, что немцы «воюют по часам» и «не любят воевать ночью», а мусульмане (например, во время Афганской войны) могли внезапно

прервать военные действия для того, чтобы совершить намаз. Эти особенности противника обязательно учитывались и использовались.

Прагматическое отношение ко времени на войне большей частью зависит от обстановки. Например, во время боевых действий спят не тогда, когда «время спать» по биологическим часам, то есть ночью, а когда для этого есть возможность. «Вообще, время суток на фронте — понятие весьма относительное. Не часовая стрелка определяла время сна и бодрствования. Не существовало и дней недели. Регламент жизни диктовала военная обстановка. Порой сутки казались неделями, а иногда исчезали напрочь в нескончаемом сне после многодневного боя. Помню лишь, что в период больших наступательных операций мы не раздевались по много дней кряду»¹⁴, — вспоминал офицер разведки И.И. Левин.

Восприятие социального времени во многом зависит от хода войны, положения и перспектив воюющей стороны, от стадии военных действий. Для начального периода нередко характерен избыточный оптимизм, связанный с предвоенным пропагандистским воздействием: «Через пару недель будем уже дома!». Так, в 1940 г., во время финской кампании, Евгений Долматовский писал:

«Войну мы не все понимаем вначале.
И перед отъездом, немного грустны,
Друг другу мы встретиться обещали
В шесть часов вечера после войны...»¹⁵

Но если ожидание быстрой победы не оправдывается, появляются другие настроения: «Войне не видно конца!» и «Когда же она, наконец, закончится?!». При этом на восприятие военного времени всегда влияет соотнесение личной перспективы с ходом боевых действий. Если в разгар тяжелой затяжной войны боец на фронте живет сегодняшним днем, то на заключительном ее этапе у него появляется надежда уцелеть, а вместе с ней нетерпение и острое желание дожить до мирного времени. Поэтому между войной и миром существует психологический рубеж, для преодоления которого требуются особые усилия. Это состояние очень точно передает в своем четверостишии, написанном 22 февраля 1944 г., поэт Дмитрий Кедрин:

«Когда сраженье стихнет понемногу, —
Сквозь мирное журчанье тишины
Услышим мы, как жалуются богу
Погибшие в последний день войны...»¹⁶

Те же чувства отражены в песне Михаила Ножкина «Последний бой»:

«Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!»¹⁷

Наконец, ретроспективное восприятие военного времени в личной памяти фронтовиков нередко характеризуется яркостью, отчетливостью, подробностью («Кажется, это было вчера...»), а порой романтизацией и ностальгией. В образно-символической форме отношение к месту войны в биографии своего поколения выразили поэты-фронтовики Борис Слуцкий («*Война — она запомнилась по дням, / А прочее — оно по пятилеткам...*»¹⁸) и Семен Гудзенко («*Мы не от старости умрем — / От старых ран умрем...*»¹⁹). Не менее символическим стал и точный временной подсчет, согласно которому Великая Отечественная шла три года десять месяцев и восемнадцать дней. Но при этом сохраняется цельность образа этой войны как единого отрезка времени, сохранившегося в народной памяти:

«...Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!»²⁰

— писал Давид Самойлов.

Пространство на войне также имеет объективные и субъективные характеристики. Протяженность, расстояние, рельеф местности — все это функционально используется в отступлении, обороне и наступлении. Социальное структурирование пространства имеет такие характеристики как «свое» и «чужое» (тыл врага, территория противника), «ничья земля», «нейтральная полоса», соединение и разделение («линия фронта», «передний край», Ладога — «дорога жизни»), как защита в обороне и препятствие в наступлении (водная преграда, которую надо форсировать; открытая местность, которую надо пройти под огнем; неприступная высота, которую надо взять; и др.). Важно и такое социальное измерение как ценность пространства («Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва», «Ни шагу назад!», «За Волгой для нас земли нет!» и т.п.), восприятие его как рубежа обороны.

Подобно «расколотому времени», пространство войны также представляется разбитым, разделенным, разорванным на части. «Мы идем по изуродованному, взорванному и сожженному миру, по земле, изуродованной взрывами мин, по полям, словно оспой, обезображенным воронками, по дорогам, которые немцы, отступая, разрубили, как человеческое тело, на куски, взорвав все мосты»²¹, — писал 17 марта 1943 г. в очерке «На старой Смоленской дороге» К. Симонов.

В личностно-психологическом смысле пространство так же, как и время, воспринималось в зависимости от индивидуальных особенностей и конкретной социальной ситуации, в которой оказывался человек. Однако было и много общих параметров восприятия. Например, противопоставление фронта и тыла, очень хлестко выраженное К. Симоновым:

«Хоть шоры на память наденьте!
А все же поделишь порой
Друзей — на залегших в Ташкенте
И в снежных полях под Москвой»²².

А Семен Гудзенко в 1946 г. напишет о вернувшемся с фронта солдате, который «...хочет знать, что было здесь, /когда мы были там...»²³.

Пространство могло восприниматься как друг и враг, как защита и опасность, как символ разлуки с близкими и встречи со смертью. Вспомним знаменитые строки из «Землянки» Алексея Суркова:

«До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага...»²⁴.

Оценка протяженности пространства на войне, как правило, была субъективной, связанной не с фактическим расстоянием, а с той опасностью, которая подстерегала на пути. Несколько метров под огнем неприятеля до укрытия, цели и т.п. превращались в бесконечность, в «пространство смерти», которое невозможно преодолеть. «Пядь земли... В дни войны было в ходу это выражение. Каждому было понятно, почему на пяди шел счет земли. Уж очень трудно она доставалась солдату в бою...»²⁵, — вспоминал один из фронтовиков.

Например, в Сталинграде, чтобы проползти несколько десятков шагов, требовались иногда целые сутки, а 100 метров до Волги, которые так и не сумели пройти немцы, стали символом стой-

кости наших бойцов. «Только здесь, в Сталинграде, люди знают, что такое километр. Это тысяча метров, это — сто тысяч сантиметров», — писал 26 ноября 1942 г. в «Правде» Василий Гроссман, описывая «невиданный по ожесточенности бой», который «длился, не затихая, несколько суток», и «шел не за отдельные дома и цеха», а «за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода... И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев...»²⁶.

Особое значение имело соотнесение социального и личностного пространства, при котором окоп рядового бойца мог восприниматься им как место, где решается судьба войны, судьба страны. Нередко так оно и было, особенно на направлении главного удара противника или своей стороны. Но и там, где шли «бои местного значения» («У незнакомого поселка на безымянной высоте...») осознание своей роли и своего места в войне, значимости «своего» боя, было важной составляющей боевой мотивации. Не случайно в 1943 г. Сергей Орлов напишет о танкисте, который смотрит на мир сквозь смотровую щель своей машины:

«А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина...
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина»²⁷.

Год спустя, в 1944 г., он создаст еще более неожиданный поэтический образ: «Его зарыли в шар земной, / А был он лишь солдат...»²⁸. И на этом фоне слова одного из ветеранов «Окоп — вот мой масштаб!»²⁹ воспринимаются в совершенно новом ракурсе.

Война, безусловно, изменяла пространственный опыт большинства ее участников, которые в мирное время никогда бы не оказались в тех местах, в которых они побывали во время войны («Я шел к тебе четыре года, / Я три державы покорил...»³⁰), не перемещались бы теми способами, которые характерны для военных действий («Мы пол-Европы по-пластунски пропахали...»³¹). До войны человек, как правило, живет в достаточно узком «внутреннем» пространстве (село, город, район и т.п.) и редко оказывается за его пределами. Война вырывает его из привычного окружения и выбрасывает в широкий «внешний мир», в «другие края», хотя при этом он часто оказывается заключен в ограниченном, а по-

рой и замкнутом пространстве окопа, танка, самолета, блиндажа, теплушки, госпитальной палаты и т.п. Война дает много новых ракурсов в восприятии пространства, в том числе ландшафта как фактора защиты или опасности, трудностей передвижения и тягот быта, как препятствия на пути к миру и возвращению домой. «Потом, после войны, я никогда уже больше не испытывал того ощущения расстояний, которое было у нас во время войны, — вспоминал К. Симонов. — Расстояния были тогда совсем иными. Почти каждый километр их был туго, до отказа набит войной. И именно это и делало их тогда такими огромными и заставляло людей оглядываться в свое недавнее прошлое, порой даже удивляясь самим себе»³².

Наконец, следует сказать и о ретроспективном восприятии войны (особенно пехотинцами) как бесконечной, трудной, полной опасностей дороги. Не случайно, одной из самых любимых фронтовиками песен, написанных в годы войны, стала «Эх, дороги» на стихи Льва Ошанина:

Образ «фронтовых дорог» оказался одним из ключевых в творчестве Константина Симонова, начиная от знаменитого стихотворения «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» («Слезами измеренный чаще, чем верстами / Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз: / Деревни, деревни, деревни с погостами, / Как будто на них вся Россия сошлась...»)³³ и кончая документальным фильмом «Шел солдат», главная идея которого заключалась в том, чтобы показать, как долог и труден был путь к Победе. В его военных дневниках встречается описание весеннего (конец марта) наступления 1944 г. на Украине, в котором мы находим ключ к пониманию «пространства войны»: «...Самый обыкновенный рядовой пехотинец, один из миллионов, идущих по этим дорогам, иногда совершал <...> переходы по сорок километров в сутки. На шее у него автомат, за спиной полная выкладка. Он несет на себе все, что требуется солдату в пути. Человек проходит там, где не проходит машина, и в дополнение к тому, что он и без того нес на себе, несет на себе и то, что должно было бы ехать. Он идет в условиях, приближающихся к условиям жизни пещерного человека, порой по несколько суток забывая о том, что такое огонь. Шинель уже месяц не высыхает на нем до конца. И он постоянно чувствует на плечах ее сырость. Во время марша ему часами негде сесть отдохнуть — кругом такая грязь, что в ней можно только тонуть по колени. Он иногда по суткам не видит горячей пищи, ибо порой вслед за ним не могут пройти не только машины, но и лошади с кухней. У него нет табаку,

потому что табак тоже где-то застрял. На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые другому человеку не выпадут за всю его жизнь... И, конечно, <...> кроме того и прежде всего, он ежедневно и ожесточенно воюет, подвергая себя смертельной опасности... Такова жизнь солдата в этом нашем весеннем наступлении»³⁴. И далее: «В памяти остались не столько бои, сколько адский труд войны: труд, пот, изнеможение; не столько грохот орудий, сколько утопающие в грязи солдаты, в обнимку километрами несущие из тылов к артиллерийским позициям тяжелые снаряды, потому что все, абсолютно все застряло!»³⁵. «Долгие вёрсты войны» — еще один символический образ того времени, сочетающий одновременно пространственно-временной аспект (вёрсты, но не длинные, а долгие!).

После войны возвращение фронтовиков в привычное мирное пространство не было возвращением к прежнему, довоенному его восприятию, поскольку человек оказывался обогащен и изменен военным опытом, с которым изменялись и его взгляды на мир. И даже «малая Родина» («Клочок земли, припавший к трем березам»³⁶) — лично значимое жизненное пространство человека, как правило, вписывалось теперь в более широкий контекст «большой Родины» — страны и части мира, которые с боями прошел солдат.

Таким образом, война в сознании человека всегда воспринимается как некий рубеж, особый отрезок жизни, отличающийся от всех остальных ее этапов, в том числе во временном и пространственном измерениях, что позволяет говорить о «времени и пространстве войны» как о важных составляющих экзистенциального опыта участников боевых действий.

Психология боя

Главное, с чем приходится сталкиваться человеку на фронте, — экстремальная боевая обстановка, бытие на грани жизни и смерти. «Только в бою испытываются все качества человека, — говорил легендарный комбат Великой Отечественной Б. Момыш-улы. — Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего не задеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится пол

огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»³⁷.

Какие же чувства испытывал солдат в боевой обстановке? Отвечая на этот вопрос, фронтовик Ю.П. Шарапов рассказывал: «Я бы остановился на преодолении страха, потому что страха как такового не было, лихорадочного возбуждения тоже не было. А было вот именно то, что поэт назвал “упоением в бою”. Потому что бой как ничто другое захватывает человека. Если ты что-то умеешь делать, например, стрелять из пулемета, то ты заботишься только об этом. Только о том, чтобы стрелять из пулемета и поразить как можно больше целей. Так же как снайперы, которые выбирают позицию и меняют ее, чтобы их не засекли. Так же, как разведка... Когда наши по сигналу вылезли из окопов и передали по цепочке, что ничего не вышло, “языка” не удалось взять, и вся надежда на то, что мы их прикроем... А наша группа прикрытия, которой я командовал, — каких-то три-четыре человека. И нужно было скоординировать усилия на двух ручных пулеметах, на винтовках и так далее... Некогда было бояться»³⁸.

Это «некогда было бояться» в рассказах участников войны встречается довольно часто. Но гораздо чаще называется всё-таки чувство страха. Пехотный разведчик И.Л. Кобец утверждал: «Необстрелянный человек — у него все нервы напряжены. Он любого разрыва и выстрела боится. Таких людей, которые заранее готовы к войне, нет, но этот страх преодолевается. Через некоторое время, когда пообвыкнешься, уже понимаешь, что вот этот снаряд мимо пролетит, а вот этот опасен...»³⁹.

Л.Н. Пушкарев вспоминал: «Был ли у меня страх в боевой обстановке? Конечно, был. Ну, а как же! Очень тяжело я пережил первую бомбежку. Когда я не знал даже, как мне нужно реагировать на это, что мне нужно делать, как спасти себя. Я был еще неопытный, необстрелянный. Было ли преодоление страха? Конечно, было. Да и главным образом было стремление доказать, что я не хуже других. Кругом, рядом со мной люди стояли, они же не убегали никуда. Как же мог я уйти, убежать оттуда?»⁴⁰

«Если говорить о том, было страшно или не было страшно, — говорил участник войны, впоследствии академик, В.А. Виноградов, — было, конечно, страшно. Если кто-то говорит, что он никогда не боялся, я этому не верю. Человеку свойственно чувство страха. Можно быть мужественным и заставлять себя преодолевать этот страх, идти в атаку,

ползти под обстрелом, ходить за “языком” и так далее. Но не испытывать никогда чувство опасения, чувство страха, чувство незащитности, когда ты лежишь, скажем, под бомбежкой, [нельзя]. Это, вероятно, свойственно каждому»⁴¹.

Страх в бою — естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения. «...Война как постоянная и серьезная угроза жизни, конечно, есть натуральнейший импульс к страху»⁴², — отмечал физиолог И.П. Павлов. Часто он становится фактором, препятствующим эффективной боевой деятельности и имеющим широкий диапазон последствий: от массовой паники и бегства больших войсковых масс до индивидуальной психологической подавленности, утраты способности ясно мыслить, адекватно оценивать обстановку, вплоть до безынициативности и полной пассивности. Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность. Не существует страха абстрактного, страха вообще. Страх бывает перед чем-то, в определенной конкретной ситуации. При этом для человека в экстремальной обстановке характерно чувство доминирующей опасности, обусловленное оценкой создавшегося положения, и часто то, что казалось опасным минуту назад, уступает место другой опасности, а следовательно, и другому страху. Например, страх за себя сменяется страхом за товарищей, страх перед смертью — страхом показаться трусом, не выполнить приказ и т.п. От того, какой из видов страха окажется доминирующим в сознании воина, во многом зависит его поведение в бою⁴³. «Я был ужасный трус и всего боялся, — рассказывал бывший пехотный разведчик, награжденный орденом “Красной звезды” и двумя медалями “За отвагу”, Р.Е. Кантор. — Но больше всего я боялся, что о моей трусости узнают ребята, мои товарищи. Поэтому сам вызывался на все опасные задания и прослыл отчаянным храбрецом»⁴⁴.

Минометчик Н.А. Орлов вспоминал: «С годами на многое смотришь иначе и относишься к прошлому спокойней. Даже если говорить о трусости. На Букрине некоторые не могли встать из окопа и пойти в атаку. Цеплялись за землю в буквальном смысле. Подняться навстречу пулям не было у них моральных сил. Жизнь один раз дается. Я презирал их в те минуты, не прощая слабоволия... А сейчас... Если честно, я не видел отчаянных смельчаков, бездумно, безрассудно бросавшихся под пули... Смерти боялись все. Просто многие смогли переступить черту, за которой, отрешившись от всего земного, человек воюет, идет на риск, не дрожит от страха. Инстинкт самосохранения отступает на второй план... А другие не

способны на такой поступок... Я перед боями, хоть и коммунистом был, иногда говорил шепотом слова молитвы. На передовой атеистов нет. Надеялись на себя, на верных товарищей, да на Бога. Ну, если еще командир был толковый, и на него надеялись тоже, что зазря не погубит...»⁴⁵

Иногда страх вызывает у человека состояние оцепенения, лишает его самообладания, провоцирует неадекватное поведение; в других случаях, напротив, заставляет мобилизовать волю, напрячь усилия, активизировать боевую деятельность. При этом мотивы поведения комбатанта в экстремальной ситуации делятся на идейные и волевые, хотя по отдельности, «в чистом виде» они встречаются довольно редко. Обычно в боевой обстановке человек руководствуется смешанными идейно-волевыми мотивами, и понимание долга в его сознании неразрывно связано с подчинением воинской дисциплине, а любовь к родине — с проявлением личного мужества. «Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверное, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом, — вспоминал бывший командир пулеметного взвода, лейтенант в отставке В. Плетнев. — Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: “Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!” Наверное, такое чувство и есть чувство долга»⁴⁶.

По данным психологов, период полной боеспособности солдата на войне составляет примерно 60 дней, после чего наступает упадок душевных сил, психическое истощение и требуется обязательный отдых⁴⁷. В Советской Армии в период Великой Отечественной этот фактор был еще неизвестен и не учитывался, отпуска на фронте считались огромной редкостью как для рядовых, так и для офицеров. Однако отдых от переднего края в том или ином виде все же случался — и тогда возникали новые сложности. И.Л. Кобец вспоминал: «Даже после кратковременного отсутствия на передовой, например, после госпиталя, чувство страха на некоторое время возвращается»⁴⁸. Л.Н. Пушкарев рассказывал, что сталкивался с проблемой обратной адаптации человека к условиям фронтовой обстановки: «У разных людей это происходило по-разному. Одни, уйдя из зоны активных боевых действий — на отдых, на переформирование, — потом с тяжелым чувством возвращались в этот ужас, помня, что они уже переживали. Но были и другие люди, ко-

торые шли на передовую, рвались туда из госпиталей, стремились скорее попасть обратно к своим товарищам. Такие тоже были...»⁴⁹

С точки зрения психолога Б.М. Теплова, высказанной в 1945 г., «страх вовсе не является единственно возможной реакцией на опасность»⁵⁰, далеко не у всех участников боя возникает чувство страха и, следовательно, не все они оказываются перед необходимостью его преодоления. «Вопрос не в том, переживает человек в бою эмоцию страха или не переживает никакой эмоции, а в том, переживает ли он *отрицательную эмоцию страха* или *положительную эмоцию боевого возбуждения*. Последняя является необходимым спутником военного призвания и военного таланта. Бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые стремятся к ней и в борьбе с ней находят величайшую радость жизни»⁵¹, — утверждает он в своей работе «Ум полководца». Таким образом, Б.М. Теплов выделяет две категории воинов: к первой относятся те, кто переживает в бою страх и вынужден преодолевать его, боевая обстановка их не увлекает; воины второй категории, напротив, стремятся к бою, испытывают «наслаждение в бою», их психическое состояние характеризуется отсутствием страха и наличием боевого возбуждения⁵².

В военной психологии существует особое понятие «коллективные (групповые) настроения». Они способны к быстрому распространению и, возникая у одного или немногих людей, часто перекидываются на большую человеческую массу, «психически заражая» ее. При этом в боевой обстановке с одинаковой вероятностью могут проявиться прямо противоположные коллективные настроения: с одной стороны, чувство боевого возбуждения, наступательный порыв, экстаз атаки, а с другой, — групповой страх, уныние, обреченность, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Таким образом, и паника, и массовый героический порыв — часто явления одного порядка, отражающие «психологию толпы». Этим во многом объясняется и феномен коллективного героизма, и сила героического примера. Так, подвиг одного человека (или воинского коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, а вместе с тем являющимся и готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации.

Наиболее ярким примером негативного воздействия «психического заражения» в боевой обстановке является паника. Ее многочисленные случаи в начале Великой Отечественной войны в

период массового отступления советских войск в значительной степени были вызваны общим состоянием глубокого психологического шока, который испытала армия в столкновении с реальной мощностью противника, что решительно противоречило внушенным довоенной пропагандой лозунгам и стереотипам. При этом сильным импульсом, заставлявшим целые части срывать с позиций и устремляться от мнимой опасности, обычно становился крик «самолеты», «танки» или «окружают». За время своего отступления войска успели настолько «привыкнуть» к ударам превосходящих вражеских сил, собственным неудачам и поражениям, что сравнительно легко поддавались малодушию, панике и бегству в тыл.

Очень часто паника возникала, когда солдат сталкивался на поле боя с чем-то непонятным, например, с применением противником нового вида оружия. Во Второй мировой войне ее вызывало использование сирен на немецких пикирующих бомбардировщиках, радиовзрывателей, советских реактивных минометов «Катюш» и т.д. Кстати, этот психологический фактор был учтен Г.К. Жуковым в начале Берлинской операции, когда вслед за мощной артиллерийской подготовкой последовала ночная атака танков и пехоты с применением 140 прожекторов, свет которых не только ослепил неприятеля, но и вызвал у него паническую реакцию: немцы решили, что против них пущено в ход неизвестное оружие.

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. и Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. В первом из них каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был «драться до последней возможности» и, независимо от своего служебного положения, уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу, «всеми средствами, как наземными, так и воздушными». Особо изощренным видом давления на сознание отступающей армии явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей присяги будут подвергнуты аресту⁵³.

Причиной принятия приказа «Ни шагу назад!» явилась объективная, весьма угрожающая ситуация, сложившаяся летом 1942 г. на Юго-Западном фронте, когда за неполный месяц, с 28 июня по 24 июля, советские войска в большой излучине Дона отошли на восток почти на 400 км со средним суточным темпом отхода около 15 км, и нужны были резкие, неординарные меры, чтобы остановить отступление, которое грозило гибелью стране⁵⁴. Приказ №

227 призывал установить в армии «строжайший порядок и железную дисциплину», для чего создавались штрафные батальоны, в которых «провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» командиры и политработники могли «искупить кровью свои преступления против Родины». В том же приказе говорилось о формировании заградительных отрядов, которые следовало поставить «в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной»⁵⁵. Главный способ борьбы с паническими настроениями в советской армии был прост: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Можно по-разному относиться к его жестокости, но нельзя отрицать его действенности: приказ № 227 сумел переломить настроение войск. Не исключено, что без него СССР не удалось бы победить под Сталинградом, да и в войне в целом. Кстати, еще раньше, чем Сталин, такие же чрезвычайные меры для преодоления кризиса на Восточном фронте и повышения дисциплины войск предприняло германское командование⁵⁶.

Как уже отмечалось на страницах этой книги, в боевых условиях у комбатантов формируется особое отношение к жизни и смерти, выражающееся, в частности, в постепенном привыкании к самым ужасным картинам и чувству отчуждения, отстраненности от них, временном «отключении сопереживания», стремлении «не пропустить всё через себя», чтобы сохранить рассудок. Вот как описывала свои ощущения военврач Г.Д. Гудкова: «Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится — его подавляешь, чтоб не мешало»⁵⁷.

С другой стороны, важное место в мировоззрении комбатанта занимал «солдатский фатализм», как и «привычка к смерти», являвшийся «защитным барьером» для психики людей в экстремальных условиях. Поэт-фронтовик Давид Самойлов записал в своем дневнике: «Первый бой оформляет *солдатский фатализм* в мироощущение. Вернее, закрепляется одно из двух противоположных ощущений, являющихся базой солдатского поведения. Первое состоит в уверенности, что ты не будешь убит, что теория вероятности именно тебя оградила пуленепробиваемым кол-

паком; второе — напротив, основано на уверенности, что не в этом, так в другом бою ты обязательно погибнешь. Формулируется все это просто: живы будем — не помрем... Только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом»⁵⁸. Первый взгляд отразился в письме бойца Петра Куковерова к сестре, написанном незадолго до его гибели: «Скоро новый 1943-й год! Я верю, он будет для нас счастливым. Как же я хочу теперь жить! Я люблю жизнь и должен выжить. Я точно знаю: меня никогда не убьют!»⁵⁹ И.Л. Кобец вспоминал другое отношение к возможности собственной смерти: «Если бояться, так и в разведку не пойдешь! <...> Я, например, когда действовал, всегда рассуждал так: “Не сегодня, так завтра убьют! Что мне бояться, боже мой!”»⁶⁰.

В «пограничных ситуациях», представляющих собой квинтэссенцию всех опасностей войны, крайнего напряжения физических и моральных сил ее участников, наиболее отчетливо реализуются и проявляются сложные механизмы рационального и иррационального в человеческой психологии. В этих обстоятельствах иррациональное выступает в качестве механизма психологической защиты, способствующей самосохранению психики человека в, по сути, нечеловеческих условиях.

Иррациональная вера, которая выступает в форме «солдатского фатализма», смягчает действие острейших стрессов, притупляет страх за собственную жизнь, отдавая ее в руки неких сверхъестественных сил (Рока, Судьбы, Бога и т.д.), как бы «разгружает» психику, освобождая ее от избыточных эмоций для рациональных решений и действий. Поэтому, даже с сугубо прагматической точки зрения, можно считать, что подобные «суеверия» в целом выполняют позитивную функцию, за исключением тех ситуаций, когда фатализм несет в себе негативные установки (например, человек «предчувствует», а чаще всего внушает себе, что непременно погибнет, и подсознательно действует в соответствии с этой деструктивной программой, доводя ее до реализации).

«Дурные предчувствия» на войне имели несчастье сбываться не только потому, что в экстремальных обстоятельствах обострялась человеческая интуиция, но прежде всего потому, что они являлись отражением усталости и определенного психологического настроения, когда постоянное физическое и нервное напряжение переходит допустимый барьер и превращается в свою противоположность — чувство апатии и безразличия к собственной судьбе, и как следствие этого — ослабление внимания и самоконтроля, замедле-

ние реакции организма на опасность, что значительно уменьшает возможности ее избежать. В то же время любой фактор, повышающий настроение людей, способствовал, в свою очередь, и их «сопротивляемости» в бою, активизации резервных сил организма в целях самозащиты, формирования внутреннего убеждения в том, что «меня не убьют».

Война в психологическом плане относится к категории «пограничной ситуации», то есть крайне опасной, неопределенной, непредсказуемой, угрожающей самой жизни человека и почти не зависящей от его воли и разума. Чем менее она управляема и зависима от человека, тем сильнее его склонность к поиску психологической опоры в попытке управлять внешними обстоятельствами через иррациональные действия.

Неопределенность, непредсказуемость событий в условиях постоянной угрозы самой человеческой жизни — и есть та область, которая открывает дорогу к вере в сверхъестественные силы. Причем вера эта имеет вполне практическую цель — получить мистическую защиту, путем выполнения неких ритуальных действий (чтения молитв, ношения амулетов, соблюдения ситуационных запретов-табу) оградив себя от опасностей. Особенно такое стремление «повлиять на судьбу» характерно для военной обстановки, что приводит к росту бытовой религиозности в различных ее формах.

Основными носителями религиозного сознания в тылу в период Великой Отечественной войны выступали женщины — матери, жены, сестры, невесты ушедших на фронт мужчин. Молились за спасение близких, за победу над врагом и скорейшее окончание войны, искали духовного утешения. А на передовой, хотя и не столь явно, обращались к вере те, кто постоянно «ходил под Богом».

«— ...Я помню, когда мы хоронили своих (а многих молодых ребят принимали в партию рано тогда), и вдруг крестик обнаруживается или ладанка... — вспоминал фронтовик, бывший ракетчик академик Г. Арбатов. — Верующий? Неверующий? Или мать дала там что-то такое? А потом я прочитал у генерала Эйзенхауэра, что в окопах атеистов не бывает.

— То есть на фронте в Бога верили?

— Да! Да! Ну как будто ты обращаешь свой крик — мысленно — о помощи, о спасении...»⁶¹

Однако бытовая религиозность не всегда выступала в традиционной форме веры в Бога. Гораздо чаще она проявлялась в виде разного рода суеверий и примет.

«Ни в Аллаха, ни в Бога я не верю», — утверждал бывший комсорг батальона, минометчик Мансур Абдулин. Но тут же делал признания совершенно иного рода: «Помню, еще на пути к фронту [вместе с новым полевым обмундированием] были нам выданы и пластмассовые патрончики с крышкой на резьбе. Внутри — ленточка, которую надо было собственноручно заполнить своими анкетными данными, завинтить патрончик наглухо, чтоб в него не попала сырость, и положить в кармашек. “Паспорт смерти” — так окрестили мы этот патрончик между собой. Не знаю, кто как, а я тот паспорт выбросил тихонько, чтоб никто не видел, и на его место положил в брюки свой талисман — предмет, который я должен буду сберечь до конца войны. Наверное, у всех моих товарищей были вещи, которые служили им талисманами, но говорить об этом было не принято: талисман “имел силу”, если о нем знал только ты сам»⁶².

Главные приметы на войне всегда связаны с попыткой отвести от себя угрозу гибели, обмануть смерть, защититься с помощью «оберега», в роли которого выступают порой самые неожиданные предметы. «Сам я суеверен не был, — рассказывал фронтовик Л.Н. Пушкарев, — но с суевериями сталкивался. Какие были приметы? Чтобы тебя не убили на фронте, нужно было письмо или фотокарточку любимой носить у сердца. Тогда эта фотокарточка отводила пулю. Такой же силой обладало стихотворение “Жди меня” Симонова, но его нужно было обязательно переписать от руки и носить только у сердца»⁶³. Один из товарищей Л.Н. Пушкарева всю войну носил с собой первую выданную ему обойму винтовочных патронов. По его словам, эту примету перед отправкой на фронт ему открыл отец — участник Первой мировой: «Первую пулю надо хранить обязательно, тогда тебя не тронет пуля. А использовать ее можно только когда окончится война».

Другие приметы, упомянутые Л.Н. Пушкаревым, явно имеют характер коллективного опыта, закрепленного в народной памяти: «Старая примета была, идущая, видимо, от ранних эпох, — это [надевать] чистое белье перед боем. Многие бойцы, идя в бой, обязательно переодевались. Безусловно, это имело и чисто гигиеническое значение... Еще была примета очень правильная: не есть перед тем, как идти в бой. И тоже понятно, почему: потому что могло быть ранение в живот... Была примета перед боем прощаться со своими товарищами, потому что неизвестно было, что случится с нами: мы можем потерять друг друга, и так далее. Поэтому перед

боем обычно раздавали друг другу свои адреса с тем, чтобы потом сообщить кому нужно о случившемся... Еще считалось, что перед боем нельзя материться. Во время боя, тут — да, можно, а перед боем — нельзя»⁶⁴.

Иногда наблюдения, основанные на реальном опыте предшественников, закрепляются в коллективной памяти не просто в виде примет и суеверий, а словесных формул-подсказок, срабатывающих в боевой обстановке как инструкция по выживанию. «Самое распространенное суеверие, — вспоминал ветеран войны Д.Ф. Златкин, — когда идет артиллерийский обстрел, то надо скорее бежать в воронку от снаряда, который только что разорвался, потому что, по теории вероятности, другой попасть в ту же воронку не сможет. Это была первая заповедь солдатская: “два снаряда в одну воронку не попадают”... Это было правильное суеверие, потому что прицел другой, орудие откатывается... Что еще? Если просвистела пуля “вжик”, — не бойся, она уже пролетела, “свою пулю не услышишь”...»⁶⁵

Постоянное пребывание «на грани бытия» обостряло так называемое «шестое чувство». Отвечая на вопрос, были ли у него на фронте какие-то предчувствия, И.Л. Кобец рассказывал: «У меня было два случая. ...Заняли оборону. Мы с телефонистом находились в одной ячейке. И тут начался артобстрел. И вдруг возникло чувство, будто кто-то силой тянет меня в сторону. Я успел отскокить метров на 15, и на месте, где я только что был, разорвался снаряд, который убил телефониста. Второй случай... Устроили мы привал на высоте, а немцы все время постреливали. И вот какая-то сила подняла меня, и я сбежал чуть-чуть вниз, метров на 10—15. В эту же секунду на то место, где мы располагались, обрушился артиллерийский налет из 6—8 снарядов. У нас были раненые и, может, даже убитые, а я спасся тем, что отскочил. Оба эпизода длились секунды, быстрее, чем я о них рассказал. А вот когда я на mine подорвался, никакого предчувствия не было...»⁶⁶. Подобные истории «чудесного спасения» есть у каждого ветерана войны. Но оценивают их все по-разному: «Сработала интуиция», «Повезло», «Судьба меня хранила», «Господь уберет»...

На фронте были распространены случаи предвидения своей или чужой смерти. «У меня был друг на Северо-Западном фронте, командир роты, позже — комбат, человек исключительной храбрости и мужества, — вспоминал генерал М.П. Корабельников, на войне — командир пулеметной роты. — В сорок четвертом он вдруг стал го-

ворить мне: “Максим, недолго нам осталось быть вместе”. — “Не дури, Иван Васильевич”, — отмахивался я. А он все свое: “Убьют меня...” — “С чего ты взял?” — спрашиваю. А он: “Я это чувствую — устал я, и все мне опостылело...” И действительно его убили»⁶⁷. И хотя данный эпизод вполне можно объяснить известным в военной психологии синдромом усталости, который замедляет реакцию, притупляет чувство самосохранения и, как следствие, повышает вероятность гибели человека в бою, не всякое предчувствие смерти можно свести к рациональным причинам. «...Если это суеверие, то были у меня... суеверные символы. В поведении, — вспоминал Мансур Абдулин. — С убитых не брал даже часы! И я замечал: как только кто-то нарушал это мое суеверное правило, погибал сам. Закономерность какая-то действует... Еще заметил: кто слишком трусливо прячется, обязательно погибает. Усвоил эту приметку настолько, что угадывал: “Убьет”, — и редко ошибался»⁶⁸.

Человеку свойственно надеяться на лучшее. Это тоже защитный механизм сознания, предохраняющий его от саморазрушения. Вера в благополучный исход событий, надежда на возвращение домой поддерживала людей в самых трудных условиях, придавала им новые силы. «Знаешь, иногда, в жаркую минуту боя и приходилось не верить в возвращение, — писал 1 ноября 1944 г. с фронта отцу лейтенант-танкист С.Л. Сенявский. — А как выйдешь из боя, увидишь солнце, и не верится, что умереть можно, кажется, что невозможно это. Разные бывали мысли и чувства, а иногда так и вообще ничего не соображаешь, но вот стоит отдохнуть, и снова хочется жить, любить, быть любимым, и не верится никак, что можно лишиться всего этого и остаться в этой угрюмой местности лежать навеки. Кажется сейчас, что дом, Москва, вы так близко, так близко счастье... Ведь осталось так немного... Какое счастье было бы дожить до этого дня...»⁶⁹

Фронтной быт

О значении фронтного быта и его организации в этой книге говорилось уже немало. Как и в других войнах, в Великую Отечественную его особенности во многом зависели от *природно-климатических условий*, в которых приходилось воевать. Приведем для примера две крайности — юг и север. Вот как характеризует в своих военных записках одну из деталей жизни солдат на Кавказском фронте осе-

нию 1942 г. писатель В. Закруткин: «Кусок хлеба, спрятанный в вещевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа — вода; в землянках — вода; куда ни прислонишься — мокро; к чему ни прикоснешься — грязь»⁷⁰. Другой ветеран, Ю.П. Шарапов, описал суровые будни Карельского фронта: «По многу месяцев нередко длилась на других фронтах позиционная война, но нигде, кроме Севера, не измерялась она годами. Вдосталь натерпелся наш солдат в дни войны в Заполярье, где морозы коржили землю, снег слепил глаза, где вода неотступно преследовала человека, и он радовался каждой сухой кочке; где набухшие от дождя болота проглатывали людей до пояса; где земля, белая и красная, тверда, как бетон; где речки — перешагнуть можно, но дна не достанешь; где на сотни верст ни живой души, только белки летают с ветки на ветку в разрывах между деревьями; где в летний полдень жарко, а в полночь не согреешься у костра; где в июне круглые сутки катится по горизонту громадный шар солнца, а небо нежно-зеленое, как лист салата, а в сентябре ночью такая темь, что абсолютно ничего не видно; где на целых полгода над землей нависает белесая мгла, из которой бесконечно сыплется снег...»⁷¹

Конечно, среди многих слагаемых солдатского быта одно из главных мест занимало *вещевое довольствие*. В Великую Отечественную был учтен печальный опыт недавней финской кампании, когда буквально вымерзали целые воинские части, и к началу первой военной зимы Красную Армию одели «по полной программе». «Выдавалось нам обмундирование — высший класс, — вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С.В. Засухин. — Кальсоны, рубашка, теплое вязаное белье, гимнастерки суконные, ватники (на грудь и штаны-ватники), валенки с теплыми портянками, шапка-ушанка, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Через рукава полушубка пропускались меховые варежки — глубокие, с одним пальцем. Под ушанку надевались шерстяные подшлемники — только глаза были видны, и для рта маленькое отверстие. Все имели белые маскхалаты»⁷². В такой одежде не страшно было жить даже в снегу, а именно так пришлось зимовать однополчанам Засухина в декабре 1941 — январе 1942 годов: «Выкапывали лопаткой лунки метровой глубины. Туда наложишь еловых лапок, залезали вдвоем в берлогу, укрывались плащ-палаткой, дышали, и хоть бы хны»⁷³.

Другое мнение о качестве вещевого довольствия высказывал минометчик Н.А. Орлов: «Обмундированием нас обеспечивали плохо, часто ходили оборванцами. С убитых не брали вещей, примета плохая, редко кто отваживался... Зимой воевали в ватниках, только иногда шинель сверху оденешь. Вязанных подшлемников или свитеров никто не носил, это было бы излишней роскошью для наших “постоянных заклятых спутников” — вшей. Мы же месяцами не мылись и не раздевались. Прожаривали одежду на вошебойке, давили этих насекомых, но вши появлялись снова, доставляя нам дополнительные страдания»⁷⁴. Он же привел интересные подробности о ношении наград на передовой, что относится хотя и не к обмундированию, но к внешнему виду военнослужащих: «Награды носили, кто как горазд. В пехоте старались вообще не вешать регалии на гимнастерки, чтобы блеск серебра не привлек немецкого снайпера. Нам от снайперов доставалось меньше, но все равно, был свой “патент”. На гимнастерке делался надрез с левой стороны, из лоскута ткани пришивался внутренний карман. Колодки от медалей были видны на гимнастерках, а сами медали располагались в этих “карманах” на груди. Была для этого еще одна веская причина. Металлическое ушко у медалей было слабым и часто люди медали теряли. Оставалась только сиротливая колодка... Ордена с винтовым креплением некоторые в пехоте носили винтами наружу. Солдатам редко давали ордена, и у нас бойцы, скромностью не отличавшиеся, иногда могли нацепить орден Славы прямо на шинель, мол, смотрите, перед вами орденоносец»⁷⁵.

Разведчик И.Л. Кобец считал, что обеспечение было вполне приличным, хотя и не без проблем: «Надо сказать, что на переднем крае одевали нас очень хорошо: теплые белье, ватные штаны, полушубки. Правда с обувью были проблемы — она быстро изнашивалась на камнях. Что касается камуфлированной одежды, то ее у нас не было. Впрочем, как и у немцев». При этом в разведке все «одинаково одевались — солдата от командира не отличишь»⁷⁶.

Что касается противника, то он сильно уступал нашим войскам в качестве обмундирования. «Немецкие солдаты и офицеры в сравнении с нами были одеты крайне легко, — рассказывал С.В. Засухин. — На ногах эрзац-сапоги, шинельки, пилотки. Когда брали пленных, они укутывались в шерстяные платки, обматывали ноги всевозможными тряпками, газетами, чтобы как-то уберечь себя от мороза. Немцы вызывали чувство сострадания»⁷⁷. Такая неподготовленность неприятеля к встрече с «генералом Морозом» объ-

ясняется гитлеровскими планами «молниеносной войны»: немцы рассчитывали расправиться с нами за две недели и справлять Рождество дома, потому и встретили русскую зиму в летнем обмундировании. Впрочем, и позднее, зимой 1942—43 гг. под Сталинградом одеты они были немногим лучше и так же, как в сорок первом, укутывались в тряпки и женские платки, так и не сумев приспособиться к русскому климату.

Другая проблема фронтового быта, говоря языком интендантских служб, — квартирование. Как же обустраивали свои *жилища* советские бойцы? Безусловно, приоритетными на фронте были задачи выживания, а не удобства. По словам артиллериста П.В. Синюгина, «...чтобы выжить, нам землянка не нужна была. Землянка — это уже обширное помещение, два на два метра. Нам же хватало узенького ровика. Снаряд упадет, тебе ничего не сделает, осколки вверх полетят. Да еще в этом ровике делали подкоп, как мы называли, “лисью нору”. Там один сидит, дежурит, остальные отдыхают, если боя нет»⁷⁸.

Минометчик Н.А. Орлов вспоминал: «Мерзли, конечно, мы все время. Нечасто везло найти крышу над головой для ночлега. Это на формировках или на отдыхе в тылу как-то устраивались, но когда воюешь... На голой земле спишь под проливным холодным осенним дождем, на снегу, в полузатопленной талой водой траншее, и так далее... С товарищем одну шинельку на землю постелем, другой укрываемся, вот и весь комфорт. Постоянный холод, сырость, мокрое обмундирование липнет к телу... К такому трудно привыкнуть. Вечная мечта — где-нибудь обогреться и обсохнуть»⁷⁹.

Ю.П. Шарапов рассказывал: «На передовой, когда мы пришли после Масельской и бои уже кончились, жили все вместе в какой-то землянке. Командир роты — немножко отдельно, за пологом из плащ-палаток, а мы все вместе... В разведроту был барак, и все мы, сколько нас было в этой роте, человек 80—90, там жили... Трое были некурящие. А все остальные курили. Можете себе это представить... Там не только топор, там танк можно было повесить от этого самого дыма»⁸⁰.

Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось устроиться довольно уютно, обзавестись пусть временным, но «домом». «Мы, артиллеристы, народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, — писал 29 апреля 1942 г. брату заместитель политрука Ю.И. Каминский. — Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно —

только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка — ступеньки земляные, на дверях плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу “в три наката” пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка — тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно, не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда “Расчет, к оружию!”»⁸¹

В ходе наступления, когда наши войска выбивали противника с укрепленных позиций, они имели возможность познакомиться и с его «жилищно-бытовыми условиями», что нередко приводило к неприятным последствиям. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, — вспоминал С.В. Засухин. — Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда подошли к городу Белому, нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все вшивое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон»⁸².

Во время войны всегда особенно остро встают проблемы, связанные с угрозой эпидемий. В Великую Отечественную *санитарно-гигиеническому обеспечению* действующей армии уделялось повышенное внимание, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и Гражданской войн, когда только сыпной тиф поразил, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн человек⁸³. Так, 2 февраля 1942 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии»⁸⁴. В целях профилактики в тылу и на фрон-

те регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная противоэпидемическая служба. На разных этапах Великой Отечественной перед этой службой стояли различные задачи: в начале войны — не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление, и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, — уберечь тыл от проникновения заразы с фронта и от распространения ее среди гражданского населения. И хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий, благодаря усилиям медиков, удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых»⁸⁵. Основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами.

Первостепенное значение в структуре фронтового быта занимает *снабжение* армии *продовольствием*. Оно было очень разным — в разных условиях, на разных фронтах, на разных этапах войны...

Ю.П. Шарапов вспоминал: «С кормежкой было очень плохо зимой 1941—1942 года. В запасном полку вообще кормят по второй норме, это очень скромно. Потом январь, февраль, март, когда шли бои, нас кормили овсом, два раза в сутки. С утра этот овес был в виде каши, причем прямо вместе с шелухой, а вечером — суп, разведенный, жидель такой, с сухарями. Хлеба тогда давали мало. Потом стали давать грамм 700—800, а тогда давали грамм по 400. Но эти трудности были связаны с общей ситуацией зимой 1941—1942 года... А потом, когда я уже прижился в газете, там, конечно, и с питанием, и с обмундированием стало гораздо лучше... На передовой солдатский быт был, конечно, сложнее, скромнее...»⁸⁶.

29 апреля 1942 г. Ю.И. Каминский подробно расписал в письме к матери свое ежедневное «меню»: «Как меня кормят? Получаем утром завтрак — суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб — 800—900 грамм в день, сахар, махорку или табак (я привык к махорке и курю ее охотнее, чем табак) и водку — сто грамм ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обыч-

но состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса — 100 грамм в обед и 30 утром. В годовщину Красной Армии у нас была и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая»⁸⁷.

Участник Сталинградской битвы Н.А. Тупыленко вспоминал, как на передовые позиции стрелковых подразделений еду возили по ночам, чтобы не попасть под артиллерийский обстрел противника: «Раз в сутки давали горячую пищу, и то ночью подвозили. Килограмм или девятьсот грамм хлеба дадут, каши котелок или полкотелка. Больше ничего — ни обедов, ни завтраков»⁸⁸.

Минометчик Н.А. Орлов признавался: «Еда была однообразной: каша, суп из гороховых концентратов, изредка приправленный “ленд-лизовской” тушенкой. Если где-то коня убивало, то для нас это был весомый приварок. Хотя коней в бригаде почти не было. На формировках наш рацион оставлял желать лучшего, но до голода не доходило. Иногда, “по-тихому” картошки накопаешь... Каждый берег в вещмешке кусок сала, сухари, и, если повезет, пару банок консервов. Для меня высшим лакомством на войне был кусок хлеба с насыпанным сверху на него сахарным американским песком. На сахарок воды чуть-чуть плеснешь и вкуснее этого “пирожного” ничего на свете нет. Крестьян мы не грабили, “экспроприациями” не занимались, но когда переходили на “подножный корм” или на “бабушкин аттестат” — всякое случалось. В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю, а до этого... На Днепре как-то трое суток ничего не ели, даже черного сахара ни у кого не осталось. У убитого немца нашел плитку шоколада, поделили на два расчета, “шикарный” получился обед...»⁸⁹

И.Л. Кобец на вопрос «Чем вас кормили?» ответил: «В основном — это каша. Были различные консервы: сначала наши, в основном рыбные, а затем и ленд-лизовские, мясные. В обед давали суп, кашу с консервами и чай или компот. Когда в разведку ходили, брали сухой паек — сухари, консервы, колбасы, сахар, масло. Шоколада не было»⁹⁰.

Офицер-танкист С.Л. Сенявский рассказывал, что когда осенью 1943 г. приехал на Карельский фронт, встретившие его офицеры части первым делом конфисковали у вновь прибывшего буханку черного хлеба, а его угощали белым, выпеченным из поставленной по ленд-лизу американской муки. Этот хлеб быстро приедался, а «черняшка» почему-то была в дефиците⁹¹. Но такая ситуация была не на всем фронте. Д.Ф. Златкин, тоже воевавший в Каре-

лии, вспоминал: «Мы получали только черный хлеб, белого мы никогда не видели, причем он был не выпечен как следует, сырой был, тяжелый, видимо там была какая-то примесь, то ли кукуруза, то ли что-то другое, я не знаю. Хлеб был кислый, невкусный, но ничего не поделаешь, надо было есть... Основная еда у нас была треска...»⁹² Вместе с тем, по его словам, снабжение «было бесперебойным»: «В армии было абсолютно все, и завтрак, и обед, и ужин. И офицерский паек мы получали: чекушку сиропа шиповникового (меняли его на водку, на табак, на что угодно), пакет печенья “Мария”, масло грамм 200 я получал в месяц, сахар полкило на месяц, и консервы 3 банки — треска в масле или печенка тресковая. Это был доппаек. Помимо того, что мы бесплатно ели три раза в день. Да, и большая пачка табака, очень большая пачка, или папиросы “Беломор”. Мы все курили»⁹³.

Впрочем, многое из положенного солдату рациона по пути на передовую «прилипало к рукам» интендантов. Ю.П. Шарапов поведал такой случай: «Летом 1943-го года, когда я работал в дивизионной газете, видимо, сверху была дана команда поинтересоваться, как кормят солдат. И мне мой редактор говорит: “Это по твоей части, сходи на передовую, поговори с ребятами”. Я пошел, поговорил в одном полку, в другом полку, потом поехал в тылы дивизии, посмотрел там, потом даже в тыл армии съездил. И была у нас напечатана довольно большая громкая корреспонденция... Называлась она “От склада до котелка”. Я проследил весь путь. Это была бомба, которая разразилась на весь фронт. Мало того, что в политотделе армии об этом заговорили и очень редактору ставили в заслугу: “О, какой газетчик принципиальный! В дивизионной газете поднимает вопрос, всё ли от склада доходит до котелка, до бойца на передовой...” Конечно, не всё. Конечно, по дороге происходят усушки и утруски — для всех этих тыловых крыс и для всякого командного состава... В общем, шуму было много. Очень много. Да и сам заголовок — не ради хвастовства скажу — был достаточно выразительный: “От склада до котелка”. В духе того, что полагалось»⁹⁴.

А.З. Лебединцев вспоминал 450-километровый марш своего полка от Умани до Ботошанн в Румынии в самый разгар весенней распутицы 1944 г.: «Тогда мы забывали не только дни недели, но и где и когда ели в последний раз, ибо все кухни тогда отстали из-за взорванных мостов. Кормили нас по “бабушкиному аттестату” местные сердобольные хозяйки картофелем в мундире да квашеной капустой»⁹⁵.

Особая ситуация с продовольственным обеспечением советских войск сложилась после перехода ими государственной границы. Вместо разоренной территории своей страны наши бойцы оказались в сытой и благополучной, несмотря на войну, Европе. 22 февраля 1945 г. Л. Шахпаронова писала подруге из Польши: «Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т.д. Питаемся мы сейчас без всяких норм. Еще один небольшой перегон, и мы будем совсем около линии фронта, на пороге в Германию...»⁹⁶ 23 февраля 1945 г. В. Герасимова сообщала в письме родным: «Фриц бежит, все свое бросает. Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено — шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать»⁹⁷.

Н.А. Орлов вспоминал: «В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю... Дома с роскошной, по нашим понятиям и представлениям, обстановкой. Огромные погреба, заставленные банками с провизией, солониной, компотами, вареньями... Еды в их запасниках было столько, что немцы еще могли спокойно лет пять в блокаде просидеть, продолжая войну. Там мы себе отъели “ряшки”: в грузовиках, рядом с минометами и боезапасом, размещались “взводные продуктовые склады”. Бесхозной скотины и живности было столько, что дошло до того, что некоторые подходили к свинье, стреляли в ухо из автомата, отрезали у убитой свинки ногу, поджаривали ее, а тушу бросали на месте. Но вскоре эта “лафа” закончилась, и мы опять перешли на русскую кашу с американской тушенкой»⁹⁸.

Еще один важный вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, — *употребление алкоголя* личным составом. Уже в русской дореволюционной военной психологии ему уделялось специальное внимание. В одном из первых военно-социологических опросников, составленных сразу после русско-японской войны, фигурировал вопрос о влиянии алкоголя на душевное состояние в бою, до и после него⁹⁹. Алкоголь, как и некоторые другие вещества, в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки оказывает разностороннее воздействие на организм и психику человека. Поэтому во многих армиях использовали и используют различные

химические стимуляторы (от алкоголя до наркотических веществ и различных медицинских психотропных препаратов), причем последние могут применяться как перед боевыми действиями, так и после них — для снятия или смягчения психических травм. Использование таких стимуляторов может носить целенаправленный (официально одобряемый и даже внедряемый командованием), просто легальный (добровольный) или нелегальный характер — в зависимости от конкретной армии, религиозных и этнокультурных традиций, исторической ситуации и т.д. «Выдача алкоголя перед боем практиковалась в некоторых армиях, — писал в 1923 г. русский военный психолог, участник нескольких войн П.И. Изместьев. — Упомянув об этом, я далек от мысли заниматься проповедью спаивания, я хочу только подчеркнуть органическое происхождение смелости, ибо алкоголь способствует возбуждению всего нашего организма и имеет результатом проявление большей смелости»¹⁰⁰.

Что касается употребления спиртного в русской и советской армиях, то в документах о Русско-японской, Первой мировой и Советско-финляндской войнах неоднократно встречаются упоминания о крепких напитках, которые разными способами добывали солдаты и офицеры, чтобы отметить праздник, помянуть погибших, иногда — «для сугреву», «в сугубо медицинских целях»¹⁰¹, а в сущности всегда — для снятия боевого стресса. Однако на официальном уровне никаких мер для организованного снабжения армии алкоголем не принималось — за исключением поставок спирта в госпитали и другие военно-медицинские учреждения. В Первую мировую в России, как отмечалось выше, был даже введен сухой закон, только через несколько лет после революции отмененный большевиками.

Первый и единственный опыт узаконенной на высшем военном и государственном уровне выдачи алкоголя в отечественной армии в XX в. относится ко Второй мировой войне. Почти сразу после начала Великой Отечественной спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном Сталиным постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии»¹⁰².

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке,

но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. «Каждый день положены были сто наркомовских граммов водки, — вспоминал С.В. Засухин. — Но на самом деле выпадало больше... Наши интенданты имели всегда запас. И мы в батарее хранили “энзэ” в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И еще куревом»¹⁰³.

«На переднем крае каждый день выдавали сто грамм, — рассказывал Д.Ф. Златкин. — Там еще был уговор: ну что пить 100 грамм, ничего не дает, 200 — это еще ладно. Так мы договаривались: “Ты сегодня не пьешь, отдаешь мне свою норму, а через день я тебе отдаю свою, ты пьешь 200 грамм”. Ну, от 200 грамм не пьянели...»¹⁰⁴

Похожую ситуацию описал Ю.П. Шарапов: «Были у нас “наркомовские 100 грамм”. Но когда мы были в разведке, мы их каждый день не пили, а сливали во фляжки. Во фляжку входит 800 грамм. Она висит у тебя в головах, на гвозде. Старшина тебе выдает, ты берешь фляжку и туда наливаешь. И вот она полная. Тогда все собирались и перед обедом пили. И это, конечно, уже не по 100 грамм, тут, может, и по 200, и сколько там во фляжке оставалось... Так что было по-разному. И, конечно, когда обморозишься, промерзнешь, выпивали, чтобы согреться...»¹⁰⁵

Разведчик И.Л. Кобец вспоминал: «Спирт давали, но только непосредственным участникам боев, каждый день 100 грамм. Потом были спиртовки — смесь стеарина и спирта, так вот спирт отжимали. Но в разведку я никогда водку не брал. Во-первых, с запасом надо брать, а выдавали-то только в этот же день вечером. Потом если взять с запасом — его тут же выпьют, а пьяный будет либо ранен, либо убит — это без вопросов. У меня мой друг так погиб... Он был на НП, когда его разведчики были в поиске. Что-то он там выпил, стал смелый, и они уже тащили пленного, а он пошел им навстречу. Зимой без маскхалата! Ну, и немцы, конечно, его убили. Может, если лишнего не выпил бы, и жив остался. Никогда перед боем не пили! После боя — да! Если успешный поиск, то сам командир полка и спирт поставит, и еды дополнительно даст, и рядом за стол сядет»¹⁰⁶.

Л.Н. Пушкарев (непьющий и некурящий — редкий случай!) вспоминал: «Надо сказать, что иногда были перебои с обеспечением, но это было вызвано обстановкой. Так, в общем-то нам еды хватало. И хлеба хватало, и водку нам выдавали, эти сто грамм. Я не пил и не курил на войне, всю войну. Водку, которую получал, я сливал в баклажку и носил при себе. И обтирался этой водкой, потому

что вши мучили нас. Бань не было. И солдаты исходили слюной, когда видели, как я трачу эту самую драгоценную жидкость. Что касается табака, то я его тоже получал, но, по взаимной договоренности, менял на сахар среди своих товарищей, которые с удовольствием отказывались от сахара из-за лишней порции махорки»¹⁰⁷.

Немцы тоже широко пользовались спиртным, причем среди захваченных у них трофеев встречался не только шнапс, но и французские вина, а на другом театре военных действий обязательным атрибутом японских солдат-смертников была бутылка с рисовой водкой — сакэ¹⁰⁸. Кстати, во время Великой Отечественной единственными объектами, которые немцы сознательно не уничтожали при отступлении, рассчитывая на массовое спаивание наступающих советских войск, были винные склады и спирто-водочные заводы.

Время от времени в письмах и дневниках упоминается *денежное довольствие*. Как правило, в том смысле, что на фронте деньги не нужны и аттестат отправляется в тыл семьям. Так, 7 апреля 1942 г. Ю.И. Каминский писал матери: «Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочел насчет денег. Во-первых, я их получаю (жалованье — 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку все, что здесь есть, либо дается даром, либо не дается вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Все это вместе очень смешно»¹⁰⁹.

Люди семейные отправляли свой денежный аттестат жене и детям, холостяки — родителям или невесте, а кто-то просто случайной знакомой. Ценность денег на фронте теряла всякий смысл. «Бойцы были относительно свободны от забот о материальной стороне жизни. Стремясь успокоить близких, многие из них подчеркивали в письмах, что сыты, обуты и одеты»¹¹⁰. «Будничная вещественность войны»¹¹¹ была совершенно особой: на фронте ценились простые и незатейливые вещи, в мирной жизни абсолютно незаметные (котелок, ложка, нож, бритва, лопатка и т.п.), а то, что тогда считалось роскошью, наоборот, утрачивало какую бы то ни было ценность. И «денежный эквивалент» не имел к этому никакого отношения.

Кроме того, война обесценила деньги и в тылу: карточная система, нехватка продовольствия, распространенный натуральный обмен, когда вещи (одежда, обувь, предметы домашнего обихода и т.д.), нажитые до войны, легко менялись на продукты и давали «выигрыш во времени» — возможность прокормиться и «протянуть» еще пару дней, неделю, месяц. Зная из писем родных и из

собственных наблюдений за жизнью гражданского населения, как трудно прокормиться их семьям во время войны, фронтовики часто сетовали на то, что «ничем, кроме как деньгами», помочь не могут и советовали продавать и обменивать на продукты абсолютно любые вещи, особенно принадлежащие лично им («Не жалеи! Не береги! Продавай!»), мотивируя это тем, что главное сейчас — продержаться, выжить, сохранить силы и здоровье, а там, после войны, «если вернусь, всё будет, всё наживем»¹¹².

22 февраля 1945 г. В.Н. Моргунова писала матери: «Живы будем, уже скоро вернемся к тебе, наша родная старушка, ты только жди и не плачь, береги себя, ничего не жалеи, поддерживай себя в питании. Прошу тебя, если что есть мое, продай, только кушай, это самое главное. Живы будем, все будет, а то ты все, наверное, жалеешь. Не в тряпках счастье, они будут, если останемся живы...»¹¹³ При этом сами про себя фронтовики рассуждали так: меня в любой момент могут убить, зачем же близким отказывать себе в самом необходимом, сохраняя какие-то тряпки, которые мне уже могут и не понадобиться. Пренебрежительные высказывания о вещах — мелочь, тряпки, дрянь, барахло — встречались очень часто. «Мелочность быта непроизвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность»¹¹⁴.

Лишь в конце войны, когда армия воевала уже на территории других стран, включая Германию, интерес к вещам вновь проснулся, выразившись в «трофейно-посылочной лихорадке», но при этом «нажиться» и «обогатиться» стремились всё же немногие, в основном «тыловики и обозники». Большинство старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на те же продукты.

Война войной, но иногда выпали и *минуты отдыха*. И первое, что делал в таких случаях солдат, — старался элементарно выспаться. Н.А. Орлов рассказывал: «Очень серьезной проблемой для нас являлось постоянное недосыпание и физическая усталость. Не спишь иногда по двое суток, да каждый день пеший переход километров на восемьдесят... Даже для молодого организма это невыносимая пытка»¹¹⁵. «В каких условиях и сколько приходилось спать? Да по-разному, — вспоминал Л.Н. Пушкарев, — Это зависит от человека. Были люди, которые могли спать в любых условиях. Выделится время свободное — он ложится и спит... Многие спа-

ли впрок, потому что знали, что будут такие условия, когда спать нельзя будет»¹¹⁶. И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Бывали на фронте и нехитрые развлечения. Чаще всего под гитару или гармонь звучала задушевная песня. «Минуты отдыха, конечно, были, что там говорить, — рассказывал Ю.П. Шарапов. — Рассказы бесконечные, воспоминания... На фронте, на передовой больше пели, особенно в закрытых землянках. Какие песни пели? Какие знали, довоенные, — ведь радио не было, в газетах печатали редко...»¹¹⁷ Но до солдат доходили и новые, рожденные в войну песни. По свидетельству К. Симонова, на разных этапах войны имели распространение те из них, которые более точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах: в сорок первом это было «Напрасно старушка ждет сына домой...», в сорок втором — «Землянка», в сорок третьем — «Темная ночь», в сорок четвертом — сорок пятом — «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и т.п.¹¹⁸ И, разумеется, из уст в уста передавался богатый фронтовой фольклор.

По существу, фронтовой фольклор — это песенная летопись войны. В ней, как в зеркале, отразились мысли и чувства людей, их боль и надежда. Были песни «официальные», одобренные на высоком уровне, звучавшие в концертах и по радио. Были и другие, не вписывавшиеся своей сермяжной правдой в систему агитации и пропаганды, зачастую спорящие с ней. Их пели в землянках в минуты затишья, переписывали в блокноты, посылали в письмах домой, инвалиды исполняли их в поездах. Они разлетались по всей стране столь же быстро, как их знаменитые и обласканные собратья. Устное народное творчество очень быстро откликалось на малейшие оттенки настроений людей, и непопулярные в средствах массовой информации темы предчувствия смерти, тоски по дому, осуждения женской неверности занимали в нем весьма значительное место, — такое же, как и в самой жизни фронтовиков. Яркое тому подтверждение можно найти во фронтовом дневнике бойца Георгия Напетваридзе. 23 октября 1941 г. он записал: «Едем на фронт. Вагон набит людьми, как ларь — кукурузой. Тихо, очень тихо, так, что даже нельзя разобрать слов, а только мотив, поют. Содержание песни такое: мы едем. Впереди путь далекий и незнакомый. Потеряна жена, чужие люди увели ребенка. Едем мы, го-

нимые, исполненные жажды мести. За нами — сожженные нивы и сады. Неутомимый враг преследует нас, и едем мы в глухую ночь. Мы вернемся и, усталые, позже снова отыщем друг друга, но на это требуется больше времени, чем на войну... По забитому людьми вагону проходит хмурый политрук. Он слышит песню, но ничего не говорит, не останавливает ребят. Мотив песни как нельзя лучше выражает общее горе, и у слушателей на глазах сверкают слезы»¹¹⁹. В этом рассказе интересно не только описание песни и ее эмоционального воздействия на бойцов, но и опасливое отношение к политрабработнику, который по долгу службы мог пресечь ее «разлагающее влияние» на боевой дух красноармейцев.

Одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет — изменение старых песенных текстов, приспособление их к новым условиям. Распространена была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов¹²⁰. Часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты шахтерской песни «Коногон» («Нас извлекут из-под обломков») бытовали у представителей разных родов войск, при этом у танкистов, летчиков, моряков, артиллеристов при сохранении основы сюжета — гибели героя песни и описания горя его родных после получения известия об этом, сама сцена гибели каждый раз приводится в соответствие с реальными боевыми условиями, в которых данному роду войск приходилось действовать¹²¹.

Упоминают ветераны и кинопросмотры (как правило, на отдыхе в ближнем тылу, где существовало какое-то подобие клуба, и в госпиталях — для персонала и легкораненых). Настоящим праздником становился приезд артистов фронтовых бригад, выступавших с концертами перед бойцами. И не было более благодарных зрителей, чем солдаты, которым вскоре предстояло идти в бой. Ю.П. Шарпов вспоминал: «Однажды приехал квартет знаменитый — то ли Бородинский, то ли еще какой-то знаменитый квартет музыкальный. А холод был собачий в бараке, и у одного инструмента — не то у виолончели, не то у скрипки — лопнула струна. Но музыкант мужественно доиграл до конца, без лопнувшей струны, не сфальшивив... Я сам слышал...»¹²² В дневнике бывшего учителя, пожилого бойца Г.Ф. Денисенко встречается несколько коротких упоминаний о фронтовых концертах, проходивших в непосредственной близости от переднего края, причем речь идет не только о профессиональных

актерах, но и о солдатской самодеятельности: «*11 мая 1942 г.* Вчера был на концерте, проходившем на открытой эстраде. Обычные армейские номера: песни, баян, пляски, рассказы... *29 июня 1942 г.*... Сегодня мины рвутся совсем близко. После обеда пошел на концерт. Его дают любители для батальона. Пошел из любопытства. Оказывается, при дивизии открывается клуб, знакомая лесная полянка, у которой так часто приходилось ходить за продуктами. Все свои, красноармейцы. Человек 70, к концу более 100... Начало концерта прервалось близким разрывом мины. Хлопанье мин сопровождало все номера концерта. Артисты понравились непосредственным захватом, но они не готовились, и всё было сделано крайне небрежно. Обычные номера пения и пляски. Политические частушки. Украинские песни. Три баяна и одна гитара... *31 августа 1942 г.* Бегая в целях устройства бани, был на концерте. В лесу среди густых елей — маленькая эстрада и перед ней, как перед фотоаппаратом, зрители в несколько ярусов. Попурри русских и украинских песен и т.п. ... *2 мая 1944 г.* Концерт в чистом поле. Пасмурно. Холод. Ветер. Временами срывается снег. Гармонь, скрипка, пение, пляска, чтение шутки конферансье. Ну, какие тут условия для концерта? И тем не менее, это было лучшее, что мне приходилось видеть в этом роде на фронте — фронтовой концерт у старой польской границы»¹²³.

А вот Н.А. Орлову видеть фронтовые артистические бригады не доводилось. «Такой роскоши нам не досталось, — рассказывал он. — Несколько раз за войну я видел кино. В штабе бригады была кинопередвижка. Случайно один раз туда попал, и как раз на киносеанс для наших тыловигов. Показывали американскую комедию. Название картины, если верно помню — “Джон из динки-джаза”. “Киноманами” мы стали в городе Лигниц. Зима сорок пятого. Ворвались мы туда внезапно, под вечер. Нас не ожидали, до линии фронта была добрая сотня километров. Немцы спокойно пили пиво, заходили в кинотеатр на центральной площади. И тут батальон советских танков и минбат на машинах!.. Мотострелков с нами не было. У немцев поднялась дикая паника, сопротивления почти не оказывали. Мы зашли в опустевший кинозал, киномеханик сбежать не успел. Так и посмотрели хит тех времен, фильм “Девушка моей мечты” на немецком языке. Пока мы там сутки стояли, еще несколько картин посмотрели. “Соскучились” по искусству. А потом снова вперед!.. Что еще вспомнить про “культурный досуг” на фронте? Газеты нам замполит в роту приносил. Но в основном, для нас, воевавших на передовой, “музы молчали”...»¹²⁴

Как же еще отдыхали на фронте?

Травили на привале анекдоты, рассказывали байки, разряжая атмосферу взрывами хохота, особенно если в подразделении оказывался весельчак и балагур, свой собственный Василий Тёркин. Читали изредка доходившие до окопов газеты и боевые листки, правда, вскоре после прочтения пуская драгоценную бумагу на самокрутки... Офицеры из числа интеллигенции и бойцы с высшим образованием пишут иногда о чтении книг, которые удалось раздобыть (опять же — не в окопах, а на отдыхе, да и нечастые это были случаи, если не считать политработников разного уровня, газетчиков, переводчиков, которым чтение было необходимо по роду занятий и долгу службы). Кто-то играл в шахматы (нашел в развалинах и вспомнил довоенную жизнь). Кто-то разжился патефоном и парой пластинок, которые стали величайшей ценностью и заигрывались до полного износа. Кто-то берег как зеницу ока старенький музыкальный инструмент. Кто-то дрессировал подобранного в сторевшем селе щенка, ставшего любимцем и талисманом взвода... Индивидуальный опыт отдыха и способов разгрузки сознания от накопившегося нервного напряжения был весьма разнообразен.

Важнейшую роль для солдата на фронте имела связь с тылом, и в первую очередь — *переписка с родными и близкими*.

«Дорогой мой папа! — писал 1 ноября 1944 г. отцу лейтенант-танкист С.Л. Сенявский. — ...Здесь для меня нет и не может быть большей радости, чем получать от тебя письма, а из этого сделай вывод, как радостно, если ты часто пишешь. Я надеюсь, что и в дальнейшем ты не заставишь меня лишиться этой единственной радости. Есть, конечно, другая радость: это радость победы, но это уже не только личная, а общая наша радость...»¹²⁵

Почти в каждом фронтовом письме встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Не случайно самые трогательные образцы фронтовой лирики и песен военных лет — «Жди меня», «Темная ночь», «В землянке», «Огонёк» — посвящены письмам любимых или сами написаны в жанре письма.

«На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.
Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.

Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!
...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома — и в дыме войны!
Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...
Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью
И в дом только радость войдет.
И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем»,

— написал в 1943 г. на фронте поэт Иосиф Уткин, выражая чувства и чаяния своих боевых товарищей.

Но не все фронтовики получали письма из дома: семьи многих остались на оккупированной врагом территории, и их судьба была неизвестна. И тогда, чтобы боец не чувствовал себя одиноким, над ним брали шефство незнакомые люди, живущие в тылу. Присылали посылки и письма, приезжали с подарками на фронт. «Дорогой фронтовик, наша бригада шлет тебе комсомольский привет...» «Дяденька солдат, эти варежки я связала для тебя сама...» «Здравствуй, незнакомый боец! Пишет тебе девушка из далекой Сибири...» Страна щедро делилась своим душевным теплом с теми, кто ее защищал.

Значительную группу составляли записки незнакомым бойцам и командирам. Упоминание об этом мы находим у Давида Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди — солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, брошенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали “заочницы”. Порой такая переписка заканчивалась свадьбой»¹²⁶. Иначе оценивает это явление Г.Ф. Денисенко: «Большое распространение на фронте имела переписка с незнакомыми женщинами. Я был в корне против этого. Жизнь научила меня не создавать иллюзий, за них приходится дорого платить. Некоторые, как, например, командир взвода лейтенант Рачковский, переписывались сразу с несколькими женщинами. Некоторые серьезно ув-

лекались этим, обменивались фотографиями, ездили к своим заочным знакомым во время отпуска»¹²⁷.

Д.Ф. Златкин также поделился личным опытом подобной переписки: «Самым главным талисманом служили фотографии девушек, которые посылались на фронт. Я получил однажды такое письмо: “Солдату, не получающему ни от кого писем”. А я не получал ни от кого писем, у меня родители были потеряны тогда, и я не получал от них писем. И я ей ответил. У меня есть ее фотография, по сей день еще [храню] в альбоме. Она молодая девочка, работала на заводе. Всё в таких тонах патриотизма писала, что она для нас готовит вооружение, что она оружейница, что ей шестнадцать, семнадцатый год. А мне было уже 30 лет. Разница была колоссальная, мне казалось. И я написал, что я старше тебя. Она говорит: “Я не верю, вы меня обманываете. Я получила вашу фотографию. Вы такой красивый, такой чудный человек. Приезжайте ко мне, мы с вами поженимся, создадим семью...” Вот такие были письма и фотографии. Единственное теплое слово, которое получил — не от товарища, с которым ты рядом, а от тех людей, которые вдалеке тебе помогают, тебе сочувствуют...»¹²⁸.

Фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними свидетельствами того времени. Мысли и чувства разных людей были так близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма (сугубо личные!) воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет живо и образно передать свое душевное состояние в строчках письма, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с любимыми песнями. Заменялись лишь адреса и имена, да некоторые детали¹²⁹. В воинских частях часто бывали случаи, когда бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в воспоминаниях Давид Самойлов, упоминая о существовании такого явления, как солдатские «письмовники»¹³⁰.

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма Иосиф Уткин. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которую достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы покрасивее высказаться. «Кончится

война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, — писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. — И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: “Смотри, каким ты был”»¹³¹.

Война у каждого своя

Определенными и весьма существенными особенностями отличается фронтовая повседневность *рядового и командного состава*. При этом «для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая, “кому война, кому мать родна”»¹³², — отмечал писатель-фронтовик В. Кондратьев. Психология людей из «второго эшелона» была совершенно иной. Не случайно на фронте так не жаловали «штабных крыс», приписывая им все смертные грехи, часто вполне заслуженно, исходя из своих, «окопных» критериев нравственной оценки человека: «Пошел бы я с ним в разведку или нет». То высокое и не очень начальство, которое появлялось на передовой только в часы затишья и старалось долго там не задерживаться, не могло рассчитывать на авторитет у людей, постоянно, изо дня в день рискувавших жизнью и не считавших это чем-то особенным. Поэтому мы рассматриваем именно фронтовых солдат и офицеров.

Интересное наблюдение сделал в своем дневнике поэт-фронтовик Давид Самойлов. Вот как описывал он «три главных состояния» русского солдата: «Первое. Без начальства. Тогда он брюзга и ругатель. Грозится и хвастает. Готов что-нибудь слямзить и схватиться за грудки из-за пустяков. В этой раздражительности видно, что солдатское житье его тяготит. Второе. Солдат при начальстве. Смирен, косноязычен. Легко соглашается, легко поддается на обещания и посулы. Расцветает от похвалы и готов восхищаться даже строгостью начальства, над которым за глаза куражится. В этих двух состояниях солдат не воспринимает патетики. Третье состояние — артельная работа или бой. Тут он — герой. Он умирает спокойно и сосредоточено. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное

дело»¹³³. В сущности, это собирательный образ народа-крестьянина на войне, образ солдатской массы в одинаковых серых шинелях, внутренне протестующей против этой «одинаковости», «обезлички» и, тем не менее, выступающей как единое целое, подчиняясь долгу и приказу. Такое обобщение ничуть не противоречит тому, что народный характер, то есть черты, сходные у многих, порожденные единством языка, культуры и судьбы, не являются чем-то застывшим и неизменным, а развиваются и изменяются постоянно вместе с изменением обстоятельств, потому что на деле «народ — это неисчерпаемое множество характеров»¹³⁴. И все же главные черты «народного характера», его основа, сохранялась у армии и была узнаваема во всех войнах. Вот на этом общеармейском фоне только и можно рассматривать специфику социальных и профессиональных категорий, рядового и командного состава, представителей разных видов и родов войск, которая, безусловно, была очень значительна.

«Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, — писал К. Симонов. — Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою»¹³⁵. Впрочем, наиболее существенные различия обуславливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше. И его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни¹³⁶.

Принадлежность к командному составу обуславливала некоторые особенности военного быта (офицерский доппаек, денежный

аттестат, ординарец, и т.п.), включая общение «в своем кругу» в минуты досуга, отражающее элементы корпоративности, которая существовала как в дореволюционное, так и в советское время, за исключением первых послереволюционных лет. Окончательное возрождение офицерской корпоративности произошло в период Великой Отечественной войны, причем этот процесс активно стимулировался «сверху». При этом принадлежность к офицерскому составу давала не только некоторые бытовые преимущества (оборотной стороной такой «привилегированности» были боевые потери, которые среди офицеров — пропорционально численности — всегда выше, чем среди рядовых), но, что гораздо важнее, формировала у людей особый психологический склад. И возрождение ряда традиций, заимствованных у старого офицерского корпуса, истребленного во время революции, Гражданской войны и массовых репрессий, не было пустой декларацией. В первую очередь, это отражало изменения в политике государства по отношению к армии: «признание, хоть и негласное, у народа — защитника Отечества — определенных прав; создание кадровой армии (гвардия — как в старые времена, офицерский устав, столовая, клуб, укрепление вообще статуса офицерского состава); ликвидация “двуначалия” — института военных комиссаров»¹³⁷, и как итог, отражающий качественные перемены войска, — введение формы с погонами, встреченное «с интересом и удовольствием»¹³⁸. Многие советские офицеры действительно почувствовали себя наследниками и продолжателями славных побед русского оружия. Ведь возвращение прежней воинской атрибутики совпало с переломом в ходе войны и начавшимся наступлением Советской Армии.

Но было в укреплении офицерского статуса и то, что вольно или невольно способствовало «отчуждению» от рядового состава, формировало идею «касты». «Еще на фронте мы недоуменно рассуждали об офицерских дополнительных пайках, — вспоминал В. Кардин. — Почему младший лейтенант получает на банку консервов, на кусок масла, на пакетик сахара или табака больше, чем рядовой? Они вместе живут, вместе идут на смерть и ложатся в братские могилы. Но одному положено столько-то калорий, другому — меньше. После того, как наша армия перешла государственную границу, приказом разрешили посылки на родину. (Содействовал ли вообще этот приказ моральному здоровью войска?) Но и здесь офицеру дали преимущество. Он мог отправлять больше посылок, чем рядовой или сержант. А ведь семьям рядовых и сержантов приходилось

особенно туго — они не получали денег по аттестату»¹³⁹. Не согласен с этим мнением Л.Н. Пушкарев: «Что касается офицерских доппайков, я как рядовой ими не пользовался. Но наши офицеры получали. Я бы не сказал, что солдаты негодовали по этому поводу. Мы считали, что офицеры должны питаться лучше, чем солдаты, потому что им сложнее: они управляли людьми. Легко отвечать за самого себя, но очень трудно отвечать за других»¹⁴⁰.

Впрочем, на фронте были свои, особые законы, вносящие существенные поправки в отношения людей, независимо от их воинского звания. Без крепкой фронтовой спайки выжить было просто невозможно. И вот какое наблюдение по вопросу о тех же офицерских привилегиях сделал В. Кондратьев: «Все, наверное, знают, что на фронте офицерам выдавался так называемый доппаек — легкий табак или папиросы вместо махры, галеты и немного сливочного масла, в общем-то ерунда. Но вот те командиры, которые делились с солдатами своим доппайком, держались на передке дольше и убивало их реже. Чем объяснить, не знаю, но факт такой имел место»¹⁴¹. Видимо, играл свою роль и чисто психологический момент: офицер, пользовавшийся любовью и уважением солдат, чувствовал себя в бою увереннее и надежнее, а на фронте это обстоятельство немало важное. «Отношения между собой у фронтовых солдат, как правило, были дружеские, — вспоминал Д. Самойлов. — Средние офицеры редко обижали и унижали рядовых. Вспоминая тыловые запасные полки, солдаты охотно ругали тамошнее начальство, считая, что вся сволочь окопалась в тылу и по собственной злой воле, да еще и стараясь особо выслужиться, заедает солдатскую жизнь драконовскими строгостями и бессмысленными трудами... Наши командиры проявляли о нас заботу, были просты в обращении, ничего не заставляли делать зря, да и жили примерно так, как жили мы, одинаково разделяя с нами все опасности и превратности фронтовой жизни. Но на фронте не специально подбирались добрые, заботливые, смышленные и смелые командиры — на фронте была необходимость смелой и взаимной выручки, справедливости и заботы. Командиру, не обладающему подобными качествами, не поверят в бою, а не то еще похуже — оставят раненого на поле боя или помогут отправиться на тот свет. Но, конечно, не расчет подобного рода формировал среднего фронтового командира. Вся обстановка опасности, смерти, единения, ответственности, долга, вся непосредственность и жизненность этих категорий, абстрактных в иное время и в иных обстоятельствах, определяли поведение большинства фронтовых офицеров»¹⁴².

Во все времена рядовые ценили командиров не только за их способность умело управлять войсками и одерживать победы, но и за способность хотя бы ненадолго войти в роль самих рядовых, «примерить» на себя опасность, переживаемую солдатами ежечасно, прочувствовать то, что чувствуют в бою они, и показать себя достойными их доверия, выраженного в готовности выполнить любой, даже смертельный приказ. «Личная храбрость» и «пример командира» — вовсе не пустые слова. И.Л. Кобец вспоминал: «А вы знаете, что люди чувствуют командира так же, как и лошадь ездока?! Если лошадь чувствует, что ездок трусит, то она не пойдет брать препятствие! Так и здесь — если командир смелый, то солдат чувствует: “О! С этим командиром не пропадешь! Он не подведет!” Смелость и спокойствие командира играют решающую роль!.. Поэтому, наверное, люди ко мне [во взвод разведки] всегда старались попасть»¹⁴³.

Еще одно интересное наблюдение, может быть, не совсем бесспорное. Средние командиры, пришедшие из запаса, — инженеры, учителя и люди других интеллигентных профессий, больше жалели солдат, чем кадровые командиры, «быстрее и квалифицированное оценивали обстановку и принимали более верные решения», пользовались особым уважением солдат¹⁴⁴. Впрочем, следует учитывать, что кадровые военные приняли на себя первый улар в начале войны, большинство их погибло еще в 1941 г., а на смену им пришли как раз командиры запаса, люди, по своему сознанию и основному роду занятий, глубоко гражданские, но именно они довели войну до победного конца. Да еще мальчишки-лейтенанты, вчерашние курсанты ускоренного военного выпуска. Это они заслужили в народе ласковое прозвище «Ваня-взводный». Это среди них, самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории офицеров, были и самые большие потери. Если за Великую Отечественную среди командиров Советской Армии безвозвратные потери составили более 1 млн человек или 35% общего числа офицеров, состоявших на службе в Вооруженных Силах в период войны, то более 800 тыс. из них приходилось на младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов¹⁴⁵. «Младшие офицеры войны... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, — вспоминал бывший лейтенант Т. Жданович. — В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи...»¹⁴⁶

Психологически особенно трудно командовать людьми было именно молодым офицерам — они должны были прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное,

но моральное) распоряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, какую собираешься требовать от других. Иногда это принимало форму демонстративной, «на показ» храбрости, граничившей с безрассудством, но бывали ситуации, когда без этого было невозможно обойтись. Впоследствии приобретенный таким образом авторитет служил юному офицеру надежной гарантией, что его возраст больше не будет восприниматься как недостаток, особенно по мере того, как неопытность новичка уступает место его зрелости как командира. Но это становление и «взросление» вчерашних школьников, попавших на войну в непривычном качестве человека, наделенного властью, давалось им нелегко. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, — говорил писатель-фронтовик Григорий Бакланов. — И вот им, восемнадцати-девятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо трудней, чем самому пойти»¹⁴⁷. У многих солдат, оказавшихся под началом безусых лейтенантов, были уже взрослые дети, ровесники их командира, и характер взаимоотношений между такими бойцами и командирами был особенно сложен, причудливо сочетая солдатское повиновение и отцовскую заботу и снисходительность у одних, подчеркнутую суровость и уважение к чужому жизненному опыту — у других. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности.

У каждого *вида и рода войск*, у представителей разных *военных профессий* также существовали специфика повседневной жизни и особенности восприятия военной действительности, зависящие от ряда факторов, которые можно классифицировать следующим образом:

- 1) конкретная обстановка и задача каждого бойца и командира в бою;
- 2) наиболее вероятные (типичные) виды опасности;
- 3) характер физических и нервных нагрузок;
- 4) специфика контактов с противником (ближний или дальний);
- 5) взаимодействие с техникой (видом оружия);
- 6) особенности военного быта.

Начнем с главного фактора, влияющего на психологию родов войск в условиях боевых действий — со специфики видов, форм и

степени опасности, присущих каждому из них. «Чувство опасности присутствует у всех и всегда, — писал в 1942 г. К. Симонов. — Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»¹⁴⁸.

При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид смерти». Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине, для моряка — утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера — подорваться на mine, для пехотинца — погибнуть в атаке или под обстрелом, и т.д. и т.п. При этом, привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью.

Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И. Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинец, он окоп выкопал, лег, понимаете, — и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкодесантники... Ну, там по несколько человек — по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем — ну, когда по стопочке там есть, все такое. Так он залезет, стопку выпил, схватил кусочек колбасы там или сала — все, он выскакивает. Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимаете, вот какое-то ощущение — снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, говорит, она меня и укроет, и все тут»¹⁴⁹.

Если на пехотинца «давило» тесное, замкнутое пространство танка, казалось, что все пушки врага нацелены на этот «стальной гроб» и достаточно одного попадания, чтобы его уничтожить, то танкист, в свою очередь, очень неуютно чувствовал себя в бою под открытым небом, когда не был защищен броней от пуль и осколков. Так же и летчик, по неблагоприятному стечению обстоятельств оказавшийся в наземных войсках, с трудом адаптировался к новым условиям.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выполняя, каждый по-своему, тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необходимостью убивать, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза; кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигуркой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санитарка О.Я. Омельченко: «Это ужас. Человек таким делается... Это не для человека... Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»¹⁵⁰.

Впрочем, в бою выбора не было, все сводилось к простой дилемме: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя. Танкисты, не только стрелявшие из башенного орудия и пулеметов своей машины, но и давившие гусеницами огневые точки врага вместе с прислугой, «утюжившие» вражеские траншеи, подобно пехоте входили в непосредственное соприкосновение с противником, то есть убивали вблизи, хотя и посредством техники. Психологически для них особенно тяжело было «ехать по живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики. «Наш лагерь стоял в лесу, — вспоминает бывшая летчица А.Г. Бондарева. — Я прилетела с полета и решила пойти в лес, это уже лето, земляника была. Прошла по тропинке и увидела: лежит немец, убитый... Знаете, мне так страшно стало. Я никогда до этого не видела убитого, а уже год воевала. Там, наверху, другое... Все горит, рушится... Когда летишь, у тебя одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...»¹⁵¹

XX век с бурно развивающимся техническим прогрессом predetermined возникновение системы «человек — машина». Военная техника объединяла то количество людей, какое было необходи-

мо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и орудийный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки, и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов и летчиков. Несколько человек, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь всех членов экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным являлся тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским допайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» — это превращение некоторых родов войск в элитарные — не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В Великую Отечественную таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот, причем военно-воздушные и военно-морские силы — наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель — самолет, подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля было также мало шансов доплыть до берега или быть подобранными другим судном. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию. Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции.

Традиции на флоте были более древними, так же, как и сам флот, и соблюдались с необыкновенной тщательностью, являясь для представителей других родов войск предметом зависти и восхищения. В воспоминаниях капитан-лейтенанта Л. Линдермана, командира БЧ-2 минного заградителя «Марти», есть такой эпизод. При эвакуации с полуострова Ханко в Ленинград сухопутных войск

на борту корабля их размещали следующим образом: командный состав — в каюты комсостава, старшин — в старшинские, личный состав — по кубрикам. Командир стрелкового полка, оказавшись в роскошной офицерской каюте, где царили идеальные чистота и порядок, а затем в кают-компании за накрытым крахмальной скатертью, сервированным, как в хорошем ресторане, столом, не выдержал и воскликнул: «Ну, ребята, в раю живете, ей-богу! Даже лучше: там пианино нет и картин по стенкам... Да... Так воевать можно!» И только по окончании тяжелейшего похода, в котором экипажу пришлось вести напряженную борьбу с плавучими минами, авиацией и береговой артиллерией противника, признал, прощаясь: «Уж ты извини меня, моряк, за тот разговор о райской жизни. Скажу откровенно: лучше два года в окопах, чем две ночи такого похода»¹⁵². Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться.

И, наконец, в отношении человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как живое существо, и если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали.

Большинством наших воинов война воспринималась как работа, тяжелый артельный труд. И солдат в первую очередь был тружеником — каждый на своем месте. Бывший пехотинец А. Свиридов вспоминал: «Все рода войск несли тяготы военных лет, но ничто не сравнится с тяготами пехоты. Кончалось преследование противника, и солдат-пехотинец, если его не зацепила пуля и не задел осколок, переходил к обороне. И начиналась изнурительная физическая работа — окапывание. В подразделении после наступательных боев бойцов оставалось мало, а фронт обороны прежний — уставной. Вот и копал наш труженик за троих, а то и за четверых. Ночь копал до изнеможения, а перед рассветом всю выброшенную из окопа землю маскировал снегом. И день проходил в муках, потому что ни обсушиться, ни обогреться негде было. Разогреться, распрямиться нельзя: подстрелит враг. Заснуть тоже невозможно — замерзнешь. И так, шатаясь от усталости, дрожа от холода, он коротал день, а ночью — снова надо было копать. Весной и осенью в ячейках, ходах сообщения, да и в землянках воды набиралось почти по колени, день и ночь она хлюпала в сапогах. Иной раз по команде в атаку подняться сразу не всегда удавалось: примерзала

шинель к земле и не слушалось занемевшее тело. Ранение воспринималось как временное избавление от мук, как отдых»¹⁵³.

Пехота, «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая, по словам Владимира Карпова, всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага — в поиск за «языком» или в разведку-боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, — писал в военных записках Д. Самойлов. — Назначение пехоты — вести бой. Разведки — все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки — брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»¹⁵⁴. Подбирались люди в разведку тоже по особым критериям. И.Л. Кобец вспоминал: «Отбирал я их так: главное — это желание! Если он желает — все приложится! Потому что трус, больной или слабый не пойдет! Внешние данные, конечно, тоже играют роль... Так вот, я имел право отбирать людей из полка. Штатный взвод разведки 20—25 человек, конечно, был, но когда я уходил в тыл противника, мне предоставлялось право, при необходимости, набирать дополнительно. Много было ребят, желавших пойти в разведку, из уголовников, потому что в разведке отличиться можно было быстрее, а уж если он отличился, то сразу подавали представление о снятии судимости. Вот таких у меня было человек 5, и двое из них имели приговоры даже по 10 лет тюрьмы. Очень хорошие ребята»¹⁵⁵. Из всех многочисленных видов разведки (за исключением агентурной), пехотная разведка была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали са-

мых волевых и хладнокровных. «На тебя идет танк, — вспоминает фронтовик К.В. Подколзин. — Ты видишь его в прицел. Как бы ни было тебе страшно, надо подпустить его ближе. Осколки стучат, а ты должен точно наводить, не ошибиться, не дрогнуть. Ведь орудие само не стреляет»¹⁵⁶. Другой бывший артиллерист В.Н. Сармакешев описывает свое состояние так: «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою, не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, ловя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: “танк”, “бронетранспортер”, “пулемет в окопе”), то ни о чем другом не думает, кроме того, что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависит твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»¹⁵⁷. А танкисты в бою задыхались от пороховых газов, скапливавшихся внутри танка, когда стреляло орудие, и глохли от производимого им грохота. Командир и башнер могли не только сгореть заживо вместе с танком, но и быть разорванными пополам, когда от прямого попадания отлетала башня. По горькому, но меткому определению одного из ветеранов, «судьба танкиста на войне — это обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины».

По-разному влияли на представителей разных родов войск и особенности местности, где велись боевые действия, и природно-климатические условия. Характерным примером может служить переход наших войск через пустыню Гоби в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г.: «Для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого, — вспоминает участник этих событий бывший артиллерист А.М. Кривель, — нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из “централизованного” фонда. Еще труднее было танкистам. В металлической коробке танка жаркий, будто расплавленный воздух, руками не тронешь нагретое железо. У всех пересохло в горле, стали сухими губы. Танки передвигались на расстоянии ста метров друг от друга. Взметенный горячий песок набивался внутрь, слепил глаза, лез во все щели, как наждак, перетирал стальные детали гусениц»¹⁵⁸.

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели меж-

ду собой много общего, — именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама эта обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем для каждого вида авиации свои, но эти различия были не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя едина для всех. «Воздушный бой длится мгновения, — вспоминал бывший летчик-истребитель И.А. Леонов. — И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить — чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку — ты можешь определить, примерно, и опыт его, и норы»¹⁵⁹. Далее летчик рассказывает: «В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою — ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит — выйдешь ли ты победителем или погибнешь. В те дни почти каждый вылет истребителей был сопряжен с воздушным боем, — писал мемуарист. — Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»¹⁶⁰.

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Вот описание только одного боевого эпизода, в котором участвовала гвардейская подводная лодка «Щ-303»: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ло-

жится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. “Два часа ада”, — напишет потом командир в своих воспоминаниях. Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... “Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...”¹⁶¹ — вспоминал командир лодки капитан 3-го ранга И.В. Травкин. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны — в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченным, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, — писала бывший военврач Г.Д. Гудкова. — А между тем война — даже в периоды успешных наступательных операций — оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выходить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становится повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасти жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды...»¹⁶²

По свидетельству многих, на фронте человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаяния и невосполнимости потери притуплялось. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызывали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну. Многие медики были вынуждены бросить свою работу. «После войны в родильном отделении акушеркой работала — и не смогла долго, — вспоминала бывший командир санитарного взвода гвардии лейтенант М.Я. Ежова. — У меня аллергия к запаху крови, просто не принимал ее организм. Столько я этой крови на войне видела, что больше уже не могла. Больше организм ее не принимал... Ушла из “родилки”. Ушла на “Скорую помощь”. У меня крапивница была, задыхалась...»¹⁶³. С другой стороны, большинство

фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях. Именно там уставшие убивать солдаты давали себе клятву: «Если останусь жив, буду так же спасать людей». «Было в те первые послевоенные годы в нашем Медицинском институте, — вспоминает В.Н. Сармакешев, — стрелянных и покалеченных ребят около пятидесяти из двух тысяч студентов. Но самое удивительное то, что среди тех пятидесяти, пришедших с фронта, не было ни одного медика: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, даже летчики, но ни одного фельдшера»¹⁶⁴. У каждого из них была «своя» война и забыть о ней каждый тоже старался по-своему.

Женщина на войне

Важный ракурс фронтовой повседневности Великой Отечественной — массовое, по сравнению со всеми предшествующими войнами, участие в ней женщин, признанное и по характеру, и по масштабу историческим и социально-психологическим феноменом.

После революции политика советского государства в женском вопросе, направленная на вовлечение женщин в общественное производство, способствовала быстрому развитию эмансипации со всеми ее последствиями. Массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами «Девушки — на трактор!», «Девушки — в авиацию!», «Девушки — на комсомольскую стройку!» и т.д. явились своего рода психологической подготовкой к массовому участию советских женщин в грядущей войне. Важную роль сыграло довоенное обучение резервистов, в том числе женщин, для вооруженной защиты страны¹⁶⁵. Только за шесть предвоенных лет курс занятий в организациях Осоавиахима по противовоздушной и химической обороне прошли 38 млн человек¹⁶⁶, треть из которых были девушки. Сотни тысяч девушек овладели стрелковым оружием, разнообразными авиационными и морскими специальностями, десятки тысяч стали радистками, медсестрами, освоили парашютное дело, автодело¹⁶⁷.

С началом войны сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное, — утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества. Они добровольцами вступали в ряды Красной Армии, в дивизии народного ополчения.

Глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшего в большинстве своем книжно-романтические представления о войне, отличал и тех 17—18-летних девочек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт.

22 июня 1941 г. 17-летняя школьница из г. Кашина Калининской области Инна Константинова записала в своем дневнике: «Еще вчера все было так спокойно, так тихо, а сегодня... Боже мой! В 12 часов слушала радио. Германия бомбит нашу страну! Налеты совершены уже на Киев, Житомир и другие города Украины. Страна в опасности. Сердце готово было выпрыгнуть от волнения. Страна мобилизует силы. Неужели я-то останусь спокойно на своем месте? Нет! Нужно быть полезной Родине. Помогать ей в трудный момент всем, чем можем. Победа должна быть нашей!»¹⁶⁸.

А вот письмо маме от девушки-москвички, снайпера Наташи Ковшовой, написанное 8 декабря 1941 г. в первые дни контрнаступления наших войск под Москвой: «Я верю, что со мной ничего страшного не случится, верю в большую нашу и радостную Победу, верю, что моя хорошая мамочка вспомнит свою боевую молодость и не станет сердиться на свою дочуру за то, что она добровольно пошла на защиту нашей горячо любимой, самой замечательной в мире, родной Москвы!»¹⁶⁹

Женщины в СССР не были военнообязанными, хотя законодательство Советского Союза предусматривало в случае необходимости привлечение их в ряды Красной армии¹⁷⁰. Статья 13 Закона «О всеобщей воинской обязанности», принятого 4-й сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., предоставила народным комиссариатам обороны и Военно-Морского флота право брать на учет и принимать на службу в армию и на флот женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку, а также привлекать их на учебные сборы¹⁷¹. В военное время женщины, имевшие такую подготовку, могли быть призваны в армию и на флот для несения вспомогательной и специальной службы.

Первыми были мобилизованы врачи и медперсонал 1905—1918 гг. рождения. Во время войны в действующей армии женщины составляли 41% фронтовых врачей, 43% военных хирургов и военных фельдшеров, 100% медицинских сестер и 40% санитаров и санитаров¹⁷².

«Положение санитарки на фронте подчас более тяжелое, чем бойца, — признавалась в письме домой М.З. Щербаченко, в октя-

бре 1943 г. ставшая Героем Советского Союза. — Солдат в обороне ведет огонь из своего окопа, а санитарка перебегает от одного раненого к другому под ружейно-пулеметным и минометным огнем, ежеминутно подвергаясь смертельной опасности. Но не о себе, не о своей жизни думаешь, когда видишь истекающих кровью раненых, когда чувствуешь, что твоя помощь крайне необходима и от нее нередко зависит жизнь...»¹⁷³.

В 1941—1945 гг. по линии Красного Креста 300 тыс. женщин получили специальности медицинских сестёр, 300 тыс. — санитарок, свыше 500 тыс. — сандружинниц МПВО¹⁷⁴. Они спасали жизнь раненым, вынося их из-под огня на поле боя, эвакуировали в тыл, лечили в медсанбатах и госпиталях, вернули в строй 72% раненых и 91% больных защитников Отечества¹⁷⁵. Благодаря их усилиям за время войны в армии не было эпидемий.

За мужество и неустанный труд в годы войны 40 тыс. женщин-медиков были удостоены различных наград, 16 получили звание Героя Советского Союза, одна (М.С. Нечепорчукова-Ноздрачева) стала полным кавалером ордена Славы¹⁷⁶.

16 сентября 1941 г. постановлением Государственного Комитета Оборона в стране было введено всеобщее военное обучение (Всевобуч). 21 ноября 1942 г. издается приказ Народного комиссара обороны СССР № 0902 о начальной подготовке и обучении военным специальностям женщин в комсомольско-молодежных спецподразделениях Всевобуча¹⁷⁷. Всего за время войны без отрыва от производства военную подготовку прошли свыше 222 тыс. женщин, из них 6 097 получили специальность минометчиц, 12 318 — станковых и ручных пулеметчиц, 15 290 — автоматчиц, 29 509 — связисток и 11 061 — специалистов для подразделений военно-автомобильных дорог¹⁷⁸.

На базе Центральной школы инструкторов-снайперов при Главном управлении Всевобуча НКО действовали курсы по подготовке женщин-снайперов. «Многие женщины постигали искусство снайперской стрельбы прямо на фронте, проходя обучение в частях и соединениях действующей армии»¹⁷⁹. 21 мая 1943 г. приказом НКО № 0367 женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки были реформированы в Центральную женскую школу снайперской подготовки (ЦЖШСП)¹⁸⁰. За время своего существования школа сделала 7 выпусков, подготовила 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела¹⁸¹. В январе 1944 г. школа стала Краснознаменной. Выпускницы женской

школы воевали на всех фронтах, уничтожили тысячи фашистских солдат и офицеров, 492 из них были награждены орденами и медалями, 5 женщин-снайперов получили звание Героя Советского Союза (Н. Ковшова, Т. Костырина, А. Молдагулова, Л. Павличенко, М. Поливанова), одна стала полным кавалером ордена Славы (Н.П. Петрова)¹⁸².

«Красная армия была первой европейской армией XX века, включавшей в себя отдельные женские боевые подразделения на регулярной основе»¹⁸³. Были созданы 1-я отдельная женская добровольческая стрелковая бригада, 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк, Центральная женская школа снайперской подготовки и др.¹⁸⁴ Но самым уникальным явлением стало создание боевых авиационных частей из летчиц-добровольцев, учитывая их горячее желание идти на фронт.

8 октября 1941 г. Нарком обороны СССР издает приказ № 0099 «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии»¹⁸⁵: 588-го ночного бомбардировочного авиаполка, ставшего впоследствии 46-м гвардейским; 587-го авиаполка дневных бомбардировщиков, ставшего затем 125-м гвардейским, и 586-го истребительного авиаполка ПВО. Их формирование было поручено прославленной летчице, штурману экипажа «Родина», в сентябре 1938 г. совершившего легендарный беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток, Герою Советского Союза М.М. Расковой¹⁸⁶.

Вот что записала в своем дневнике 27 мая 1943 г. летчица 46-го Гвардейского Таманского женского авиаполка ночных бомбардировщиков Галина Докутович¹⁸⁷: «Помню 10 октября 1941 г. Москва. В этот день в ЦК ВЛКСМ было особенно шумно и многолюдно. И, главное, здесь были почти одни девушки. Пришли они со всех концов столицы — из институтов, с учреждений, с заводов. Девушки были разные — задорные, шумные, и спокойные, сдержанные; коротко стриженные и с длинными толстыми косами; механики, парашютистки, пилоты и просто комсомолки, никогда не знавшие авиации. Они по очереди заходили в комнату, где за столом сидел человек в защитной гимнастерке. “Твердо решили идти на фронт?” “Да!” “А вас не смущает, что трудно будет?” “Нет!”»¹⁸⁸.

Командиром 586-го истребительного авиаполка стала одна из старейших лётчиц страны майор Т.А. Казаринова. Майор М.М. Раскова стала командиром 587-го бомбардировочного авиаполка. 588-й ночной лёгкобомбардировочный авиаполк возглавила майор Е.Д. Бершанская¹⁸⁹.

Советские женщины сражались как в составе отдельных «женских» полков, так и в обычных «мужских» частях во всех видах авиации (истребительной, штурмовой, бомбардировочной), проявили исключительное мужество и внесли свой весомый вклад в достижение Победы над врагом. Так, с марта 1942 г. полком авиации дальнего действия, а затем бомбардировочным авиаполком командовала Герой Советского Союза В.С. Гризодубова, получившая в 1943 г. воинское звание полковника. Истребители Т. Памятных и Р. Сурначевская 19 марта 1943 г. вели неравный бой с 42 «юнкерсами», прикрывая железнодорожную станцию¹⁹⁰. Две другие отважные летчицы прославились легендарными подвигами: 12 сентября 1941 г. старший лейтенант Е.И. Зеленко совершила воздушный таран, а сержант А.П. Полякова 10 мая 1943 г. — огненный таран¹⁹¹. За боевые успехи в Великой Отечественной войне 32 женщины-летчицы и штурманы стали Героями Советского Союза, 5 — Героями России, одна — стрелок-радист Н.А. Журкина — полным кавалером ордена Славы¹⁹².

Женщины попадали в армию не только на добровольной основе, но и по мобилизации. «Годные к военной службе женщины в возрасте от 19 до 30 лет призывались и направлялись в войсковые части и учреждения, а в возрасте до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. Освобождались от призыва в армию, на флот и в войска НКВД женщины, обремененные семьей и беременные, а также работавшие на предприятиях оборонной промышленности, в органах НКВД и НКГБ, на железнодорожном и водном транспорте, студентки высших учебных заведений и техникумов»¹⁹³. Кроме женщин-военнослужащих были вольнонаемные, которые использовались «в штабах всех инстанций и в войсках на должностях обслуживающего персонала военно-медицинских, продовольственных (полевых хлебозаводов, пищеблоков), вещевых, банно-прачечных, ремонтных и других учреждений»¹⁹⁴.

Особенно интенсивно проводилась мобилизация женщин во все виды Вооруженных Сил и рода войск в тяжелейшем 1942 г., согласно постановлениям ГКО от 25 марта, 13 и 23 апреля 1942 г. Только по призыву комсомола воинами стали свыше 550 тыс. патриоток, 5 мобилизаций было проведено среди женщин-коммунисток¹⁹⁵.

«...В связи с созданием многомиллионных армий, развитием техники, вооружений, большими потерями на фронте, привлечение женщин на военную службу становится велением времени, необходимой потребностью. И вот уже сотни тысяч женщин различных возрастов и специальностей находятся в действующей армии:

на машинах зенитных установок, в войсках связи, снайперами, за штурвалом самолета и рычагами управления танком, в матросских бушлатах и с флажками регулировщика в руках. Практически не было той воинской специальности, в которой женщины не сражались бы вместе с мужчинами за свое Отечество в 1941—1945 гг.»¹⁹⁶

Так, 26 марта 1942 г. во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны СССР № ГОКО 1488сс от 25 марта 1942 г. вышел приказ НКО СССР № 0058 о мобилизации 100 тыс. девушек в войска ПВО¹⁹⁷. В октябре 1942 г. по решению ГКО была проведена вторая массовая мобилизация женщин в Войска ПВО. К январю 1943 г. по комсомольским путевкам туда пришли 123 884 девушки-добровольца. Всего же с апреля 1942 г. по май 1945 г. в Войсках ПВО служило до 300 тыс. женщин. В некоторых полках и дивизиях они составляли от 50 до 100% личного состава. К концу войны удельный вес женщин достиг 24% контингента Войск ПВО¹⁹⁸.

Много женщин служило связистками. Уже в августе 1941 г. в войска связи было призвано 10 тыс. девушек. 13 и 14 апреля 1942 г. издаются приказы Наркома обороны № 0276 и 0284 о мобилизации 30 тыс. женщин для замены на фронте мужчин-связистов разных специальностей¹⁹⁹. В 1941—1945 гг. женщины составляли 12% личного состава войск связи, а в отдельных подразделениях — до 80%²⁰⁰. «Высвобождающиеся из фронтовых, армейских и запасных частей связи мужчины-связисты направлялись на укомплектование и пополнение стрелковых дивизий, бригад, артиллерийских, танковых, минометных частей, находившихся на фронте»²⁰¹.

Большие потери на фронте требовали пополнения. И в различных видах Вооруженных Сил и родах войск женщины заменяли мужчин, которых направляли непосредственно в боевые части. Так, согласно Приказу Наркома обороны № 0296 от 19 апреля 1942 г., из тыловых частей стрелковых войск, укрепленных районов, политических учреждений Красной Армии военнослужащие мужчины отправлялись в действующую армию, а их место занимали женщины — как вольнонаемные, так и зачисленные в кадры Красной Армии на должности «согласно перечню»²⁰². Приказом Наркома обороны № 0297 от 19 апреля 1942 г. для замены красноармейцев-мужчин 40 тыс. женщин мобилизовались в Военно-Воздушные Силы на должности специалистов связи, шоферов, кладовщиков, делопроизводителей, писарей, поваров, библиотекарей, бухгалтеров и других административно-хозяйственных работников, а также стрелков-вооруженцев²⁰³.

5 мая 1942 г. выходит постановление Государственного Комитета Обороны № ГОКО-1703 сс о мобилизации 25 тыс. девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в Военно-Морской Флот «в целях более рационального использования рядового и младшего начальствующего состава мужского пола», а 6 мая — соответствующий приказ Народного комиссара ВМФ СССР № 0365²⁰⁴. 10 мая Главное политическое управление ВМФ издало специальную директиву об организации политической работы с мобилизованными девушками²⁰⁵.

6 мая и 3 июня 1942 г. издаются Приказы НКО № 0635 и 0447 о замене командного и начальствующего состава, который по характеру работы мог быть заменен начсоставом, ограниченно годным и старшими возрастами, а также женщинами-военнослужащими и вольнонаемными²⁰⁶. 4 июня 1942 г. Приказ НКО № 0459 предписывает замену женщинами отдельных должностей в автобронетанковых военно-учебных заведениях и в тыловых учреждениях Красной Армии²⁰⁷.

Женщины служили в бронетанковых и механизированных войсках не только на вспомогательных должностях. Были среди них механики-водители, стрелки-радисты, командиры танков и танковых подразделений. М.В. Октябрьская и И.Н. Левченко стали Героинями Советского Союза.

Маршал Советского Союза А.И. Еременко писал: «Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы»²⁰⁸. Они воевали летчицами и танкистами, пулеметчицами, автоматчицами, минометчицами, саперами, минерами, артиллеристами, разведчицами, снайперами, зенитчицами и прожектористками, водителями и регулировщицами... Тысячи женщин-офицеров готовили военные училища во многих городах страны — и они командовали расчетами, взводами, ротами, полками, служили политработниками... Участвовали в решающих операциях Советской Армии на всех фронтах... А в тылу врага свыше 100 тыс. женщин сражалось в партизанском движении, в партийном и комсомольском подполье²⁰⁹.

Некоторые авторы считают, что «численное соотношение женщин и мужчин в Красной Армии было 1 к 20, причем женщин-военнослужащих в армии — 83%, вольнонаемных — 17%, офицеров — 12%, сержантов и рядовых — 88%. По специальностям они распределялись так: зенитчицы, пулеметчицы, прожектористки —

50%, технический персонал — 17%, фельдшера-санинструкторы, санитары — 10%, прачки — 6%, работницы пищеблоков — 4,5%, врачи — 2,5%, связистки и радистки — 2,5%, работники в штабах — 2,3%, снайперы — 2%, танкисты и стрелки — 1%, политработники — 1%, фармацевты, лаборантки, рентгено техники — 1%, водители — 0,2%»²¹⁰.

Согласно закрепившимся в историографии данным, в Великой Отечественной войне участвовало от 800 тыс.²¹¹ до 1 млн советских женщин²¹². Однако в изданном в 2010 г. под редакцией Г.Ф. Кривошеева статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» утверждается, что «за период Великой Отечественной войны всего было призвано на военную службу 490 235 женщин»²¹³. Впрочем, в это число не вошли женщины, относящиеся к ряду вспомогательных служб и к вольнонаемному составу, поскольку подсчитать их точное количество авторам статистического сборника не удалось.

По утверждению О.Ю. Никоновой, «до сих пор неизвестны соотношение вольнонаемных и военнослужащих, добровольцев и мобилизованных, их социальный, образовательный, национальный состав и семейное положение. Официальная статистика не выделяет женщин в особую группу при подсчете военных потерь, умалчивает о количестве раненых, контуженых и ставших инвалидами женщин-комбатантов»²¹⁴. В уже упомянутой «Книге потерь» также констатируется: «Потери среди женщин и лиц вольнонаемного состава (Форма № 8/ОД, Приказа НКО № 023 от 4.02.1944 г.) отдельной строкой не выделялись, поэтому число погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих-женщин показывалось в графах, соответствующих их воинским званиям вместе с потерями всего личного состава войск, а лица вольнонаемного состава показывались в графе “рядовые”. По этой причине исследователям, к большому сожалению, не представилась возможность определить точное число потерь среди этой категории лиц. Они учтены в общем количестве потерь военнослужащих»²¹⁵.

* * *

Женская судьба на войне особенно тяжела и трагична. Просясь на фронт, девушки и женщины были готовы к подвигу, но не к армейским будням, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, оказалось для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», женщине — особенно. Армейская

дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки, трудности быта, проблемы гигиенического характера — все это явилось нелегким испытанием. Но это была именно та «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали»²¹⁶. Потом был и сам фронт — со смертью и кровью, с ежеминутной опасностью и «вечно преследующим, но скрываемым страхом»²¹⁷. Потом, спустя годы, те, кто выжил, признаются: «Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного»²¹⁸. Потом они сами будут удивляться тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин будет проходить сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. «Мужчина, он мог вынести, — вспоминала бывший снайпер Т.М. Степанова. — Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла»²¹⁹. Вернувшись с фронта, в кругу своих ровесниц они чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами — глазами, видевшими смерть. «Душа моя была уставшая»²²⁰, — скажет об этом состоянии санинструктор О.Я. Омельченко.

С момента первой публикации в 1985 г. книги С.А.Алексиевич «У войны — не женское лицо»²²¹ в массовом сознании утвердилось мнение, что советское государство, призвавшее женщин на военную службу, полностью игнорировало их потребности. В разной степени на этом настаивают многие современные исследователи²²². Так, например, О. Никонова пишет: «Мобилизовав патриотически настроенных женщин, власть оказалась совершенно не готова инкорпорировать их в армейский организм. Женщины, как правило, оказывались один на один с фронтовой повседневностью — не слишком удобной военной формой, отсутствием общих и специальных женских средств гигиены, необходимостью совместного проживания с мужчинами, дефицитом медицинского и гинекологического обслуживания»²²³. Однако это не вполне соответствует действительности. В первый, самый тяжелый период войны, о таких «мелочах» действительно не задумывались: хватало других проблем. Не было и элементарного опыта присутствия женщин в войсках, который еще предстояло приобрести, в должной степени

осознав все связанные с этим сложности. Но по мере роста в армии количества женщин-военнослужащих и вольнонаемных руководство страны реагировало на возникающие проблемы и по возможности старалось их решить. Начиная с 1942 г. высшим руководством страны было издано несколько специальных «женских» приказов и постановлений: 12 августа 1942 г. вышел приказ Наркома обороны СССР № 244 «О выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия»²²⁴; 11 апреля 1943 г. — приказ Наркома обороны СССР № 164 «Об увеличении нормы выдачи мыла женщинам-военнослужащим»²²⁵.

Не осталось без внимания и медицинское обслуживание женщин²²⁶. Так, в 1943 г. в издательстве «Медгиз» вышла специальная брошюра «Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии», в которой отмечалось, что «особенности физиологии женщины требуют серьезного внимания к организации ряда специфических мероприятий лечебного и профилактического порядка»²²⁷. Составителями брошюры были Начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, генерал-полковник медицинской службы Е. Смирнов и Главный гинеколог Красной Армии полковник медицинской службы И.Ф. Жордания, основавший в период войны самостоятельный раздел военной медицины — военную гинекологию, разработавший систему оказания медицинской помощи раненым и больным женщинам на различных этапах медицинской эвакуации, в 1944 г. издавший «Справочник по акушерству и гинекологии». «В число обязательных лечебно-профилактических мероприятий были включены периодические медицинские осмотры военнослужащих женщин, организованы циклы первичной подготовки медицинских сестер и врачей по акушерству и гинекологии, проводились ежегодные научно-практические конференции военных гинекологов фронтов»²²⁸. В армейских госпиталях развертывались женские палаты, во фронтовых госпиталях — гинекологические отделения. Всего в составе каждой армейской и фронтовой госпитальной базы в 1943—1944 гг. имелось до 300 гинекологических коек²²⁹. Были созданы и специальные женские госпитали. Так, 1 октября 1943 г. на Ленинградском фронте впервые в Красной Армии эвакуационный госпиталь № 1443 на тысячу коек был переформирован в женский²³⁰.

Особыми нормативными документами регулировались нередкие случаи, когда женщины демобилизовывались из армии по бе-

ременности. 1 сентября 1942 г. вышло сразу два Постановления Совета Народных комиссаров СССР: № 1458 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам работницам и женщинам-служащим вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД СССР на военное время»²³¹; № 1459 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам женщинам-военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава, уволенным из Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД СССР на военное время»²³²; 10 сентября 1942 г. — Приказ Наркома обороны СССР № 269 «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава и о порядке выдачи пособий по беременности и родам»²³³; 28 сентября 1944 г. — Приказ заместителя Наркома обороны № 187 «О предоставлении льгот беременным женщинам и матерям»²³⁴. 11 июля 1944 г. был издан Приказ зам. Наркома обороны СССР № 0201 «О введении обязательных ежемесячных медицинских осмотров всего личного состава Красной Армии»²³⁵ — офицерского, сержантского, рядового и вольнонаемного, как мужчин, так и женщин, с целью предотвращения распространения венерических заболеваний.

Если в советской историографии тема массового участия в войне советских женщин сводилась в основном к показу их героического вклада в Победу на фронте и в тылу²³⁶, то в современных исследованиях женского участия в войне «акцент постепенно смещается на историю женского опыта войны, изучение женских моделей памяти о войне и государственной политики по отношению к женскому военному прошлому, проблемы конструкции и деконструкции женских военных образов, анализ особенностей женской военной психологии и женского поведения»²³⁷. В этом контексте следует отметить работы как российских²³⁸, так и ряда зарубежных авторов²³⁹, рассматривающих гендерные аспекты проблемы.

Феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, — подчеркивала Светлана Алексиевич. — Если мужчину война захватывала, как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и

физиологических особенностей, перегрузки войны — физические и моральные, она труднее переносила “мужской” быт войны»²⁴⁰. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, чудовищно противоречило ее естеству.

Другая сторона феномена — неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода. Женщина дает жизнь. Тем противоестественнее кажется словосочетание «женщина-солдат», женщина, несущая смерть.

Не все женщины, служившие в армии в годы войны, оказались непосредственно на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы «чисто женские», как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку; врача или медсестру; повара или пекаря; шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью убивать. Но женщина-летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчица, танкист и кавалерист, матрос и десантница, — это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула ее на этот шаг, желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей. Священное право! Но все равно у многих мужчин было чувство вины за то, что воюют девчонки, а вместе с ним — смешанное чувство восхищения и отчуждения. «Когда я слышал, что наши медицинские сестры, попав в окружение, отстреливались, защищая раненых бойцов, потому что раненые беспомощны, как дети, я это понимал, — вспоминал ветеран войны М. Кочетков, — но когда две женщины ползут кого-то убивать со “снайперкой” на нейтральной полосе — это все-таки “охота”... Хотя я сам был снайпером. И сам стрелял... Но я же мужчина... В разведку я, может быть, с такой и пошел, а в жены бы не взял»²⁴¹.

Но не только это «несоответствие» женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала от них служба в армии, на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго

оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Давида Самойлова, «насушной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, — единственным проблеском тепла и нежности была женщина», а потому «была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения ее к миру», «потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым “заочницам”, так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце»²⁴². Об этой потребности «духовного созерцания женщины» на фронте вспоминают и сами фронтовички. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, — говорила бывшая санинструктор О.В. Корж. — Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал»²⁴³. По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым»²⁴⁴.

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). «Пусть простят меня фронтовички, — вспоминал ветеран войны Н.С. Посылаев, — но говорить буду о том, что видел сам. Как правило, женщины, попавшие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров. А как иначе: если женщина сама по себе, домогательствам не будет конца. Иное дело, если при ком-то... “Походно-полевые жены” были практически у всех офицеров, кроме “Ваньки-взводного”. Они все время с солдатами, им негде и некогда заниматься любовью»²⁴⁵.

Л.Н. Пушкарев рассказывал: «В нашей части были женщины-военнослужащие. Две женщины. Одна была фельдшером, другая парикмахершей... Фельдшер довольно быстро стала жить с нашим командиром [батальона]. Мы все знали об этом. Но никаких возмущений по этому поводу не было. Мы по наивности полагали, что в этом виновата именно она — что она не могла обойтись без мужчины и поэтому пришла к командиру, хотя, наверное, было всё по-другому... В целом, конечно, женщины на фронте — явление, на мой взгляд, малонормальное... Это несчастные люди были, которые жили в мужском окружении. Тяжкая судьба у них была. Подумайте сами — ни помыться, ни принарядиться... Да разве это женская жизнь? Вот так мы и воспринимали существование женщин на фронте. А жизнь диктовала иное. Не было части, где не служила хотя бы одна женщи-

на. Были женщины-снайперы. Были женщины-связисты, не говоря уже о санитарках и о фельдшерицах. Женщин — полевых командиров я не встречал на фронте. Это были мужчины»²⁴⁶.

Чисто по-мужски оценивал ситуацию генерал М.П. Корабельников: «Когда я пришел в армию, мне еще не было и двадцати и я еще никого не любил — тогда люди выросли позже. Все время я отдавал учебе и до сентября 1942 г. даже не помышлял о любви. И это было типично для всей тогдашней молодежи. Только в двадцать один или в двадцать два года просыпались чувства. А кроме того... уж очень тяжело было на войне. Когда в сорок третьем — сорок четвертом мы стали наступать, в армию начали брать женщин, так что в каждом батальоне появились поварихи, парикмахерши, прачки... Но надежды на то, что какая-нибудь обратит внимание на простого солдата, почти не было»²⁴⁷. Здесь присутствие женщин в армии рассматривается под определенным и весьма специфическим углом зрения. И такой взгляд на проблему можно считать довольно типичным.

Ветеран войны Д.Ф. Златкин весьма откровенно рассказывал: «Офицерский клуб штаба армии, идет кино... Я захожу, нахожу место. С двух сторон сидят солдатки, с красными лицами, с красными руками, с банно-прачечного комбината, мыльно-пузырного, как мы называли. Я сажусь, они мне говорят: “Встань! Здесь сидит офицер”. Меня это не тронуло, я продолжал сидеть. Они мне говорят: “Тебе говорят, встань!” Подходит подполковник, я его не знаю. Говорит: “Товарищ лейтенант, встаньте, это мое место!” Я обязан подчиниться. Я встаю и ухожу, а они продолжают сидеть. Их подвозят водители. Я однажды ехал с этим водителем, у него засорился карбюратор. Я говорю: “Что ж мы будем делать? Не спать же в машине”. Он говорит: “Да здесь какая-то часть стоит, пойдете”. Я зашел в барак. Женский барак. Я понял, куда он завел и почему у него карбюратор не работал. Меня определили на какую-то постель, а он лег со своей знакомой. Я так пролежал один. Они принимают водителя потому, что он их подвозит. А я лейтенант, никому не нужен. Вот майоры и выше все котировались, а до майора никто не котировался. Вот это мне не нравилось в наших женщинах. Чего они добивались: разовости или надежды? Я знаю, были случаи хорошие, нормальные случаи, когда женились, любили друг друга, находили друг друга там. Это честно, хорошо. Но когда переходят от мужчины к мужчине... Сегодня один командир, потом его убирают, приходит другой командир. Он по-

нимает, кто у него в подчинении, и та женщина понимает, кто у нее командир, и что она может от него иметь. Он ее может послать на передовую, как мой полковник. Узнав о том, что я в близких отношениях с переводчицей, он моментально ее в дивизию послал, на передний край: “Ах, ты мне не дала — пошла на передний край!” Конечно, роль женщин незавидная была, очень незавидная! Потому что мужчина распорядился ею. Это в том случае, когда хорошие чувства пробуждались у этого человека, если он был честным человеком, воспитанным, достойным, порядочным человеком, возможно, это чувство перерождалось в более сильное, и до конца жизни. Я знаю, у нас очень много на Карельском фронте, особенно в условиях позиционных оборонительных боев, [возникало семейных пар], до сих пор живут и любят друг друга. А ППЖ, полевые походные жены — конечно, были, сколько угодно. Были и женщины легкого поведения, были и недоступные женщины. Я знал таких — пытался и получал отказ. Я понимал, что с моими звездами я никакого успеха иметь не буду, потому что я ничего не могу сделать материально... Ведь я мог ее поставить, если б я был командиром, завскладом, пожалуйста. А она не завсклад, а что-то там убирает, моет, стирает, хлеб печет... Я понимаю, они все тоже живые люди. А сколько в госпиталях было женщин, а сколько любви было к раненым. Именно настоящей любви мужчины к женщине, женщины к мужчине. Честь и хвала, я преклоняюсь именно перед госпитальными женщинами, это изумительно чистые женщины, изумительно! Если даже они что-то себе позволяли, так это Бог с ними. Жизнь есть жизнь. А вот те, которые были в дивизиях, особенно в армии, этих я осуждаю, это были именно ППЖ. Это стяжательницы были, у них было лучшее обмундирование, лучшая еда, их холили, их не показывали на построении. Мы их только видели, когда к нам привозили кино, очень редко, а так никто их не видел. Они получали зарплату, довольствие, все как полагается. Они были военнообязанные, ходили в старших сержантах... Женщины-офицеры вели себя скромно, уважительно, не разбрасываясь достоинством женщины. А вот эти, особенно банно-прачечный — это ж притча во языцех. Кто угодно мог остановиться, но только с погонами майора и выше, и шоферы. Если шофер не будет принят, то он их не привезет в кино или на свидание в штаб армии...»²⁴⁸

Не скрывал он и истинных причин осуждения женщин в мужской среде: «Широко было распространено мнение, что эти женщины, которые не были на переднем крае, а были в тылах, вторых

эшелонах, вели себя, ну, не проституционно, потому что они денег за это не брали, но, во всяком случае, слишком развязно и меняли мужчин очень часто. Вот это мужчина не мог им простить, потому что он там не был, а был другой, а ему не досталось... Это форма, я считаю, зависти, она породила много кривотолков в отношении женщин, которые были на фронте...»²⁴⁹.

Да, такое тоже было. Но вот что характерно: особенно охотно злословили по этому поводу в тылу — те, кто сами предпочитали отсиживаться подальше от передовой за спинами все тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами. Те самые интенданты «в повседневных погончиках», заклеянные горьким фронтовым фольклором, о которых ходила народная поговорка: «Кому война, а кому мать родна». На войне было всякое, и женщины были разные, но «о римском падении нравов во время войны твердили только сукины дети, покупавшие любовь у голодных за банку американской колбасы»²⁵⁰.

Женский взгляд на проблему «взаимоотношения полов» во время войны находим в дневнике летчицы Галины Докутович. 11 марта 1943 г. она записала, находясь на санаторном лечении в Ессентуках: «А кругом что делается! Женщины совсем сходят с ума, на шею вешаются. Чуть утро — уже ходят под окнами. А вечером теряют всякий стыд, просто приходят к санаторию и приглашают мужчин в кино, в театр. Целой толпой ожидают у входа. Ребята, конечно, не теряются. И вот здесь-то я вижу, какая разница в отношении к нам и к “этим” женщинам. Наш полк все ребята глубоко уважают. И не только как боевых товарищей, но именно как девушек, которые не торгуют своей честью и совестью, не продают свои чувства, преданность. Некоторые ребята с улыбкой говорят: “После войны мы приедем в ваш полк жениться”. К “этим” женщинам они ходят. Но потом сами же говорят друг другу: “Ты к ‘трофейным’ ходил? Ходил. Так не смей же прикасаться к нашим девушкам...”»²⁵¹. Но уже 31 мая 1943 г., видимо, лично столкнувшись с домогательствами кого-то из армейского начальства, запишет с горечью: «Как все-таки противно все кругом. Даже большие умные командиры — подлецы и развратники! Просто страшно и нелепо, как может в одном человеке уживаться все вместе... Нельзя презирать такого человека, потому что это хороший человек, сильный человек. (А сильных вообще нельзя презирать.) Правдивый человек, с большой русской душой. И в то же время другое, нехорошее. Как быть?...»²⁵²

Санинструктор З.П. Степыкина в ответ на вопрос «Как солдаты к вам относились?» рассказывала: «Отлично! Я их не боялась. Я же была санитаркой, а мне наш замполит говорил: “Ты что здесь ползаешь? Иди в санроту!” Я: “Не пойду!” Почему? Я боялась туда идти. Там были офицеры, а они наглые бывали, бывало и приставали. Здесь я была с каждым солдатом одинаковой. Я была вот так: бой — я к нему прижмусь, а он окопчик выкопает, если идет сильный обстрел, и он меня тоже прикроет. Я не боялась. Если только очень устанешь и привал тут — я не боюсь: ложусь вместе с солдатами. Я знаю, что им не до меня, они и сами устали. Мне мама писала: “Дочечка, Нина Забиякина пришла беременная, Валя Григорьева — тоже с ребенком, приходи и ты с ребенком!” Я говорю: “Мама, как ты можешь обо мне так думать!? Ты не думай — я с твоей молитвой никогда этого не сделаю!” И меня уважали»²⁵³.

Интересно, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с «тыловой крысой», чем мимолетную подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. Это отношение предельно ясно выразил Константин Симонов в двух стихотворениях — «Лирическое» (1942) и «Открытое письмо женщине из города Вичуга» (1943). Если второе из них хорошо известно и стало уже классикой, то первое, опубликованное в дивизионной газете «За нашу Победу!» 20 июня 1942 г. и раскритикованное уже 2 июля во фронтовой газете «Вперед на врага!» И. Андрониковым, С. Кирсановым и Г. Иолтуховским за «безнравственность», «рифмованную пошлость» и т.п., оказалось почти забытым, так как противоречило ханжеству официальной идеологии, исходившей из принципа: «делай, что угодно, но говорить об этом не смей». Это стихотворение заслуживает того, чтобы процитировать его хотя бы частично.

«На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: война...
И женщин наспех обнимают.
Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали — милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.
Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.

А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали»²⁵⁴.

Тема осуждения женской неверности звучала и во фронтовом фольклоре. Так, всем известная песня «Огонек» на стихи М. Исаковского имела распространение не только в виде традиционного рассказа о девушке, верно ждущей с фронта своего жениха, но и в прямо противоположном варианте, в котором она изменяет другу и отказывает ему, когда он возвращается домой инвалидом:

«На позицию девушка провожала бойца,
Темной ночью простились на ступеньках крыльца.
Не успел за туманами скрыться старый дружок,
На кровати у девушки уж другой паренек.
В повседневных погончиках, с папироской в зубах,
И с улыбкою нежною на счастливых устах.
Не прошло и полмесяца, парень пишет письмо:
«Оторвало мне ноженьку, искромсало лицо.
Если любишь по-прежнему и горит огонек, —
Приезжай, забери меня, мой желанный дружок».
Отвечает желанная: «Не печалься, друг мой,
Ты теперь уж без ноженьки, у меня есть другой.
На костыликах с палочкой ковыляй как-нибудь,
Может, вырастет ноженька. Про меня ты забудь.
Все, что было хорошего, позабыто давно.
Безвозвратно угас огонь и закрыто окно»²⁵⁵.

Подобные варианты-перевертыши имели и такие песни, как «Темная ночь», «Моя любимая» и некоторые другие.

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная, потому что у нее не было будущего, — слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки безопасного, было куда безнравственнее.

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженная нами в делах Политотдела 19 Армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной цензурой и «проанализированы» работниками политотдела «для улучшения партийно-политической работы среди женщин Армии»²⁵⁶. В них, как в зеркале, отра-

жается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства политорганов в свою личную жизнь. Тем большим контрастом выступают пометки военной цензуры, присвоившей себе право красным и синим карандашом отмечать то, что, по ее мнению, является свидетельством «патриотического подъема» или, напротив, «упадка духа». И выводы политотдела, выдергивающего цитаты из контекста, придавая им подчас прямо противоположный смысл. И приписки авторства несуществующим лицам, чтобы продемонстрировать начальству масштаб «работы», как будто ею «охвачено» большее число женщин, чем на самом деле. И сами рекомендации «по устранению недостатков в воспитательной работе среди девушек». Все это выглядит нелепо и вместе с тем цинично.

Среди многих других сюжетов в письмах женщин-военнослужащих ярко и многосторонне раскрывается проблема взаимоотношений мужчин и женщин на фронте. Так, 11 февраля 1945 г. Екатерина Охрименко писала брату Ивану, тоже фронтовику: «...Живу, конечно, хорошо. С ребятами живем очень дружно, в обиду никогда, нигде не дадут. Ты должен знать, как ценят достойных девушек. Ведь нами наш батальон восхищается и гордится, все ребята говорят, что эти девушки исключительные, еще не встречали в армии за 5—7 лет некоторые таких девушек, как наш экипаж четырех радиосток. Дружить мы ни с кем не дружим, но любим всех, особенно свой батальон связи. Мы каждую свободную минутку, и даже урываем ото сна и отдыха, и используем на ребят — постирать, полатать, сварить, приготовить, и они нас никогда не дадут в обиду и не позволят ни один хоть чуть посмеяться, поднять на смех. Но ладно, если только придется встретиться, тогда удостоверисься, а то еще скажешь, хвастаешься, мол. Но пока и все, живем хорошо, трофеи ребята приносят, достают»²⁵⁷. 22 февраля 1945 г. она откровенничает в письме к матери: «Милая мамочка, сообщаю, что я еще жива и здорова, живу хорошо, нахожусь в боевых условиях... Мамочка, не беспокойся за меня, для меня сейчас все хороши мальчики, потому что и я для них хороша. Я каждую минутку вырываю для того, чтоб им помочь, постирать, полатать, а главное, что держу себя очень скромно, а потому меня зовут все ребята любимчиком. Правда, мамуся, есть много ребят хороших и каждый уговаривает дружить, но нет, мамуся, держусь и дружу только,

как с товарищами, и люблю, как братьев, а они меня, как сестру. А в армии, если дружить, то через неделю и замуж выйдешь. Маня дружит, так он еще ни черта не понимает, мальчуган. Правда, мамочка, есть у меня на примете хорошенький паренек, и любит он меня, и я его люблю, но тайно. Я только смеюсь ему в глаза, чтобы не приставал ко мне со своей дружбой, а за глаза сама люблю его. У него, мамочка, своя легковая машина и уже чемоданы набиты трофеями, одеждой и обувью, и все для меня. Так что, любим мы всерьез друг друга, когда кончим врага. Так что замуж в армии я не собираюсь. А с мужем замечательным приеду домой. С тем, мамочка, до свидания. Гроза гремит и гудит с воздуха, с земли, кругом война»²⁵⁸.

Весьма откровенное письмо о своих взаимоотношениях с высоким армейским начальником, гораздо старше ее по возрасту, написала 19 февраля 1945 г. подруге М.П. Анненкова. «...Верочка, неужели Сашка поступил с тобой так же, как и многие? Вот, Вера, узнай их “любовь”, они тебя ласкают извне, а что питают в душе, трудно узнать, нет в них искренних чувств, а просто одно временное увлечение или любовь с животными чувствами. Ох, как трудно здесь найти действительно верного человека, действительно, это все делается необдуманно с нашей стороны, только после мы начинаем каяться (это я о себе лично говорю). Я не хочу сказать, что Ф.Ф. бесчеловечно ко мне относится. Я, Вера, его не пойму, вообще он человек странный очень и с ним жить очень тяжело. Или это он со мной только так ведет себя, ведь сегодня 2 года, как мы с ним дружим, и можно было бы (даже должно так быть), он ко мне больше привязан, чем к жене, а у него наоборот, вначале у него был просто порыв любви ко мне, вот этим он меня и привлек, а теперь он стал холодным, а к жене, наоборот, не изменил отношения, а только в каждом письме обещает ей скорой встречи, письма ей пишет очень хорошие, ласковые, чего я от него и то не вижу. А с моей стороны, говоря правду, привязанность большая. <...> Хоть я и имела попытку покончить с ним, но это невозможно, так как после этого я себя только брошу в грязь лицом, ибо о наших отношениях с ним все знают. Вера! Когда я сказала о нем сестре, она меня ругала, но я ей не сказала, какие у нас отношения, она очень мне наказывала не иметь с ним чего-либо, но хоть это так, а теперь уже поздно. Меня, Вера, почему-то тревожит этот вопрос, все чаще мне кажется, что жизнь у меня пропащая, испорчена, и найти себе хорошего человека я не смогу, а с ним, Вера, я не смогу жить. Так

я люблю человека, но пусть и он только меня любит, тогда только будут общие интересы в жизни, а у нас их нет и, возможно, не сможет быть: во-первых, его возраст уже ушел ото всего того, что нужно мне, и, во-вторых, он связь с семьей так или иначе иметь будет, это все будет на стороне от меня, я этого не перевариваю (хоть это эгоистично). Как я себя ни убеждаю в этом, все равно зло берет: ты любишь его, а он пишет такие любезные письма, как обидно! Вера, из-за этого у нас почти все ссоры, мне не нравится, когда он делает это от меня на стороне. Я считаю так, если бы он стремился со мной к будущему, перевес был бы в мою сторону, и он мог бы все письма показывать мне. Я не говорю, чтобы он прекратил писать, этого я не хочу сама, но то, что у него ко мне одно, а к жене другое, это мне уже надоело, и потому, Вера, отношения у нас очень натянутые. Война идет к концу, а я, пожалуй, останусь “на бобах” и больше ничего... Верочка, остаться бы только не калекой... Хотя бы голову свою спасти и ноги не потерять, а то тогда и подавно ни один черт не посмотрит на урод. Правда... Верочка, здоровье мое хорошее, беспокоить, пока *ничего* не беспокоит, так как мы больше ссоримся, чем живем мирно. Ты поверь, я стала какая-то хулиганка, его нисколько не стесняюсь, ругаюсь с ним вовсю, характер чертовский стал, все меня бесит, каждая мелочь. Еще Валя пишет о генерале. Я думаю, все так делают...»²⁵⁹

Очень трезво по поводу фронтовых романов высказалась 22 февраля 1945 г. в письме к подруге М.С. Колюжная: «...Теперь о личной своей жизни. Жизнь протекает моя безынтересно и перспектив никаких не строю, так как в это время строить их нельзя. Так сама жизнь построена. Сегодня мы можем быть вместе, а завтра нас разделяет большое пространство»²⁶⁰. В тот же день другая девушка, С. Човгун пишет домой: «Ребята у нас очень хорошие, командование тоже хорошее. Вообще, я службой довольна. Романов у нас много может быть, но я стараюсь крутом и около, но быть в стороне»²⁶¹.

Горькое и искреннее письмо написала 23 февраля 1945 г. Г.А. Ярцева младшему брату: «Война... Опять бой... Опять работа, переживания и лишения. <...> Как надоело все, как хочется жить по-человечески, хорошо. Без войны, без вечно преследующего, но скрываемого страха. Уже два года, как я на фронте, и никак не привыкну к этой жизни. Снаряды, мины, шум “ишаков”, гул самолетов — это кошмары мои. Никогда в жизни я не забуду эти два года. Эстония, Литва, Латвия, Польша, а скоро Германия. Куда привела

меня моя военная жизнь. Ты можешь меня понять, если переживал чувство унижения, оскорбления своего “я”, своего достоинства. Я, боец, выполняю все приказания каких-то сержантиков, людей, которые никоим образом в мирное время не могли даже быть знакомыми со мной. А здесь я выполняю то, что мне прикажут. Миша!.. Порой готова на все! За мной ухаживали мужчины. Я видела их жадные, пошлые взгляды, я понимала, что здесь, среди этих людей, этой обстановки нет настоящих чувств. Я искала, я ждала 2 года... И я нашла теперь человека, который заменил мне все в жизни. Военный, фронтовой друг. Всегда и везде я чувствую его неустанную заботу, его любовь. После 18—20-часовой работы я иду к нему, я отдыхаю у него... Я забываюсь с ним... Миша, поймешь ли ты всю тяжесть моей жизни... Борьба чувства долга, чести с простыми человеческими чувствами. Я верю Владимиру, Миша, верю. Хочу, чтобы и ты верил и уважал того человека, коего я люблю. Я писала и спрашивала тебя об этом. Решила, правда, сама. Ты прав, что это должна решать все сама. Прости и не осуждай свою сестру. Слишком ломан и странен ее жизненный путь, слишком запоздала ее любовь. Я вышла замуж... Формально оформить его [брак] сейчас нет возможности. Миша, дело не в формальности, а в глубине и искренности чувств. Будем реально смотреть на вещи. Теперь у меня есть возможность выбраться из этого пекла. Представь, этот шаг стоит моей жертвы... Миша, славный, пиши мне, не осуждай меня. Что ждет меня дальше... Я верю в лучшее будущее, верю Владимиру. Пиши, что хорошего в Свердловске. Скоро ли я приеду домой, ты примешь меня и не отвернешься. И будешь любить моего малыша, твоего племяшку...»²⁶² На следующий день, 24 февраля 1945 г. она написала подруге: «Вдали идет бой, шум снарядов, канонады. Все так привычно и так же ново, как и в первые дни моего пребывания в армии. Хорошая девочка, скажу тебе новость — я вышла замуж!!! Да, да, не улыбайся! Нина, как я люблю его, Нина! С его стороны встречаю еще большие чувства. Хороший человек. Разве можно о нем сказать в нескольких словах... Нужны страницы, нужны книги. Я долго думала... За два года войны натерпелась всего. Теперь думаю ехать домой. Ведь знаешь, всегда все это, все чувства, вся любовь кончается одним. И я не стыжусь, я поеду домой, у меня тоже будет или сын, или дочь... — и заканчивает письмо разухабистым гоном. — Будем надеяться, что вернёмся живы и здоровы. А там... Поживем себе на здоровье, дадим жару. Да, Нинка, у тебя есть дочь, у меня будет, а о мужьях не будем и тужить...»²⁶³.

Наконец, письмо В.Н. Моргуновой к матери от 22 февраля 1945 г.: «Милая моя мамочка! Здравствуй! Шлем тебе с Димой привет и самое лучшее пожелание в твоей одинокой жизни, а главное, родная, будь здорова. Мамочка, ты, наверное, очень беспокоишься моим долгим молчанием. Прости, милая, меня за это, но я мысленно была везде и всюду с тобой, ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Ох! Сколько же мне пришлось пережить за это время, этого никому, никогда не понять. Ты не расстраивайся, милая моя мамочка, но я снова в армии, и судьба не обошлась так жестоко со мной (как когда-то обошлись со мной люди). Я снова со своим любимым мужем Димой, разделяю вместе с ним все тяготы войны, он очень много пережил из-за меня и переживает сейчас, мы с ним совсем постарели, поседели, ну что же, может быть, и погибнуть придется вместе, а на сегодняшний день мы живы и здоровы и далеко-далеко, милая мамочка, от тебя в Германии, бьем поганых немцев безжалостно, как паршивых собак...»²⁶⁴.

В заключение хочется привести слова К. Симонова: «Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно»²⁶⁵. Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают своих подружек, сестреночек, которые выволакивали их раненых с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Женщина-друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, воспринималась ими с подлинным уважением. Вот как отзывался о девушках-санструкторах Д.Ф. Златкин: «...Женщинам, конечно, очень трудно было, особенно этим маленьким девочкам, которые искали романтику в войне. Она вынесла на себе столько... Да, она достойна похвалы, награды. Это адская работа — под пулями выносить раненых... Эти женщины — бойцы, настоящие бойцы, не мыльный пузырь. Я перед такими преклоняюсь. Они достойны чего угодно... Или женщины-снайперы... У нее десятки убитых на счету... Конечно, таким женщинам надо низко кланяться»²⁶⁶.

За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями. Свыше 200 чел. получили орден Славы 2-й и 3-й степени, а четыре женщины — летчица Н.А. Журкина, снайпер Н.П. Петрова, пулеметчица Д.Ю. Стани-

ли полными кавалерами ордена Славы²⁶⁷. 90 советским женщинам присвоено звание Героя Советского Союза и 6 — Героя России²⁶⁸. 650 женщин, из числа участвовавших в освобождении Европы, награждены правительствами Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии и других стран²⁶⁹.

* * *

Исход любой войны в конечном счете всегда определяют люди. Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии показала это с особой ясностью. Тогда на чашу весов истории легло соотношение всего комплекса экономических, политических и стратегических факторов противоборствующих сторон, но морально-психологическое превосходство советского солдата оказалось самым весомым. Это вынуждены были признать даже враги. «Это была тяжелая школа, — писал в своих мемуарах немецкий генерал Блюментрит. — Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать... Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя»²⁷⁰.

Война была такой долгой, что родила свой быт, психологию, строй чувств. Понять эту «психологию войны» можно только через мироощущение и судьбы отдельных ее участников, находя истину «на скрещении разных точек зрения». Но главная истина может быть выражена словами французского историка М. Ларана: «... Самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»²⁷¹. Этот вывод в первую очередь относится к героическому советскому солдату.

«Не в пример некоторым другим, прежним и последующим войнам, Великая Отечественная война нашего народа против немецко-фашистских захватчиков была войной героической и, безусловно, самой справедливой в нашей истории. Мы победили, это однозначно и непереоценимо, как для судеб наших народов, так и для будущего земной цивилизации. Участники этой войны — действительно герои, и прошедшие ее с первого до последнего дня, и вставшие в ее стрелковые цепи на заключительном этапе боев. Хватило всем под завязку. Победили, и это главное»²⁷², — так оце-

нивал этот период нашей истории писатель-фронтовик Василь Быков.

Война затронула каждого советского человека, заставила обратиться к национально-патриотическим традициям, подняться выше социальных и личных обид. И завершилась она победоносно. С нее возвращались солдаты-победители, в полном смысле слова спасшие Отечество. Тот факт, что в годы Великой Отечественной войны орденами и медалями Советского Союза награждены 12 млн человек, говорит сам за себя, но все же не до конца отражает величие солдатского подвига. Миллионы безымянных героев, отдавших жизнь и не имевших никаких наград, в неменьшей степени заслуживают благодарности потомков.

Примечания

- ¹ Литовкин В. В годы войны наша армия потеряла 11 944 100 человек // Известия. 1998. 25 июня.
- ² См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 407; Великая Отечественная война Советского Союза 1941—45 // Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. М., 1994. С. 45—46.
- ³ Военная энциклопедия. Т. 2. С. 45.
- ⁴ Симонов К. Из трех тетрадей. Стихи, поэмы. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 287.
- ⁵ Вольф А. Звезда над передовой. М., 1987. С. 60.
- ⁶ Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 365—366.
- ⁷ Война: день за днем... Беседа с писателем К.Симоновым // Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 147.
- ⁸ Сенявский С.Л. Лейтенантские мемуары // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁹ Письма с войны // Песков В. Война и люди. С. 79.
- ¹⁰ Симонов К.М. Письма о войне (1943—1979). М., 1990. С. 450.
- ¹¹ Бессонов В. Война всегда со мной. М., 1988. С. 118.
- ¹² Лирика военных лет. Стихи советских поэтов (1941—1945). М., 1985. С. 75.
- ¹³ Там же. С. 236.
- ¹⁴ Левин И.И. Кажется, это было вчера... Записки офицера разведки. М., 1990. С. 206.
- ¹⁵ Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию 1939—1940 гг. Ч. II. СПб., 2000. С.78.
- ¹⁶ Кедрин Д. Избранные произведения. М., 1978. С. 107.
- ¹⁷ Ножкин М. Последний бой // Об огнях-пожарищах... Песни войны и победы. М., 1994. С. 251.
- ¹⁸ Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 311.
- ¹⁹ Этот День Победы. Сборник. М., 1985. С. 95.
- ²⁰ Высота. Стихи о Великой Отечественной войне. М., 1995. С. 185—186.
- ²¹ Цит. по: Симонов К. Разные дни войны. С. 232.
- ²² Там же. С. 189.
- ²³ Этот День Победы. С. 95.

- ²⁴ Лирика военных лет. С. 253.
- ²⁵ *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 129.
- ²⁶ Цит. по: *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003. С. 87.
- ²⁷ Лирика военных лет. С. 184.
- ²⁸ Там же. С. 185.
- ²⁹ *Овчинникова Л.* Указ. соч. С. 69.
- ³⁰ *Исаковский М.* Враги сожгли родную хату // Лирика военных лет. С. 110—111.
- ³¹ *Ножкин М.* Указ. соч.
- ³² *Симонов К.* Разные дни войны. С. 365.
- ³³ Лирика военных лет. С. 232.
- ³⁴ *Симонов К.* Разные дни войны. С. 346.
- ³⁵ Там же. С. 342.
- ³⁶ *Симонов К.* Родина // Лирика военных лет. С. 237.
- ³⁷ *Момыш-Улы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39—40.
- ³⁸ Из интервью с Ю.П. Шараповым от 07.05.1995 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ³⁹ Кобец Иван Лукич. Интервью. // Сайт «Я помню. Воспоминания о Великой Отечественной». URL: <http://www.iremember.ru/gazvedchiki/kobets-ivan-lukich/stranitsa-5.html>
- ⁴⁰ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым. 4 июня 1997 г. // Личный архив автора.
- ⁴¹ Из интервью с В.А. Виноградовым от 07.03.2001 г. // Личный архив Е.С. Сенявской
- ⁴² *Павлов И.П.* Полн. собр. соч. Т. III. Кн. 2. М., 1951. С. 209.
- ⁴³ *Коробейников М.П.* Современный бой и проблемы психологии. М., 1972. С. 162.
- ⁴⁴ Из беседы с Р.Е. Кантором, в мае 1996 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁴⁵ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-5.html>
- ⁴⁶ *Гуськов С.* Если останусь жив... М., 1989. С. 216.
- ⁴⁷ Там же. С. 109.
- ⁴⁸ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ⁴⁹ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым.
- ⁵⁰ *Теплов Б.М.* Ум полководца. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам) // *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 264.
- ⁵¹ Там же. С. 265—266.
- ⁵² Военная психология и педагогика. М., 1998.. С. 316.
- ⁵³ Великая Отечественная война 1941—1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 423—424.
- ⁵⁴ *Серебрянников В.В.* Социология войны. М., 1997. С. 243.
- ⁵⁵ Великая Отечественная война 1941—1945. События. Люди. Документы. С. 435—436.
- ⁵⁶ См.: *Мягков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. 1941—1942. М., 1999. С. 218—219.
- ⁵⁷ *Гудкова Г.* Будут жить!; *Сапожникова М.* «Сестра Валя». М., 1986. С. 181.
- ⁵⁸ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1. С. 76.
- ⁵⁹ «Я точно знаю: меня никогда не убьют!» // Комсомольская правда. 1993. 8 мая.
- ⁶⁰ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ⁶¹ Безбожников в окопах не бывает. Беседа бывшего ракетчика, академика Георгия Арбатова с политобозревателем КП Александром Афанасьевым // Комсомольская правда. 1994. 14 декабря.
- ⁶² *Абдулин Мансур.* Страницы солдатского дневника. 2-е изд. М., 1990. С. 59, 61.
- ⁶³ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Из интервью с Д.Ф. Златкиным от 16.06.1997 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.

- ⁶⁶ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ⁶⁷ См.: *Шнайдер Б.* Неизвестная война // Вопросы истории. 1995. № 1. С 110.
- ⁶⁸ *Абдулин Мансур.* Указ. соч. С. 59, 61.
- ⁶⁹ Фронтовые письма С.Л. Сенявского // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁷⁰ *Закруткин В.* Кавказские записки. 1942—1944. Симферополь, 1950. С. 242.
- ⁷¹ *Шарапов Ю.П.* На правом фланге войны // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 212—218.
- ⁷² Комбату Засухину помогали на войне вера в Сталина, водка и теплые кальсоны // Комсомольская правда. 1996. 14 декабря.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html>
- ⁷⁵ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-7.html>
- ⁷⁶ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ⁷⁷ Комбату Засухину помогали на войне...
- ⁷⁸ Цит. по: *Кринко Е.Ф.* Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. X. М.; Магнитогорск, 2010. С. 460.
- ⁷⁹ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-7.html>
- ⁸⁰ Из интервью с Ю.П. Шараповым.
- ⁸¹ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (далее — МБС ИФ МГУ). Личный фонд Ю.И. Каминского.
- ⁸² Комбату Засухину помогали на войне...
- ⁸³ См.: *Мирский М.Б.* Обязаны жизнью. М., 1991. С. 142.
- ⁸⁴ Там же. С. 143.
- ⁸⁵ Там же. С. 155.
- ⁸⁶ Из интервью с Ю.П. Шараповым.
- ⁸⁷ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И. Каминского.
- ⁸⁸ Цит. по: *Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 466.
- ⁸⁹ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html>
- ⁹⁰ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ⁹¹ *Сенявский С.Л.* Лейтенантские мемуары // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁹² Из интервью с Д.Ф. Златкиным.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Из интервью с Ю.П. Шараповым.
- ⁹⁵ Цит. по: *Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 462.
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.
- ⁹⁷ Там же. Л. 94.
- ⁹⁸ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-5.html>
- ⁹⁹ *Феденко Н.Ф., Раздубев В.А.* Русская военная психология. (Середина XIX — начало XX века.) Учебное пособие. М., 1993. С. 32.
- ¹⁰⁰ *Измestьев П.И.* Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания.) Пг., 1923. С. 24.
- ¹⁰¹ См.: *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 94.
- ¹⁰² Военно-исторический журнал. 1992. № 4—5. С. 23.
- ¹⁰³ Комбату Засухину помогали на войне...
- ¹⁰⁴ Из интервью с Д.Ф. Златкиным.
- ¹⁰⁵ Из интервью с Ю.П. Шараповым.

- ¹⁰⁶ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ¹⁰⁷ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым.
- ¹⁰⁸ *Кривель А.М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 125.
- ¹⁰⁹ МБС ИФ МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ¹¹⁰ *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М.; Магнитогорск, 2010. С. 495.
- ¹¹¹ См.: *Алексиевич С.* У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 101.
- ¹¹² *Тажидинова И.Г.* Указ. соч. С. 494—496.
- ¹¹³ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д; 76. Л. 89.
- ¹¹⁴ *Тажидинова И.Г.* Указ. соч. С. 496.
- ¹¹⁵ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-7.html>
- ¹¹⁶ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым.
- ¹¹⁷ Из интервью с Ю.П. Шараповым.
- ¹¹⁸ *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 164.
- ¹¹⁹ *Напетваридзе Г.* Неоконченная баллада. Рассказы, военные дневники, письма, стихи. М., 1964. С. 80.
- ¹²⁰ а) «Варяг», «Коногон», «Раскинулось море широко», «Черный ворон» и др.; б) «За курганом пики блещут», «Любо, братцы, любо» и др.; в) Песни гражданской войны: «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Там вдали за рекой» и др.; г) «Три танкиста», «Любимый город», «Катюша», «Синий платочек», «Землянка», «Огонек», «Темная ночь», «Моя любимая» и др.
- ¹²¹ Наиболее известным является вариант этой песни из повести В. Курочкина «На войне как на войне». Несколько других версий опубликовано в книге: Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 74—76.
- ¹²² Из интервью с Ю.П. Шараповым.
- ¹²³ Денисенко Григорий Федорович (30.10.1897—27.11.1973). Дневниковые записки пожилого солдата // Личный архив Е.С.Сенявской.
- ¹²⁴ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-5.html>
- ¹²⁵ Фронтовые письма С.Л. Сенявского // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ¹²⁶ *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 1. С. 69.
- ¹²⁷ *Денисенко Г.Ф.* Дневниковые записки пожилого солдата.
- ¹²⁸ Из интервью с Д.Ф. Златкиным.
- ¹²⁹ Так, в Центральном Музее Вооруженных Сил в Москве (ЦМ ВС РФ. 4/67082/3080/1—2) хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене. В сборнике «Говорят погибшие герои» (М., 1986. С. 333—334) эти же письма — к матери и невесте — подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского. Письма О. Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб Александр Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова?
- ¹³⁰ *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 1. С. 70.
- ¹³¹ *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 126.
- ¹³² *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 117.
- ¹³³ *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 2. С. 50—51.
- ¹³⁴ Там же. С. 51.
- ¹³⁵ *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301—302.
- ¹³⁶ *Песков В.* Война и люди. С. 154.

- ¹³⁷ *Бордюгов Г.А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 271.
- ¹³⁸ *Песков В.* Указ. соч. С. 117.
- ¹³⁹ *Кардин В.* Не застрять бы на обочине. Из писем фронтовому другу // Дружба народов. 1988. № 2. С. 243.
- ¹⁴⁰ Из интервью с Л.Н. Пушкаревым.
- ¹⁴¹ *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 117.
- ¹⁴² *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 1. С. 66—67.
- ¹⁴³ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ¹⁴⁴ *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. С. 123.
- ¹⁴⁵ Гриф секретности снят. С. 315.
- ¹⁴⁶ *Симонов К.* Солдатские мемуары. С. 260.
- ¹⁴⁷ Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. М., 1985. Вып. 2. С. 124
- ¹⁴⁸ *Симонов К.* Разные дни войны. С. 94.
- ¹⁴⁹ *Симонов К.* Солдатские мемуары. С. 212—213.
- ¹⁵⁰ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 163—164.
- ¹⁵¹ Там же. С. 115.
- ¹⁵² Огненные фарватеры. Л., 1987. С. 57—58.
- ¹⁵³ *Яковенко А.* Когда конфликт неизбежен. М., 1989. С. 188—189.
- ¹⁵⁴ *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 2. С. 57—58.
- ¹⁵⁵ Кобец Иван Лукич. Интервью.
- ¹⁵⁶ *Овчинникова Л.* Указ. соч. С. 70.
- ¹⁵⁷ *Сармакешев В.Н.* А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.
- ¹⁵⁸ *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 137—138.
- ¹⁵⁹ *Овчинникова Л.* Указ. соч. С. 39.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ *Ворков С.С.* Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64—65.
- ¹⁶² *Гудкова Г.* Будут жить!; *Сапожникова М.* «Сестра Валя». М., 1986. С. 179—180.
- ¹⁶³ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 310.
- ¹⁶⁴ *Сармакешев В.Н.* Указ. соч. С. 133—134.
- ¹⁶⁵ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 521.
- ¹⁶⁶ *Вашурина З.П.* Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные Вооруженные Силы в XX веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 16—17.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ ...Сражалась за Родину. Письма и документы героинь Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 5—12; Девушка из Кашина. Дневник и письма И. Константиновой. Воспоминания и очерки о ней. М., 1974. Ина Константинова ушла в партизаны и погибла в марте 1944 г. во время рейда по тылам противника.
- ¹⁶⁹ Центральный Музей Вооруженных Сил. 8/448. Н.В. Ковшова погибла 14 августа 1942 г. вместе со своей подругой М.С. Поливановой. Девушки подорвали гранатой себя и окруживших их врагов. В 1943 г. им посмертно присвоено звание Герой Советского Союза.
- ¹⁷⁰ *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 119.
- ¹⁷¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—июль 1956). М., 1956. С. 177—181.
- ¹⁷² См.: Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977. С. 192.
- ¹⁷³ См.: Медицина в солдатской шинели. Киев, 1989. С. 35.

- ¹⁷⁴ Женская военная судьба. Фотоальбом. М., 1995. С. 5; Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269—270; Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 179—180.
- ¹⁷⁵ *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974; *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 170.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 143.
- ¹⁷⁸ См.: *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. С. 9.
- ¹⁷⁹ *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. С. 150—151.
- ¹⁸⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 56—57.
- ¹⁸¹ *Мурманцева В.С.* Женщины в солдатских шинелях. М., 1971. С. 103.
- ¹⁸² *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. С. 143.
- ¹⁸³ *Никонова О.Ю.* Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3(40—41). Электронный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ni32-pr.html>
- ¹⁸⁴ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269—270; Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 179—180.
- ¹⁸⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 — 1942 г. М., 1997. С. 112—113.
- ¹⁸⁶ *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁸⁷ Г.И. Докутович — штурман самолета У-2 46-го Гвардейского Таманского авиационного ордена Красного Знамени и ордена Суворова III степени женского полка ночных бомбардировщиков. Участница боев на Северном Кавказе. Совершила 120 боевых вылетов. Погибла 1 августа 1943 г.
- ¹⁸⁸ Белорусский Государственный Музей Истории Великой Отечественной войны (далее — БГМИВОВ). Инв. 36792.
- ¹⁸⁹ *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. С. 144—148.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 145.
- ¹⁹¹ Зеленко Екатерина Ивановна // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=355; Полякова Александра Павловна // URL: <http://www.bvvaul.ru/profiles/2603.php>; Фамилии авиаторов, совершивших огненные тараны // URL: <http://www.soldat.ru/memories/podvig/spisok2.html>
- ¹⁹² *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. С. 150.
- ¹⁹³ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 213—214.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 215.
- ¹⁹⁵ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269—270; Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 179—180.
- ¹⁹⁶ *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С. 152—153.
- ¹⁹⁷ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—2). С. 222—223.
- ¹⁹⁸ *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С. 151.
- ¹⁹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 117—121; Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—2). С. 212—213.
- ²⁰⁰ *Еремин В.Г., Исаков П.Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 117.
- ²⁰¹ *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С. 157.
- ²⁰² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—2). С. 228.
- ²⁰³ Там же. С. 229—230.
- ²⁰⁴ Там же. Т. 21(10); Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. М., 1996. С. 126—127.
- ²⁰⁵ *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С. 162.

- ²⁰⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—2). С. 230, 233.
- ²⁰⁷ Там же. С. 233.
- ²⁰⁸ *Еременко А.И.* Сталинград. М., 1961. С. 293—294.
- ²⁰⁹ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269—270; Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 179—180.
- ²¹⁰ *Будко А.А., Грибовская Г.А.* Женщина — воин, женщина — жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 14.
- ²¹¹ См.: *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир 1941—1945—1994. Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. М., 1997. С. 145—146; *Ваширина З.П.* Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные Вооруженные Силы в XX веке. Дисс. ... на соиск. ученой степени канд. ист. наук. М., 2004. С. 57.
- ²¹² *Гланц Д.* Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в армию Победы. М., 2009. С. 297—298, 303—304; *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Т.П.Хлынина.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941—1945 гг.). Ростов н/Д., 2013. С. 152; и др.
- ²¹³ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 214. Эта же цифра приводится в первом издании. См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. Исследование / Под ред. Г.Ф.Кривошеева. М., 1993. С. 329.
- ²¹⁴ *Никонова О.Ю.* Женщины, война и «фигуры умолчания».
- ²¹⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 229.
- ²¹⁶ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 101.
- ²¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.
- ²¹⁸ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 61.
- ²¹⁹ Там же. С. 58.
- ²²⁰ Там же. С. 166.
- ²²¹ Там же.
- ²²² См., например: *Никонова О.Ю.* Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3(40—41); *Кринко Е.Ф., Реброва И.В., Тажидинова И.Г.* Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в годы Великой Отечественной войны // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: Сб. научн. статей. Ростов-н/Д., 2008. С. 257—265; *Тажидинова И.Г.* Женщины в армии: свидетельства мужчин-комбатантов (1941—1945 гг.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.). Ростов-н/Д., 2013. С. 259—266; и др.
- ²²³ *Никонова О.Ю.* Указ. соч.
- ²²⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—2). С. 285.
- ²²⁵ Там же; Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). М., 1997. С. 115.
- ²²⁶ *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Т.П.Хлынина.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941—1945 гг.). Ростов н/Д., 2013. С. 154.
- ²²⁷ Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии. М.: Медгиз, 1943. См. также: ГАРФ. Ф. Р-8009. Министерство здравоохранения СССР. Оп. 22. Управление родовспоможения. 1941—1952. Д. 3. Протокол и резолюция совещания комиссии по родовспоможению НКЗ СССР от 31.10.1942. Л. 3 и др.

- ²²⁸ См.: Жордания Иосиф Федорович // *Айламазян Э.К., Цвелев Ю.В., Беженарь В.Ф.* Связь времен. Акушеры-гинекологи России за три столетия. Биографический справочник. Н.-Л., 2010.
- ²²⁹ *Жордания И.Ф.* Гинекология военного времени // *Военно-медицинский журнал.* 1946. № 3. С. 16; *Будко А.А., Грибовская Г.А.* Женщина — воин, женщина — жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // *Военно-исторический журнал.* 2004. № 3. С. 15.
- ²³⁰ Там же.
- ²³¹ См.: *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. Приложение 42. С. 242.
- ²³² РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105.
- ²³³ См.: *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. Приложение 42. С. 241.
- ²³⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2—3). С. 317—318.
- ²³⁵ Там же. С. 304.
- ²³⁶ *Бердникова Д.* Советские женщины в Отечественной войне // *Пропаганда и агитация.* 1944. № 4; *Мишакова О.* Советские женщины в Отечественной войне. М., 1944; *Мурманцева В.С.* : 1) Они защищали небо Родины // *Военно-исторический журнал,* 1970. № 3. С. 93—99 ; 2) Женщины в солдатских шинелях. М., 1971. С. 103 ; 3) Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974 ; 4) Новейшая литература о ратном и трудовом подвиге женщин в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы истории,* 1983. № 9. С. 119—124 ; 5) Ратный и трудовой подвиг советских женщин // *Военно-исторический журнал.* 1985. № 5. С. 73—81; *Галаган В.Я.* Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1986; и др.
- ²³⁷ *Никонова О.Ю.* Женщины, война и «фигуры умолчания».
- ²³⁸ *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002; *Сенявская Е.С.* : 1) Женщина на войне глазами мужчин // *Русская история: проблемы менталитета.* М., 1994 ; 2) Женщина на войне — феномен XX века // *История.* 1998. № 6 ; 3) Женщины на войне глазами мужчин: психологический экскурс в историю России // *Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Мировосприятие и самосознание русского общества.* Вып. 3. М., 1999 ; 4) Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // *Военно-исторический архив.* 2001. № 7 (22) ; 5) Женщина на фронте: проблемы психологической адаптации к «мужскому быту войны» // *Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. Науч. Конф. (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.).* Ростов-на-Дону, 2013. С. 252—259; *Грибовская Г.А.* Женщины-военнослужащие (1941—1945) // *Военно-медицинский журнал.* 2003. № 2; *Будко А.А., Грибовская Г.А.* Женщина — воин, женщина — жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // *Военно-исторический журнал.* 2004. № 3. С. 13—16; *Янковская Г.* «Шел солдат с фронта». Послевоенные реалии и гендерные образы советских иллюстрированных журналов // *Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941—1950).* М., 2010. С. 284—293; и др. См. также: *Женская повседневность в России в XVII—XX вв. Матер. междунар. научн. конфер.* Тамбов, 25 сентября 2003 г. Тамбов, 2003.
- ²³⁹ *Физелер Б.* Женщины на войне: ненаписанная история // *Mascha + Nina + Katjuscha: Frauen in der Roten Armee 1941—1945.* Berlin, 2002. S. 11—12; *Кардоне Э.Ш., Марквик Р.Д.* «Нашу бригаду не пошлют на фронт»: советские женщины в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // *Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.* Ростов н/Д., 2009. С. 144—167; *Mark-wik R.D., Cardona E.S.* Soviet women on the frontline in the Second World War. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012; *Физелер Б., Марквик Р.* «Второй фронт» в Ве-

- ликой Отечественной войне, 1941—1945 гг.: борьба за выживание жен и семей красноармейцев в Ярославле // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6—7 июня 2013 г.). Ростов-н/Д., 2013. С. 289—293; и др.
- ²⁴⁰ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 61—62.
- ²⁴¹ Там же. С. 117.
- ²⁴² *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 2. С. 77.
- ²⁴³ *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 176—177.
- ²⁴⁴ *Симонов К.* Разные дни войны. С. 225—226.
- ²⁴⁵ Как жили на фронте // Аргументы и факты. 1995. № 18—19.
- ²⁴⁶ Из видеointервью с Л.Н. Пушкаревым от 05.10.2011 г. // Личный архив Е.С. Сеньявской.
- ²⁴⁷ *Шнайдер Б.* Указ. соч. С. 109.
- ²⁴⁸ Из интервью с Д.Ф. Златкиным.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ *Самойлов Д.* Указ. соч. // Аврора. 1990. № 2. С. 77.
- ²⁵¹ БГМИ ВОВ. Инв. 36792.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Степыкина Зинаида Петровна. Интервью. // Сайт «Я помню. Воспоминания о Великой Отечественной». URL: <http://www.iremember.ru/mediki/stepikina-zinaida-petrovna/stranitsa-3.html>
- ²⁵⁴ Родина. 1991. № 6—7. С. 38.
- ²⁵⁵ Публикации разных вариантов этой и других песен-«перевертышей» см.: *Пушкарев Л.Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 98—99; *Сеньявская Е.С.* 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 170—171, 176.
- ²⁵⁶ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.
- ²⁵⁷ Там же. Л. 90—91.
- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁹ Там же. Л. 85.
- ²⁶⁰ Там же. Л. 87.
- ²⁶¹ Там же. Л. 93.
- ²⁶² Там же. Л. 84.
- ²⁶³ Там же. Л. 86.
- ²⁶⁴ Там же. Л. 89.
- ²⁶⁵ Слова, пришедшие из боя. С. 98.
- ²⁶⁶ Из интервью с Д.Ф. Златкиным.
- ²⁶⁷ Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269—270; Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 179—180; Кавалеры ордена Славы трёх степеней: Краткий биографический словарь. М., 2000.
- ²⁶⁸ Уточненные данные по награждениям см.: *Иванова Ю.Н.* Указ. соч. С. 172, 247—255.
- ²⁶⁹ Там же. С. 172.
- ²⁷⁰ Роковые решения. М., 1958. С. 72—73, 98.
- ²⁷¹ *Lagan M.* Russie-URSS. 1870—1970. Paris, 1974, p. 200.
- ²⁷² *Быков В.* Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 29 сентября.

Глава 4

Афганская война 1979–1989 гг.

По многим параметрам особняком стоит Афганская война 1979—1989 гг. Она, хотя и была локальной, но оказалась самой длительной в российской истории XX века. За девять лет, с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г., в войсках, находившихся на территории Демократической Республики Афганистан, прошло военную службу 620 тыс. военнослужащих. Для сержантов и солдат срок пребывания в составе ограниченного контингента был установлен в 1,5 года, для офицеров — не более 2 лет¹. Общие безвозвратные потери (убито, умерло от ран и болезней, погибло в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев) Советских Вооруженных сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 14,5 тыс. чел. Пропало без вести и попало в плен 417 чел., из них 119 впоследствии были освобождены².

Чем занимались наши войска в Афганистане? Охраняли автомобильные дороги, аэродромы в крупных городах, газопромыслы, электростанции, заводы... Проводили колонны с военными и народнохозяйственными грузами для своих нужд и в интересах Республики Афганистан. Вели боевые действия по разгрому вооруженных отрядов и групп оппозиции, борьбу с караванами, доставлявшими оружие и боеприпасы из Пакистана и Ирана³.

Девять лет войны... У каждого, кто побывал в Афганистане, была своя, особая война...

Восточная «экзотика»

Весьма специфичен на этой войне был театр военных действий: Центральная Азия с горно-пустынной местностью, с абсолютно непривычными для европейцев, можно сказать, экстремальными для жителей средней полосы климатическими условиями (в разных частях страны — от резко континентального с высоким перепадом суточных температур и острой нехваткой воды до субтропического климата с повышенной влажностью). При этом «+65 градусов в тени» — понятие относительное, так как «тени» практически не было. Сколько было на солнце, точно не знает никто. Особенно трудно было привыкнуть к резким перепадам температур в дневное

и ночное время: вечером при +35 начинали мерзнуть руки, и возникало желание одеться потеплее. Но в целом большинство советских военнослужащих адаптировалось к климату довольно быстро.

Как же воспринимались природно-климатические особенности чужой страны нашими воинами?

«Было очень жарко, — вспоминал О.В. Сдвижков, служивший в апреле—декабре 1983 г. рядовым в Кабуле. — Днём температура в течение лета была около 50-ти градусов... И что действительно неприятно (это, вероятно, не по всему Афганистану, но в Кабуле, который достаточно высоко находится над уровнем моря) — это очень большой перепад температур. То есть днём температура может достигать почти 50-ти градусов Цельсия, а ночью падать до 20-ти или даже ниже... В карауле ночью даже летом почти всегда ходили в шинелях, то есть просто в одном х/б даже летом ночью было холодно — за счёт этого очень резкого перепада температур... Что характерно, при такой высокой температуре там очень низкая влажность. И если есть возможность найти тень, то в тени уже эта температура воспринимается довольно легко. При большой влажности такая температура, конечно, невыносима, но при низкой вполне терпимо...»⁴. «Что действительно мучило, — добавляет он к описанию местных климатических особенностей, — это мухи. Там какое-то дикое количество мух. Особенно, если ты ночью в наряде, а днём надо поспать, а мухи — они ночью тоже почему-то спят, а летают как раз днём, — ну, это была просто пытка. Спрятаться от них было невозможно»⁵.

С.Н. Токарев, служивший в 1982—1984 гг. замполитом разведывательно-десантной роты в Шиндане, вспоминал: «Как переносили климатические условия? Ну, это зависит еще от того, кто где жил, из какого климата приехал. Из средней полосы — тяжелова-то переносится, из континентального климата, из Сибири ребята лучше переносили этот климат. Соответственно, светлые, темные волосы, — это уже от индивидуальных особенностей зависит. Ту-винец один был — тоже нормально переносил. Ну, это все оно такое, индивидуальное. А так трудности — вода в основном... Ну, а жара, — она, как первая акклиматизация прошла, как установился оптимальный вес для этого климата, — тоже лишний раз не потеешь, лишний раз воду не пьешь, питьевой режим этот соблюдается, барьеры если не нарушаешь, если до обеда не пьешь, — то, в принципе, привыкаешь ко всему. Наверное, адаптация, она легкая от того, что возраст такой еще был. А вот, как я сейчас, в тепереш-

нем моем возрасте, — вот этого возраста люди тяжелее переносили. Ну, в основном из-за грузности, из-за тучности. А так, если нормальное сложение, нормальный вес, — то проблем не было»⁶.

«Ну, как можно относиться к жаре +62 в тени? — рассказывал В.А. Литвиненко, служивший в Кабуле командиром парашютно-десантного взвода с июня 1988 г. до вывода войск в феврале 1989 гг. — О том, сколько было на солнце, я уже не упоминаю. По крайней мере, яичницу на броне я жарил собственноручно. Просто разбиваешь сырое яйцо на броню, предварительно протертую спиртом, и через пару секунд получаешь яичницу. На сковородке приходится ждать дольше... Один раз меня угораздило сесть на такую броню... До сих пор не забуду. Как переносились эти условия? По-разному. Я, как ни странно, переносил эту жару довольно легко. Обходился иногда одним-двумя стаканами воды в сутки и пить, что самое интересное, не хотелось. Там довольно сухо. Поэтому переносилось в общем-то не так уж страшно, как может казаться... Но те, которые в Союзе были, так скажем, слегка упитаны, жару переносили гораздо тяжелее, потому как через два месяца пребывания в Афганистане все весили одинаково — 72 кг или что-то около этого, независимо от того, какой вес был в Союзе. Сбросить 30—40 кг веса за две недели — можете себе представить самочувствие этого человека. Видел я таких товарищей. Эти пластом лежали неделями. Но в конце концов адаптация проходила довольно нормально, а в Союзе они быстренько набирали свой вес по-новой... Хуже всего были перепады температур. Под вечер температура падала до +35, и мы откровенно мёрзли. +35 — это было достаточно холодно, приходилось залезать в свитер и зимние бушлаты. Выглядело это довольно комически. Мёрзли натурально...»⁷

«Сам я вырос в России, — вспоминал служивший в 1987—1989 гг. в десантно-штурмовой бригаде П.А. Попов. — Я не представлял, что такое горы, я видел их в телевизоре. Я не представлял, что такое пустыня, я не представлял, что такое 65 градусов на солнце. Я не представлял, что такое пыль. В Поли-Хумри у нас даже поговорка была: “Если хочешь жить в пыли, поезжай в Поли-Хумри”. Там, когда с техники спрыгиваешь — на 60 сантиметров погружаешься в пыль. Как мука... Одна броня прошла, — и дальше уже ничего не видно, идешь, как в тумане... Потом, первый раз, когда я попал в Джелалабад, — это для меня вообще был шок. Трудно себе представить: 70 градусов на солнце и 96% влажности. Бамбук растет, лимоны, бананы. Обезьяны прыгают... Первая моя мысль была: “А как же

там живут люди?» В Джелалабаде я и подцепил малярию... Там [в Афганистане] была вторая война — это болезни...»⁸

Самыми главными в этих климатических условиях были проблемы акклиматизации, водоснабжения и соблюдения санитарно-гигиенических норм. Этот специфический комплекс проблем в совокупности вызывал массовые заболевания тифом, гепатитом, малярией и другими острыми инфекционными заболеваниями. Так, в некоторых частях «ограниченного контингента» советских войск «желтухой» переболело до 70% личного состава, а в общем числе санитарных потерь (469,7 тыс. чел. за 110 месяцев пребывания советских войск в Афганистане) 89% занимали именно заболевшие⁹. По рассказам офицеров, правила гигиены старались соблюдать неукоснительно даже в походных условиях, так как «боялись инфекции больше, чем ранения»¹⁰.

«В 81-м году 30% только от роты осталось, все остальные с желтухой лежали, — рассказывал С.Н. Токарев. — Я сам два раза гепатитом переболел. Ну, это все из-за того, что не соблюдались нормы гигиены. Потому что рядом стоял полк артиллерийский, реактивный, они практически никуда не выезжали, то есть они быт наладили настолько... А у нас получалось, что через два дня на третий обязательно выезд, или засада, или еще что-то, или вылет. Или через три дня на четвертый. И если сильно уж в отрыве действовали от наших постоянных пунктов дислокации, то тогда и из арыков приходилось пить, и грязную воду, — так что оно только от соблюдения санитарных норм зависит, больше, пожалуй, ни от чего»¹¹.

Не вполне согласен с этим О.В. Сдвижков, считавший, что принятые меры далеко не всегда приносили желаемый результат. «Инфекционные заболевания коснулись нас очень сильно, — рассказывал он. — Эпидемия началась в конце лета [1983 г.] и тянулась почти до конца года. В нашем взводе было по штату 19 человек, и я помню, самая низкая цифра, когда нас было в строю 9 человек. И 10 находились в госпиталях. И так по всем подразделениям батальона. То есть где-то в сентябре, в октябре казалось, что просто как смерч прошёл через батальон, то есть батальон был просто полупустым. Желтуха и брюшной тиф. Две этих главные болезни — и трудно сказать, чем больше болели, — тем или другим. Причём, мы принимали всякие меры безопасности. Я помню, мы стали кипятить воду, ели чеснок, лук. Совершенно сознательно пытались делать всё, чтобы не заболеть. Руки мыли, понятное дело. К тому же мы к осени построили в батальоне приличную баню с хорошей па-

рилкой, то есть вопросы чистоты решались без больших проблем. Но, тем не менее, это не помогло. На наш взвод больше половины личного состава переболело. И, я думаю, если взять батальон в целом, получатся примерно такие же цифры»¹².

Удивляло наших воинов то, как в таком климате чувствовали себя коренные афганцы. «Местным было до лампочки, — вспоминал В.А. Литвиненко. — Они ходили в одной одежде и в лютую жару, и в пронизывающий холод. Зимой некоторые ходили в галошах на босую ногу. Детишки, те вообще бегали босиком постоянно, что зимой, что летом, — по лужам, по снегу, по грязи. Смотрелось, конечно, это, мягко говоря, непривычно»¹³. О.В. Сдвижков рисует такую картину: «У местных, что интересно, это их “форма одежды”: очень широкие штаны, очень широкие рубахи, которые продуваются со всех сторон, — и надо полагать, в такой одежде им было достаточно комфортно»¹⁴. Наконец, косившая ОКСВ зараза — гепатит, чума, холера, тиф и т.п., была для афганцев чем-то вроде насморка: «у местных жителей это даже болезнями не считалось»¹⁵.

Но климат и болезни были лишь небольшой частью той восточной «экзотики», с которой пришлось столкнуться в Афганистане советским военнослужащим.

«Что расскажешь о Востоке? Непривычная страна:
Здесь совсем другие Боги и другие имена...»¹⁶ —

написал об Афганистане армейский бард Игорь Морозов. А в других своих стихах добавил:

«Здесь сошлись два века в противостоянии —
Век двадцатый и четырнадцатый век»¹⁷.

В самом деле, первое, что бросалось в глаза прибывшим в чужую страну советским солдатам, — не столько восточный колорит и экзотика, сколько ужасающая бедность: убогие глиняные постройки, оборванные, грязные, вечно голодные ребятишки, выпрашивающие «бакшиш» (подарок), нехватка или отсутствие привычных «плодов цивилизации», отчего возникало чувство, что ты отброшен назад во времени. И принятое здесь летоисчисление по мусульманскому календарю символически очень точно отражало самую суть ситуации. «Что больше всего поразило в Афганистане — это нищета, — вспоминал рядовой С. Фесюн, проходивший службу в 1980—1981 гг. в Кандагаре. — Когда мы приехали, зима

была. Снега не было, но ветер, пронизывающий до костей, злой какой-то. Мы, солдаты, в ватных бушлатах и то мерзли. А местные крестьяне в это время босиком ходили. Все их жилища из песка и глины слеплены. Тогда же я увидел, как дерево продают на килограммы, тщательно взвешивая»¹⁸.

При всей своей бедности афганские декхане, составляющие подавляющее большинство населения, очень трудолюбивы: «На полях люди работают не разгибая спины с утра до вечера. Почва плохая: песок вперемешку с камнями. Удобрений никаких. И все же два урожая в год снимают»¹⁹. Тем удивительнее казалось сочетание этого качества с другими: вороватостью, корыстностью, даже продажностью. Обман при совершении торговых сделок рассматривался как явление вполне достойное. Причем, если в отношении мусульман между собой существовали своеобразные нормы честности, то «надуть» иноверца считалось особой доблестью.

«Торговые они люди все, конечно, — рассказывал майор С.Н. Токарев. — Вот идешь, а они кричат: “Что надо? Джинс надо? Дубленка надо? Что надо?” <...> Ну, и знали мы, что гадость можно ждать от каждого...»²⁰ «Что интересно, это их отношение к нам, наверное, типичное для Востока, — было деловое, — вспоминал О.В. Сдвижков. — Если с нас можно что-то поиметь, то, значит, мы очень полезные люди. Если поиметь нельзя, то люди бесполезные. В нашем российском или, может быть, в европейском сознании, такие понятия, как гордость, честь — очень важный момент в мотивации поведения... И вот такое ощущение, что там этих понятий или нет совсем, или они какие-то совершенно иные. Например, если мы говорим “предательство”, мы понимаем что-то под этим, но в тех условиях, мне кажется, у них даже и понятия “предательство” нет такого, как у нас, когда люди могут менять стороны, переходить с одной стороны конфликта на другую. Главное, где выгода. Выгодно с русскими — он с русскими. Выгодно с кем-то ещё — он перейдет на ту сторону...»²¹

Широко было распространено воровство, даже открытое. Так, с проезжающих мимо военных машин афганцы заимствовали все, что легко откручивается. Особенной ловкостью в такого рода делах отличались местные пацаны — бачата²². «Они скручивали у нас все цветные стеклышки с машин, какие под руку попадались, причем, довольно лихо это проделывали, — вспоминал В.А. Литвиненко. — Стоило машине остановиться в каком-нибудь кишлаке, и с нее исчезало абсолютно всё, что можно открутить, причем, быстро...

Помню, довольно любопытный случай, когда мы уже вышли в Союз, только пересекли Мост Дружбы, остановились в Термезе. Колонна тормознулась в деревне. Естественно, люди были наши, советские. Вышли из домов поприветствовать... И тут по радиостанции проходит команда, привычная до боли: “Бачу к машинам не пускать!” Хохоту было!.. То есть мысленно мы были все еще на той стороне, хотя были уже в Союзе...»²³ Сработал приобретенный «за речкой» защитный рефлекс.

О бачатах вспоминают многие военнослужащие, побывавшие в Афганистане, и не всегда в мирном контексте. В.А. Сокирко рассказывал: «Ну, а мальчишки... Когда выезжаешь на операцию, всегда стараешься взять что-то лишнее, чтобы сбросить им по дороге. Там даже вот такие маленькие карапузы, два-три года ему, он только-только на ноги встал, — колонна проходит, он бежит возле БТРа или БМПешки и кричит: “Бача, бакшишь давай!”, — то есть подарок просит. Ну, банку тушенки, еще что-нибудь, галеты какие-нибудь всегда бросали — и солдаты, и офицеры. Дети есть дети. Тут ничего не скажешь. Хотя были случаи, когда, скажем, в бандах были юноши, подростки... Я помню одного убитого, у него на автомате было порядка 12-ти зарубок, то есть отметины о подстреленных русских...»²⁴ «Ну, жалко детвору, конечно, было там, — вспоминал С.Н. Токарев. — Какой-то своеобразный у них народ такой: лет до пяти они, как куклята, такие все симпатичные, черненькие... У меня фотографий много: вроде ты кого-то на руках держишь, и они там все такие довольные... Ну, детвора есть детвора... Как цыганята, которые бегают у нас на вокзалах повсюду... Хотя и от них в любой момент можно ждать всё, что угодно...»²⁵

Абсолютно все побывавшие в Афганистане отмечали разительные контрасты местной жизни: эта страна существовала одновременно как бы в двух измерениях — в темном средневековье и в «просвещенном» XX веке, причудливо сочетая признаки и того, и другого. «Конечно же, нашей первой точкой оказался базар, — рассказывает рядовой А.Г. Банников, служивший в Афганистане в 1985—1986 гг. — Мы словно попали в века минувшие: декхане в рваных халатах, совсем нет женщин, около дуканов, как бы вмонтированные в стены, на корточках сидели то ли нищие, то ли хозяева этих магазинчиков... Но когда мы взглянули на прилавки дуканов, то убедились, что это век будущий. Наимоднейшие шмотки, которые несколько недель назад были сшиты на какой-нибудь американской или английской фабрике. Рядом с ними беспоря-

дочно лежали японские магнитофоны, телевизоры. Часы всех мастей, духи...»²⁶.

О.В. Сдвижков вспоминал: «Было парадоксальное впечатление. В то время в СССР купить магнитофон (особенно импортный) было почти невозможно. Они, конечно, в комиссионных магазинах встречались, но стоили очень дорого. А советские магнитофоны очень плохо работали... То есть хороший, японский магнитофон — это была просто вожаделенная мечта для многих ребят моего возраста, 18—20 лет. А там, [в Афганистане], мы вдруг увидели, что все это продается. Кругом лавки, где продаются эти японские магнитофоны. И, что запомнилось, — очень характерная сцена, когда работает крестьянин с мотыгой в поле, а рядом стоит у него этот японский магнитофон и из него льются какие-то напевы непонятные. Сочетание казалось немыслимым. У нас такой магнитофон был бы признаком очень приличного социального статуса и дохода, а там какой-то бедный крестьянин... Но при этом работал он мотыгой — ни трактора, никакой техники. То есть если убрать магнитофон, то всё остальное выглядело примерно так, как по их календарю: там у них был, кажется, 14-й век. Всё примерно так и выглядело, но с такими вот интересными вкраплениями»²⁷.

То же можно сказать и об оружии: начиная войну с дедовскими «бурами», душманы вскоре получили и освоили самое новейшее вооружение вплоть до ракетных установок. Средневековое по уровню сознания общество успешно противостояло современной армии, используя против нее как современные средства ведения войны, так и тактику партизанских действий, основанную на вековом опыте и знании местности, тесном взаимодействии боевиков с «мирными» жителями.

Наконец, еще одно впечатление об Афганистане — огромная религиозность местного населения. Для людей, в большинстве своем воспитанных в духе атеизма, подобная атмосфера была особенно непривычна и неожиданна. Вот как описывал свои впечатления рядовой А. Бабак, проходивший службу в Кабуле и Шиндане с 1980 по 1982 г.: «Что в первое время очень удивляло, так это намаз в мечетях. Пять часов утра, до подъема еще час самого сладкого солдатского сна, а тут вдруг проповедь муллы из громкоговорителей. Жили в палатках — все было слышно. Голос у муллы какой-то жалобный и вместе с тем требовательный. Бывало, даже невольно посочувствуешь: уж больно беспокойная должность у человека. С утра до вечера служит Аллаху»²⁸.

Пожалуй, наблюдая скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душманами, так и правительственными войсками (когда, например, посреди боя и «духи», и «сарбозы» дружно прекращали стрельбу и опускались на колени, чтобы совершить намаз), советские солдаты сильнее всего могли ощущать, что это чужая война и как неуместно их вмешательство во внутреннюю жизнь этой страны. Различие культур обуславливало и специфику ведения советскими войсками боевых действий: они были свободны от многих психологических барьеров, характерных для их союзников-царандоевцев. Так, ефрейтор А. Шатров, служивший в Афганистане в 1982—1984 гг., вспоминал, что во время одной операции они «выловили больше сотни человек из банды, которая основательно трепала наши войска. Правда, нарушили мусульманский обычай — проверили женские покои, которые есть в каждом доме. Бандиты в них и прятались, закутавшись в женскую одежду и паранджу. Афганские солдаты, которые до этого несколько раз “чесали” Самаркандиан, туда не заходили»²⁹.

Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов: убить врага и надругаться над его трупом считалось особой доблестью; обычным делом были зверские расправы над пленными; своим за любую провинность рубили головы³⁰.

С.Н. Токарев вспоминал: «Это одна из первых операций была, когда мы дня четыре по всему Герату, по провинции, гонялись за одной бандой, которая своровала двух солдат наших, — ну, не наших, а с батальона мотострелкового. И вот дня четыре мы день и ночь их искали, и потом только трупы отбили. И впервые это зрелище... Глаза выколоты, уши отрезаны, суставы все в обратную сторону вывернуты, живот вспорот...»³¹

В.А. Сокирко рассказывал: «На второй день после того, как я прилетел в Кабул, меня отправили на такое несложное задание — нужно было фотографировать. Но фотографировать нужно было трупы и разбитую колонну — нашу колонну, которую по глупости, без охраны, без сопровождения отправили банально за песком, потому что на окраине Кабула, возле Пагманского водохранилища строили ЗКП 40-й армии — защищённый командный пункт. И отправили “Камазы” за песком. На всю колонну было три пистолета: у офицера и двух прапорщиков. Солдаты и водители были не вооружены, охранения не было. Ну, это, конечно, просто преступление так отправлять. И [духи] подбили первую машину, последнюю машину. И тех, кого взяли — солдат наших — в плен... Ну, издевательства были страшные: вспоротые животы, отрезанные члены,

“афганский мешок”, — когда кожа надрезается вокруг живота и натягивается на голову... Я это увидел и сразу понял, куда я попал...»³²

П.А. Попов утверждал: «Если все потери там брать на себя, брать на себя все, что ты там видел, — ты с ума сойдешь через месяц. Трудно нормальному человеку перенести увиденное, когда кожу живьем снимают или руки отрубают... Это трудно перенести. Просто отключаешь свое сознание...»³³

Похожие случаи «восточной дикости» и «азиатской жестокости», очевидцами которых довелось быть лично, вспоминают многие участники Афганской войны.

Весьма характерно и отношение «духов» к опасности: они смелые воины, но это смелость особого рода, основанная на исламском фатализме, покорности судьбе, то есть воле Аллаха. Погибнуть в бою, пролив кровь за веру, — значит обеспечить себе пропуск в рай, но при этом они панически боятся бескровной, «неправедной» смерти — быть утопленными, задушенными или повешенными³⁴. Таким образом, отношение к смерти у них специфически религиозное, идущее от исламских догматов. Для советских «безбожников», воспитанных тем не менее в культуре, имевшей христианские корни, это было весьма непривычное и странное мировоззрение, вызывавшее резкое неприятие.

В свою очередь, для душманов «шурави» были не только чужеземцами, вставшими на сторону непопулярной политической группировки, которая, захватив центральную власть, стала нарушать вековые традиции, оскорбляя чувства верующих (закрывались мечети, расстреливались муллы, привлекались к общественной жизни женщины и т.д.)³⁵. Они были «кафирами» (поборниками иной веры), и война с ними считалась священной, получившей благословение Аллаха. Не случайно перерастание борьбы оппозиции Кабульскому режиму в «священную войну» — «джихад» — проявилось практически сразу после ввода в страну «ограниченного контингента» советских войск. Возможно, именно это обстоятельство наряду с общей психологической напряженностью вызывало в советских войсках вспышки религиозности среди атеистов: у людей возникала настоятельная потребность противопоставить уверенному в своей «праведности» неприятелю нечто равноценное в духовном плане. Идеологические клише, звучавшие на политзанятиях, для этого уже не годились: в реальной обстановке Афганской войны они выглядели беспомощными и нелепыми.

Ислам — не только религия. Это образ жизни и мыслей, ядро целой цивилизации — чуждой и до конца непонятной, отторгающей чу

жака-европейца. В Афганистане это было особенно заметно, потому что обычаи, характерные для исламского мира в целом, накладывались на тысячелетние традиции народа, который всегда выходил победителем в борьбе с внешним врагом, и любые попытки вторжения на его территорию заканчивались для завоевателей плачевно. В любом кишлаке, у каждого племени, рода и клана существует свое ополчение, так называемая «лашкара». Численность таких отрядов может составлять от десятка до нескольких тысяч человек (в межплеменных формированиях). А так как место погибшего воина по освященному веками обычаю обязан занять сын, брат, любой другой родственник или соплеменник, то «война с “лашкарой” для любой регулярной армии бесперспективна, если речь не идет о победе любой ценой»³⁶. Даже незначительное кровопролитие вызывает здесь цепную реакцию, и по закону кровной мести за оружие берутся те, кто еще вчера оставался в стороне от борьбы. Соппротивление нарастает со скоростью горной лавины. Этого не учли политики, принимавшие решение о вводе советских войск в Афганистан, — какими бы причинами они ни руководствовались. А вот Амин, глава режима, свергнутого при участии спецподразделения «Альфа», более адекватно оценивал обстановку в стране и в ответ на критику в свой адрес со стороны советских советников по поводу того, как же можно бомбить и уничтожать целые племена, говорил: «Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит. Единственный выход — всех уничтожить от мала до велика! Такие у нас традиции»³⁷.

Кроме того, среди пуштунских племен широко распространено наемничество, которое считается очень почетной и хорошо оплачиваемой профессией. По решению старейшин племени «лашкара» может выступить на стороне любого, кто обратится за помощью или заплатит за военную поддержку. И мотив выгоды имеет не меньшее значение, чем политический или религиозный. Так, голова советского офицера оценивалась в 300 тысяч афгани (точная цена колебалась в зависимости от звания), а урожай со среднего крестьянского надела стоил всего 50 тысяч³⁸. Стоит ли удивляться, что даже «мирные декхане», не состоявшие в отрядах оппозиции, днем обрабатывали свой клочок земли, а ночью выходили на промысел совсем иного рода?

«Был случай, когда мы на оцеплении стояли, — вспоминал С.Н.Токарев. — БРДМ командира роты стоит. И выходит дед с ведром из кишлака, никто его не трогает. Подошел так спокойно, ямку вырыл под колесом, поставил мину и спокойно уходит. Потому что им там стали здорово платить — за подорванную машину столько-то

афгани, за убитого столько-то. Но от такой наглости все опешили, даже никто не успел за автомат схватиться. Казалось бы, мирный кишлак, — и так спокойно вышел, поставил... И детишки... Вот с этим дедом, который закопал мину, — с ним внук был. Ну, и в засаде один раз, когда мы ночью в засаду пошли: “Смотрите, вот там к утру должна пройти наша колонна”. Мы сидим в засаде и смотрим, кто же там обстреливает. А обстреливает, оказывается, дед пришел и тоже с таким же пацаненком. Пацаненок ему заряжает, дед стреляет. В прибор ночного видения было очень хорошо видно...»³⁹

Советские солдаты знали, что «гадость можно ждать от каждого», будь то старик, женщина или ребенок. Как не было в Афганистане линии фронта, так не было и границы между «мирным» и «немирным» населением, то охотно принимающим продовольственную, медицинскую и иную помощь, то ставящим мины на пути везущих ее колонн. Недаром враг назывался «духом»: он действительно был невидим, неслышим, неуловим, появляясь в самых неожиданных местах и так же внезапно исчезая, — то растворяясь среди жителей кишлака, то спускаясь в «подземную страну» — «киризы», то уходя по тайным тропам в горные ущелья⁴⁰. И ощущение себя как инородного тела в этой непонятной, враждебной стране испытывали все советские воины, оказавшиеся «за речкой».

«Мы ехали, полные энтузиазма, действительно с таким чувством, что едем помогать людям совершить революцию, создать новую жизнь, — с горечью рассказывал О.В. Сдвижков. — Но как-то очень быстро мы увидели или нам показалось, что местному населению нет никакого дела ни до какой революции, его совершенно не интересует, что здесь вообще происходит, люди в массе своей абсолютно равнодушны ко всем политическим событиям. И совершенно непонятно, зачем мы сюда приехали, кому мы здесь помогаем? То есть было чувство разочарования»⁴¹.

«Кто здесь суннит? Где здесь шиит?
Что по утрам мулла мычит?
А где здесь “хальк”, а где “парчам”?
Ответь, ободранный бача!
Кто здесь декханин? Кто — душман?
Ты как кроссворд, Афганистан!
Мы в вихре классовой борьбы...
И не сюды, и не туды!»⁴² —

написал офицер-десантник В. Иванов, очень точно отразив самоощущение «ограниченного контингента» среди всех хитроspлете-

ний и противоречий афганского общества. И возникал закономерный вопрос: «Зачем мы здесь?»

Постепенно приходило понимание, что этот мир живет по особым законам и нужно оставить его в покое, дать возможность решить все проблемы самостоятельно, не влезая «в чужой монастырь со своим уставом». «Конечно, прочесывая кишлаки, не чувствуешь себя героем, — вспоминал А. Шатров, — тебя охватывают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У них свои традиции и обычаи, как у нас в старинных селах на Севере. И вот появились мы, как инопланетяне. Что они думают о нас? Что говорят между собой? Нехорошо как-то...»⁴³. Да и афганцы заявляли вполне откровенно: «Уходи, шурави. Мы сами разберемся. Это наши дела».

А дела эти представлялись советским солдатам довольно странными. Например, когда пленные душманы, взятые с оружием в руках и переданные в ХАД (службу госбезопасности Афганистана), очень скоро оказывались бойцами царандоя (народной милиции) или, откупленные родственниками, возвращались обратно в банду⁴⁴. Многие неоднократно «кочевали» с одной стороны на другую, в зависимости от конкретной обстановки, интересов личных или своего клана и даже от времени года: «Вот станет теплее, опять подадимся в горы...»⁴⁵. Или когда правительственные войска («зеленые»), воевавшие, по мнению наших солдат, «никудышно», проявляли чудеса ловкости при «проческе» кишлаков, ухитряясь выносить оттуда все подчистую вместо того, чтобы искать укрывшихся душманов⁴⁶.

По обе стороны находились люди, связанные племенными и родственными узами, продолжавшие поддерживать тесные взаимоотношения, обмениваться «ценной информацией». Так, например, планирование крупномасштабных боевых операций штабом 40-й армии велось во взаимодействии с Генштабом афганской армии через аппарат военных советников, и «нередко секретные сведения о предстоящей операции прямиком из афганских штабов попадали в руки моджахедов»⁴⁷. Естественно, что подобные факты не способствовали росту симпатии у советских военнослужащих к «союзникам». Анкетирование бойцов спецназа выявило интересную особенность в их отношении к афганцам. Так, один из солдат кандагарского батальона признался: «Честно говоря, я “духов” больше уважал, чем местных коммунистов. “Духи” не прятались за чужими спинами, как царандоевцы или “зеленые” за нашими. Они

все-таки защищали свою Родину и свои дома, да и воевали они лучше, чем наши союзники». При оценке боевых и моральных качеств исламских партизан приводились такие характеристики, как «у них высокая боеспособность», «прирожденные воины», «противник вовсе не глуп»⁴⁸. Победрами над таким врагом можно было по праву гордиться, а «союзников», от которых каждую минуту ждали предательства, — только презирать.

Это была очень своеобразная война: ни линии фронта, ни явно выраженного противника, ни мирного населения, ни союзников. Просто чужеродная, довольно агрессивная среда. И быт мало походил на войну. Зимние квартиры, места постоянной дислокации с обычным для любой воинской части распорядком дня, привычный армейский досуг в часы отдыха, песни под гитару в курилках, кинофильмы, часто очень приличные, концерты заезжих артистов... И все же это была война. Для многих непонятная и непопулярная в народе. Сегодня принято считать, что участие СССР в афганских событиях было ошибкой, что советские солдаты оказались в этой стране лишними, сыграв отнюдь не умиротворяющую роль, как это изначально планировалось, а явившись невольным катализатором нарастающей напряженности. Но сами ветераны помнят, какими глазами в феврале 1989 г. смотрели афганцы на уходящие колонны и спрашивали: «На кого вы нас оставляете? Вы знаете, что здесь будет, когда вы уйдете?». Последующие события показали, что советские войска были единственной сдерживающей силой, не дававшей стране скатиться в окончательный хаос.

Солдатские страхи и суеверия

В Афганистане, как и в других войнах, главной стороной военной повседневности была «близость к смерти», нахождение в условиях постоянного повышенного риска для жизни и здоровья военнослужащих.

П.А. Попов утверждал: «Каждая минута и каждый день были тяжелыми, трудными, опасными. Мы не сидели в штабах где-то, но постоянно принимали участие в операциях, причем точки были, где мы проходили службу, такие, что постоянные обстрелы были, мины, эрэсы, снайпера в округе...»⁴⁹ По признанию И.Ф. Ванина, воевавшего в 1984 г., «в Афганистане можно было быть убитым или искалеченным не только в горах, но и во время движения на до-

роге на заседание Военного Совета, на какое-нибудь совещание в вышестоящий штаб, можно было быть убитым и на территории городка — случайным реактивным снарядом, случайно запущенной миной из миномета или просто выстрелом снайпера»⁵⁰.

Тем, кто только что прибыл из СССР — из мирной, спокойной жизни, требовалось приложить определенные усилия, чтобы адаптироваться к экстремальным условиям, полностью «переключить сознание» на военную реальность.

Летчик Ю.Т. Бардинцев вспоминал: «Самым трудным и тяжелым был, наверное, период адаптации к боевой обстановке, когда с прибытием в район боевых действий, в частности, в Афганистан, приходилось перестраивать, “переводить” сознание с мирного на военное положение. Летать-то приходилось и до этого на учениях разного масштаба и работать на территории Союза с различными, в том числе и такими же боеприпасами. Но если сравнить чувства при выполнении боевой задачи и особенности ее выполнения на учениях и в реальном бою, то можно сказать: какими бы сложными ни были учения, какими бы ни были их результаты, у летчика всегда в таких случаях остается сознание, что это бой учебный, и если он будет сбит в этом бою, то условно. В период же выполнения боевых задач в Афганистане в сознании каждого летчика должна была произойти ломка, — что здесь не учения, не какие-то условности, а обстановка реального боя, и в этой реальной обстановке действует реальный противник, и ты реально можешь быть поражен. Вот это чувство и изменение в сознании каждого летчика индивидуально и коллективно, будь то звено, эскадрилья или полк, прослеживались именно на первом этапе пребывания летного состава в Афганистане. У кого-то этот период длился в течение двух-трех недель, у кого-то месяц, а может быть, и больше. По личному опыту могу сказать, что где-то через месяц-полтора и у меня лично, и у тех, с кем мне приходилось летать в боевой обстановке, это чувство перестройки сознания уже проходило, что, конечно, делалось усилием воли каждого или самой обстановкой, которая там была. Ну, и что больше всего в этот период запомнилось, — это первый момент, когда после перелета через границу Советского Союза с Афганистаном и при заходе на посадку на афганском аэродроме, — первая же посадка на афганской земле, — руководитель полета подсказывает: “Далеко не уходи, могут сбить”. Вот это больше всего запоминается, — в том плане, что обстановка реальной военной угрозы, реальных боевых действий — вот она, уже настала, и именно сейчас. Вот это запоминается сразу»⁵¹.

Осознание реальной опасности приходило вместе с боевым опытом. А поначалу многие военнослужащие испытывали чувство любопытства, тот вид бесстрашия, который характерен для необстрелянных, неопытных бойцов, не понимающих специфических условий боя и существующих вокруг угроз. Об этом рассказывают многие участники войны.

«У меня в боевой обстановке отношение вначале такое было: интересно, — вспоминал С.Н. Токарев. — В первый раз стрелять начали, — я на дерево залез посмотреть, откуда стреляют. А когда сучки рядом затрещали, дошло, что нельзя, оказывается, на дерево лазить. Ну, а потом, когда уже мудрым воином вроде бы становишься, на втором году, — то уже совсем другое отношение. Тут уже пытаешься просчитать обстановку: что, как, где, чего... Сначала интересно, какой-то рейнджерский дух, желание себя показать, некоторая бравада; а потом уже, после года [службы], — большой рационализм в поведении, — чтобы лишних движений не делать, лишний раз не подставиться нигде, ну и, как положено, саму задачу выполнить...»⁵² О любопытстве в первом бою упоминает и В.А. Литвиненко: «Любопытство было, особенно поначалу. Помню, первый раз, когда попал под минометный обстрел, одна из мин взорвалась не сразу. И так мне захотелось посмотреть, как она лежит! Я и высунулся. Ну, и получил по шее от ротного. *(Смеётся.)* Кстати, вовремя: ровно через долю секунды она взорвалась. Интересно было: шуршат все, падают, взрываются... Ну, чуть попозже интерес прошел... Помню, как первый раз услышал, как пули над ушами свистят. Я даже не понял, что это пули. Сидим вечером на броне, курим, разговариваем... Это на боевых было, на Пагмане. Первые боевые мои, через два дня... Ну, слышу что-то так посвистывает — соловей не соловей, птица не птица... Техника роты толкаю: “Слушай, — говорю, — что это за птичка такая?” “Где? Где ты тут птичку, — говорит, — нашел?” “Ну, вот, — говорю, — слышишь, что-то свистит...” Тут смотрю, он меняется в лице, стаскивает меня, и мы кубарем скатываемся с БМПэшки. Я говорю: “Ты чего?” Он: “По-моему, мы кому-то сильно мешаем...” Я говорю: “Не понял...” “Да это пули свистят, дубина!” *(Смеётся.)* Но даже после этого страха у меня не появилось: было интересно, откуда же он, зараза, стреляет. И захотелось высунуться посмотреть, но высунуться, естественно, мне не дали. Взвод прилип к земле, как будто его приклеили. Ну, и лежали довольно долго: где-то час, наверное. Потом снайпера нащупали, залезли в башню боевой машины, навели двойку и вlepили туда очередь. Больше никто не стрелял»⁵³.

Бывший командир саперного отделения, сержант запаса В.Е. Тармаров, служивший в Афганистане с августа 1984 по апрель 1986 г., вспоминал: «Меня часто спрашивают о том, было ли мне страшно? Это сложный вопрос. Первые полтора года я об этом не думал. Просто не думал. Было скорее любопытно. Пули взбивают фонтанчики пыли в нескольких сантиметрах от тебя, а ты лежишь, и мысли какие-то дурацкие в голову лезут: “Вот здорово! Надо об этом домой написать. Родителям нельзя, напишу другу”. Но это не от смелости. Нет. Просто мы там, наверное, этим всем жили, а когда живешь рядом со смертью, ты о ней уже не думаешь, ты стараешься с ней пореже встречаться. Помню, когда мы попали в засаду, мне надо было выскочить из-за камня и пробежать под пулями метров тридцать пять. В эти секунды я не думал о смерти. Только очень трудно было оторваться от скалы. Лишь когда до возвращения домой оставалось полгода, я понял, что такое страх. И слышишь, что пуля не твоя, а все равно вжимаешься в землю. И действительно страшно, но не за свою жизнь, а просто страшно умереть, когда до дома-то осталось совсем немного»⁵⁴.

Другой реакцией на опасность в первом бою был страх.

П.А. Попов признавался: «Какие чувства я испытывал в боевой обстановке? На первых порах, — я помню первые свои боевые, на которые пошел, — только страх. Ну, какую-то спецподготовку мы прошли, нам кое-что рассказали, но когда я попал в реальную боевую обстановку, — да, именно страх был, а не что-то иное. Потому что смерти не боятся только дураки. Но там форма страха была специфическая. Есть страх, который парализует волю полностью у человека, а есть страх такого рода, что он в тебе раскрывает такие силы и возможности, о которых ты раньше не предполагал. Это все появилось там, но позднее. А поначалу — страх. Именно страх»⁵⁵.

В.А. Сокирко рассказывал: «Первый раз я испытал страх, когда колонна, выдвигающаяся на боевые действия, попала в засаду, причем, засаду очень мощную, хорошо подготовленную, спланированную. У нас были подожжены в ущелье первые машины, колонна встала, и ее пытались расстрелять. Отбивались мы в общем-то неплохо, но когда я впервые увидел стреляющих в меня, с расстояния в 25—50 метров, а это, видимо, были обкуренные фанатики, потому что шли они без прикрытия в психическую атаку, — вот тогда страх был, и дрожь меня била, постоянно какая-то дрожь неприятная, потому что ее никак нельзя было унять. А успокоило то, что рядом со мной возле машины залегли два солдата-связиста, у них был один автомат на

двоих, и когда я посмотрел, как они по очереди стреляли из этого автомата, причем, когда один стрелял, второй давал ему целеуказания — показывал, откуда выскакивают “духи”, — и вот так они менялись, и такое у них было спокойствие, какой-то детский азарт, как при игре в войну, что меня это успокоило. А потом уже во всяких ситуациях я старался держать себя в руках, и это получалось. Но, естественно, при звуке выстрелов в душе что-то всегда сжимается»⁵⁶.

И.Н. Авдеев вспоминал: «Когда мы здесь, в мирной обстановке, и нас учат практике войны или военной науке, то мы порой с лозунгами, с криками “ура!” прорываем передовую “противника”, бросаемся на амбразуры, зная, что все пули пролетают мимо нас. Но когда попадаешь в боевую обстановку, совсем по-другому приходится действовать, там особо не крикнешь, не побежишь, потому что знаешь: здесь уже не пластмассовые пули, а со стальным сердечником, и каждая пуля может угодить в тебя или в рядом стоящего твоего товарища. <...> Я прилетел в Кабул и сразу, буквально через день попал в боевую обстановку, то есть уже в горах, где подчиненные с моей роты выполняли боевую задачу, и я туда приехал на БТРе. Я никогда до этого в горах не был, для меня это было первое в жизни посещение гор, такое “экзотическое”, может быть. И сразу, особенно в первые часы, в первые сутки, такое ощущение, что за каждым камнем, за каждой скалой в меня целятся, — а под собой я подразумеваю всё подразделение, в нас, можно сказать, — за нами наблюдает и нас ведет на прицеле противник. Это первое впечатление. Но когда проходит время — день, два, три, — это впечатление, чувство страха внутреннего, оно проходит. И когда сталкиваешься с противником, попадаешь под реальный огонь, под обстрел, когда знаешь, что мимо свистят пули, ты на это уже не реагируешь, ты это чувство страха преодолеваешь»⁵⁷.

Каковы же были «солдатские страхи»? Чего именно боялись участники Афганской войны?

Погибнуть, попасть в плен к моджахедам, получить тяжелое ранение и стать инвалидом, заболеть и угодить в инфекционный госпиталь — все эти «страхи» имели множество эмоциональных оттенков, как типичных, так и индивидуально окрашенных.

«Кто-то поднимется, кто-то не встанет,
Сердце разбив о гранитную твердь:
В Афганистане, в Афганистане
Цены иные на жизнь и на смерть»⁵⁸, —

написал в начале 1980-х Игорь Морозов.

На войне частью мировоззрения участников боевых действий становится особое восприятие смерти. При этом отношение к ней бывает достаточно специфичным. С.Н. Токарев рассказывал о страхе не столько перед самим фактом смерти, сколько перед ее безобразным видом: «В первый раз, когда человек видит погибшего человека, где-то даже больше страх перед тем, чтобы самому не оказаться [таким]... Именно не то, что умрешь, а вот будешь ты лежать такой раздувшийся, синий, некрасивый, и где-то, может быть, какая-то брезгливость будет у тех, кто на тебя смотрит. Такие чувства высказывались довольно часто. Чтобы не оказаться на таком месте, — когда труп раздувшийся, мухи...»⁵⁹

Особенности восприятия человеком ужасов войны зависят от устойчивости его психики. Кто-то умеет сдерживать эмоции и сравнительно быстро привыкает к увиденному; у других процесс адаптации к подобным явлениям протекает более болезненно, порой присутствуют неадекватные реакции. «Один солдатик, — рассказывал тот же С.Н. Токарев, — молодой, только что из Союза приехал, позанимались с ним там, курс молодого бойца прошел, — и вот впервые увидел подрыв. Выбросило из БРДМа водителя, он еще жив был, но... [изувечен] безобразно... Большой фугас под левым колесом оказался. Только что ехал — и... Даже вот сейчас с ужасом вспоминаю... А он впервые такое увидел, — ну и неадекватное поведение... В принципе, нормальная реакция психики на ненормальную обстановку. Остальные уже притерлись... Не хочу сказать, что это какой-то эффект привыкания к таким картинам, но тем не менее...»⁶⁰

Постепенно сознание выстраивало защитный барьер, превращаясь в стороннего наблюдателя, потому что, пропуская всё через себя, можно было лишиться разума. «Черный юмор», показной цинизм и бравада — тоже способы психологической защиты, вытесняющие страх на периферию сознания. Способность смеяться и шутить даже в критической ситуации многим спасала жизнь, выводя из ступора или глубокой депрессии. И все же страх перед смертью присутствовал у каждого, как бы глубоко его ни пытались спрятать. Но не менее сильными были другие страхи.

Страх оказаться в плену имел под собой весомые основания: в условиях Афганской войны плен был равносителен смерти, только долгой и крайне мучительной. В.А. Сокирко, на второй день пребывания в Афганистане увидевший, что проделывают моджахеды с захваченными ими советскими солдатами, рассказывал: «Лично я

всегда одну гранату носил с собой. То есть, допустим, если приходилось как-нибудь использовать другие, то эту я всегда оставлял, — так называемую “неразлучницу”, — потому что, ну, не хотелось попасть в руки к душманам живым. Может, это какой-то был картинный героизм, но вот эту гранату я всегда очень берег и лелеял, и в общую кучу ее никогда не бросал, а держал отдельно...»⁶¹

Многим был знаком страх остаться инвалидом. И.Ф. Ванин вспоминал: «Для меня самым страшным была возможность остаться беспомощным калекой, потерять зрение или руки. Другие ранения, в общем-то, не вызывали — лично у меня не вызывали больших опасений. Ну и, наверное, я не ошибусь, если скажу мнение значительной части и солдат, и офицеров, — это боязнь остаться “куклой”. Когда с тобой вынуждены будут возиться, как с куклой»⁶². Молодые ребята боялись лишиться мужского достоинства. А женщины больше всего опасались ранения в лицо. В Афганистане также был достаточно распространен страх перед болезнями, причем заразы иногда боялись больше, чем ранения.

На боевых выходах были свои страхи, у каждого свои. «Самое страшное было — это когда “наливников” сопровождали, — рассказывал П.А. Попов. — Вот я, например, понимаю, что это такое. Там их в Афганистане называли “смертники”. Одна пуля — и все... Там такой факел, там в радиусе 100 метров первые тридцать секунд воздуха нет, все выгорает фактически. И люди задыхаются... А в телевизоре показывают, что если горит бензовоз, подъезжает танк и его спихивает с дороги. Это такая лирика...»⁶³

В.А. Литвиненко рассказал об особых «командирских» страхах: «Страх, конечно, был. Куда ж от него денешься? Все нормальные люди. Когда пули свистят над головой, приятного в этом мало. Но сильнее был страх иного рода. Я приехал в Афганистан и принял взвод отнюдь не новичков. Солдаты были многие увешаны орденами и медалями, как елка игрушками. А тут пришел из Союза этакий весь из себя командир и начинает командовать. Это не так-то просто — командовать такими людьми. В первую очередь, самый большой страх был — как они на тебя посмотрят. Второй, самый сильный страх был — а вдруг я там испугаюсь, и кто-то это увидит?! И вот страх, что мне страшно будет, оказался настолько велик, что как такового страха у меня не было. То есть больше всего я боялся, что все увидят, что мне страшно...»⁶⁴ И еще: «Самое большое чувство, которое я испытал, когда вышли из Афганистана, было чувство облегчения: не будет больше боевых, не будет больше

этого леденящего страха, что кого-то из своих солдат придется везти в цинковом гробу матери. Это было, пожалуй, самое страшное, этого боялись абсолютно все офицеры. Большого страха, наверное, не было, чем потерять солдата. Ну, меня Бог миловал, ни одного солдата я не потерял...»⁶⁵

По свидетельствам практически всех участников боевых действий, страшнее всего было терять друзей. При этом острое чувство вины перед погибшими надолго поселялось в душе у тех, кто остался жив.

«На войне самым, наверное, трудным и тяжелым бывает — это терять товарищей, — утверждал И.Н. Авдеев. — Когда уходишь на задание или на боевую операцию и когда возвращаешься и кого-то не досчитываешься в своих рядах, остается осадок на всю оставшуюся жизнь, что именно ты что-то мог и не сделал, что можно было поступить иначе, но ты этого не сумел. Особенно, как командир... Это вот тяжело. Самое страшное, что запоминается, — это когда теряешь боевых друзей»⁶⁶.

Майор П.А. Попов рассказывал: «Можно привыкнуть к горам, можно привыкнуть таскать на себе рюкзак по 60 килограмм, но к одному было привыкнуть нельзя. Вот я сейчас сижу с ребятами, разговариваю, — я уверен, что я их увижу через пять минут. А там я не был в этом уверен. Я посидел с ребятами, вышел из палатки, — бах! — эрэс упал, — я прихожу — никого нет... Вот это было самое страшное чувство для нас: ты не был уверен в том, что увидишь своих ребят, своих друзей, себя самого — через две, через три минуты, через десять, через пятнадцать секунд. Вот это было самое страшное. К этому привыкнуть невозможно»⁶⁷.

В.Е. Тамаров вспоминал: «Меня часто спрашивают: не привык ли я там к смерти. Нет, не привык. К ней нельзя привыкнуть. В нее трудно поверить, но ее можно почувствовать. Был у меня товарищ из соседней роты. Как-то перед боевым рейдом он попросил меня сфотографировать его, чтобы послать фотографию жене. До рейда оставались всего сутки, но я успел сделать ему эти фотографии. Он при мне вложил их в конверт и заклеил его. Когда мы вернулись, я узнал, что он погиб. Долго не мог поверить, не мог смириться с этим... Все мне казалось, что он просто уехал куда-то, вернулся в Союз. И только когда пришел к нему в роту и увидел его аккуратно застеленную койку, а на подушке — тельняшку и берет, вот только тогда и понял — все, его нет. И острое ощущение смерти человека, который был тебе действительно дорог...»⁶⁸

Экстремальная обстановка войны, становясь повседневной реальностью, выматывала людей настолько, что притуплялось чувство самосохранения. 29 июня 1986 г. командир батальона М.М. Пашкевич записал в своем дневнике: «Основная проблема — потери... Люди гибнут — это не может быть нормой. Люди устают, устают физически и морально. Притупляется чувство опасности, и гибнут. Нужен постоянный психологический допинг. Стиль работы [командира] должен быть таким, чтобы любым способом заставить чувствовать опасность... Самое страшное, что к мысли о возможной смерти как-то привыкаешь. И это расхолаживает»⁶⁹.

Но та же экстремальная обстановка вызывала среди военнослужащих рост религиозности — как попытка найти защиту и покровительство у высших сил. «В окопах атеистов не бывает». Это давнее изречение оказалось истинным и для Афганистана.

В ноябре 1993 г. в интервью с ветеранами задавался вопрос: «Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии?» Вот как ответил на него В.А. Сокирко: «Перед отъездом в Афганистан я поехал на пасеку в деревню, и там одна бабка мне сказала молитву. В общем, она несложная молитва: “Бог-отец впереди, Божья мать посреди, а я позади. Что с Богами, то и со мной”. Это нужно повторить девять раз в начале каждого дня. Тогда я это все не воспринял всерьез, но потом убедился на собственном примере, что в те дни, когда я произносил с утра эту молитву, все обходилось хорошо. А когда, скажем, забывал, — то обязательно случалась какая-то неприятная история — с обстрелом или еще с чем-нибудь. И я даже однажды специально не произнес ее, — и приключилась не совсем приятная история. Это, кстати, довольно серьезно на меня повлияло, вообще на отношение к религии, потому что хоть я и был с рождения крещеным, но в силу тех условий, в которых мы жили, это было не то, чтобы забыто, но как-то неприняемо. А вот после Афганистана, — да, я в церковь периодически хожу, и венчался в церкви. И вообще отношение стало более вдумчивым. Не скажу, что религиозный фанатизм появился, но вера какая-то, даже не конкретно в Бога, а вообще в космический разум, который теперь представлен у нас в церковной организации»⁷⁰.

По признанию другого офицера-«афганца» И.Ф. Ванина, «в ходе боевых действий приходилось видеть в довольно-таки сложной ситуации людей, которые молились, взывали к Богу. Мое отношение к религии не изменилось, хотя элемент активизации религиозности у солдат был довольно заметным. Я не могу этого

сказать об офицерах просто потому, что этим не занимался. Но у значительной части солдат были какие-то религиозные амулеты, и солдаты несколько иронично говорили об этом, — говорили, что это память о доме, что это дали родители или кто-то из членов семьи. И еще, — не знаю, назвать это элементом религиозности или просто народным обычаем, укоренившимся среди славян, — это сохранение заправленной постели и каких-то вещей с фотографией погибшего человека до 40 дней»⁷¹.

Часто толчком к возникновению или усилению религиозных чувств в боевой обстановке служил острый психологический стресс, например, «чудесное» спасение в, казалось бы, безвыходной ситуации. Иногда отношение к религии может измениться под воздействием отчаяния, вызванного гибелью товарищей или кого-то из близких. Младший сержант, десантник Е.В. Горбунов, служивший в 1984—1986 гг. в Гардезе, рассказывал, что именно в Афганистане начал верить в Бога. Это случилось, когда он выносил из боя раненого товарища, а тот умер у него на спине и сразу «стал тяжелее». Так человек, ранее считавший себя атеистом, убедился в существовании души⁷².

Безусловно, сама специфика войны с глубоко верующим противником способствовала обращению многих недавних атеистов к вере в Бога — в силу необходимости противостоять фанатично религиозному врагу не только на поле боя, но и в духовной сфере. Впрочем, у некоторых воинов-«афганцев» наблюдался скорее «прагматический» подход к религии. Так, сержант-десантник Юрий Е. в 1983 г. писал матери из Афганистана: «Получил я твои письма и молитву, но, мам, ты не обижайся, но я ее выучить не могу, у меня уже есть одна молитва, правда, не из Библии или Евангелия, а из Корана. Кстати, Коран здесь может больше помочь, были такие случаи, когда душманы отпускали наших солдат, когда те им читали молитвы из Корана, они здесь все верующие»⁷³. Известно, что многим из попавших в душманский плен советским солдатам для того, чтобы выжить, приходилось принимать ислам. Один из источников приводит распространенную формулу моджахедов, когда они предлагали сдаться окруженным советским солдатам: «Мусульман, выходи, живой будешь. Шурави, сдавайся, не больно резать будем!»⁷⁴

Любая война приводит к активизации религиозных чувств и настроений, усилению роли традиционных религий. Однако в атеистическом обществе религиозность гораздо чаще проявляется уже

в «языческих» формах: разрыв с конфессиональными традициями, утрата элементарного знания обычаев, молитв и обрядов приводит к распространению искаженных и самодеятельных мистических форм. При этом преобладающей формой бытового религиозного сознания становятся именно бытовые суеверия, играющие значительно большую роль в жизни военнослужащих по сравнению с гражданским населением.

«Если нет стандартной духовно-религиозной подпитки, ее нужно чем-то заменять, — размышлял В.А. Литвиненко. — Официальная идеология с этим абсолютно не справлялась, никаким образом. Ну, естественно, [пустота] заполняется какими-то мистическими представлениями. Каждый придумывал свои, в силу фантазии, образования и так далее»⁷⁵.

Что же это были за мистические представления и как они проявлялись? Можно ли говорить о солдатских суевериях как об особой форме бытовой религиозности?

«Я лучше про суеверия скажу, — а отношение к религии у меня не поменялось, — вспоминал С.Н. Токарев. — Ну, какие приметы у нас были: еще те, которые от Отечественной войны остались. Нельзя бриться ни в коем случае на операции. Ни в коем случае чистое белье не одевать. Ничего не дарить никому перед операцией. Ну, и еще ряд примет, если откровенно говорить... Если раненый в полубморочном состоянии, когда сознание еще нечеткое, рукой гениталии потрогал, значит, точно умрет. Ни в коем случае нельзя... Главное, руки ему держать, чтобы не трогал. Примета такая. Что еще?.. С левой ноги не вставать, не ходить туда-то, не разговаривать перед операцией на такие-то темы... Много их, примет. Ни в коем случае нельзя носить вещи погибшего, место его занимать, на себе показывать, куда ранили другого. Такие вот приметы, связанные с сохранением жизни и устранением возможности погибнуть. Еще то, что касается местности, или удачный-неудачный день... Может быть, это и суеверия, но у нас довольно свято относились к ним. Ну, и мы [офицеры] сильно не ругали [солдат] за то, что придерживались этих суеверий»⁷⁶.

Тонкая грань лежит между суевериями и предчувствиями, которые можно отнести к области интуиции. Механик-водитель БМД Николай Дука, служивший в Афганистане с первого дня ввода войск по 1980 г. вспоминал: «Раньше как-то не верил в приметы, предчувствия. Считал выдумками. Но вот такой случай. Был у меня друг Николай Омельченко из Новосибирска. На гитаре здо-

рово играл и вообще веселым парнем слыл. Только однажды гитару в сторону отложил и говорит: «Что-то, ребята, сердце заболело. Мать, сестру вдруг увидел...» А утром на mine подорвался»⁷⁷. Известны такого рода предчувствия и в отношении других людей. Так, многие участники Афганской войны рассказывали о своей способности довольно точно предвидеть печальную судьбу товарищей. «Не знаю, как объяснить этот феномен, — вспоминал майор С.Н. Токарев, — но здорово оно чувствуется перед операцией: вот тот человек, который погибнет. Как замполит батальона у нас... Не должен он был ехать на эту операцию. Он пошел к командиру взвода, подарил лампу свою, еще что-то, всю ночь не спал, все ходил, — то с одним поговорит, то с другим... В ночь вышли, а утром он погиб. Есть какая-то печать смерти, висит она над человеком... И с ранеными то же самое: как-то сразу понимаешь, выживет парень или нет»⁷⁸.

На войне дурные предчувствия, как правило, сбываются. Поэтому большинство солдатских примет связаны с ожиданием несчастий — ранения или гибели, и попытками через мистические ритуальные действия их предотвратить. Так, поведение человека перед боем ограничено системой традиционных запретов. Существуют устоявшиеся табу в отношении вещей погибших. Почти у каждого солдата есть свой талисман, который нужно хранить в тайне, и своя (часто самодельная) молитва, и т.д. При этом вера в Судьбу присутствует, даже если человек утверждает, что никогда не верил в Бога.

«Мы все-таки были чуточку суеверны. Каждый по-своему. Одни больше, другие меньше, — вспоминал майор И.Ю. Блиджан. — Так, наверное, бывает всегда, когда человек находится рядом с опасностью. Человек должен во что-то верить. Одни верят в то, что их спасет фотография жены и детей, другие постоянно носят в кармане ключи от квартиры, третьи — какую-то безделушку. Я всегда носил с собой трассирующую пулю, которая однажды воткнулась в дувал в трех сантиметрах от моей головы... Это было в один из моих первых боев. Подвела меня таки пуля. Не спасла [от тяжелого ранения — Е.С.]. Одно слово — душманская»⁷⁹.

Часто на роль оберега «назначался» любой случайный предмет, вызвавший в сознании целую систему сложных символических ассоциаций. «У меня тоже был свой талисманчик, с которым я вообще не расставался, — вспоминал В.А. Литвиненко. — Причем носил я его не на цепочке. Цепочки там носить вообще считалось моветон: добровольно надеть на шею цепь, символизирующую какое-то рабство, значи-

ло в нашем представлении что-то связанное с пленом. Обыкновенная холщовая веревочка, как для крестика, и на ней была деревянная мордочка с кинжалом в зубах. Когда я его покупал в Союзе, он назывался пиратом, а я его называл духовской мордой. Вот эту духовскую морду я и носил с собой, не снимая. Помогла... Не зацепило ни разу...»⁸⁰

Некоторые приметы передаются из поколения в поколение, равно как и принципы поведения, обеспечивающие наибольшую сохранность индивида в неблагоприятных условиях. «Если кто-то скажет, что он не был суеверен, не верьте: там [в Афганистане. — Е.С.] все были суеверны, абсолютно и без исключений, каждый по-своему, — утверждал В.А. Литвиненко. — Во что верили? Да во всё подряд. В талисманы верили, в обереги верили, в иконки верили, в молитвы верили, в приметы верили. В том числе и в солдатские, не имеющие ни малейшего отношения к суевериям. Например, третьему принципиально прикуривать не давали. Я никак не мог понять, почему, а потом выяснил: оказывается, снайперу для того, чтобы прицелиться, нужно времени как раз столько, чтобы третий склонился над зажженной спичкой и получил пулю в висок. Поэтому прикуривали двое, а третий уже потом, в другом месте. Это еще с Великой Отечественной войны пошло. Естественно, в полку никаких снайперов нет, особенно днем. Но, тем не менее, третьему прикуривать от спички не давали, причем даже в Союзе»⁸¹.

Однако на каждой войне добавляются и свои специфические «новшества». По воспоминаниям полковника И.Ф. Ванина, в Афганистане «бытовала целая система суеверных признаков. Ну, например: “Пуля заменщика ищет”. То есть за два месяца до замены человек старался не принимать активных участия в боевых действиях... Появилось такое выражение: “Лечь на сохранение”»⁸².

Другие приметы, заимствованные из прошлого, применялись «с точностью до наоборот». Так, обычай надевать перед боем чистое белье в старой русской армии, сохранившийся у пожилых солдат в годы Великой Отечественной и символизирующий готовность человека предстать перед Богом, у воинов-«афганцев» переродился в категорический запрет: «Перед боевыми не мыться, не бриться, белье не менять, — иначе убьют!» «То, что перед боевыми никто не брился, — это железно, — вспоминал В.А. Литвиненко. — Когда начинали ходить по полку слухи, что вот, вроде бы через пару дней куда-то там собираемся, а приказа еще нет, — полк просто переставал бриться. Никто не знал, кто пойдет, куда пойдет, когда пойдет, кто останется, но переставали бриться все... Несмотря на то, что

командир пытался всех привести в нормальный вид, это абсолютно никого не интересовало: не брились категорически. Кстати, в ВДВ существует такая же традиция: перед прыжками никто не бреется, в том числе и молодые солдаты...»⁸³ По его же словам, «то, что перед боевыми все прощались друг с другом, — ерунда. Никто ни с кем не прощался. Мы вообще как-то спокойно к этому относились...»⁸⁴

Еще одну группу примет можно отнести к коллективным привычкам, часто связанным с определенной военной специальностью. В этом случае дополнительное мистическое обоснование придается вполне рациональным действиям, подсказанным солдатским опытом, но, как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций: например, обычай роты горных стрелков носить индивидуальный пакет в металлическом прикладе автомата. При этом граница между «рациональными» воинскими обычаями и традициями, с одной стороны, и мистическими обычаями-суевериями, — с другой, как правило, довольно размыта.

«По поводу религии сразу скажу — я атеист. Не верю ни в Бога, ни в Аллаха... — вспоминал П.А. Попов. — Суеверными — нет, не были. Но были определенные, чисто афганские традиции, которые, ну, скажем так, — строго, неукоснительно соблюдались. Перед боевыми никто никогда не брился и не мылся, это было железно. Все носили тельники, это уже святое. Еще одна привычка: автоматы у нас были с металлическим прикладом, и индивидуальный пакет, который нам давали, мы всегда закладывали туда. Было такое поверье, что если ты его туда положишь, то избежишь каким-то образом пули или еще чего-то. Такие специфические были у нас там привычки... И еще был у нас девиз: “Кому суждено быть повешенным, тот не утонет”. И клич был: “С нами Аллах и два пулемета”»⁸⁵.

С.Н. Токарев рассказал об особых «корпоративных» обычаях разведчиков своей воинской части: «У нас традиция какая была: после первой операции вручали эмблему, после второй операции доверяли тельняшку; если что, где-то струсил, не то сделал, — тельняшку снимали: недостойн, по кодексу чести десантников»⁸⁶.

В целом, среди суеверий и примет, бытовавших во время войны в Афганистане, можно выделить следующие, заимствованные из опыта прошлых войн, частично видоизмененные и дополненные «исконно афганскими»:

а) система табу (запретов) на определенные действия накануне боевых операций (не бриться, не надевать чистое белье, не дарить никому своих вещей, не разговаривать на определенные темы);

б) выполнение определенных ритуалов после возвращения с боевых операций («вернулся в часть — посмотрись в зеркало»);

в) традиции и обычаи в отношении памяти погибших (не занимать койку, не убирать вещи и фотографию в течение 40 дней, традиционный третий тост; не носить вещи погибшего, ничего не брать с мертвых, не показывать на себе место, куда ранили другого, и т.п.);

г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики);

д) молитвы (не обязательно традиционные, часто — у каждого свои, самодеятельные);

е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и в дальнейшем закрепленные традициями боевого подразделения;

ж) придание каким-либо (как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций) рациональным действиям дополнительной мистической нагрузки-обоснования;

з) традиции, присущие определенному воинскому коллективу, часто связанные с военной специальностью.

Афганская война велась в то время, когда в стране выросло уже третье поколение, воспитанное в условиях государственного атеизма. И здесь бытовая религиозность военнослужащих проявлялась вопреки внешнему давлению общества, которое существовало как в форме официального неодобрения, так и «общественного» осуждения разного рода предрассудков. Но то, что находилось под гласным или негласным запретом в мирной обстановке, в боевых условиях оценивалось более снисходительно. Многие офицеры и политработники признавались, что «с солдат за это дело строго не спрашивали, относились с пониманием», даже если сами ни в какие приметы не верили⁸⁷.

Быт ограниченного контингента

Каждый, кто вспоминает о своем пребывании «за речкой», неизбежно затрагивает вопросы, связанные с повседневной жизнью, с солдатским или офицерским бытом. Их рассказы похожи и не похожи, в чем-то совпадают, а в чем-то противоречат друг другу. И это закономерно: у каждого была *своя война*. У тех, кто начинал в 1979 г., и у тех, кто заканчивал в 1989 г. У тех, кто стоял в Кабуле, Пули-Хумри,

Герате, Желалабаде и др. Как правило, каждый считал, что именно там, где был он, воевали по-настоящему, а другие чуть ли не отдыхали на курорте, но иллюзии развеивались сразу по прибытии в чужое «райское местечко», потому что на самом деле доставалось всем. Вот и солдатский фольклор свидетельствует об этом:

«Если хочешь жить в пыли,
То служи в Поли-Хумри.
Если хочешь жить как туз,
Приезжай служить в Кундуз.
Если хочешь пулю в зад,
Поезжай в Желалабад.
Нужен орден позарез —
Ну, тогда вали в Гардез...»

Этот шуточный перечень можно продолжить, потому что подобные двустушия были сложены о каждом из мест дислокации наших войск. Впрочем, пыли хватало и в Гардесе, и в Кабуле, и в любом другом месте Афганистана, а орден, в том числе и посмертно, вполне можно было заработать и в «спокойном» Поли-Хумри, и в Кундузе.

Что касается собственно бытовых условий, то они различались в пунктах постоянной дислокации (ППД), на заставах и блокпостах («блоках», как их называли между собой). Жизнь в ППД напоминала обычную службу в гарнизоне — строгий распорядок дня, физзарядка, строевая подготовка, обслуживание техники, политзанятия, прием пищи в столовой, библиотека, вечерний досуг с ежедневным просмотром кинофильмов в полковом клубе и т.д. Только содержание боевой подготовки и частые обстрелы территории части, хотя и были привычным делом, никак не походило на элементы мирного, пусть и армейского быта. В.А. Сокирко вспоминал: «Лагерная жизнь, она была спокойная и размеренная, почти как в Союзе. Собственно какая-то работа, в обед мы играли в волейбол. А на боевых, естественно, ритм жизни менялся — было и страшно, было и опасно, были и какие-то веселости, — находились даже в тех условиях. В общем, нормально, — как на войне»⁸⁸.

Вот достаточно типичная зарисовка базы, которую приводит в своих воспоминаниях Алексей Чикишев, проходивший службу в Афганистане в частях спецназа: «Десяток модулей, деревянные будки туалетов и ракушек, несколько сборных железных конструкций под складские нужды, автопарк и вертолетная площадка — все за двойным рядом колючей проволоки. Картину за-

вершали минные поля, со всех сторон окружавшие базу, и невысокий земляной ров с позициями для стрелков по всему периметру ее территории»⁸⁹. Линейные части (мотострелки, ВДВ, танкисты) обустроивались более основательно: плац, автопарк, ремонтные мастерские и т.д., то есть нормальное расположение полка или дивизии со всеми положенными атрибутами.

Впрочем, многое зависело от того, в какой именно период довелось служить в Афганистане: качество быта в начале войны и накануне вывода войск было, безусловно, несопоставимо.

С.М. Букварев служил в Афганистане с декабря 1981 г. по май 1983 г. Он вспоминал: «Я застал еще тех офицеров, которые входили туда. Вот они рассказывали о тех трудностях, когда приехали туда, а там и простыней не было. В мое время трудности были меньше. Но и я солдатский быт застал еще, когда он был очень неустроен. Люди жили практически в землянках, в палатках. И внутренности [жилищ] были не оборудованы. Потом, где-то с 82-го года, с заменой командующего армией, когда пришел генерал-лейтенант Ермаков и порядок начали наводить в 40-й армии, вот тогда больше внимания и на тыл стали обращать, и на соцбытусловия. Даже палатки такие большие, в которых жили мои бойцы, считались одними из лучших почему-то, все комиссии ездили смотреть эти палатки и ленкомнаты, — в общем, для тех условий потом быт наладился. В некоторых частях вообще солдаты в модулях жили, ну и потом, я знаю, там еще больше это развилось, и всё в конце концов оставили там»⁹⁰. Он же рассказал о том, как в спартанских условиях бойцы старались создать хоть какой-то уют: «У меня был дзот в районе дивизиона и там у меня был сержантик один, Златоустов, — вот они быткомнату свою, каптерку взвода управления, разделали так, ну, не под орех, но там какие-то фонари резные из жести нарезали, резьба на дверцах... Чувствовалось, что это люди для себя пытались украсить»⁹¹.

С.В. Фигуркин вспоминал срочную службу в 1981—1982 гг. в ВДВ, в зенитном дивизионе: «У тех, кто после нас был, у них хоть модули уже появились. Мы жили в палатках. Летом жарко, зимой холодно. Но потом, уже где-то к окончанию службы мы решили перенять опыт афганцев и у себя на горе построили глиняный асаваны, дом... Там жили... Вечер, керосиновая лампа, сидим. И вдруг под моей кроватью поднимается голова кобры... Пришлось эту кобру убить моим дембельским сапогом...» (Смеется.)⁹²

Другой солдат, О.В. Сдвижков рассказывал: «Когда мы прибыли в Кабул [в апреле 1983 г.], там уже стояли палатки, до нас нахо-

дился батальон такого же типа. Мы заняли его расположение. Со временем мы немножко эти условия улучшили, поставили новые палатки, которые привезли с собой, настелили полы в этих палатках. Сделали даже из дерева каркасы, чтобы получилось почти как домик. Были нормальные кровати, нормальное постельное белье. Приходилось самостоятельно стирать. Поначалу не было горячей воды — немножко неудобно, но в такую жаркую погоду это как-то не очень страшно. Постепенно в течение лета мы построили баню. Сделали сначала просто душевую, холодную душевую, но потом сделали баню, и осенью, когда похолодало, эту проблему решили... Модули уже в то время стали строить. Недалеко от нас находился стрелковый полк — там уже были построены модули... Для работников Военторга строились модули. Очень много строилось. Уже при нас построили новую пекарню... Строительство шло очень большое вокруг штаба армии»⁹³.

С.Н. Токарев тоже вспоминает «палаточную» и «колесную жизнь»: «Ну, быт, конечно, был такой: в палатке. Начинали в то время строить модули уже и для общежития: “О-56”, на 56 человек. Столовая была более-менее. Бани не было в батальоне, туда руки не доходили, хотя там делом чести каждого командира была нормальная баня. Ну, быт, насколько он мог быть в палатке... Деревянные полы из щитов на песке лежат, потом палатка и кровать. Зимой — печка, летом — жарко, проветривается, ну, а так — кровати, как в обыкновенной казарме. Движок был свой в батальоне, лампочки горели. Пыль, ветер-“Афганец”, который дует, вода не особо хорошая, хлорированная сильно... А так умельцев много было, так что сильно не дуло, не задувало ниоткуда. Как временное пристанище больше оборудовали свои машины, — чтобы где-то в загашнике и картошка лежала, и матрас лежал, чтоб никто не видел, — жили-то больше в машинах, когда двигались, и чтобы под кроватью — вот моя сбруя, мое снаряжение...»⁹⁴.

В.А. Литвиненко рассказывал о «жилищных условиях» десантников перед самым выводом войск из Афганистана в 1988—1989 гг.: «В стационаре, в так называемых “зимних квартирах”, жилье было вполне приличное — казармы, библиотека, столовая нормальная. А в горах, в полевых условиях — ну какой там быт? Спальник на снегу расстелил — да и все. Костры ночью мы там не разводили. Грелись только у двигателей. Развести в горах костер мог только самоубийца. Но в общем-то трофейные спальники довольно прилично спасали от холода. Нашими лучше было не пользоваться, разве

что в качестве матрасов. Трофейные спальники были практически у всех... Жильё [устраивали] по способности — палаточку, землянку, в разбитом кишлаке отреставрировать пару домов... А разбитых кишлаков там хватало вдоль дороги...»⁹⁵ Он же вспоминал, как солдаты заботились о своем внешнем виде: «Хэбэ нам стирали, банно-прачечный комбинат работал. Хотя бойцы предпочитали обслуживать себя сами, по старинке. Умывальник, сапожная щеточка — и через пять минут хэбе блестит. Тем более, что на жаре в 70 градусов сохло оно мгновенно. Поэтому ходили в общем-то чистенькие. Даже на блоках мы умудрялись и мыться, и стираться, и бани сами себе устраивать импровизированные, в горах»⁹⁶.

На заставах удаленность от главных сил и постоянная готовность немедленно вступить в бой накладывали отпечаток на все стороны жизни стоявшего там взвода или роты. Во всяком случае, строевой подготовкой там не занимались. На «блоках» было еще проще — там шла война, но совсем не такая, как показывают в кино. Серьезные столкновения происходили не так уж часто. Несмотря на немногочисленность «блока» (как правило, 10—15 человек и несколько единиц бронетехники), противник хорошо знал, что они прикрыты авиацией и артиллерией. Местные полевые командиры предпочитали демонстративно не замечать «шурави» (по крайней мере, так было незадолго до вывода наших войск; несколькими годами ранее в тех же местах было довольно «жарко»).

Что касается быта, то на «блоках» командиру не приходилось ломать голову, чем заполнить досуг солдат в перерывах между несением службы: в периоды затишья все, кто не был задействован на боевом дежурстве, просто спали. Разумеется, нужно было еще оборудовать основные и запасные позиции (иногда в гранитном монолите), место для отдыха, самим готовить пищу. Но все это происходило в рабочем порядке. Выход на боевые тем и отличается от обычной полковой жизни, что главным является выполнение поставленной задачи, а остальное прилагается по умолчанию. У каждого были свои обязанности, и каждый их выполнял, независимо от срока службы.

Если блокирование участка дороги или местности было достаточно спокойным и длилось больше недели, то начинало появляться то, что принято называть бытом, и, как правило, вполне устроенным. Обживали какой-нибудь из разрушенных домиков, которых в округе было достаточно, или оборудовали вполне приличные землянки; из опустевших ящиков из-под боеприпасов де-

лали какое-то подобие мебели. Даже «боевые листки» выпускали. Если поблизости протекал арык, то через некоторое время это преимущество использовали на все 100%, устраивая даже импровизированные бани.

Но все же главным атрибутом «устроенного быта» считались хорошие сектора обстрела по всем направлениям. Стрелковые ячейки, пулеметные гнезда и т.д. оборудовались с удобствами ничуть не меньшими, чем места отдыха.

Впрочем, в полевых условиях обустроивались по-разному. «У меня все еще окопная жизнь, — писал невесте 18 ноября 1985 г. пограничник Павел Буравцев. — Мы все еще находимся в окопах. Вот чуть-чуть стало холодать, и поэтому пришлось делать блиндажи из камней, как в Кавказских горах в 1942 году. Складываем их из камней, а сверху настилаем ветки и сучья и накрываем сверху “пододеяльниками”, или, как их еще называют, вкладышами из спальных мешков. Получается небольшой домик, вот в таких домиках мы и живем...»⁹⁷ Не упомянул автор спальный мешок, — и чем не картинка с фронта Великой Отечественной, а то и Первой мировой?! Да и сам он проводит параллель с 1942 годом, подтверждая тот факт, что солдатский быт в сходных условиях меняется мало.

Значительный отпечаток на условия жизни военнослужащих накладывала специфика родов войск. Например, быт летчиков или связистов по степени комфортности и доступа к благам цивилизации был несопоставим с бытом танкистов, десантников или пехотинцев. Но они друг другу не завидовали: как говорится, «кто на что учился»... По свидетельству одного летчика, после пятого вылета единственное благо цивилизации, которое хочется вкусить, — это подушка. Некоторых буквально вынимали из кабин штурмовиков.

В каждом подразделении были свои традиции. Отмечали праздники, дни рождения. Пекли солдатские торты, которые готовились из сухих пайков, благо сгущенка и шоколад там имелись, а муку, если ее не было, вполне могли заменить галетами. Вместо противня была каска, а в качестве именинных свечей использовали гильзы: вставляли в них фитиль, пропитанный соляркой. Но это на боевых, если была возможность.

Были и общеполковые традиции, которые соблюдались свято и неукоснительно. Вернувшихся с серьезных боевых (это когда стреляли, но обходилось без потерь) встречали с полковым знаменем, натопленной баней и накрытыми в каждом подразделении столами. По крайней мере, так было в ВДВ.

На войне особое значение имело снабжение оружием, боеприпасами, разными видами *вещевого довольствия*. С.Н. Токарев вспоминал: «Оружие — бесперебойно практически. Ну, и обмундирование. Были вещи, которые по два, по три комплекта. Тем более, из-за того, что в горы [ходили], — все-таки нормы нормальные были, потому что ни один комплект одежды не выдерживает два-три восхождения, — одно восхождение максимум. Восхождение, спуск, — и ничего не остается, болтается все, как юбка. От штанов ничего не остается, на локтях тоже ничего не остается, — поэтому именно для тех, кто в горы ходил, там списывали почаще, через два месяца даже иногда выдавали обмундирование. Так что грех жаловаться... Трудности вот с этим были — с альпенштоками, с веревками, да со всем [горным снаряжением] были трудности, но чтобы уж совсем мы были необеспечены, — тут тоже не скажешь»⁹⁸.

В.А. Литвиненко достаточно критично оценивал советское снаряжение: «Конечно, снаряжение наше было никудышным. Как правило, пользовались трофейным. Все эти “лифчики” так называемые, для магазинов и гранат, и прочие премудрости либо были самодельными, либо трофейными. У нас тогда ничего подобного не было. Сейчас, слава Богу, появилось. Хорошо, хоть в чем-то опыт Афганской войны учли... Форма одежды была достаточно удобная, хотя ботинки были паршивыми. Пользовались либо чехословацкими, либо пакистанскими. Или вообще ходили в кроссовках... У нас было два вида бронежилетов. Так называемый тяжелый броник, килограмм 16 весил, и лёгкий. Лёгкий вполне мог защитить от пуль и осколков, но в принципе “калашников” прошивал его насквозь вместе с владельцем... Я за всю свою службу бронежилет одевал всего два раза. Первый раз это было во время учебных стрельб, когда мы во время 12-дневной подготовки (была такая система — между боевыми 12-дневная подготовка по специальной программе). Вышли на Паймунар, там было наше стрельбище, — и вдруг пошел град с голубиное яйцо. Я такого в жизни не видел! Вот тогда мы влезли в каски и бронежилеты в рекордно короткие сроки. Второй раз я одел бронежилет на выводе, когда шли через Саланг, потому что была собачья холодина, а он довольно прилично грел под бушлатом. Он был ужасно неудобным. Дело в том, что пулю можно было получить именно благодаря бронежилету. Не успеть увернуться или еще что-нибудь в этом роде. Даже каски одевали от случая к случаю... Хотя, конечно, на посту, если на открытой местности, то и я, и другие офицеры заставляли сво-

их солдат одевать и бронежилеты, и каски. Ну, мало ли... Всё-таки на груди тройная пластина...»⁹⁹ Он же рассказывал об особом, едва ли не трепетном отношении солдат к оружию и боевой технике: «Техника там была всем. Если в Союзе на учениях заставить солдат быстро и в норматив выкопать окоп для боевой машины стоило, скажем так, больших трудов, ... то в Афганистане окоп в полный профиль для боевой машины выкапывался строго по нормативам, причем, независимо от грунта. Если надо, взрывали скальный монолит, долбили кирками, но через 40—50 минут машина была закопана по башню. Все прекрасно понимали: если машина выйдет из строя, отделению конец. Особенно, если оно действует самостоятельно. Второе отделение, которое находится, пусть и в пределах видимости, но достаточно далеко, может и не успеть... Чем было личное оружие? Продолжением руки. И это не преувеличение. Уже примерно полгода после вывода я ночью просыпался в холодном поту только потому, что под левой рукой не мог автомат нащупать. Потом, конечно, это прошло, но поначалу было... Технику берегли. Пожалуй, Афганистан — единственное место, где я видел, чтобы солдаты так бережно чистили свои автоматы. В Союзе это делали только потому, что так положено, — старшина заставит, можно наряд вне очереди получить. А там оружие в полном смысле слова блестело»¹⁰⁰.

Важнейшая проблема быта — *питание личного состава*. «Макаронны, каша, жиры, которые во время жары просто не лезли в глотку»¹⁰¹, были неизменными его компонентами, а качество и разнообразие продовольствия во многом зависело от расторопности тыловых служб. Армейский рацион вообще не богат разносолами. Но то, что солдату и офицеру полагалось по норме, выдавалось в Афганистане сполна, и в целом кормили вполне прилично. Другое дело, что от возможности полакомиться свежим мясом или рыбкой, если поблизости был приличный водоем, никто, как правило, не отказывался, и нередко попадавшие в руки наших солдат «праздношатающиеся», а то и выменянные у местных жителей на солярку бараны вносили разнообразие в скромное солдатское меню. Что касается законности подобного разнообразия — «на войне как на войне»...

О.В. Сдвижков вспоминал о «продуктовой корзине» советских бойцов в Кабуле в 1983 г.: «Для таких мест есть паек, он называется “нормы снабжения для районов отдалённых местностей СССР”. Там должны были давать галеты, сыр, шоколад, кофе (ну, вероят-

но, кофейный напиток — не настоящий кофе, но тем не менее). Но когда мы приехали, как-то сразу мы этой специфики в питании не заметили. Почему-то наши галеты, сыр и всякие сладости поначалу до нас не доходили. И я помню, замполит вызвал меня и приказал на двух ватманских листах написать подробно список того, что нам положено. У нас было две палатки в качестве столовой, и в каждой палатке мы повесили по большому списку. И каждый из военнослужащих мог потребовать непосредственно у начальника кухни, кто там отвечал за наше питание, спросить: “А где наш сыр? Где наши галеты?” И как-то постепенно все это стало налаживаться. Действительно, стали все эти продукты появляться. Но постепенно, по мере того, как мы обжились и стали находить свои способы снабжения, где-то достать тушёнку, какие-то консервы, еще что-то, то многие стали переходить уже на питание подножное, потому что хотелось чего-то особенного... Что интересно, очень часто давали гречку. В Союзе гречка тогда была дефицитом. Но нас гречкой кормили чуть не каждый день. В итоге наступил какой-то момент, когда гречку уже никто не мог есть, и у нас образовалась в одном месте, куда выбрасывали мусор, такая большая гора гречки, которая лежала и издавала запах спирта. И все ходили и думали, как бы это дело переработать. Но так никто на моей памяти эту инженерную задачу решить не смог.. В принципе, если брать питание с точки зрения питательности, оно было совершенно адекватным. Другое дело, конечно, когда гречка почти каждый день — это тяжело. Постепенно стали переходить на свои собственные способы питания. Особенно когда колонны уходили в рейс, там это было достаточно свободно. Ну, а те, кто сидел в батальоне, тоже изобретали что-нибудь интересное... Мы построили себе в палатке, например, серьезную печку. Время от времени что-то сами готовили... Пекли какие-то — это были не пончики, это у нас называлось пырщики. Хотя я не помню, кто этот термин ввел. Это что-то похожее на пончики, но только совершенно бесформенное... Достали где-то муку, всё это сделали. На своей печке всё это готовилось. Нам очень нравилось»¹⁰².

А вот как описывал жизнь своего подразделения в походных условиях 19 октября 1985 г. пограничник П.А. Буравцев: «Питаемся мы сухим пайком. Но мы стали потихонечку собирать дрова и на скудном огоньке делаем себе чай в “цинке” (это вроде большой консервной банки, в которой раньше хранились патроны). Ну вот, делаем чай и греем консервированную кашу. Спим прямо в окопе

или рядом с ним»¹⁰³. В другом письме, от 18 ноября 1985 г., он сообщает: «Ноябрь месяц, но здесь довольно-таки тепло, несмотря на дожди и снег. Правда, с куревом совсем туго, вообще нет, и вертолет не летит, но еды хватает, нормально... Мы тут заросли, как партизаны, у меня опять борода. Вот никогда не думал, что в армии отращу себе бороду»¹⁰⁴.

Артиллерист С.М. Букварев, служивший в Афганистане с декабря 1981 г. по май 1983 г., рассказывал: «Единственное, что я могу вспомнить у нас, — картошка сушеная, она замучила. Потому что все время эта картошка. Ну, я не говорю там, мучные, макаронные изделия. Тушенка, естественно, тоже замучила. Я, когда приехал оттуда, года два с половиной не мог есть ни тушенку, ни сушеную картошку, естественно, не мог, ни сгущенку некоторое время не мог есть. Трудности с хлебом были, но возникали в основном из-за того, что на полевых складах дрожжи воровали, чтобы брагу делать, и поэтому хлеб получался такой — типа пластилина. Это вызывало, естественно, возмущение по отношению к тем “штабным” или “тыловым крысам”, которые пользуются этим делом. Они и сахар, естественно, таскали в это дело... Бывало так, что на выезде уехали куда-то далеко, и, например, хлеба нет: вертолеты не летают, хлеба не привозят. Обходились, лепешки пекли. Так что, честно говорю, — чтобы голодать — такого не было»¹⁰⁵.

С.Н. Токарев вспоминал: «Снабжение на войне... Ну, перловка в основном. Да нет, вообще-то грех жаловаться на снабжение, потому что есть особенно не хотелось... Свежие продукты туда возить было бесполезно, только консервы. Под Новый год там как-то завезли кур, — голландские или еще какие-то, — кур, гусей, — но из-за того, что там и зимой плюсовая температура, на складе хранить невозможно, холодильника не было, — и вот получилось: два дня на Новый год мы их ели — на завтрак, на обед и на ужин каждому солдату по курице. Так получилось. Так что раз в год баловались этим делом. А так в основном все из консервов. С едой — нормально»¹⁰⁶.

Тот же С.Н. Токарев рассказывал про офицерский дополнительный паек: «Паек получали мы там. Сигареты невозможно было купить. Давали нам сигареты “Столичные”, 20 пачек на месяц. Соответственно, за плату, высчитывали из зарплаты и отдавали. Печенье, сгущенка там... До сих пор не могу на сгущенку смотреть. Масло давали и консервы, еще кабачковую икру. Вот и доппаек получался. Но самое главное — сигареты»¹⁰⁷. Об этом же вспоминал и С.М. Букварев: «Мы там получали сигареты... Каждый месяц полу-

чал я двадцать пачек “Явы” или “Столичных” в твердой упаковке. Мне их хватало дней на 15, ну а потом остальное покупал в киоске. В паек нам давали и сгущенку, и печенье, и консервы. Часть мы отдавали бойцам своим в качестве поощрения, а часть, естественно, приходилось и самому съедать, потому что обед обедом, но иногда и чаю хочется попить»¹⁰⁸.

В.А. Литвиненко рассказывал, как в касках готовили именинные пироги: «Есть такой способ простой — из солдатских галет, сгущенного молока, шоколада из допайков. А вместо свечек, если у кого день рождения случался, использовали гильзы: вставляли фитилечек, пропитанный солярочкой, и получались вполне приличные именинные свечи. И пирог традиционной формы...»¹⁰⁹ О таких праздниках и солдатских тортах вспоминают многие «афганцы».

А вот еще одна бытовая зарисовка:

«Война становится привычкой.
Опять по кружкам спирт разлит.
Опять хохочет медсестричка
И режет сало замполит»¹¹⁰,

— написал в одной из своих песен Виктор Верстаков.

По воспоминаниям воинов-«афганцев», ничего подобного «наркомовским ста граммам» периода Великой Отечественной личному составу частей, дислоцированных в Афганистане, не выдавалось, хотя на праздники и в других особых случаях (помянуть погибших, проводить отпускников, снять стресс) всегда «находилась возможность отметить». Однако стоило *спиртное* очень дорого: все оно было контрабандным, и на его продаже иногда «делались состояния». А вот на боевые операции водку с собой не брали: это считалось плохой приметой¹¹¹.

Участники войны вспоминают, что «среди офицеров существовал строго установленный “водочный этикет”. Офицер, прибывший на базу из отпуска или для замены кого-нибудь из “старожилов”, был обязан выставить водку, чтобы войти в коллектив или отпраздновать свое возвращение на базу после отдыха. При наступлении срока замены, после двух лет службы в Афганистане, этот же офицер устраивал “отходняк”, на котором выпивалось сумасшедшее количество алкоголя. Обмывались и другие торжественные случаи. Однако, на операции ни один офицер не позволил бы себе принять хотя бы каплю спиртного»¹¹². В целом все так, но, как уже упоминалось, в каждой части были свои нюансы, обусловленные

как периодом пребывания в Афганистане, так и родом войск. Незадолго до вывода, например, провезти в Афганистан водку было практически невозможно: отголоски горбачевской компании «по борьбе с пьянством и алкоголизмом» докатились и до ограниченного контингента. Но выход был быстро найден: вновь прибывший офицер отдавал «дань» пивом (разрешалось провезти 10 бутылок) и «союзной» колбасой («Одесской», «Краковской» и т.д.), сам же стол со всеми положенными атрибутами накрывала встречающая сторона. Это был ритуал приема в коллектив. Кстати, о пиве: несмотря на обилие иностранных сортов, которыми сегодня никого не удивишь, но которые тогда были в диковинку, больше всего ценилось именно «Жигулёвское», а дефицитным в СССР импортным сервелатом-салами, которого в местной сети Военторга было изобилие, лакомились только вновь прибывшие, да и то недолго: эту колбасу там называли «стеклянной», есть её на жаре было невозможно.

В целом, отношение к спиртному в ОКСВ было двойственным: официально это не поощрялось и даже порицалось, но все прекрасно понимали, что водка на войне является универсальным адаптогеном и антисептиком. Поэтому в периоды затишья пили практически все. Офицеры делали вид, что не замечают, как пьют солдаты, полковое начальство делало вид, что не замечает, как пьют ротные и взводные. Но «водочный этикет» действительно соблюдался: пили много, но пьяных не было. Склонных перебирать «норму» осаживали свои же товарищи: ведь терпение начальства небезгранично. Но в период подготовки к боевым (комплекс мероприятий, в быту носивший название «12-дневная подготовка») и на самих боевых выходах употребление спиртного было строжайшим табу: в силу вступал негласный «сухой закон», который, по свидетельствам участников войны, не нарушался ни разу.

«У нас там было типа сухого закона, и приходилось поэтому идти на все тяжкие, особенно тем, кто в Союз колоннами ходил. Куда там только эту водку не прятали — и в бензобаки, и туда-сюда... — вспоминал С.М. Букварев. — А все-таки научно уже доказано, что какие-то потребности в алкогольном напитке у человека существуют, правильно? Доказано это, что в какие-то такие моменты нужно людям давать немножко расслабиться внутренне. А у нас не давали. Не продавали. Вот, говорят, в посольстве, в Кабуле, продавали, а в войсках не было. И поэтому приходилось пользоваться тем, что привозили, — иногда пахнувшим бензином даже. Так что “наркомовских 100 грамм” там не было, а, так сказать, на

самообеспечении были в этом плане. Ну, естественно, люди, которые снабжали нас неофициально этим делом, хорошо очень на этом наживались, не просто хорошо, а грандиозно наживались, потому что бутылка водки по тем временам — 81-й — 82-й год, стоила 25 чеков. Это 25 рублей. Если она в магазине стоила 3 р. 62 к., а еще чеки, их курс... Поэтому некоторые на этом большие состояния сделали»¹¹³.

С.Н. Токарев рассказывал: «Никто не выдавал нам 100 грамм, а сами, конечно, — торжество какое-то или праздник, — находили возможность, хоть это дорого, конечно, все это контрабандное было. В “Военторге” не было, а вот сами... Ну, можно было купить — или в госпитале, или еще где. Если кто гонит самогон, можно было взять. Сильного злоупотребления не было... Ну, пожалуй, там, где на широкую ногу было поставлено. Потому что старшину одного знали, — можно было в любое время дня и ночи у него самогон этот купить, ну, и цены соответствовали. Там получали мы по 210 чеков, а бутылка водки 30 чеков стоила. Так что на большой праздник если только собирали. На День разведчика, на Новый год, на день рождения... Не чаще. В целом не чаще, чем в Союзе было. Но тут добавлялись поводы немножко такие, [специфические]: погибшие, приехавшие, отпускники. С собой на операцию [спиртное] никто никогда не брал, потому что и примета дурная...»¹¹⁴

На фоне офицерских жалоб на дороговизну водки удивляет солдатский опыт, о котором вспоминал О.В. Сдвижков: «В солдатской среде тоже спиртное доставали. Во-первых, покупали у местных. Там было два вида каких-то непонятных напитков. Я затрудняюсь сказать, из чего они сделаны. Что-то похожее на водку, но, судя по всему, послабее. И, время от времени, покупали у местных. Насколько была возможность. Почему-то не боялись. Как-то странно, что не боялись. Ну, я думаю, это было достаточно безопасно, учитывая восточный менталитет. Ведь тот торговец, который продает этот напиток, он на этом зарабатывает на жизнь. Ведь если он продаст напиток, и кто-то отравится, у него больше не купят. Возможно, действовал такой фактор, я не знаю. Я не помню, чтобы были какие-то проблемы с местными напитками. Не думаю, что они были очень полезны для здоровья, но отравлений каких-то не припоминаю. Ну, и, собственно, удавалось покупать в нашем Военторге какие-то напитки: коньяк, водку. Не так чтобы очень часто, но как-то удавалось это делать... Цены были сопоставимые с ценами в Союзе. На тот момент в Советской Армии рядовой получал в

месяц, кажется, 3,60 или что-то в этом роде. Курс чеков Внешпосылторга, которыми нам платили, был примерно два чека на один рубль, то есть мы получали в два раза больше. Хотя цены были при этом практически такие же, как в Союзе... И как-то мы находили средства. Не так, чтоб мы часто покупали, конечно, водку, но время от времени это удавалось... Я не знаю, может быть, нас продавцы жалели. Я что-то не помню таких страшных цен, потому что местные напитки стоили совсем дешево...»¹¹⁵. В.А. Литвиненко комментирует это следующим образом: «Местный “шаропчик” в Афгане действительно почти ничего не стоил. Этим волшебным составом афганцы несколько тысяч лет чистили свои киризы, но лишь после прихода шурави с удивлением узнали, что его можно пить, и с тех пор продавали нашим солдатам. Вообще пили все, что бродило и горело, — после соответствующей переработки, разумеется»¹¹⁶.

Вместе с тем, — и это, пожалуй, отличительная специфика войны на Востоке, где употребление *наркотических веществ* составляет давнюю, едва ли не культурную традицию, — среди рядового состава ОКСВ было распространено снятие стрессов другим, экзотическим в то время для европейской России, но вполне привычным для представителей среднеазиатских республик образом. По данным медиков, если каждый четвертый офицер в 40-й армии употреблял алкоголь, то каждый четвертый солдат пользовался наркотиками, в основном препаратами индийской конопли и опиумного мака, которые в Афганистане буквально росли под ногами, а у местных детишек легко можно было выменять пачку галет или упаковку пенициллина на наркотик. Однако это еще не значит, что все, кто курил «травку», стали наркоманами: в большинстве случаев это была условная наркомания, не перешедшая в физическую зависимость от препарата и, вернувшись домой, многие «афганцы» забывали, что это такое, хотя, конечно, забывали не все¹¹⁷.

О.В. Сдвижков вспоминал: «Наш батальон принадлежал к Среднеазиатскому военному округу и значительная часть (наверное, больше половины) личного состава призывалась из Казахстана или Киргизии. То есть все эти ребята жили в районах, где растет конопля. Многие с наркотиком были знакомы еще до армии. А в Афганистане наркотики, план — он стоил очень дешево. Это было совершенно доступно. И, действительно, многим это было интересно, особенно, когда наступил момент, уже ближе к осени, когда надоела эта однообразная армейская жизнь, и люди начали уставать. Хотелось отвлечься, хотелось забыться. Достаточно многие начина-

ли курить... Конечно, [офицеры] что-то пытались делать, говорить, убеждать, запирать, лишать доступа к этим наркотикам... Реальная проблема — это героин. То есть были и те, кто пробовал героин. Были отдельные случаи, когда люди уже не могли прекратить. Один парень из нашего батальона уже пришел в состояние, когда с ним просто не знали, что делать. Человек потерял себя полностью. Отправили его на гарнизонную гауптвахту, и как-то это плохо кончилось... Была еще пара случаев, про которые я слышал, но вроде все обошлось без трагических последствий. Нельзя сказать, что проблема действительно сильно мешала жить. Хотя легкие наркотики, конечно, очень многие употребляли, но те, кто этим увлекался еще начиная с Союза, они знали как себя вести, в какое время это делать — так, чтобы это не мешало службе. А вот привыкания к героину я помню два-три случая — на батальон численностью почти в 400 человек, то есть это не было большой проблемой...»¹¹⁸

Еще одна важная бытовая проблема — организация *отдыха и досуга* военнослужащих.

С.Н. Фигуркин рассказывал: «В каких условиях спали... В разных. Если что-то тяжело, то прямо на позициях. Если более-менее полегче, то, значит, на своей кровати. Отдыхать — только если спать. Развлекаться... Ну, это концерты... В тот далекий 82-й год приезжал, открыл дорогу Лещенко, за ним Кабзон, Винокур, “Самоцветы”. Из них я был на Кабзоне и на “Самоцветах”... Приемник слушали. У нас еще видешиков тогда не было. Был баян, под который пели. Пели “Машину времени”, Пугачеву. Как сейчас помню, “Старинные часы”, — ну такая песня трогательная! И еще минуты отдыха, — когда в баню ездили. Как приедешь в дивизион, а там баня с бассейном, который своими руками построили. Вот там час можно было отдохнуть»¹¹⁹.

О нехитрых солдатских развлечениях вспоминал О.В. Сдвижков: «Во-первых, у нас был телевизор. У нас там показывали какой-то один канал советский и один местный. По местному каналу показывали в основном какие-то местные песни и танцы. То есть смотреть это было совершенно невозможно, кроме того, что страшно скучно, еще и язык непонятный. [На нашем канале] можно было, конечно, посмотреть время от времени какой-то фильм... Артистов у нас, по-моему, не было. Что-то я не припоминаю. Но, правда, фильмы показывали практически каждый день... Причем совершенно любые, какие привозили. Что мне запомнилось: “Укрощение строптивого”, например. Нормальный фильм для

армейской аудитории — цветной, иностранный... Еще запомнился фильм, там что-то было из истории князя Кантемира, тоже был интересный фильм... А любимое развлечение у нас было из чисто местных — наловить всяких гадких насекомых (фаланги там, тарантулы), посадить их в банку и наблюдать, как они между собой дерутся. Вот такое занятие очень популярное. У нас была для этого большая трёхлитровая банка. И так все сидели, наблюдали. Довольно любопытное зрелище...»¹²⁰

Офицер С.Н. Токарев вспоминал другие способы эмоциональной разрядки: «Самая любимая игра у вроде взрослых людей была — это детский настольный хоккей. Это были такие баталии, такие ставки! Потом тараканьи бега тоже делали, вот как в “Беге” показано, — каждый со своим тараканом ходит в кармане, “серый в яблоках Янычар”... На эти тараканьи бега весь батальон приходил смотреть»¹²¹. Он же рассказывал об особой стороне внутриармейских отношений, также направленной на разрядку психологического напряжения: «Враждовали мы с одной комнатой, — в одной мы, разведчики-десантники, а рядом просто разведчики, и они нас зовут “попрыгунчики”. Ну, как мы враждовали с той комнатой: детские забавы такие... Разведческие штучки друг на друге пробовали. У них на стене список висит нашей комнаты, у нас их список висит. И обязательно за день нужно кому-нибудь гадость какую-то сделать, — если не сделать, то день зря прошел. То мы им можем сгущенкой намазать потолок, а там мух столько, что... То они нам бачок, куда умываются, зубы чистят, могут повесить над дверью, чтоб, когда открываешь, все это выливается... Ну, и просто проверка реакции. Учебную гранату в зеленый цвет покрасить и бросить в чужую комнату, — кто как отреагирует: кто простыней накрывается, кто газетой... Потому что если мужчин собрать одного возраста, все равно ведь мальчишеские забавы проявятся. И у солдат то же самое. Та же чехарда, те же приколы друг над другом. И чтобы оно ни во что худшее не вылилось, лучше это поощрять. Потому что [эмоциональный] выход может быть найден и в наркотиках, и во всем остальном... Ну, и забавных случаев там на каждый день хватало. Потому что без смеха там невозможно. Это элемент защиты сильнейший, который срабатывал... Это как раз самое лучшее лекарство было от монотонности и где-то, может быть, даже от тягостных мыслей, которые могли возникать»¹²².

Ю.Т. Бардинцев служил в авиации, в Афганистане находился в 1984—1985 гг. В его воспоминаниях о минутах отдыха упоминаются

и виды «организованного досуга», и «магнитофонная революция», и самодеятельная солдатская песня: «После выполнения задачи или в конце летного дня время на отдых отводилось. Какие были условия? Авиация базировалась на аэродромах. Жили все — солдаты срочной службы, прапорщики и офицеры — в деревянных сборных домах-модулях, спали на кроватях, то есть в более-менее неплохих условиях. Насчет развлечений. На аэродроме был клуб, а в нем — демонстрация художественных фильмов. В каждой казарме или в каждом модуле было, минимум, по одному телевизору. Приезжали концертные бригады, — ну, где-то в среднем раз в два месяца. Были такие, приезжали. Насчет песен. Песни пели любители из числа самих военнослужащих — любители своеобразной песни, характерной именно для Афганистана. Пели и эмигрантские песни, которые почему-то получили там наибольшее распространение по сравнению с тем, что было тогда здесь, на территории Союза. Может, этому способствовало то, что большое количество магнитофонных записей было именно там»¹²³.

Солдатская песня в Афганистане — тоже неотъемлемый элемент военной повседневности, касающийся в первую очередь духовной жизни военнослужащих ОКСВ. «Песни афганской войны — явление действительно уникальное, — утверждает военный журналист и писатель Петр Ткаченко. — ...Русская воинская песня, меняя свои формы, жила в военной среде постоянно. Но невиданный, невероятный ее всплеск ознаменовался песнями “афганскими”, причем песнями именно авторскими... Песни эти ворвались в нашу жизнь как-то неожиданно. И тем разительнее было от них впечатление. Впервые зазвучав на афганской земле, они перемахнули хребет Гиндукуша и пошли по стране в магнитофонных кассетах, искренне рассказывая о мужестве и стойкости наших воинов, о судьбе поколения, которое мы привыкли называть мирным... Вышло ведь так, что именно из этих песен ранее всего узнали мы о чувствах и переживаниях наших ребят на афганской земле...»¹²⁴

Широко известны песни на стихи Юрия Кирсанова, Игоря Морозова, Виктора Верстакова, Олега Гонцова, Виктора Куценко, Валерия Ковалева и многих других авторов и исполнителей, легендарных ансамблей «Каскад» и «Голубые береты»...

По словам армейского барда Игоря Морозова, в то время в Ограниченном контингенте «резко ощущалась катастрофическая нехватка воинской, если позволите, дружинной песни. Военно-патриотические, победные песни признанных советских композито-

ров, рекомендованные ГЛАВПУРОм к обязательному исполнению, воюющей 40-й армией не понимались и не принимались, так как абсолютно не соответствовали ни духу, ни характеру Афганской войны... Первые “афганские” песни, сложенные в большинстве своем боевыми офицерами в самые первые месяцы и годы войны, находились под жестким запретом политической и военной цензуры и “гуляли” по Афгану практически нелегально. Попытки вывезти кассеты с этими песнями в Союз жестко пресекались еще в Афгане, а при пересечении границы — и говорить нечего. Для авторов этих песен попытки расширить аудиторию слушателей могли иметь и не очень приятные последствия. Так, Отец-основатель и Патриарх “афганской” песни Юрий Кирсанов чуть было не поплатился погонами за серию своих “слишком откровенных песен” 1979—80-го годов...»¹²⁵

Даже на войне вопросы духовной жизни нередко были связаны с сугубо житейскими, материальными проблемами. В.А. Литвиненко рассказал о необычных гастролях января 1989 г.: «Это было на выводе. У меня в батальоне служили последние остатки “Голубых беретов”. Это действительно был воюющий ансамбль, ребята, которые воевали, участвовали во всех боевых... И часть ансамбля еще продолжала службу. А когда мы пошли на вывод, Ахмад-шах и прочие обещали нам веселую жизнь... Боеприпасов мы с собой взяли под завязку, а сухпак только на сутки, — чтоб перевалить Саланг, а там встать на довольствие. Но так получилось, что на довольствие становиться было некуда. И вопрос пропитания встал вплотную. Рыбу ловили всеми доступными способами... И тут пришла в голову гениальная мысль. Посоветовавшись с Олегом Гонцовым (он был старшиной второй роты, и заглянул ко мне в гости), мы решили устроить гастроли. Собрали всех, кого смогли из остатков ансамбля, какие смогли найти музыкальные инструменты: гитары переломанные, перевязанные, треснутые, барабан сигнальный... Погрузились в драных горниках, грязные, как черти, на две БМПэшки, и поехали по заставам. Взяли с собой пластиночку, — там, где ансамбль “Голубые береты” во всей красе и при всех орденах. Приезжаем на заставу: “Вот, гастроли, с концертом приехали...” Те: “Кто такие?” “Ну, вот же, “Голубые береты”...” Они смотрят и с удивлением в этих грязных рожах обнаруживают действительно тех, кто на пластинке. Каково же было удивление братской пехоты, когда они поняли, что это не просто какой-то там ансамбль при высочайших кругах, а такие же окопные люди, как и они. Ну, встречали, конечно, бесподобно. Аплодисменты были,

овации... А я выступал в роли импресарио: пока они пели, грузил тушенку»¹²⁶.

Особое место в повседневной жизни ОКСВ занимало *присутствие женщин*. В его составе женщины (как правило, вольнонаемные) находились именно на вспомогательных, а не боевых службах. По оценкам воинов-«афганцев», большинство этих женщин приехали туда либо из меркантильных соображений, либо с намерением устроить свою личную жизнь. И отношение к ним со стороны мужчин было в основном негативным: «Не нужны они там были! Можно было без них обойтись!»¹²⁷ Хотя, с другой стороны, отмечался тот факт, что присутствие женщин смягчало и предотвращало множество конфликтов, давало эмоционально-психологическую разрядку после боевых действий. В проведенном нами осенью 1993 г. опросе офицеров-«афганцев», в ходе интервью задавался такой вопрос: «Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?» Приведем наиболее типичные ответы.

В.А. Сокирко вспоминал: «Женщин было довольно много. И если брать по общему к ним отношению, то это было отношение как к “чекисткам”, то есть чековым проституткам. Потому что таких действительно было большинство. Хотя лично мне приходилось встречать абсолютно порядочных, честных девчонок, которые приехали туда не для того, чтобы подзаработать денег или, скажем, найти себе жениха какого-нибудь, а по велению души — медсестрами, санитарками. И, как правило, те, которые приезжали без каких-то корыстных помыслов, они шли в медсанбат, в госпиталь. А вот другая категория старалась пристроиться где-то при складе, в банно-прачечный комбинат, еще где-нибудь. Ну, а самая большая мечта — это стать содержанкой у какого-нибудь полковника или прапорщика: это приравнивалось, потому что у прапорщика склад, а полковник может прапорщику приказать, чтобы тот что-то принес со склада. Поэтому общее отношение к женщинам не совсем благожелательное, хотя так называемый “кошкин дом” — это общежитие, где жили женщины, — по вечерам было весьма оживленным местом, к которому мужчины устраивали паломничество»¹²⁸.

Другой участник афганских событий И.Ф. Ванин размышляет: «В полку или, точнее, в городке, где полк дислоцировался, было порядка пятидесяти женщин. Отношение к ним было самое различное. Женщина, которая добровольно оказалась в сугубо мужском коллективе, не вызывала, с одной стороны, больших восхи-

щений, и, в общем-то, на нее смотрели как на женщину. Но вместе с тем, я не согласен, что в нашей прессе, да и на уровне разговоров, этих женщин характеризовали как шлюх, потаскух. Я не согласен с этим. Говорили об их меркантильных интересах. Да, и то, и другое было. Были и шлюхи, и потаскухи, были и меркантильные женщины. Кстати, они и не скрывали своих намерений, говорили, что для кого-то это последняя надежда поправить свое материальное положение, для кого-то это последняя надежда устроить свою личную жизнь. Я считаю, что они не заслуживают осуждения. Но не нашлось, к сожалению, человека, который бы сказал доброе об этих женщинах, при всех их пороках и негативах. Сколько они предотвратили бед и несчастий среди мужской братии, наверное, этого никто никогда не посчитает и не измерит. Сколько было самортизировано, именно этими женщинами самортизировано неприятностей! Я думаю, только за это они заслуживают весьма великой благодарности и почтительного отношения»¹²⁹.

И наконец, мнение С.М. Букварева: «Женщины на войне... В наше время их мало было. У нас в полку четыре или пять — библиотекарь, две продавщицы, машинистка была... Понимаете, в чем дело: отношение к женщинам на войне в то время, когда их мало, — это плохо. Потому что все равно, конечно, какие-то там романы возникают, но когда на всех не хватает, — это плохо. (Смеется.)»¹³⁰

А вот какое мнение высказал в 2004 г. В.А. Литвиненко: «Женщины, конечно, были. Был у нас модуль, где жили женщины. Обслуживающий персонал — поварихи там, медсестры... На боевые с нами они не ездили, разумеется. Нормально мы к ним относились. У некоторых были свои женщины. Некоторые знакомились, некоторые женились там. У этих было, естественно, другое уже отношение, более теплое. Ну, а мы к ним относились просто как к своим товарищам. Они до сих пор приходят на встречи ветеранов полка. “Свои парни” в общем были. Хотя мы им не завидовали, откровенно говоря. Неженское это место — война. Хотя должен отдать должное, женщины, как правило, бывают отличными солдатами. Многие вещи они воспринимают всерьез там, где мы на них давно наплевали. И все-таки мое личное убеждение, что война — это неженское дело. Но если женщина возьмет в руки оружие, в некоторых случаях она даст фору любому мужчине»¹³¹. В 2011 г. он добавил к уже сказанному: «Конечно, были женщины. В “Военторге” кто-то должен был торговать. И в медсанбате медсестрички работали. И на других различных должностях женщины состояли. Ну,

как? Нормально относились. В конце концов, они же не в атаки ходили. Некоторые числились санинструкторами в ротах, но работали в других местах. Но встречались и такие, которые действительно были санинструкторами и ходили на боевые — этих вообще ценили и уважали. Но вообще — нормально относились к женщинам. Скажем так, какого-то специального отношения к ним не было...»¹³²

Пожалуй, наиболее откровенен в освещении «женской темы» на Афганской войне Н.А. Стародымов. «О женщинах. В Афганистане их было немало, — писал он в своем дневнике. — Кабул не беру — там были другие законы, а на гарнизонных нравах остановлюсь. Сначала хочется оговориться, что я далек от намерения очернять женщин и обелять мужчин. Или наоборот. И не хотел бы сказать, что все женщины, которые приезжали туда, были шлюхами — ни в коем случае! Там были очень разные люди обоих полов.

В Афганистан вербовали женщин только холостых, то есть чаще всего с неустроенной судьбой. Там было много мужчин, там платили неплохие по советским временам деньги. Каждая приезжала туда, преследуя свои цели. Кто-то хотел заработать денег. Кто-то приискать себе мужа. Кто-то просто пожить в свое удовольствие, попользоваться обстоятельством, что на женский пол повышенный спрос. Сколько из-за них было трагедий, сколько семей распалось, сколько преступлений совершено — но в этом уж, понятно, не женщины виноваты, а мужчины, которые головы теряли.

Распределение новоприбывших по гарнизонам происходило по такой схеме. Понятно, что эта схема примерная, что бывали исключения, но по сути своей она действовала. Приезжала партия девчат в кадровый орган высокого штаба. И там кадровик отбирал, кого из приехавших оставить при высоком штабе, а кого отправить дальше. Приезжает группа в штаб более низкого уровня, там тоже происходит селекция, оставшихся отправляют ниже... Соответственно, девчата, которых оставляли при вышестоящих штабах, прекрасно отдавали себе отчет, что их могут так же легко отправить в отдаленный гарнизон. Мужчины, от которых зависело такое решение, отнюдь не всегда являли собой эталон джентльменства. Равно как и приехавшие девчата редко являли собой эталон целомудрия.

Вовсе не хочу сказать, что все кадровики и начальники были такими мерзавцами, что угрозами затаскивали девчат в постель. Но все же подобные истории не были редкостью. Не хочу сказать, что

все девчата на подобное соглашались. Но соглашались всё же нередко. Как откровенно цинично высказался один знакомый кадровик: “Если нужно будет, посудомойкой или поварихой я поставлю и солдата. Нам женщин присылают для других целей”.

Понятно, большинство женщин стремились прилепиться к кому-то одному. Хорошо, если к начальнику. Или к офицеру, у которого есть свой угол... Небольшое, но необходимое отступление. Большинство офицеров жили в модулях, по 2—6 человек в комнате. Отдельное жильё было очень у немногих. Отдельно жить стремились все, только не у всех получалось. И наличие отдельного угла значительно облегчало, как бы это сказать, обзаведение подругой.

Это удавалось не каждой. Поэтому девчата охотно принимали приглашения сходить в гости. В командировке все холостяки, потому обычно (хотя не всегда и не обязательно!) посиделки заканчивались постелью.

Много говорили о “чекистках”, якобы в частях процветала настоящая проституция — когда “клиенты” расплачивались за “любовь” чеками. Не знаю, может, где-то такое и было, я не встречал. Подарки — сколько угодно. Материальная помощь — случалось. Но напрямую: удовлетворение похоти — деньги... Нет, не было. Вернее, не так: не сталкивался. Другое дело, что девчата, конечно, предпочитали начальников, тыловики, разведчиков. Это понятно — они ехали все же за деньгами.

Бывали случаи, сам свидетель, когда приезжали молоденькие девчонки, полные романтических возвышенных мечтаний. Надо сказать, очень быстро они понимали, что к чему. Смотришь, вчера была облачена во что-то скромненькое, а сегодня уже щеголяет в джинсе-“варенке” (тогда самый писк моды был). Значит, кто-то уже приголубил. В гарнизонах такое не скроешь.

Но никто никого за подобные связи не осуждал. Все всё понимали. Сцены ревности случались, но до каких-то эксцессов доходило чрезвычайно редко... Вообще взаимоотношения мужчины и женщины — вопрос сложный. А в экстремальной ситуации — втройне!»¹³³

Еще один немаловажный элемент психологической разрядки — содержание при воинских частях и подразделениях домашних и ручных животных. Обычно это были традиционные собаки и кошки, но у кого-то жил облаченный в тельняшку и прирастившийся к курению хряк, у кого-то выздоравливал на заставе подобраный в горах раненый орел, у кого-то в палатке обитала прирученная (и

далеко не всегда старая и беззубая) кобра... Экзотики тоже хватало, как и богатого воображения солдат, ищущих развлечений.

«Это уже под вывод было, — вспоминал В.А. Литвиненко. — В горах бойцы подобрали орла раненого, выходили. И он жил на одном из наших блоков — пещерка у него была небольшая. Утром выходил крылья сушить. Расправит крылья, сушит, летать не мог еще. Тушенкой его кормили. И что только с ним не делали: крылья ему расправляли, фотографировались в обнимку, — все позволял с собой делать стоически... Но в один прекрасный день вышел, расправил крылья и улетел. И вот время от времени он прилетал в гости, но тушенку уже не брал, то есть перешел на свое питание. Гордая птица была... И когда мы уходили, он над колонной долго кружился. У него отметина была — в одном крыле перья выбиты, так что мы знали, что это он. Провожал нас до самого Македонского ущелья...»¹³⁴

* * *

Говоря о повседневной жизни на войне, следует признать, что от качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность. Однако именно в Афганистане становится очевидным, что даже хорошо налаженный быт не спасает положения там, где происходит идеологическая дезориентация. На изменении бытовых условий советских войск на разных этапах их пребывания в Афганистане сказалась длительность войны. Если в начале войны вся бытовая инфраструктура еще только формировалась, а люди с огромными трудностями проходили адаптацию к непривычным природно-климатическим, этно-культурным и другим факторам, то впоследствии, по мере накопления опыта снабжение и обеспечение войск постепенно наладилось, а неоднократно сменявшийся личный состав «ограниченного контингента» получал в наследство от своих предшественников хорошо обустроенный быт. Однако, в отличие от постоянно улучшавшихся бытовых условий, изменения морально-психологической обстановки носили прямо противоположный характер: в этом плане воевать на начальном этапе было легче, чем на заключительном, когда в Советском Союзе война была названа политической ошибкой, что, безусловно, не могло не сказаться на настроениях и боевом духе войск, которые стали чувствовать себя брошенными, никому не нужными¹³⁵. Полная дезориентация в идеологических установках и в политическом обосновании участия СССР в афганском конфликте особенно обозначилась после

переговоров М.С. Горбачева с Р. Рейганом в 1987 г., когда была достигнута договоренность о выводе советских войск, и Женевских переговоров 1988 г., закрепивших и оформивших это решение¹³⁶. После этих событий морально-психологическое состояние ограниченного контингента оказалось чрезвычайно тяжелым. Как ни странно, эти факторы не сказались на качестве выполнения боевых задач. Армия по-прежнему выполняла свой долг.

Быт — только одна из сторон военной повседневности, тот фон, на котором достигаются главные цели войны. Цели Афганской войны достигнуты не были, но в этом нет вины солдат и офицеров Ограниченного контингента. Если ввод советских войск в Афганистан и был политической ошибкой, то их вывод стал политической катастрофой, ибо добровольного признания своего поражения великой державе допускать нельзя. Плоды этой катастрофы мы пожинаем по сей день.

Николай Иванов, в 1981 году старший лейтенант ВДВ, размышлял уже в конце 1990-х: *«Вспомним Афганистан. ...Молодость свою вспомним, потому что в какой-то момент вдруг обнаруживаешь парадокс: войны замышляют отмеченные сединой политики, а с автоматами в окопах оказываются те, кому по двадцать—тридцать лет. Они и гибнут в первую очередь — из-за неопытности или, наоборот, излишней разухабистости. У многих еще нет семей, и их особо не сдерживает забота о близких. Другие хотят доказать себе и остальным, что смелы и бесстрашны... Мудры те седовласые, что делают ставку на возраст. Война — дело молодое, немудреное...»*

Вспомним ветер “афганец” — занудливый, начинающийся во второй половине дня. Поднимающий в воздух тонны микроскопической бархатной пыли. Как, садясь обедать, мы ложились над тарелками, чтобы хоть как-то закрыть от нее пищу. Не зря же вместе с орденами и погонами в довесок обязательно получали язвы и гастриты.

Толчею и шум восточных базаров вспомним. Каждый из нас хоть раз, но побывал на них — тайно ли вырывался в город, отвозили ли группами перед отъездом домой, в Союз.

...А песни, песни вспомним. Как потянулись в Афгане к гитарам! Собственно, первые бардовские песни Юрия Кирсанова, Игоря Морозова, Виктора Верстакова, а порой переделанные фронтовые и туристические — они, записанные на кассеты, и рассказали в Союзе правду об афганских событиях. “Вспомним, ребята, мы Афганистан. Зарево пожаров, крики мусульман...”

А выходы на боевые? Как рвались на них. В это сейчас трудно поверить тем, кто старается избежать в своей жизни острых углов.

А ведь именно они, наблюдатели со стороны, оболгали большей частью ограниченный контингент наших войск...

А Афган не забывается. В памяти его зной, когда выползали из накалившихся палаток на сорокаградусную жару и радовались ей как прохладе. В ушах стоит гул “вертушек”, привозивших на блок-посты самое дорогое, что могло быть там, за Гиндукушем, — письма. И увозивших в ответ наши — в одном конверте по пять-шесть штук, потому что конвертов не хватало, и письма ребят затем уже рассылали по адресам наши родные.

Грязь арыков, запах разлагающихся трупов, месиво из бинтов и крови — это тоже наш Афган. Афганцы, целующие врачей и саперов, и тут же детишки, грозящие вслед колоннам кулаками, — это тоже в глазах и памяти.

И — вывод войск. Когда были предельно напряжены командиры, но тем не менее приказали подчиненным перед границей навинтить и приколоть прямо на бушлаты ордена и медали. Сороковая армия шла домой по мосту Дружбы с развевающимися знаменами и при наградах. А приехавшие в Термез матери силились угадать в мелькающих лицах единственно родное...

Это — было. Осталось в нас. И потому нам не надо напрягать память и что-то придумывать из нашей новейшей истории. Мы вспоминаем Афганистан...»¹³⁷

Примечания

- ¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 401.
- ² Там же. С. 402.
- ³ Там же. С. 400.
- ⁴ Из интервью с О.В. Сдвижковым. 19 октября 2011 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Из интервью с майором С.Н. Токаревым от 25.11.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁷ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко от 18.02.2004 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁸ Из интервью с майором П.А. Поповым от 04.12.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁹ Из интервью с майором С.Н. Токаревым; Гриф секретности снят. С. 404.
- ¹⁰ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ¹¹ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ¹² Из интервью с О.В. Сдвижковым.

- ¹³ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ¹⁴ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ¹⁵ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ¹⁶ Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 47.
- ¹⁷ Подвиг. Героико-патриотический литературно-художественный альманах. Вып. 34. М., 1989. С. 113.
- ¹⁸ *Банников А.Г.* Узелки на память // Афганистан болит в моей душе... Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. М., 1990. С. 220.
- ¹⁹ Земляки // Афганистан болит в моей душе ... С. 205.
- ²⁰ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ²¹ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ²² *Банников А.Г.* Указ. соч. С. 220—221.
- ²³ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ²⁴ Из интервью с майором В.А. Сокирко от 01.11.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ²⁵ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ²⁶ Земляки // Афганистан болит в моей душе ... С. 204.
- ²⁷ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ²⁸ Земляки // Афганистан болит в моей душе ... С. 206.
- ²⁹ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ³⁰ Афганистан в нашей судьбе. С. 11—12, 38—39; *Секачев А.В.* Граната // Афганистан болит в моей душе... С. 72; *Лосото Е.* Командировка на войну. М., 1990. С. 8—9; Из интервью с майором С.Н. Токаревым, майором П.А. Поповым.
- ³¹ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ³² Из видеointerview с В.А. Сокирко. 26 октября 2011 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ³³ Из интервью с майором П.А. Поповым.
- ³⁴ Из интервью с майором С.Н. Токаревым; *Лосото Е.* Указ. соч. С. 9.
- ³⁵ *Малышева Д.Б.* Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. Развивающиеся страны Азии и Африки в 70—80 годы. М., 1991. С. 85—89; Афганистан в нашей судьбе. С. 98, 127.
- ³⁶ Афганистан в нашей судьбе. С. 117—118.
- ³⁷ Там же. С. 128.
- ³⁸ *Лосото Е.* Указ. соч. С. 16.
- ³⁹ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁴⁰ Из интервью с майором П.А. Поповым, подполковником В.Д. Баженовым, прапорщиком С.В. Фигуркиным, полковником С.М. Букваревым, майором В.А. Сокирко // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁴¹ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ⁴² *Смирнов О.* Никто не солдат для войны. М., 1990.
- ⁴³ Афганистан в нашей судьбе. С. 6.
- ⁴⁴ Из интервью с майором С.Н. Токаревым, майором П.А. Поповым, подполковником В.Д. Баженовым, прапорщиком С.В. Фигуркиным, подполковником В.А. Литвиненко // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁴⁵ *Банников А.Г.* Указ. соч. С. 220.
- ⁴⁶ Из интервью с полковником С.М. Букваревым, майором И.Н. Авдеевым // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁴⁷ *Чикишев А.* Спецназ в Афганистане. М., 2004. С. 104—105.
- ⁴⁸ Там же. С. 288—289.
- ⁴⁹ Из интервью с майором П.А. Поповым.

- ⁵⁰ Из интервью с полковником И.Ф. Ваниным от 24.11.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁵¹ Из интервью с полковником Ю.Т. Бардинцевым от 24.11.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁵² Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁵³ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ⁵⁴ *Тамаров В.* Мы возвращаемся... // Война в Афганистане 1979—1989. Сайт о героях Афганистана. URL: http://www.1979—1989.ru/Tamarov/Vozvrashenie_2/Vozvrashenie_3/
- ⁵⁵ Из интервью с майором П.А. Поповым.
- ⁵⁶ Из интервью с майором В.А. Сокирко.
- ⁵⁷ Из интервью с майором И.Н. Авдеевым от 23.11.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁵⁸ Группа специального назначения. Сборник авторских песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 37.
- ⁵⁹ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁶⁰ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁶¹ Из интервью с майором В.А. Сокирко.
- ⁶² Из интервью с полковником И.Ф. Ваниным.
- ⁶³ Из интервью с майором П.А. Поповым.
- ⁶⁴ Из видеointerview с полковником запаса В.А. Литвиненко. 12 октября 2011 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Из интервью с майором И.Н. Авдеевым.
- ⁶⁷ Из интервью с майором П.А. Поповым.
- ⁶⁸ *Тамаров В.* Мы возвращаемся... // Война в Афганистане 1979—1989. Сайт о героях Афганистана. URL: <http://www.1979—1989.ru/Tamarov/>
- ⁶⁹ *Пашкевич М.М.* Афганистан: война глазами комбата. М., 1991. С. 22, 60.
- ⁷⁰ Из интервью с майором В.А. Сокирко.
- ⁷¹ Из интервью с полковником И.Ф. Ваниным.
- ⁷² Из интервью с младшим сержантом запаса Е.В. Горбуновым. 25 октября 1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁷³ Дорогие мои... Письма из Афгана. М., 1991. С. 238.
- ⁷⁴ *Куприянов А.Н.* Мы вернемся // Афганистан болит в моей душе ... С. 178.
- ⁷⁵ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ⁷⁶ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁷⁷ Земляки // Афганистан болит в моей душе... С. 209.
- ⁷⁸ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁷⁹ *Блиджан И.Ю.* Полет // Афганистан болит в моей душе... С. 132.
- ⁸⁰ Из интервью с подполковником с В.А. Литвиненко.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Из интервью с полковником И.Ф. Ваниным.
- ⁸³ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Из интервью с майором П.А. Поповым.
- ⁸⁶ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁸⁷ Из интервью с майором С.Н. Токаревым; Из интервью с подполковником В.Д. Баженовым от 04.12.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁸⁸ Из интервью с майором В.А. Сокирко.
- ⁸⁹ *Чикишев А.* Спецназ в Афганистане. М., 2004. С. 306.
- ⁹⁰ Из интервью с полковником С.М. Букваревым .от 24.11.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской

- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Из интервью с прапорщиком С.Н. Фигуркиным от 4.12.1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁹³ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ⁹⁴ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁹⁵ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ «Но мы не забудем друг друга». М., 1990. С. 56.
- ⁹⁸ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ⁹⁹ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ *Чикишев А.* Указ. соч. С. 305—306.
- ¹⁰² Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ¹⁰³ «Но мы не забудем друг друга». С. 54—55..
- ¹⁰⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁰⁵ Из интервью с полковником С.М. Букваревым.
- ¹⁰⁶ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Из интервью с полковником С.М. Букваревым.
- ¹⁰⁹ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ¹¹⁰ Группа специального назначения. Сборник песен воинов-афганцев. М., 1991. С. 23.
- ¹¹¹ Из интервью с полковником С.М. Букваревым, майором С.Н. Токаревым, майором В.А. Сокирко, майором П.А. Поповым и др. Октябрь—декабрь 1993 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ¹¹² *Чикишев А.* Указ. соч. С. 301.
- ¹¹³ Из интервью с полковником С.М. Букваревым.
- ¹¹⁴ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ¹¹⁵ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ¹¹⁶ Из видеointервью с полковником запаса В.А. Литвиненко. 12 октября 2011 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ¹¹⁷ Данные о числе употреблявших наркотики в Афганистане приведены со слов заместителя начальника кафедры психиатрии Военно-медицинской академии Министерства обороны РФ, доктора медицинских наук С.В. Литвинцева — бывшего главного психиатра 40-й армии. См.: *Мастыкина И.* Когда я вернусь... Психиатры знают самую страшную правду о «чеченском конфликте» // Комсомольская правда. 1995. 25 апреля; *Лория Е., Маетная Е.* В Чечню уходили солдаты. Домой вернулись — наркоманы // Комсомольская правда. 1997. 22 апреля.
- ¹¹⁸ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ¹¹⁹ Из интервью с прапорщиком С.Н. Фигуркиным.
- ¹²⁰ Из интервью с О.В. Сдвижковым.
- ¹²¹ Из интервью с майором С.Н. Токаревым.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Из интервью с полковником Ю.Т. Бардинцевым.
- ¹²⁴ *Ткаченко П.* Они пришли с войны // Подвиг. Героико-патриотический литературно-художественный альманах. Вып. 34. М., 1989. С. 99—100.
- ¹²⁵ *Морозов И.* Интервью на сайте «Автомат и гитара» // URL: <http://avtomat2000.com/Morozov.html>
- ¹²⁶ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.
- ¹²⁷ Из интервью с участниками Афганской войны в октябре—ноябре 1993 г. Из десяти респондентов, ответивших на вопрос «Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там

были?», четверо высказали резко отрицательное, двое — положительное и четверо — противоречивое к ним отношение

¹²⁸ Из интервью с майором В.А. Сокирко.

¹²⁹ Из интервью с полковником И.Ф. Ваниным.

¹³⁰ Из интервью с полковником С.М. Букваревым.

¹³¹ Из интервью с подполковником В.А. Литвиненко.

¹³² Из видеointerview с полковником запаса В.А. Литвиненко. 12 октября 2011 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.

¹³³ *Стародымов Н.* Боевой дневник Афганской войны. М., 2009. С. 110—114.

¹³⁴ Из видеointerview с полковником запаса В.А. Литвиненко.

¹³⁵ Из интервью с майором П.А. Поповым.

¹³⁶ См.: *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 235.

¹³⁷ *Иванов Н.* Вспомним, ребята, мы Афганистан // *Родина*. 1999. № 2. С. 130 (4-я сторона обложки).

Вместо заключения

Повседневность — это та область действительности, которая больше других сопрягается с «субъективной реальностью», внутренним миром человека: одни и те же «объективные» обстоятельства жизни воспринимаются, понимаются, переживаются разными людьми по-разному, нередко — противоположным образом, и ведут к принципиально разным поведенческим реакциям. Здесь играют роль не только социальный статус и происхождение человека, пол и национальность, его возраст и жизненный опыт, уровень образования и культуры, его профессиональная и психологическая подготовка, но и собственно психологические, и даже — психо-физиологические качества, вплоть до темперамента. Особенно остро все это проявляется в экстремальных условиях войны и, тем более, боевой обстановки, в которой одни проявляют себя активно и героически, другие — как трусы и паникеры, третьи — «сходят с ума» и становятся душевнобольными, и т.д. А между экстремальными «пиками» боевых ситуаций существует пространство фронтового быта, наполненное разнообразным (а чаще — однообразным) бытием служивого человека, выполняющего рутинные обязанности и команды, заботящегося о нехитром обустройстве, заполняющего время сообразно заведенному в его части порядку и личностным установкам.

И какой бы ни была война, ее повседневность описывается разными людьми тоже по-разному. Лишь дополнив источники личного происхождения более объективными данными (статистикой, нормативными и правовыми документами) из мозаики мнений, образов, оценок можно создать более или менее целостную картину, реконструировать повседневность как явление объективно-субъективной реальности. Но понять и «почувствовать» бытие человека на войне, побудительные мотивы его поведения, отношение к происходящему можно только через внутренний мир уникальных индивидуальностей, отраженный в письмах, дневниках, воспоминаниях, а также нередко в фольклорных и даже поэтических произведениях, выражающих типичные взгляды и настроения. При этом «подробности жизни» зачастую выходят на уровень масштабных социальных явлений.

«Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще, и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи»¹, — написал в 1943 г. Илья Эренбург. В этой книге мы постарались не только понять, но и почувствовать войну. Точнее — четыре войны, которые сыграли судьбоносную роль в российской истории XX века: Русско-японскую 1904—1905 гг., Первую мировую 1914—1918 гг., Великую Отечественную 1941—1945 гг., Афганскую 1979—1989 гг. Попытались понять их через фронтовую повседневность русской и советской армий в этих основных внешних войнах нашей страны в ушедшем столетии.

Русско-японская война вскрыла нарывы, затронувшие Российскую империю, особенно остро и очевидно проявившиеся в действующей армии как квинтэссенции всей жизни государства, которая направляется им вовне в ситуации силового противостояния с другими государствами. Эта война показала и затухание мощи империи, проигравшей войну недавно еще презираемым «диким азиатам»; и духовную слабость элиты, не сумевшей сплотить и мобилизовать страну на военное противостояние с внешним врагом; и организационную немощь бюрократии, оказавшейся не способной обеспечить достаточное и своевременное снабжение армии всем необходимым для войны; и бездарность военного командования, проигравшего битвы на суше и на море; и угрожающую социальную, социокультурную, психологическую пестроту и «неспаянность» народной массы, одетой в солдатские и офицерские шинели; и т.д., и т.п. Все то, что в тылу прорвется революционным взрывом и насилием, возмущением против существующего порядка и военной недееспособности ранее могучей державы, бунтами и восстаниями в самой армии. И революционный пожар 1905—1907 гг. удастся «притушить» лишь частичными уступками вынужденной трансформироваться империи, — уступками, не вскрывавшими гниющие нарывы давно требовавшимися радикальными реформами, а лишь «замазывавшими их зеленкой» имитационных реформ П.А. Столыпина и «думским фасадом» все еще почти абсолютной власти бездарного монарха. Русско-японская война стала «последним звонком» для Российской империи, на который она так и не смогла отреагировать адекватно.

Повседневность той далекой войны отразила многие слабости Российской империи в целом и ее армии в частности. Среди них была сословная, кастовая пропасть между офицерством и солдат-

скими низами, проявлявшаяся и в психологической отчужденности, причем взаимной, и в качественных бытовых различиях, начиная с движения на фронт и собственно на войне. Офицеры, как правило, не были «своими» даже для кадровых солдат, не являлись для них авторитетом и не могли влиять на них убеждением, мотивируя «постоять за Царя и Отечество», что нередко вызывало негативную реакцию и даже «ярость толпы». Офицеры держались в стороне от солдат. Они способны были воздействовать на солдатскую массу лишь формально, силою данных им полномочий. Однако уровень дисциплины был весьма низким. Еще в долгой дороге на восточную войну солдаты при первой возможности «жестоко пьянствовали», «устраивали дебоши». Сам офицерский корпус в значительной степени представлял собой «серую массу» интеллектуально и морально неразвитых людей, не случайно не справлявшихся со своими обязанностями ни по пути на фронт, ни в боевых условиях. Даже военные священники, нередко плохо знакомые «с народным духом», предпочитали держаться подальше от паствы, опасаясь натолкнуться на хамство со стороны «нижних чинов». И все же они были ближе к солдатам, нежели офицеры, особенно в условиях боевой обстановки, когда перед угрозой возможной смерти усиливалась потребность войск «в слове Божьем», а священники видели свое предназначение в утешении страждущих.

Поражает некомпетентность в проведении мобилизации, неразбериха в транспортировке мобилизованных на фронт при удаленности театра военных действий, бездарность в организации перемещения и снабжения войск собственно в боевых условиях, в поддержании уровня их боеспособности, что зависело и от качества мотивации, от поддержания боевого духа, и от сохранения дисциплины в различных обстоятельствах, и от организации быта и отдыха, и от элементарного обеспечения санитарными условиями, и т.д. Свидетельства повседневной жизни гораздо ярче воссоздают реальную картину бездарно проведенной войны, нежели ее отдельные героические эпизоды. Упадок духа армии в силу целого ряда причин, главной из которых была некомпетентность командования разного уровня, демонстрирует и такой яркий факт: количество пленных японцев (менее 8 тыс.) было примерно в 10 раз меньше, чем русских (от 70 до 80 тыс.). Антисанитария, высокая заболеваемость из-за климата и местных болезней, неудовлетворительное продовольственное снабжение, недостаточные условия для отдыха — все это, наряду с отсутствием мобилизующей мотивации

и неэффективной военной пропагандой, еще более подрывали боевой дух, что было естественным, когда в бой вели «унылых и изможденных до крайности» людей, убив перед смертельной схваткой «все нравственные и физические силы». Такие ситуации были весьма распространены.

Приобретение войной затяжного оборонительного характера, неудачное ведение боевых действий на суше и на море, проникающие на фронт сведения о революционном брожении в тылу обусловили падение боевого духа армии, появление ощущения безысходности. Прибытие мобилизованных зимой 1904 г. — весной 1905 г. в действующую армию способствует ее разложению, так как с новобранцами из тыла проникают негативное отношение к войне и революционные настроения. Превращение войны в «окопную» еще более угнетающе воздействовало на личный состав армии, все более задумывавшийся о «бесцельности войны», которая по сути была проиграна, еще не начавшись — из-за неготовности к ней государства, отсутствию ее реальной мотивировки в войсках и в обществе, ненадежности тыла и др.

Позор поражения, возвращение комбатантов в общество явились факторами, еще более дестабилизировавшими страну в условиях нарастания революционного процесса. Вместе с тем, был и позитивный опыт фронтовой повседневности русско-японской войны — решение ряда бытовых проблем, — пригодившийся в последующих войнах (использование походной кухни, землянки, индивидуального перевязочного пакета, оперирование раненых в походных условиях и др.).

Первая мировая война по сравнению с Русско-японской явилась для Российской империи намного более масштабным и тяжелым испытанием, которое она не выдержала. В противостоянии с кайзеровской Германией и ее союзниками страна была вынуждена напрячь все свои силы в тылу и на фронте, и это напряжение оказалось катастрофичным для государства, и в мирное время разрываемого противоречиями. Все то, что в недавней «восточной» войне обернулось бунтами и революционной «репетицией», в мировой войне прорвалось настоящей революцией, прошедшей ряд этапов и развивавшейся по логике эскалации радикальности. Нараставшие трудности, рост усталости от войны, интриги союзников и внутривластные интриги привели к предательству верхов — вплоть до дворцовой и генеральской элиты — своего монарха в условиях войны, верхушечному заговору, вынудившему его к от-

речению. Падение монархии обусловило делегитимизацию всей системы власти в дестабилизированной воюющей стране, сорвало последние шлюзы перед стихией народного возмущения. С тех пор развитие событий по леворадикальному сценарию было практически предрешено.

Фронтальная повседневность воюющей армии была, с одной стороны, во многом отражением совокупности проблем, напрягавших и раздиравших всю страну, а с другой, — сама по себе имела следствием ожесточенность революционного насилия, переросшего в Гражданскую войну. Миллионы людей были вырваны из мирной жизни, брошены на войну, причем им так и не объяснили внятно и убедительно, за что собственно они должны были воевать. Миллионы были научены убивать, и это объявлялось доблестью. Их приучили также быть готовыми к собственной насильственной смерти, сначала на поле боя, а затем и вне его. Массовость армии, состоявшей в основном из крестьян, одетых в солдатские шинели, сделали массовой психологию комбатанта, одной из отличительных черт которого является привычка к чужой, а часто и равнодушие к собственной насильственной смерти. И эта психология переносилась сначала в тыл, а затем и последующую мирную жизнь. Повседневной реальностью стала невиданная ранее жестокость во вроде бы цивилизованных странах, попрание не только христианских, но элементарных моральных норм, «расщепление» ранее целостного сознания целых народов, в котором оказались разрушены или деформированы прежние ценности и нравственные ориентиры. Патологические для мирной жизни состояния социальной психологии стали если не нормой, то обыденностью. Человеческая жизнь уже ничего не стоила, и это познали «на собственной шкуре» сначала солдаты и офицеры в окопах, затем «образованные классы» и элита в тыловых городах, а затем и сам бывший государь с членами семьи в подвале Ипатьевского дома.

Не были извлечены многие уроки недавней Русско-японской войны, за что поплатились и власть, и народ, и целые классы и сословия, и рухнувшая в результате империя. Роковой ошибкой стало вступление в войну в ситуации недостаточной к ней готовности — материальной, организационной, кадровой, и т.д. Не случайно Россия очень быстро начала терпеть поражения. Одним из невыученных уроков снова стала плохая морально-психологическая подготовка к войне, недостаточная мотивировка войны, слабость военной пропаганды. Она, конечно, была, но оказалась явно

неубедительной и невнятной для подавляющего большинства населения страны. И вскоре появились случаи массовой сдачи в плен нижних чинов, ответом на это явились многочисленные «репрессивные» приказы, угрожавшие добровольно сдавшимся в плен и бегущим с поля боя различными карами вплоть до предания суду и расстрела (в Великую Отечественную этот опыт будет «развит», и все сдавшиеся в плен будут фактически рассматриваться как предатели, а без приказа покидающих поле боя будут уничтожать заградотряды).

Кадровая армия была в основном «выбита» еще в первый год войны. Происходили слом и перестройка психологии огромных солдатских масс — призывников из крестьян, мещан и других сословий. Вынужденные убивать, недавно гражданские люди не испытывали к врагу ненависти как постоянного чувства. Действовал своеобразный психологический защитный механизм: враг воспринимался безликим, а иначе солдатам, в большинстве своем православным, невозможно было убивать людей, которых власти почему-то определили врагами. Ненависть возникала лишь при личном опыте, а пропаганда была для ее возбуждения слишком слаба. Но к убийствам и возможности своей смерти быстро привыкали, люди физически и нравственно уставали, особенно от окопной войны. Быт перерастал в самостоятельную проблему выживания в условиях неизбежных вспышек педикулеза, угрожавших массовыми эпидемиями, в том числе сыпного тифа. Угроза эпидемий при гигантских миграциях людских масс и ухудшением санитарно-гигиенических условий была постоянной. Солдатская служба превращалась в тяжелую изматывающую рутинную работу, чувства притуплялись, моральные границы сдвигались, убийство врага и мысль о возможности собственной смерти становились привычными.

Конечно, у офицерского и рядового состава, как и у разных родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации, флота и др.) существовала своя специфика и в условиях боевой деятельности, и в деталях повседневного быта. У них была разная степень опасности, разный уровень ответственности, разные физические, интеллектуальные, моральные нагрузки. Но 3—4 года, проведенные в боевых условиях, превращали гражданских людей в комбатантов с особой психологией, трудно вписываемой в обычную мирную жизнь. И таких людей были миллионы, сначала воевавших с внешним врагом, а затем разделенных по разные «стороны баррикад» Гражданской войны.

Сословность армии, хотя и уменьшившаяся вследствие огромных потерь кадрового состава, сохранялась. Этот кастовый разрыв между офицерством и солдатской массой так и не был преодолен, и чем более элитарны были войска (особенно, флот), тем больше прорвется социальная ненависть «нижних чинов» к своим командирам в условиях революционного насилия, начиная с февральской революции.

Крушение моральных барьеров и разложение армии начались отнюдь не в 1917 году. «Самоснабжение» армии, а именно мародерство, насилие по отношению к местному населению, массовое пьянство при первой возможности, различные эксцессы и при наступлениях, и особенно при отступлении, — все это начиналось уже в начале войны, а через несколько лет, с накоплением усталости от войны, чувства безысходности, ненависти к врагу, а часто и к начальству, становилось скорее правилом, нежели исключением. Повседневность военного насилия по отношению к внешнему врагу позднее, в условиях революционной смуты, прорвется насилием внутренним, вплоть до ожесточенной Гражданской войны.

Великая Отечественная война как часть Второй мировой войны — и по силе своего сотрясающего удара по всем устоям жизни страны и государства, и по драматизму хода событий, и по трагичности последствий для народа — намного превзошла Первую мировую. Однако степень сплочения власти, армии и народа в СССР (при всех неудачах и громадных жертвах начала войны, при всей репрессивности режима, при существенных масштабах коллаборационизма и других негативных явлениях) оказалась на порядок выше, чем в рухнувшей Российской империи. В Красной Армии не было той социальной, сословной пропасти между рядовым и командным составом, как в царской. Не было и мировоззренческой, культурной пропасти. Зато было ясное понимание сути войны, понимание того, что власть, какой бы она ни была, все-таки социально «своя», а главное — именно она представляет организующее спасительное начало в невиданной ранее войне. В противостоянии с агрессором, несущим не только смерть и уничтожение на поле боя, но и порабощение, и уничтожение самих цивилизационных основ жизни народов России, да и самих этих народов. В отличие от Первой мировой, Великая Отечественная война получила мощное идеологическое оформление и обеспечение, а главное, это «оформление» опиралось на ясные реалии смертельной схватки с беспощадным врагом. Именно поэтому война приобрела действи-

тельно всенародный характер, а через армию прошла подавляющая часть взрослого дееспособного мужского населения. Именно поэтому, при всех неудачах и колоссальных территориальных, материальных и людских потерях начала войны, в самых тяжелых условиях сохранялся высокий боевой дух армии и всего народа.

Повседневность Великой Отечественной войны, при всем том общем, что объединяет любые массовые войны, выявила и нечто особенное. И одно из них — чрезвычайная степень ожесточенности, огромной ненависти к врагу, оккупировавшему значительную часть территории СССР и установившему жестокий оккупационный режим. Здесь кроются причины всплеска патриотических чувств народа, истоки массового самопожертвования и героизма советских людей на фронте и в тылу.

Фронтальная повседневность была гораздо более суровой, нежели в других российских войнах XX века. Огромны были людские потери. Кадровая армия пала на полях сражений уже в первые месяцы войны. Миллионы советских воинов в начале войны оказались в немецком плену. Были в начальный период войны ситуации, когда войска охватывала массовая паника, экстремальными средствами борьбы с которой и явились приказы Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. и Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. Ничего принципиально нового относительно опыта других войн в них не было: параллели прослеживаются и с Первой мировой войной. Жесткость приказов была очевидной, особенно пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей присяги будут подвергнуты аресту, оказавший мощное давление на сознание отступающей армии. И приказы дали свой эффект. Но, безусловно, значительно большую роль в переломе настроений отступающей армии сыграла постоянно поступавшая информация о зверствах фашистских оккупантов, осознание необходимости победы над беспощадным врагом, альтернативой которой могли быть только порабощение и уничтожение страны и населяющих ее народов.

Нужно отметить не только принципиально более качественно поставленную идеологическую и пропагандистскую работу в войсках, нежели в Первой мировой войне (но в целом, с середины 1942 г.), и гораздо лучшую организацию снабжения продовольствием, обмундированием, обеспечения санитарно-гигиенических условий. Принимались специальные меры по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии, и эпидемий

удалось избежать. Все это существенно влияло на боеспособность. Высокий моральный дух войск помогал выдерживать нечеловеческие психические нагрузки, тем более что пребывание в зоне боевых действий превышало все допустимые психо-физиологические нормы (около 60 дней), тогда неизвестные: отпусков на фронте почти не давали. Отсроченные болезненные реакции у многих фронтовиков дали о себе знать уже после войны. Властью был учтен опыт Первой мировой и в вопросе употребления алкоголя: вместо сухого закона в действующей армии на передовой разрешалась ежедневная норма 100 г., помогавшая снимать боевой стресс, а в холодное время года и согревать организм, служившая универсальным антисептиком и противошоковым средством.

Защитные реакции человеческой психики проявлялись всплеском религиозности в официально атеистическом обществе, проявлявшейся нередко в виде разного рода суеверий и примет, фаталистических установках.

Укрепление статуса офицерского состава способствовало повышению авторитета командиров, но не восстановило «кастовость». Советские офицеры Великой Отечественной в своей массе разделяли с солдатами основные опасности и превратности фронтовой жизни.

Афганская война была локальной войной позднего СССР на территории соседнего азиатского государства с традиционной исламской культурой. Втягивание в нее СССР было обусловлено, с одной стороны, идеологическими (поддержка революционных сил, оказавшихся у власти в результате свержения монархического правительства и объявивших о желании «строить социализм»), с другой — геополитическими причинами (проведение западными спецслужбами операций, угрожавших приходом к власти проамериканского режима, и опасность появления на южной среднеазиатской границе государства, контролируемого Соединенными Штатами Америки, с угрозой размещения там американских баз и ядерного оружия). В 1998 году в интервью французскому журналу «Нувель Обсерватер» Збигнев Бжезинский признался: «На самом деле президент Картер подписал первую директиву о тайной помощи противникам просоветского режима в Кабуле 3 июля 1979 года [*то есть за полгода до ввода советских войск в Афганистан — Авт.*]. И в тот же день я написал докладную записку для президента, в которой я ему объяснил, что, по моему мнению, эта помощь повлечет за собой советское военное вмешательство... Эта секретная

операция была отличной идеей. Ее целью было заманить русских в афганскую ловушку... В тот день, когда Советы официально перешли границу, я написал президенту Картеру: “У нас теперь есть возможность дать СССР свою вьетнамскую войну”»². Западные оппоненты по «холодной войне» выжали максимум политических и иных выгод из этой ситуации, спровоцировав втягивание СССР в долгий, изнурительный военный конфликт, подорвавший престиж Советского государства на международной арене, поссоривший его с мусульманским миром, разорвавший его экономически.

Официальная мотивация участия Советской армии в афганских событиях была сугубо идеологической — действие «ограниченного контингента» с целью выполнения «интернационального долга». Внутри страны ни ее руководители, ни средства массовой информации не говорили о ведении войны. Между тем эта локальная война оказалась самой длительной в российской истории XX века, в тяжелых для европейцев природно-климатических условиях, с противником, который вел в основном партизанские действия. Очень большие потери были из-за болезней (желтуха, брюшной тиф и др.), несмотря на тщательное соблюдение гигиенических норм.

Отсутствие линии фронта, четких границ между «мирным» населением и душманами, создавало особую психологическую атмосферу постоянно висящей опасности, ожидания удара, который будет нанесен неизвестно с какой стороны. В том числе и со стороны союзников, которые, как правило, имели родственников в стане врага или могли запросто продать секреты военных операций противнику. Средневековые традиции, принципиальная разность культур ставили под вопрос целесообразность вмешательства во внутренние дела этой страны, где в мотивации поведения доминировали не идеи, а меркантильный интерес, из-за которого афганцы могли с легкостью «переходить с одной стороны конфликта на другую». Подавляющее большинство афганцев совершенно не интересовала революция, они жили в «другом измерении», руководствовались совершенно другими понятиями. Кроме того, в тотально религиозном афганском обществе советские солдаты воспринимались не только чужеземцами, но и врагами ислама. Не случайно среди «ограниченного контингента» произошла вспышка религиозности — как реакция на объявленную им «священную войну» — джихад. Постепенно приходило разочарование собственной миссией, которая, как казалось многим, была никому не нужна.

Повседневная жизнь военнослужащих различалась в пунктах постоянной дислокации, на заставах и блокпостах, в конкретных местах разнообразного по природным условиям Афганистана. Питание для проходящих солдатскую службу было достаточным, но однообразным; отдых и развлечения — вполне традиционными. Бытовые условия ОКСВА постепенно улучшались, в отличие от морально-психологического состояния личного состава. Когда в СССР произошла идеологическая дезориентация и война была объявлена политической ошибкой, это не могло не сказаться на психологическом настрое тысяч людей, честно выполнивших свой долг и возвращавшихся в распадающийся Союз — под косые взгляды обывателей и чиновников, под потоки клеветы и грязи со страниц «перестроечных» СМИ. То, как встретили их дома, вызывало недоумение и обиду: «Мы за тебя кровь проливали, Родина... За что же ты с нами, как с пасынками?»³. Вспоминая день вывода советских войск из Афганистана, Н. Стародымов писал: «Тот далекий день 15 февраля 1989 года был последним, когда все мы, войны единой державы, стояли в едином строю. Уже на следующий день ветераны войны, которую сегодня называют детонатором развала СССР, разъехались по городам и весям страны, оказавшись по разные стороны нарождающихся границ — географических, политических, моральных... Начинаясь другая страница истории. Но мы тогда об этом еще не знали»⁴.

* * *

Четыре такие разные войны, в которых участвовали несколько поколений наших соотечественников... Казалось бы, они (кроме Афганской) уже изучены «вдоль и поперек». Но «измерение» фронтовой повседневности дает историкам новое знание объективно-субъективной реальности, увиденной глазами человека, непосредственно соприкасающегося с врагом, пережитой им и воспроизведенной в синхронных и ретроспективных источниках. Особенно выпукло предстает это новое знание в сравнительном ракурсе повседневности нескольких войн, таких разных и в чем-то важном весьма близких — в бытие на грани жизни и смерти, где выявляются все человеческие качества. Неожиданно очень многое дает знание фронтовой повседневности и для понимания того состояния, в котором находилась страна, общество, государство, которые вели конкретную войну, и для последствий этой войны для всего общества, его послевоенной жизни. Наконец, очень важно —

проникнуть во внутренний мир нескольких поколений наших соотечественников, защищавших свою страну и с оружием в руках отстаивавших ее интересы, рискуя своей жизнью.

Примечания

- ¹ Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 230.
- ² inoСМИ.Ru со ссылкой на французский журнал «Le Nouvel Observateur», № 1732, от 15—21 января 1998 г., стр. 76. См.: Анти-российская стратегия Збигнева Бжезинского // URL: <http://www.inosmi.ru/world/20050727/221209.html>
- ³ Из видеointервью с С.Н.Токаревым. 16.11.2011 г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- ⁴ *Стародымов Н.* Боевой дневник Афганской войны. М., 2009. С. 376.

Приложение

Вопросы для интервью с участниками вооруженных конфликтов XX века

1. Если считаете возможным, укажите свои биографические данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения).
2. Участником какой войны вы являетесь?
3. Кем вы были до войны? (Укажите профессию.)
4. В каком возрасте вы попали на войну? Каким образом (по призыву, добровольно, другим путем, каким именно)?
5. Где и как застало вас известие о войне? Какие чувства вызвало?
6. Сколько времени вы воевали? В каких войсках (формированиях)? В каком звании? В какой должности?
7. В какого рода операциях участвовали? Боевые задания какого характера вам приходилось выполнять?
8. Ваше отношение к войне на разных ее этапах: С какими чувствами шли на войну? С какими возвращались? Была ли всера в победу, в правоту своего дела? Как влияли на настроение людей победы и поражения?
9. Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке? (Страх? Преодоление страха? Лихорадочное возбуждение? Что-то другое? Что именно?)
10. Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными? Что было самым страшным для вас на войне? Что запомнилось больше всего?
11. Ваше отношение к врагу: каким его видели, воспринимали? Образ врага, противника, неприятеля — смысловой оттенок слов: что более подходит? Какое значение в этой связи имели идеологические мотивы?
12. Участвовали ли вы в разведке, во взятии «языков» и других операциях, связанных с проникновением в тыл врага?
13. Первый пленный, которого вы увидели. Ваши чувства, впечатления. Отношение к пленным вообще.
14. Что вы думаете о своих, попавших в плен к неприятелю? При каких обстоятельствах это происходило?

15. Ваше мнение о союзниках, если они были.
16. Отношения с местным населением.
17. Боевая техника (оружие) — свое и противника: на равных шла борьба или нет? Особенности партизанской войны. Система взаимоотношений «человек и техника»; чем было для вас личное оружие?
18. Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?
19. Роль боевого товарищества, взаимовыручки. Взаимоотношения старших и младших. Потери друзей.
20. Взаимоотношения солдат и офицеров (рядовых и командиров).
21. Знакомы ли вам понятия «тыловая крыса», «штабная крыса», «окопная братва»? Есть ли современные аналоги?
22. Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Были ли аналоги «наркомовским 100 граммам», офицерским доп-пайкам и т.п.?
23. Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.
24. Были ли вы суеверны? В какие приметы верили? Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии? Если да, то каким образом?
25. Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?
26. Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?
27. Имеете ли вы награды? Какие и за какие заслуги?
28. Женщины на войне. Как относились вы и ваши товарищи к присутствию женщин в армии, если они там были?
29. Какие письма вы писали домой с войны? Какие письма получали из дома?
30. Как вас встречали на Родине после войны? Какое было отношение к ветеранам? Какое отношение к ним сейчас?
31. Что такое война — для вас? Знакомо ли вам чувство «фронт-вой ностальгии»? Мучают ли вас воспоминания, военные сны?
32. Как вы относитесь ко всему этому теперь, спустя столько лет? Как шел процесс переосмысления, переоценки прошлого?
33. Ваше отношение к тем, кто вас туда послал, — тогда и теперь.
34. Как повлияло участие в войне на вашу дальнейшую жизнь?

Материалы глубокого интервью с участниками Великой Отечественной и Афганской войн из личного архива Е.С. Сенявской

Сведения о респондентах

Участники Великой Отечественной войны

Виноградов Владимир Алексеевич

Родился 2 июля 1921 г. в г.Казани. В Красной армии с 1939 г. Участник освобождения Бессарабии в июне 1940 г. До ноября 1940 г. служил в роте ПВО, затем в пулеметной бригаде. Великую Отечественную войну встретил на западной границе, под г.Ровно, в звании заместителя политрука, в должности комсорга полка. Участвовал в боях с 22 июня по 30 июля 1941 г. При обороне г. Малина на дальних подступах к Киеву получил тяжелое ранение. Долго лечился в госпиталях. В конце ноября был признан инвалидом войны II группы и демобилизован. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Киева» и др.

Интервью состоялось 26 февраля и 7 марта 2001 г.

Златкин Даниэль Федорович

Родился 29 октября 1912 г. в г. Николаеве. На фронте с 3 июля 1941 г. по май 1945 г. Воевал на Западном, Карельском, 2-м Белорусском фронтах. В начале войны вступил в Московское ополчение. Прошел войну в званиях от младшего сержанта до старшего лейтенанта. Был пулеметчиком, сапером, работал в разведотделе штаба 19-й армии. Был ранен. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья» и др. Скончался 19 февраля 2001 г. в г. Москве.

Интервью состоялось 16 июня 1997 г.

Пушкарев Лев Никитич

Родился 12 мая 1918 г. в селе Лобаново Ефремоского района Тульской обл. На фронте с 15 октября 1941 г. по май 1945 г. Участник обороны Москвы. Первый бой принял в составе 3-й Коммунистической дивизии. Воевал на Калининском и 2-м Белорусском фронтах. Участвовал в освобождении Белоруссии, Польши. Закончил войну в Восточной Пруссии. Служил в пехоте и химических войсках. Свой боевой путь прошел в званиях от рядового до старшего сержанта, в должностях стрелка-пехотинца, связного командира батальона, водителя машины, химлаборанта, комсорга батальона. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и др.

Первое интервью состоялось 4 июня 1997 г.

Повторное интервью было записано на видео 5 октября 2011 г.

Сенявский Спартак Леонидович

Родился 12 августа 1923 г. в г.Ульяновске. На фронте с августа 1943 по февраль 1945 г. Воевал в бронетанковых частях. Первый бой принял на Курской дуге в ав-

густе 1943 г. на Воронежском фронте. Затем воевал на Карельском и Втором Белорусском фронтах, в звании младшего лейтенанта, в должностях командира танка и командира разведвзвода. Был ранен, контужен. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Заполярья» и др. Скончался 24 августа 1986 г. в г. Москве.

Запись воспоминаний велась в 1985—1986 гг.

Шарапов Юрий Павлович

Родился 2 августа 1920 года в г. Ташкенте. Участник боев на Карельском фронте с 5 декабря 1941 г. по сентябрь 1944 г. Прошел войну в званиях от рядового до старшины. Был пулеметчиком, командиром группы прикрытия в дивизионной разведке, командиром расчета противотанковых ружей, политруком роты, комсоргом батальона, корреспондентом дивизионной и армейской газет. Контужен. Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны I степени, медалями. Скончался 3 марта 2005 г. в г. Москве.

Интервью состоялось 7 мая 1995 г.

Участники Афганской войны

Авдеев Игорь Николаевич, майор¹

1962 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с сентября 1984 по сентябрь 1986 г. в воздушно-десантных войсках, в звании лейтенанта и старшего лейтенанта, в должности заместителя командира роты. Участвовал в боевых операциях. Награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Интервью состоялось 23 ноября 1993 г.

Баженов Валерий Дмитриевич, подполковник

1956 года рождения. Служил в Афганистане (Пули-Хумри) с 1980 по 1982 г. в автомобильных войсках, в звании лейтенанта и старшего лейтенанта, в должности секретаря комитета ВЛКСМ автомобильного батальона. Участвовал в боевых операциях. Был ранен. Скончался в 1998 г.

Интервью состоялось 4 декабря 1993 г.

Букварев Сергей Михайлович, полковник

1951 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кундуз) с декабря 1981 по май 1983 г. в артиллерии, в звании капитана и майора, в должности командира реактивного артиллерийского дивизиона. Участвовал в боевых операциях. Награжден орденом Красной Звезды.

Интервью состоялось 24 ноября 1993 г.

Ванин Иван Федорович, полковник

1951 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с ноября 1984 по декабрь 1985 гг. в мотострелковых войсках, в звании подполковника, в должности заместителя командира полка по политчасти. Участвовал в боевых операциях. Дважды контужен.

Интервью состоялось 24 ноября 1993 г.

¹ Воинские звания приводятся на момент проведения интервью.

1966 года рождения. Служил в Афганистане (г. Гардез) в 1984—1986 гг. в воздушно-десантной бригаде, в звании младшего сержанта. Участвовал в боевых операциях. Был контужен.

Интервью состоялось 25 октября 1993 г.

Литвиненко Владимир Аркадьевич, подполковник

1958 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) в 1988—1989 гг. в воздушно-десантных войсках, в звании старшего лейтенанта, в должности командира взвода. Участвовал в боевых операциях. Награжден орденом Красной Звезды.

Первое интервью состоялось 18 февраля 2004 г.

12 октября 2011 г. дал повторное интервью, будучи уже полковником запаса.

Попов Павел Алексеевич, майор

1960 года рождения. Служил в Афганистане (г. Баграм) с июля 1986 по февраль 1989 г. в горнострелковой части, в звании старшего лейтенанта и капитана, в должности командира роты. Участвовал в боевых операциях. Ранен. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

Интервью состоялось 4 декабря 1993 г.

Сдвижков Олег Владимирович

1964 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с апреля по декабрь 1983 г. в составе отдельного автомобильного батальона, во взводе связи, в звании рядового.

Интервью состоялось 19 октября 2011 г.

Сокирко Виктор Анатольевич, майор

1963 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) с декабря 1987 по февраль 1989 г. в воздушно-десантных войсках в звании старшего лейтенанта, в должности ответственного секретаря дивизионной газеты. Участвовал в боевых операциях. Контужен. Награжден орденом Красной Звезды.

Интервью состоялось 1 ноября 1993 г.

26 октября 2011 г. дал повторное интервью, будучи уже подполковником запаса.

Токарев Сергей Николаевич, майор

1960 года рождения. Служил в Афганистане (г. Шинданд) с 1982 по 1984 г. в мотострелковых войсках, в звании лейтенанта и старшего лейтенанта, в должности заместителя командира разведывательно-десантной роты по политчасти. Участвовал в боевых операциях. Ранен. Награжден орденом Красной Звезды.

Интервью состоялось 25 ноября 1993 г.

16 ноября 2011 г. дал повторное интервью, будучи уже полковником запаса.

Фигуркин Станислав Викторович, прапорщик

1962 года рождения. Служил в Афганистане (г. Кабул) в 1981—1982 гг. в воздушно-десантных войсках, в звании рядового и младшего сержанта, в должности заместителя командира взвода. Участвовал в боевых операциях.

Интервью состоялось 4 декабря 1993 г.

Список архивных и музейных фондов

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд 652. Владимир Александрович, сын Императора Александра II, Главнокомандующий войсками гвардии Петербургского военного округа, член Государственного совета и Комитета министров, генерал от инфантерии, Президент Академии художеств. 1847—1909

Фонд 1486. Шавельский Георгий Иванович, Протопресвитер военного и морского духовенства (с 1911 г.), протопресвитер Добровольческой армии (1918—1920 гг.), доцент богословского факультета Софийского университета (с 1924 г.). 1871—1951

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 806. Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства Синода.

Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА)

Фонд 499. Главное интендантское управление. 1848—1918 гг.

Фонд 846. Военно-ученый архив (коллекция). 1552—1918 гг.

Фонд 2019. Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, 1914—1915 гг.

Центральный Архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

Фонд 372. Политодел 19-й Армии Карельского фронта, 1942—1945.

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

Фонд 418. Московский Императорский Университет

Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦМАМЛС)

Фонд 69. Михаил Михайлович Исаев (1880—1950).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Центр Документации «Народный Архив» (ЦДНА)

Фонд 118. Сынгаевские-Жиглинские. Семейная переписка 1896—1918 гг.

Фонд 196. Письма, адресованные Е.И.Огневой, 1914—1918 гг.

*Центральный Музей Вооруженных Сил Российской Федерации
(ЦМ ВС РФ). Документальный фонд.*

Фонд лейтенанта А.У.Набоки. Письма с фронта. 1944 г.

Фонд сержанта Д.Е.Власенко. Письма с фронта, документы. 1945 г.

Белорусский Государственный Музей Истории Великой Отечественной войны (БГМИ ВОВ)

Инв. 36792. Дневник летчицы Г.И.Докутович, 1943 г.

Музей боевой славы Исторического факультета Московского Государственного Университета им. М.В.Ломоносова (МБС ИФ МГУ)

Личный фонд Ю.И.Каминского. Письма с фронта, 1942 г.

Лекха Вильевна Жукова **17.07.1963 — 25.03.2017**

Когда эта книга в издательстве была уже сверстана, пришло печальное известие.

25 марта 2017 г. неожиданно и скоропостижно скончалась наша коллега, соавтор и друг Лекха Вильевна Жукова.

Лекха Вильевна родилась 17 июля 1963 г. в г.Свердловск (ныне Екатеринбург). В 1980 г. окончила среднюю школу № 5 в г. Обнинск Калужской области. С 1980 по 1989 гг. работала на должностях младшего научного персонала во Всесоюзном научно-исследовательском институте МВД СССР, Государственном музее искусства народов Востока, издательстве «Недра», Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, Институте Востоковедения АН СССР и Институте Дальнего Востока АН СССР.

Поставив перед собой цель получить историческое образование и впоследствии работать в сфере изучения истории и культуры

Японии, в 1983 г. она поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, после окончания которого в 1989 г. на протяжении 28 лет трудилась в стенах родной «alma mater», пройдя путь от старшего лаборанта до доцента. В 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904—1905 гг.». В 2013 г. ей было присвоено ученое звание доцент по кафедре истории России XIX — начала XX века.

Лекха Вильевна много и плодотворно трудилась на научном и педагогическом поприще, опубликовала около 100 научных работ, учебных и методических пособий, регулярно выступала с докладами на научных конференциях и симпозиумах. Была блестящим лектором и чутким педагогом, которого любили студенты. В исторической науке она последовательно занималась исследованиями в русле нового междисциплинарного направления — военно-исторической антропологии, активно популяризировала ее достижения в своей преподавательской деятельности, привлекая внимание к военно-антропологической проблематике не только коллег-историков, но и студенческой молодежи.

Жизнерадостная, обаятельная, с потрясающим чувством юмора, Лекха Вильевна была очень светлым человеком. Приветливая и отзывчивая, всегда готовая помочь и поддержать в трудную минуту. Удивительно талантливая, с великолепным научным потенциалом и большими творческими планами, она всю себя посвящала работе — книгам, статьям, учебным курсам, и, конечно, своим ученикам, студентам и аспирантам. Работала буквально на износ. Старалась сделать как можно больше, словно чувствовала, что уйдет слишком рано...

Трудно поверить, что ее больше нет с нами. Еще труднее смириться с этой невосполнимой утратой.

Светлая память!

Научное издание

**Сенявская Елена Спартаковна,
Сенявский Александр Спартакович,
Жукова Лекха Вильевна**

Человек и фронтовая повседневность
в войнах России XX века.
Очерки по военной антропологии

Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано к печати 6.04.17 Формат 60×90/16. Заказ № 493.
Тираж 500 экз. 26,5 п.л. 28,4 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики, истории, социологии
и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию
ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812)640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495)915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

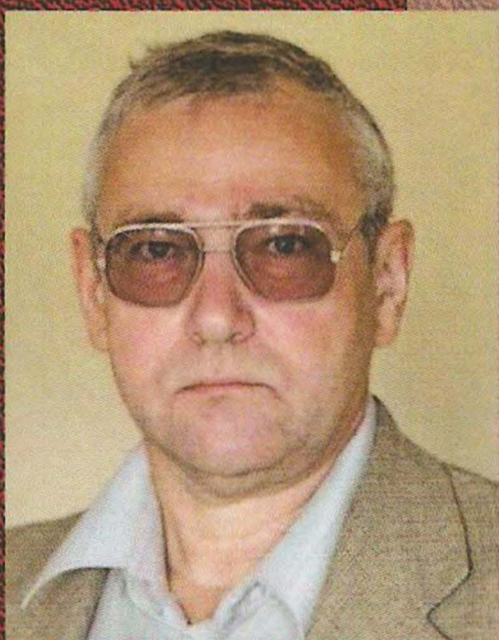
Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века

Сенявская Елена Спартаковна –
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
лауреат Государственной премии
Российской Федерации
в области науки и техники,
действительный член Академии военных
наук, член Союза писателей России

Сенявский Александр Спартакович –
доктор исторических наук, главный
научный сотрудник Института российской
истории РАН

Жукова Лекха Вильевна –
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
XIX – начала XX века
Исторического факультета
Московского государственного
университета им. М.В.Ломоносова

9 785805 503185